

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
УЧЕНЫХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ

ПО РОССІИ,

ИЗДАВАЕМОЕ ИМПЕРАТОРСКОЮ
АКАДЕМІЕЮ НАУКЪ,

ПО ПРЕДЛОЖЕНІЮ ЕЯ ПРЕЗИДЕНТА.

СЪ ПРИМЪЧАНІЯМИ, ИЗЪЯСНЕНІЯМИ, И
ДОПОЛНЕНІЯМИ.

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

ОПИСАНІЕ КАМЧАТКИ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
при ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ
1819.

О П И С А Н І Е

З Е М Л И

К А М Ч А Т К И,

с о ч и н е н н о е

СТЕПАНОМЪ КРАШЕНИННИКОВЫМЪ,

АКАДЕМІИ НАУКЪ ПРОФЕССОРОМЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ И ЧЕТВЕРТАЯ.

Сканирование и обработка

Bewerr

У В Ъ Д О М Л Е Н І Е.

Симъ впорымъ помомъ оканчивается Крашенинникова Описание Камчатки ; въ дополнителномъ помѣ сообщены будутъ въ свое время новѣйшія извѣстія, касающіяся до тамошняго края , которыя Академія надѣется получить отъ своихъ Корреспондентовъ въ продолженіи изданія путешествій. Аплакъ къ сему полному собранію ученыхъ путешествій по Россіи будетъ издаваться по тетрадямъ , по мѣрѣ выходящихъ помовъ. Нынѣ вмѣстѣ съ симъ помомъ издается онаго первая тетрадь , содержащая въ себѣ одну карту , два плана и девять изображеній.

Часть Четвертая.

О покореніи Камчатки, о бывшихъ въ разныя времена бунтахъ и измѣнахъ, и о нынѣшнемъ состояніи Россійскихъ остроговъ.

Стран.

- Глава I. О первомъ извѣстіи про Камчатку, о походахъ Камчатскихъ и о заведеніи въ той странѣ Россійскаго поселенія - - - 325.
- II. О бунтѣ Камчатскихъ козаковъ, о убійствѣ трехъ прикащиковъ, о бывшемъ по тому дѣлу слѣдствіи, и объ отправленіи служивыхъ для провѣдыванія острововъ и Японскаго Государства, для заслуженія винъ своихъ - - - 340.
- III. О прикащикахъ бывшихъ послѣ Василья Колесова до главнаго Камчатскаго бунта, что при которомъ достойнаго примѣчанія сдѣлалось; о приключеніяхъ при вывозѣ ясачной казны съ Камчатки, и о провѣданіи пути изъ Охотска на Камчатку чрезъ Пенжинское море - - - 359.
- IV. О измѣнѣ Камчадаловъ, о сожженіи Нижняго Камчатскаго острога, о покореніи ихъ, и о бывшемъ по тому дѣлу слѣдствіи и розыскѣ - - - 375.

Х О Г Л А В Л Е Н І Е

	Стран,
Глава V, О нынѣшнемъ состояніи Камчатскихъ остроговъ, о ихъ преимуществѣ и недостаткахъ въ сравненіи между собою - -	391.
VI. О житіи тамошнихъ козаковъ, о изобрѣшеніи правянаго и ягоднаго вина, о куреніи, о прежней винной продажѣ, и о доходахъ козачьихъ - - -	402.
VII. О подчиненныхъ каждому Россійскому острогу Камчатскихъ и Коряцкихъ острожкахъ, о посылаемыхъ къ нимъ сборщикахъ, и о другихъ казенныхъ Камчатскихъ доходахъ - -	410.
VIII. О купечесствѣ - - -	422.
IX, О разныхъ дорогахъ, которыми изъ Якутска на Камчатку ѣздять - - - - -	431.
Прибавленіе	467.

Продолженія описанія Камчатки.

Часть Третья.

О Камчатскихъ народахъ.

	Стран.
Глава I. О Камчатскихъ народахъ вообще	1.
II. О произхожденіи названія Камча- далъ и Камчатскаго народа по однимъ токмо догадкамъ - -	15.
III. О прежнемъ состояніи Камчат- скаго народа - - - - -	22.
IV. О Камчатскихъ острожкахъ -	37.
V. О домовою посудѣ и о другихъ нуж- ныхъ въ житіи потребностяхъ -	45.
VI. О мужской и женской работѣ -	55.
VII. О Камчатскомъ платьѣ - -	61.
VIII. О пищѣ и питіи Камчатскаго народа, и о приготовленіи оныхъ	70.
IX. О ѣздѣ на собакахъ, и разныхъ къ оной принадлежащихъ при- борахъ - - - - -	77.
X. О военномъ Камчатскомъ ополче- ніи - - - - -	88.
XI. О Богѣ, о сотвореніи земли и о догматахъ Камчатской вѣры -	100.
XII. О шаманахъ Камчатскихъ -	114.
XIII. О праздникахъ и наблюдаемыхъ при томъ обрядахъ - - -	118.
XIV. О играхъ и забавахъ Камчат- скихъ - - - - -	147.

	Стран.
Глава XV. О сведеніи дружбы и о частномъ подчиваніи гостей - - -	159.
XVI. О сватаньѣ и свадьбахъ - -	164.
XVII. О рожденіи и воспитаніи дѣ- тей - - - - -	171.
XVIII. О болѣзняхъ и лѣкарствахъ	177.
XIX. О погребеніи умершихъ - -	184.
XX. О различныхъ нарѣчіяхъ Кам- чатскаго народа - - -	187.
XXI. О Коряцкомъ народѣ - -	195.
Собраніе словъ различныхъ Ко- ряцкихъ нарѣчій - - -	229.
Прибавленіе къ предыдущей гла- вѣ - - - - -	244.
XXII. О Курильскомъ народѣ - -	257.
Собраніе словъ Курильскаго языка - - - - -	267.
XXIII. О Сѣверозападныхъ Американ- цахъ и о жителяхъ острововъ, лежащихъ между Сѣверово- сточною Азією и Сѣверозапад- ною Америкою - - - -	273.
Прибавленіе къ предыдущей главѣ: О Алеутахъ - - -	281.
О народахъ обитающихъ сѣвер- нѣе Аляксы и въ Нортоновой губѣ - - - - -	296.
О Конягахъ - - - - -	299.
О Чугачахъ и Кенайцахъ - -	315.
О Колюжахъ и Угалахмюсахъ -	318.

ОПИСАНІЕ КАМЧАТКИ.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

О КАМЧАТСКИХЪ НАРОДАХЪ

ГЛАВА I.

О Камчатскихъ народахъ вообще.

Камчатка, сколь дикое мѣсто по своему состоянію, столь и дикими народами обитаема. Иные изъ нихъ живутъ какъ Лопари, переходя съ мѣста на мѣсто съ оленьими табунами своими; другіе по рѣкамъ въ Восточное и Пенжинское море текущимъ, не перемѣняя жилищъ своихъ, и имѣя отъ ловли рыбной или морскихъ звѣрей пропитаніе; а иные по островамъ лежащимъ около Курильской лопатки, питаются морскими звѣрями, рыбою и всякими извергаемыми изъ моря, и распущими около береговъ вещами, какъ на примѣръ рѣпою морскою, капустою, раками и прочая. Первые живутъ въ юртахъ изъ оленьихъ кожъ,

а прочіе вѣ землянкахъ. Всѣ вообще житіемъ гнусны, нравами грубы, язычники не знающіе Бога, и не имѣющіе никакихъ письменъ (1).

Природныхъ тамошнихъ жителей счисляется три народа, Камчадалы, Коряки, и Курилы. Камчадалы живутъ вѣ южной части Камчатскаго мыса, отъ устья рѣки Уки до Курильской лопатки, и на первомъ Курильскомъ островѣ, называемомъ Шоумшчу. Коряки вѣ сѣверныхъ мѣстахъ, вкругъ Пенжинскаго моря до рѣки Нукчана, и вкругъ Восточнаго Океана почти до Анадыря; а Курилы на второмъ Курильскомъ островѣ

(1) Камчадалы уже съ давняго времени обращены вѣ Христіанскую вѣру, и теперъ не осталось между ними ни малѣйшихъ слѣдовъ язычества, и ихъ прежнихъ обычаевъ, кромѣ одной только пляски. Они нынѣ почти совершенно обрусѣли; не оставляя своего языка, говорятъ всѣ по Руски, Сибирскимъ нарѣчіемъ, только просяжно. Впрочемъ столь же лѣнны и не опрятны какъ и прежде; весьма гостепріимны, тихи, раболѣпны, до крайности лукавы, пристрастны къ водкѣ и нюхательному табаку, очень слабы, и когда пьяны, говорливы. Воровство очень рѣдко между ими случается, а тѣмъ рѣже еще смерпоубійство. вмѣсто землянокъ строятъ нынѣ Рускія избы, лѣпомъ же живутъ, по прежнему, вѣ балаганахъ. В.

и на другихъ до Японскаго владѣнія. И такъ Камчадалы съ южной стороны имѣютъ въ сосѣдствѣ Куриловъ, а съ сѣверной Коряковъ. Коряки смежны съ Чукчами, Юкагирами и Ламутками, а Курилы съ Камчадалами и Японцами.

Камчадаловъ, по разности языка, можно раздѣлить на два народа, на сѣверной и южной. Сѣверный народъ, который имѣетъ свои жилища по рѣкѣ Камчаткѣ съ вершины до устья, и по бѣрегу Восточнаго Океана отъ устья Уки рѣки на югъ до устья Налачевой, за столповой по справедливости почестся можетъ, ибо оный и поступками въ разсужденіи другихъ лучше, и нравами не столь суровъ, и въ языкѣ ни гдѣ почти никакой не имѣетъ опмѣны. Напрошивъ того у прочихъ въ каждомъ оспрогѣ осливое нарѣчіе примѣчается. Южной народъ по Восточному мѣрю отъ Налачевой до Курильской лопатки, а по Пенжинскому отъ Лопатки на сѣверъ до рѣки Харіузовой имѣетъ свои жилища.

Коряки раздѣляются просто на два же народа, на Оленныхъ, и сидячихъ. Оленные съ табунами своими съ мѣста на мѣсто кочуютъ, а сидячіе живутъ при рѣкахъ, какъ Камчадалы. Въ языкѣ имѣютъ такую разность, что Оленные сидячихъ едва раз-

умѣть могутъ, а особливо тѣхъ, кои смежны съ Камчадалами, и многія слова ихъ въ своемъ языкѣ употребляютъ.

Такимъ же образомъ раздѣляютъ нѣкоторыя и Курильцовъ, на дальнихъ и ближнихъ. Подъ именемъ дальнихъ разумѣются Курильцы на дальнихъ и на второмъ Курильскомъ островѣ живущіе, пошому что они выѣжжіе съ другихъ острововъ; а подъ именемъ ближнихъ жили перваго Курильскаго острова и Курильской лопатки. Но сіе раздѣленіе несправедливо. Ибо хотя объявленные перваго острова и Курильской лопатки жили въ языкѣ своемъ, въ обрядахъ и въ тѣлесномъ видѣ нѣсколько отъ Камчадаловъ и различуютъ, однако заподлинно извѣстно, что они происходятъ отъ Камчадаловъ, копорыхъ я называю южными; а помянутая разность происходитъ отъ сосѣдства, обхожденія и взаимнаго супружества съ настоящими Курилами.

Камчадалы, какъ сѣверные, такъ и южные называютъ себя *Ительмень*, жительство, а въ женскомъ родѣ *Ительма*, которое названіе происходитъ отъ глагола, *Ителлахса* живу, какъ нишетъ господинъ Спеллеръ. *Кима ителлахса*, значитъ, я живу, а *Месъ* человека; *ма ителлахсанъ*, гдѣ онъ живетъ? Корни сихъ словъ, по егожъ об-

явленію , оспались вѣ языкѣ Камчадаловѣ , копорые живутѣ между рѣками Немшикомѣ и Морошечною . Всемилостивѣйшую Государыню , называютьѣ они , *Коатъ Аеремѣ* , то есть Государь сіяющій какѣ солнце , безѣ различія пола , ибо солнце на ихѣ языкѣ *Коатъ* , а Государь *Аеремѣ* . Россіянѣ вообще именуютѣ , *Брыхтатынѣ* , огненные люди , по причинѣ огнестрѣльнаго оружія , копорого они не видая прежде , и не имѣя о стрѣльбѣ изѣ него понятія , думали , что огонь не изѣ ружья выходитѣ , но что Россіяне огненное имѣютьѣ дыханіе . Коряки на ихѣ языкѣ *Таулюганѣ* , Курильцы *Кушинѣ* и *Кужинѣ* .

Камчадалы между прочимѣ имѣютьѣ такое смѣшное обыкновеніе , что всякую вещь своимѣ языкомѣ назвать стараются , смотря на сходство ея имени , на дѣйствія и на другія обстоятельство ; буде же понятіе какой вещи имѣ трудно , и сходства имени скоро не сыщутѣ , то и чужестранное имя принимаютѣ , но такѣ его испорятѣ , что почти не будетѣ имѣть сѣ сущимѣ именемѣ и подобія . Такимѣ образомѣ священникѣ у нихѣ называется *Богбогѣ* , безѣ сумнѣнія для того , что часто Бога упоминаетѣ ; Докторѣ *Дуктонасѣ* , Студентѣ *Сокейнахтѣ* , студеной , хлѣбѣ *Брых-*

татынъ аугъ, Россійская сарана; дьячокъ *Ки аангытъ*, морской оспрохвостъ ушка, копорая, по ихъ мнѣнію, также какъ дьячекъ поетъ; колоколъ *Кукъ*, желѣзо *Оату*, кузнецъ *Оазакиса*, матрозъ *Утѣвсшинитакъ*, на верхъ лазящій, конопачикъ *Калупасанъ*, чай *Сокосохъ*, чайка; Подполковникъ, копорой будучи при слѣдствіи многихъ вѣшалъ, *Итахзашахъ*, вѣшатель.

Оленные Коряки сами себя называютъ *Тумугуту*, Россіянъ *Мельгытангы*, какъ уже выше объявлено, Камчадаловъ *Хонтала*, а о Курильцахъ не знаютъ. Сидячіе себя называютъ *Чауту*, Россіянъ также какъ Оленные *Мельгытангы*; Камчадаловъ *Нымылага*, а Курильцовъ *Куинала*.

Курильцы себя называютъ *Уйвѣтѣ-Ееке* (1), Курильцовъ неясашныхъ, кои на дальныхъ островахъ живутъ, *Яункуръ*, Россіянъ *Сисіанъ*, Камчадаловъ *Арѣтарункуръ*, а про Корякъ не вѣдаютъ.

Что значатъ названія, о копорыхъ знаменованіи не упомянуто, того по причинѣ грубости народовъ и неискуства полмачей не можно было провѣдать. Впрочемъ довольно видѣть можно всякому, что мы

(1) Въ первомъ Томѣ на стран. 140 помѣщено примѣчаніе, относящееся къ сему предмету. В.

ни одного народа собственнымъ его именемъ не называемъ, но по большей части такимъ, какимъ они назывались отъ соседей, которые прежде отъ Россіи завоеваны были, придавъ имени ихъ свое окончаніе и нѣсколько испортя. Такимъ образомъ Камчадаловъ называемъ мы по Коряцки, ибо Камчадалъ отъ Коряцкаго Хончала происходитъ; Курильцовъ по Камчатски, ибо Курилецъ отъ куші имѣетъ свое начало.

О происхожденіи Коряцкаго имени хотя неизвѣстно заподлинно, однако Спеллерово о томъ примѣчаніе, что слово Коряка происходитъ отъ Хора, Оленя, весьма вѣроятно; ибо козаки по приходѣ къ сему народу, можетъ быть, часто слыша слово Хора, или видя, что благополучіе помянутыхъ инобѣрцовъ состоитъ въ Оленныхъ шабунахъ, прозвали ихъ Коряками, то есть Оленнымъ народомъ. Чукочи, живущій въ Чукоцкомъ носѣ немирной народъ, называется также испорченнымъ именемъ *Чаугу*, которое общее есть всѣмъ сидячимъ Корякамъ. Одно неизвѣстно происхожденіе имени Юкагиръ, съ которымъ народомъ Оленные Коряки пограничны въ сѣверѣ. Коряцкое имя, едель, то есть волкъ, которымъ они называютъ Юкагировъ, по причинѣ пропитанія ихъ звѣриною ловлею,

которую уподобляютъ волчьему хищенію, за начало Юкагирскаго наименованія почестъ сумнительно, хотя между обоими именами и есть нѣкоторое сходство; особливо же что не знаемъ мы, какъ Юкагиры сами себя называютъ, и какъ сосѣды ихъ, которые живутъ къ Якутску ближе (1).

(1) Въ путешествіи Вице - Адмирала Г. А. Сарычева содержится слѣдующее описаніе Юкагировъ. Сей народъ прежде былъ многолюденъ, страшенъ своимъ сосѣдамъ, и обладалъ многими пространными землями. Но когда отъ распространившихся заразительныхъ болѣзней, оспы и другой, называемой тамъ *Киликинскою*, многіе перемерли; тогда сосѣды ихъ Коряки и Тунгусы взяли верхъ, и по прежней ненависти своей къ нимъ спали утѣснятъ въ промыслахъ; отъ сего произошли войны, которыми истребился весь почти ихъ родъ. Остальные должны были искать защиты у Россіянъ, и поселяться близъ оспроговъ. Частое обращеніе Юкагировъ съ тамошними козаками не чувствительно ввело между ними, какъ обычай ихъ, такъ и платье. Прежній же образъ жизни и одежда Юкагировъ сходствовали съ Тунгусскими: подобно Тунгусамъ имѣли они оленей, кочевныя юрты, и переходили съ мѣста на мѣсто; но теперь живутъ въ землянкахъ, и вмѣсто оленей для зимней ѣзды держатъ нарты съ собаками. Питаются рыбою и сохатымъ мясомъ (сохатымъ называется тамъ

Что касается до языка Камчатскихъ народовъ, то ихъ, по числу народовъ, при считается: Камчатской, Коряцкой и Курильской; впрочемъ каждый языкъ, по разности нарѣчія, на особливые языки раздѣляется. Въ Камчатскомъ языкѣ три главныя нарѣчія: одно употребляется у сѣверныхъ, а

опмѣнной величины лось). Сихъ звѣрей на островахъ по рѣкамъ водится довольно, особливо славныими рѣка *Кордокомъ*, впадающая въ рѣку Колыму вверхъ отъ острога въ двухъ спахъ верстахъ, куда Юкагиры обыкновенно весною, въ Апрель мѣсяцъ, бздяпъ на собакахъ ловить разныхъ звѣрей, какъ то: соболей, лисицъ, росомахъ и бѣлокъ. Но главной промыселъ составляютъ сохатые, которыхъ Юкагиры обыкновенно гоняютъ на лыжахъ съ собаками; охотники мучатъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не выбьются они со всѣмъ изъ силъ и не останятся, чему способствуютъ чрезвычайно глубокіе снѣги, и бывающій въ сіе время настъ (настъ есть отвердѣлая поверхность снѣга, которая бываетъ только весною, когда снѣгъ отъ солнца притаивается во время дня, а ночью замерзаетъ), коюрой подымается только на лыжахъ охотниковъ и собакъ, а сохатаго, по его тяжести, не держитъ; слѣдственно ни одинъ почти изъ сихъ звѣрей уйши не можетъ. Сохатаго мясо разрѣзываютъ на тонкія пластинки, и сушатъ на воздухъ. По вскрытіи рѣки, на площадяхъ приплываютъ Юкагиры

другое у южныхъ Камчадаловъ. Сіи два нарѣчія такъ между собою различны, что можно ихъ почестъ и за два разные языка; однако Камчадалы другъ друга безъ толмача разумѣютъ, хотя слова ихъ нарѣчій не имѣютъ почти никакого сходства, чему господинъ Стеллеръ не безъ причины удивляется. Третьимъ нарѣчіемъ можно почестъ языкъ, копорымъ говорятъ жители Пенжинскаго моря отъ Воровской рѣки до Тигиля, и копорый состоитъ изъ обоихъ вышешисанныхъ нарѣчій, и изъ нѣкотораго числа Коряцкихъ словъ. Въ Коряцкомъ язы-

въ острогъ, и тогда съ козаками бываетъ у нихъ общее празднество и пьянство. Между тѣмъ промѣниваютъ своихъ звѣрей козакамъ на привезенныя ими изъ города нужныя для нихъ вещи и табакъ, къ которому очень пристрастны. Ярмонка сія продолжается до тѣхъ поръ, какъ рѣка послѣ разлива, войдетъ въ берега: тогда разбѣжжаются всѣ по разнымъ мѣстамъ ея, для промыслу рыбы. Юкагиры, отъ обращенія съ козаками, хотя и приняли Христіанской законъ; однако суевѣріе и шаманство не истребилось; потому, что сами козаки будучи не болѣе ихъ просвѣщенны, закоснѣваютъ въ предразсудкахъ, и въ нужныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ шаманству. Многія болѣзни приписываютъ колдовству, и вѣрятъ, что иногда на людей нападаетъ злой духъ. В.

къ (1) два же нарѣчія, одно Оленныхъ Корякъ, а другое сидячихъ. О Коряцкомъ языкѣ хопя и неизвѣстно заподлинно, сколько въ немъ нарѣчій; ибо подданные Россійскіе говорятъ однимъ языкомъ, а о другихъ и сами не знаютъ; однако сумнѣваться почти не можно, чтобъ у нихъ по разнымъ острогамъ не было въ языкѣ по крайней мѣрѣ такой же опмѣны, какова у Камчадаловъ южныхъ и у сидячихъ Корякъ по разнымъ острожкамъ примѣчается.

Камчатской языкѣ выговаривается половиною въ горлѣ, и половиною во ртѣ. Произношеніе ихъ языка тихо, прудно, съ пропяженіемъ и удивительнымъ тѣлодвиженіемъ; а сіе показываетъ людей боязливыхъ, раболѣпныхъ, коварныхъ и хитрыхъ, каковы они и въ самомъ дѣлѣ.

Коряки говорятъ изъ всего горла съ великимъ крикомъ и замѣшательствомъ: слова въ языкѣ ихъ долги, но слоги коротки; начинающся по большей части съ двухъ гласныхъ и на гласныя же кончашся, какъ на примѣръ *Цемкай*, важенка или неѣжжалой олень. Нравы сего народа согласны съ язы-

(1) Стеллеръ третимъ нарѣчіемъ почитаетъ Чукоцкой.

комъ ихъ, какъ въ описаніи его объявлено
будешъ.

Курилы говорятъ тихо, плавно, свободно и пріятно. Слова въ языкъ ихъ посредственны, гласныхъ и согласныхъ въ нихъ умѣренно; да и самой народъ всѣхъ дикихъ народовъ добронравнѣе, осторожнѣе, правдивѣе, постояннѣе, обходительнѣе и честолюбивѣе.

ГЛАВА II.

О произхожденіи названія Камчадалъ и Камчатскаго народа по однимъ токмо догадкамъ.

Хотя и выше сего объявлено, что названіе Камчадалъ происходитъ отъ Коряцкаго имени *Хонгало*, однако причины не показано, съ чего Коряки Камчадаловъ такъ называютъ, и для того должно сообщить здѣсь изъясненіе.

Нѣкоторые пишутъ, аки бы помянутой народъ Камчадалами отъ Россіянъ прозванъ по рѣкѣ Камчаткѣ, которая до ихъ еще прихода называлась Камчаткою, по имени славнаго воина Кончата, и аки бы Россіяне отъ тамошнихъ язычниковъ чрезъ знаки примѣня, что великая оная рѣка *Кончатка* по ихъ именуется, всѣхъ тамошнихъ жителей прозвали Камчадалами. Но сіе есть искусной вымыселъ и предразсужденіе: 1) для того, что Россіянамъ съ Камчадалами чрезъ знаки говорить не было нужды, ибо при нихъ довольно было толмачей изъ сидячихъ Корякъ, которые Камчатской языкъ совершенно знаютъ; 2) что

имя Кончашъ Камчадаламъ невѣдомо; 3) а хопя бы того имени и былъ у нихъ чело-
вѣкъ, то рѣка не могла прозваться его име-
немъ: ибо Камчадалы ни рѣкъ, ни озеръ, ни
горъ, ни острововъ именемъ людей не на-
зываютъ; но дающъ имъ имена по нѣкимъ
свойственнымъ имъ качествамъ, или по
сходству съ другими вещами; 4) что Кам-
чатка рѣка не Коншаткою, но Уйкуаль, то
есть большею рѣкою называется, какъ уже
выше объявлено. А съ чего Коряки Камча-
даловъ зовутъ *Хонгало*, о томъ хопя за-
подлинно объявить и не лзя, для того что
Коряки и сами причины тому не вѣдаютъ;
однако не безъ основанія думать можно, что
Хонгало есть испорченное слово изъ *Коочь-
ай*, что значить жителя по рѣкѣ Еловкѣ,
которая течетъ въ Камчатку, и Коочь на-
зывается, какъ въ первой части сего опи-
санія показано.

Камчадалы кромѣ общаго имени Ишель-
мень, различаютъ себя отъ большѣй части
названіемъ рѣкъ или другихъ урочищъ, гдѣ
они жилища свои имѣютъ: такъ напримѣръ,
Кыкша-ай, житель при Большѣй рѣкѣ, *Суачу-
ай*, житель при Авачѣ, *Коочь-ай*, Еловской
житель и прочая (1), ибо ай, приложенное къ

(1) Жители Курильскихъ острововъ такимъ же

названію рѣки или другаго какого урочища, значимѣ жительства того мѣста, къ которому прилагается, такъ какъ Ипельмень вообще Камчатскаго жительства.

Которые Кончаша славнымѣ воиномѣ тамошнихѣ мѣстѣ называющѣ, тѣ въ одномѣ томѣ ошиблись, что храбрость оную одному человѣку приписали, которую надлежало приписать всѣмѣ Еловскимѣ жителямѣ, изѣ которыхѣ каждой *Коотъ-ай*, или по ихѣ *Кончатѣ* называется. Ибо сіе самая правда, что Еловскіе жители издревле почитались храбрыми, и славны были предѣ прочими; чего ради и Корякамѣ, какъ по сосѣдству, такъ и по той знаши, подѣ именемѣ своимѣ *Коотъ-ай*, которыми они и опѣ другихѣ Камчадаловѣ называющѣ, были вѣдомы.

О перемѣнѣ Коотъ-ай на Хончала, и Хончала на Камчадала, вѣ разсужденіи нарочитаго сходства именѣ, немногіе, чаю, сумнѣвашься имѣющѣ; особливо которыми извѣстно, коимѣ образомѣ и вѣ самыхѣ Европейскихѣ языкахѣ чужестранныя слова порпящѣ, а по тамошнимѣ мѣстамѣ тысячи оному примѣровѣ показатѣ можно, какъ нешокмо язычники, но и самые Россіане чу-

образомѣ различающѣ, прилагая *Айну* (человѣкѣ) къ названію обитаемаго ими острова. В.

жія названія поршятъ. Такъ напрымбръ изъ Усѣ кыгъ, то есть Усѣ рѣчка, сдѣланы у нихъ Ушки, изъ Кру-кыгъ крюки, изъ Уушу ушка, изъ Кали-кыгъ Халилики, изъ Кужи Курилъ или Курилецъ и прочая. Чпожъ касается до происхожденія Камчатскаго народа, до прежняго мѣста жилищъ ихъ, до преселенія вѣ сїи мѣста, и до времени преселенія, того хопя сѣ такою исправностію, какова перебуешя по исторической достовѣрности, показатъ и не возможно; ибо дикой оной народъ, у котораго всѣ доказательства древности состоятъ вѣ словесныхъ преданіяхъ, и самъ ничего о томъ не вѣдаетъ, но наипаче ушверждаетъ, что они на семъ мѣстѣ сотворены, и ни вѣ какія другія мѣста никогда не преселялись, а пверцомъ своимъ и прародителемъ почитаютъ Купху, который прежде живалъ на небѣ, какъ о томъ ниже объявлено будетъ пространнѣе; однако по склонности, по внѣшнему виду, по обычаямъ, по имени, по языку, плашью, и по другимъ обстоятельствомъ думать можно, что Камчадалы вѣ древніе годы преселились туда изъ Монголіи, которой древности Спеллеръ приводитъ слѣдующее вѣ доказательство:

1) Чпо Камчадалы не знаютъ, откуда они происходятъ, потерявъ о томъ всѣ

преданія, 'чего ради вѣришь начали, что Купху на томъ мѣстѣ ихъ создалъ, какъ выше показано.

2) Что они до прихода Россійскихъ людей ни о какихъ другихъ народахъ ни мало не знали, выключая сосѣдей своихъ Корякъ и Чукочъ, а о Японцахъ и Курильцахъ увѣдали они не весьма давно, или по причинѣ бывшаго торга съ ними, или по тому что иногда выкидывало на берега ихъ Японскія бусы.

3) Что сіи народы весьма умножились, не взирая на то, что ежегодно много ихъ погибало отъ капающагося съ горъ снѣгу, отъ бурь, отъ звѣрей, отъ попопленія, отъ самоубійства и отъ войны между собою.

4) Что они великое имѣютъ знаніе въ тамошнихъ натуральныхъ вещахъ, какую онѣ имѣютъ силу, и къ чему угодны; чего въ краткое время опытами извѣдать не можно, тѣмъ наипаче, что для такого изслѣдованія больше четырехъ мѣсяцовъ въ году не остается, ибо зима тамъ долгая, а лѣто короткое, но и то время надлежитъ имъ употреблять на рыбную ловлю, какъ на главное пропитаніе.

5) Что инструменшы и всякая домовая посуда разнятся отъ посуды всѣхъ другихъ народовъ, и что, по обстоятельству

ихъ житія и нужды, такъ хитро сдѣланы, что не видавъ образца и разумному трудно выдумать; такого состоянія ихъ санная ѣзда на собакахъ.

б) Что нравы ихъ грубы, и склонность не разнствуетъ отъ безсловесныхъ животныхъ; ибо они пекутся о удовольствіи только плоти, которое почитаютъ за вѣщшее благополучіе, а о душѣ не имѣютъ и понятія.

Чтожъ они произошли изъ Монголіи, а не отъ другихъ народовъ, то есть ни отъ Татаръ по сию сторону Амура живущихъ, ни отъ Курильцовъ, ни отъ Японцовъ, о томъ думаютъ побуждающіе нижеписанныя обстоятельства. Отъ поколѣнія Татаръ не можно, кажется, имѣть бытъ для того, что въ противномъ случаѣ при своемъ преселеніи конечно заняли бы они мѣста по Ленѣ, которыми нынѣ владѣютъ Якушы съ Тунгусами; ибо они и по довольствію къ содержанію удобнѣе Камчатскихъ, и ни кѣмъ не были обитаемы. Буде же думаютъ, что они въ тѣхъ мѣстахъ живали, но послѣ выгнаны Якушами по приходѣ ихъ въ тѣ мѣста какъ Тунгусы, которые нынѣ живутъ въ срединѣ между Брапскими и Якушами, то бы Якушы и объ нихъ, такъ какъ о Тунгусахъ имѣли хотя малое извѣстіе, че-

го однакоже не примѣчено. Что они не отъ рода Курильскаго, оное доказывається нравами и совершеннымъ несходствомъ въ плѣсномъ видѣ; а что не отъ Японцовъ, по вѣроятною древностію ихъ преселенія въ тѣ мѣста, которое, кажется, случилось прежде нежели Японцы отъ Китайцовъ отпали и поселились на нынѣшнемъ мѣстѣ. Причина тому, что Камчадалы о употребленіи желѣза и о желѣзной рудѣ, также и о другихъ металлахъ не вѣдаютъ, хотя Монголы назадъ тому болѣе двухъ тысячъ лѣтъ и оружейной снарядъ и домовые инструменты изъ желѣза дѣлать начали, такъ какъ Таттары изъ мѣди ножи и кинжалы. По чему вѣроятно, что Камчатскіе народы въ началѣ самодержавнаго владѣнія Князей въ Восточныхъ странахъ Азіи, удалились къ морю такъ какъ Лопари, Остяки и Самоядь, убѣгая отъ нашествія другихъ народовъ, и по бѣрегу Пенжинскаго моря дошли до Камчатки. Ежели же бы Камчадалы не спаръ Тунгусовъ были преселеніемъ, то бы Тунгусы при случаѣ своего бѣгства не преминули дойти до Камчатки, какъ до мѣста безопаснѣйшаго по отдаленію. Чтожъ тѣ мѣста заняты были столь многочисленнымъ народомъ, что Тунгусы, не взирая на храбрость свою, не мо-

гли прошивъ ихъ отважиться, по непосредственно слѣдуетъ, что они задолго до прихода Тунгусовъ поселились и умножились.

Что касается до прежнихъ жилищъ Камчатскаго народа, то они, кажется, жили за Амуромъ въ Монголіи, и прежде съ Монголами были одинъ народъ, а оное доказывается слѣдующими доводами: 1) что (1) въ Камчатскомъ языкѣ много словъ, копорья имѣютъ Монгольское или Китайское свойство по окончаніямъ на онгъ, ингъ, оангъ, чинъ, ча, чингъ, кси, ксунгъ: однако много бы того было, естли бы кто многихъ и цѣлыхъ словъ и согласныхъ реченій потребовалъ, ибо Камчатской языкъ въ одномъ народѣ и въ одной землѣ діалектами разнился; но довольно для свойства языка и того, по чему Европейецъ не учась языкамъ знаетъ изъ одного произношенія, кто говоритъ по Нѣмецки, кто по Французски, по Италіянски, и прочая. Наипаче разность словъ сама доказательствомъ, что преселеніе Камчатскаго народа въ самыя древнія времена было, и что по нынѣ оста-

(1) Камчатской и Коряцкой народъ должно разумѣть за одинъ народъ, какъ изъ слѣдующаго явствуетъ, а обтвленныя окончанія токмо въ Коряцкомъ языкѣ примѣчаются.

лась одна пѣнь сходства, между языками, а не самое сходство, какъ какъ въ Еврейскомъ и Ташарскомъ. Въ утверждение сего можетъ служить, что Камчатской языкъ съ Монгольскимъ не токмо въ словахъ имѣетъ сходство, но въ склоненіи и произвожденіи, ибо въ Монгольскомъ языкѣ сіе особенное, что много первообразныхъ. 2) Что Камчадалы какъ какъ Монголы ростомъ низки, пѣломъ смуглы, не мохнаты, черноволосы, малобороды, лицомъ калмыковаши съ покляпыми носами, косолапы. Глаза́ у нихъ впалые, брови малы и рѣдки, брюха́ опвислы, нѳги и рѳки малы и тонки, походка тихая. Сверхъ того робость, хвасповство, раболѣпность къ спрогимъ, упрямство и презрѣніе къ ласковымъ, обимъ народамъ свойственны.

Г Л А В А III.

О прежнемъ состояніи Камчатскаго народа.

До покоренія Россійскому владѣнію дикой оной народѣ жилѣ въ совершенной вольности; не имѣлѣ никакихъ надѣ собою начальниковѣ, не подверженѣ былѣ никакимѣ законамѣ, и дани никому не плачивалѣ. Старые и удалые люди имѣли въ каждомѣ оспрожкѣ преимущество, которое однакожѣ только въ томѣ состояло, что ихѣ совѣты предпочитались; впрочемѣ было между ими равенство, никто ни къмѣ повелѣвать не могѣ, и никто самѣ собою не смѣлѣ другаго наказывать.

По внѣшнему виду сей народѣ и сходенѣ съ другими Сибирскими народами, и нѣкоторую имѣетѣ опмѣну, по чему оный легко распознать можно, какѣ ужѣ выше показано. Сходство состоитѣ особливо въ томѣ, что они имѣютѣ смуглы и черноволосы, что глаза у нихѣ малы и лица плоски; а несходство, что лица у Камчадаловѣ не столь продолговаты и скуласты, какѣ у другихѣ народовѣ, что щѣки у нихѣ

одупловаты, губы толсты и ротъ пре-
 великой; роста всѣ по большей части
 средняго, плечисты и присадисты, осо-
 бливо, кои живутъ при морѣ и морскими
 звѣрями питаются. Великановъ по всей
 Камчаткѣ не примѣчено.

Въ жисть гнусны, никакой чистоты
 не наблюдають, лица и рукъ не умываютъ,
 ногшей не обрѣзываютъ, бдятъ изъ одной
 посуды съ собаками; и никогда ее не моютъ,
 (1) всѣ вообще пахнутъ рыбою какъ гагары;
 волосовъ на головѣ не чешутъ, но распле-
 таютъ на двѣ косы какъ мужчины, такъ и
 женщины. У которыхъ бабъ долгія косы,
 тѣ для красы расплетаютъ ихъ на многія
 мѣлкія косы, а потомъ въ двѣ большія со-
 единяють, и закинувъ на спину связываютъ
 на концѣ веревочкою (2). Когда волосы
 изъ косъ выбиваются, то пришиваютъ ихъ
 нитками, чтобъ были гладки, и по тому
 онѣ столь вшивы, что рукою какъ греб-
 немъ, поднявъ косы ихъ чешутъ, и сметая
 въ кучу пожирають, какъ выше показано.
 А у которыхъ волосы малы, тѣ парики

(1) Сіе нѣсколько выводится, и многіе Тоідны
 имѣютъ уже столовой приборъ, серебро, и чайной
 сервизъ. В.

(2) Женщины носятъ нынѣ на головахъ платки. В.

объявленнымъ образомъ сдѣланные носятъ, которые всомъ бывають до десяти фунтовъ, и голову сѣнною копною представляють; впрочемъ женской полъ красивѣе, и кажется умнѣе, чего ради изъ бабъ и изъ Коэкчучей ихъ больше шамановъ, нежели изъ мужескаго пола.

Плашье носятъ изъ звѣриныхъ кожъ (1); питаются кореньемъ, рыбою и морскими звѣрями. Живутъ зимою въ земляныхъ юртахъ (2), а лѣтомъ въ балаганахъ. Въ зимнее время ѣздятъ на собакахъ, а лѣтомъ, гдѣ судовой ходъ, бoшами, а гдѣ нѣтъ пѣше ходятъ. Тяжести мущины на плечахъ, а женщины лбомъ носятъ.

О Богѣ, порокахъ и добродѣтеляхъ имѣють развращенное понятіе. За вящее благополучіе почитаютъ объяденіе, празд-

(1) Зимняя одежда мужчинъ осталась таже что и прежде, кромѣ только что носятъ нынѣ и Китайчашья рубахи; напрошивъ того женщины, которыя побогаче, одѣваются какъ во всей Сибири; носятъ фанзовые рубахи, юбки и чулки. Всѣ также охопники до чаю, особливо женщины; начинаютъ любить хлѣбъ, соль, и огородные овощи, особенно картофель, который вездѣ во множествѣ родится; и потому иные въ способныхъ мѣстахъ занимаются сами хлѣбопашествомъ, и заводятъ огороды. В.

(2) Нынѣ въ Рускихъ избахъ. В.

ность и плотское совокупленіе; похоть возбуждають пѣніемъ, пляскою и разсказываніемъ любовныхъ басенъ по своему обыкновенію. Главной у нихъ грѣхъ скука и неспокойство, котораго убѣгають всѣми мѣрами, не щадя иногда и своей жизни. Ибо по ихъ мнѣнію лучше умереть, нежели не жить, какъ имъ угодно. Чего ради прежде сего самоубійство было у нихъ послѣдній способъ удовольствія, которое до самаго ихъ покоренія продолжалось; а по покореніи такъ было умножилось, что изъ Москвы нарочные были указы, чтобъ Россіянамъ не допускать Камчадаловъ до самовольной смерти.

Впрочемъ живутъ они беззаботно, трудятся по своей волѣ, думаютъ о нужномъ и настоящемъ, будущее со всѣмъ оставя. Богатства, славы и чести не вѣдають, чего ради нѣтъ между ими сребролюбія, любочестія и гордости, но шокмо роскошь и похоть съ своими плодами, а при томъ ярость, ненависть и мщеніе, чего ради и войны какъ между собою, такъ и съ сосѣдними народами имѣли они не для распространенія земли, ни для пріобрѣтенія власпи, но по причинѣ какой нибудь обиды, или для похищенія сѣбѣспныхъ припасовъ, а наибольше для дѣвокъ, копо-

рыхъ они могли въ жены брашь сь меньшимъ трудомъ, нежели какъ добровольно, ибо имъ жены весьма доставались дорого, какъ о томъ въ своемъ мѣстѣ объявлено будетъ.

По той же причинѣ и торги у нихъ не для богатства были, но для полученія нужнаго къ содержанію. Корякамъ давали они соболи, лисицы, рослая бѣлая собачья кожи, сушеной мухоморъ и другія мѣлочи, а отъ нихъ получали широкое оленье платье и кожи. Между собою мѣнялись тѣмъ, въ чемъ одинъ прошивъ другаго имѣлъ изобиліе и недостатковъ; въ томъ числѣ почитались собаки, лодки, чаши, корына, сѣти, кропива мятая и сѣбственные припасы; а мѣна она ошправлялась подъ видомъ сведенія дружбы: ибо когда кому что у другаго нравилось, или въ чемъ случалась нужда, то долженъ онъ былъ къ другому приближась въ гости, и сказать о томъ безъ зазору, что онъ въ гости къ нему приближалъ, хотя бы прежде и не имѣлъ сь нимъ обхожденія. Тогда хозяину надлежало почитать его по обычаю, обрашь все, что понравится, и опустить домой почти нагова; а по томъ самому къ нему приближась, и бышь приняту равнымъ образомъ; при которыхъ случаяхъ оба получали по,

въ чемъ имѣли нужду, но о семъ въ особливо главѣ писано будетъ пространнѣе.

Поступки ихъ безмѣрно грубы. Учтивства въ словахъ и поздравленія нѣтъ въ обычаѣ. Шапокъ не скидаютъ, и не кланяются другъ другу. Въ разговорахъ столь глупы, что кажется, будтобы они токмо языкомъ разнились отъ безсловесныхъ животныхъ, однако любопытны, и всякой вещи начало и происхожденіе объявить стараются, которое однакожъ не превосходитъ мѣры ихъ понятія.

Всѣ почти мѣста въ свѣтѣ, небо, воздухъ, воды, землю, горы и лѣса населили они различными духами, копорыхъ опасаются, и больше Бога почидаютъ. Жертвы даютъ при всякомъ случаѣ, а иныхъ и болваны при себѣ носятъ, или имѣютъ въ своихъ жилищахъ. А Бога напрошивъ того не токмо не боятся, но и злословятъ при трудныхъ или несчастливыхъ случаяхъ (1).

Лѣтъ отъ рожденія себѣ не знаютъ. Счетъ, хотя у нихъ и до ста есть, одна-

(1) Все, что Авторъ здѣсь и ниже сего объявляетъ касательно язычества, обрядовъ, и обычаевъ, относится къ тогдашнему времени. Нынѣже, какъ выше замѣчено, Камчадалы обращены въ Христіанскую вѣру, и вообще уже прежніе свои обряды оставили. В.

ко такъ имъ пруденъ, что безъ пальцевъ трехъ перечесль не могутъ. Всего смѣшнѣе, когда имъ надобно считають больше десяти, тогда они пересчитавъ пальцы у рукъ, и сжавши обѣ руки вмѣстѣ, что значить десять, остальное досчитаютъ ножными перстами. Буде же число превзойдетъ двадцать, то пересчитавъ пальцы у рукъ и у ногъ въ нѣкоторое приходятъ изумленіе, и говорятъ *Мага?* то есть, гдѣ взять?

Въ году считають десять мѣсяцовъ, изъ которыхъ иные долѣ, а иные короче, для того что они не по лунному печенію ихъ раздѣляютъ, но по тому, что когда дѣлають, какъ видно изъ слѣдующихъ ихъ названій.

1. Чужлигачъ — кулечъ.	Грѣховъ очистишель, ибо въ семь мѣсяцъ бываетъ у нихъ праздникъ, и грѣховъ очищеніе.
2. Кукамалиначъ—кулечъ.	Отъ великихъ морозовъ товарища ломаются.
3. Балашуль	— — — — — Телла начало.
4. Кыдышкуннычъ	— — — — — Долгой день спановилъся,
5. Кахтанъ	— — — — — Паставой мѣсяцъ.
6. Куйше	— — — — — Мѣсяцъ красной рыбы.
7. Ажаба	— — — — — бѣлой рыбки.

8. Кайко	— — — —	Кайка рыбы.
9. Кыжу	— — — —	б'лой рыбы.
10. Кихперу	— — — —	лишпопадной.

Сей послѣдній мѣсяць до самаго Ноября или до ихъ грѣховъ очистителя продолжается, чего ради содержишь въ себѣ около трехъ мѣсяцовъ. Но сіи имена мѣсяцамъ не у всѣхъ Камчадаловъ употребительны, а токмо у тѣхъ, кои живутъ по рѣкѣ Камчаткѣ; у находящихся же отъ Камчатки въ сѣверѣ, нѣкоторымъ мѣсяцамъ имена особливья, и въ счисленіи ихъ слѣдующій порядокъ :

1. Келуооль - кулечь.	Рѣкоставъ мѣсяць.
2. Кыжашпъ - — —	Звѣрей слѣдитъ удобной.
3. Чужлингечъ — —	Грѣховъ очиститель.
4. Кукамлингчъ — —	Опъ мороза тонорища ломаются.
5. Кыдышконечъ — —	Дни долгіе спановятся.
6. Шижо — —	Лахтаки щенятся.
7. Кууль - — —	Тюлени щенятся.
8. Кожа - — —	Бжжалыс олени телящся.
9. Каю - — —	Дикіе олени телящся.
10. Куилькожалидечъ- кулечь	Рыбу промышлять начинаютъ.

Годъ раздѣляется на четыре части, и лѣто называющъ они *Адамаль*, зиму *Кобеллю*, осень *Кытхеиль*, весну *Угаль*, а когда которое время начинается или кончип-

ся, о томъ сказано мнѣ, что они того не вѣдають; но господинъ Стеллеръ о раздѣленіи времени слѣдующее пишетъ: Камчадалы довольно знаютъ, что свѣтъ сопроверенъ не отъ вѣка, но что оной воспріять начало со временемъ. Время отъ жителей Пенжинскаго моря *Иткюохъ* или *Азкедь*, а отъ жителей рѣки Камчатки *Леткуль* или *Ельтитъ* безъ всякаго въ произведеніи основанія именуется. Отъ незнанія движеній главныхъ планетъ раздѣляютъ они время удивительно, и дѣйствія движенія на землѣ принимая въ основаніе, опредѣляютъ оное. Вообще солнечный годъ раздѣляютъ на двое, считая по шести мѣсяцовъ въ каждой половинѣ. Такимъ образомъ зима составляетъ у нихъ годъ, а лѣто другой.

Лѣтній годъ начинается у нихъ съ Маія мѣсяца, а зимній съ Ноября. Южные Камчадалы Май называютъ *Тавакоатъ*, то есть правничковъ мѣсяць, ибо *Тава*, на ихъ языкѣ правникъ, а *Коатъ*, луна и солнце. Причина названія мѣсяца, что тогда правники прилепають, и вездѣ появляются. Іюнь, *Куа-коатъ*, кокушкинъ мѣсяць, что кокушка тогда кокуетъ, Іюль *Етемста-коатъ*, лѣтній мѣсяць; Августъ *Кихзуя-коатъ*, отъ промыслу рыбы при лунномъ сіяніи; Сентябрь, *Коазухта-коатъ*, бле-

клой и листопадной мѣсяцѣ отъ того, что въ то время листѣ на деревьѣ блекнутъ и опадаютъ. Октябрь, *Пикись-коатъ*, пигаличей мѣсяцѣ, для того что малая сія птица, которой во все лѣто на деревьяхъ одѣтыхъ листьемъ не можно видѣшь, тогда оказывается. Сіи шесть мѣсяцевъ составляютъ лѣто и первый годъ. Въ зимнемъ году первой числится Ноябрь, по ихъ названію *Казакоатъ* отъ дѣланія кропивы, ибо кропива по ихъ *Казаинъ* называется, которую они тогда рвутъ, мочатъ, дерутъ и сушатъ. Декабрь, *Ноккооснобилъ*, нѣсколько озябъ, показывая, что тогда обыкновенно спужа начинается. Генварь, *Зиза-коатъ* не прогайменя, отъ того что почитается тогда за великой грѣхъ припадкою изъ рѣкъ пить воду, но надлежитъ въ то время имѣть при себѣ ковшъ или бараней рогъ, которой вмѣсто ковша употребляется. Причина тому, что они пьючи припадкою отмораживаютъ губы. Февраль *Кита-коатъ*, отъ лѣсницѣ, по которымъ они на балаганы лазятъ, и по которымъ тогда усматриваютъ, что дерево отъ спужи бываетъ крѣпко; Мартъ *Агду-коатъ* отъ отверстія юрты, для того что въ то время прошалины около онаго обыкновенно случаются. Апрель, *Масгалъ-коатъ*, Трясогускинъ мѣсяцѣ, для того что

прясогуски тогда прилепають, и показывают своимъ прибытіемъ, что зима и годъ окончились.

Въ семъ извѣстіи господина Шеллера двѣ вещи не недостойны примѣчанія; 1) что попались ему, какъ видно, умные люди, съ которыми онъ разговаривалъ; 2) что не у всѣхъ Камчадаловъ одно число и имена мѣсяцамъ.

Дней они не различаютъ особливымъ названіемъ, не раздѣляютъ ихъ на недѣли или другіе періоды, и числа дней въ году и мѣсяцѣ не знаютъ.

Время опредѣляютъ по знатнымъ нѣкоторымъ приключеніямъ, какъ на примѣръ по приходу Россіянъ, по великому Камчатскому бунту; по первой Камчатской Экспедиціи. Письма никакого не знаютъ, ни іероглифическихъ фигуръ для памяти не употребляютъ, но однихъ повѣстей и преданій держатся, которыя часъ отъ часу въ такой недостатокъ приходятъ, что отъ существующихъ дѣйствій, какъ бы одна тѣнь остается.

Причины солнечныхъ и лунныхъ затмѣній не знаютъ. Однако въ случаѣ ихъ выносятъ на юрпу огонь, и приказываютъ свѣшиламъ, чтобъ они свѣшили по прежнему. Затмѣнія солнца и луны называются по ихъ, *Кулетъгужить*.

Изъ звѣздъ знаютъ имена токмо премъ созвѣздіямъ, большѣму медвѣдю, плеядамъ и премъ звѣздамъ въ Орионѣ. Медвѣдя называютъ *Кранхль*, плеяды *Дежить* или *Ижить*, а Ориона *Укальтежидъ*.

Громъ и молнію иные врагамъ, а иные людямъ живущимъ въ горѣлой сопкѣ приписываютъ, какъ о томъ ниже объявлено будетъ.

Вѣпрамъ имена у нихъ есть только значнѣйшимъ, однако не одинакія. Живущіе по рѣкѣ Камчаткѣ восточной вѣпръ называютъ *Шангышъ*, съ низу вѣющій, западной *Быкымыгъ*, сѣверной *Бетежемъ*, сѣверовосточной *Коаслюль* жировой, по тому что онымъ вѣпромъ къ берегамъ ледъ нажимаешъ, въ кѣшгромъ случаѣ бьютъ они много морскихъ звѣрей, и бдятъ жирно. Сѣверо-западной *Тагъ* верховой, южной *Челюкымыгъ*. А живущіе оль рѣки Камчатки на сѣверъ восточной вѣпръ называютъ *Кунеушхтъ*, съ моря дышущій, западной *Еемшхтъ* съ земли вѣющій, сѣверной *Тынгылшхтъ*, спуденой, южной *Челюгынкъ*, южно-западной *Гынгы* *Еемшхтъ* женская погода, для того что во время онаго вѣпра небо по ихъ мнѣнію, какъ женщина, плачетъ.

Судъ и расправа у нихъ общая. Удовольствіе обидимому равное воздаяніе. Кто кого

убилъ, топъ самъ опъ сродниковъ убіеннаго былъ убиваемъ. Ворами, кои часто приличались, обжигали руки обвивъ ихъ берестною; но шъхъ, кои въ первой разъ бывали поиманы, покраденые били безъ всякаго опъ вора сопрошвленія, послъ чего принуждены были такіе люди жить на единъ безъ всякой помощи и безъ всякаго съ другими обхожденія, какъ суще плуты и политическою смертію казненые.

Невѣдомыхъ воровъ наказывали они жженіемъ спановыхъ жилъ каменнаго барана при собраніи и при шаманствѣ, ибо по ихъ мнѣнію сводитъ послъ того злодѣя вмѣсто, какъ жилы опъ огня сжимаются.

О имѣніи и юртахъ никогда они не ссорятся, ибо для всякаго земли, воды и произрастающихъ съ живошными довольно; о границахъ и предѣлахъ не бываетъ споровъ, ибо всякъ съ излишествомъ имѣетъ пропитаніе опъшой рѣкѣ и луговъ, гдѣ его рожденіе.

Женъ имѣютъ по одной, по двѣ и по три; сверхъ того нѣкоторыя содержатъ и такъ называемыхъ по ихъ *Коектуей*, которые въ женскомъ платьѣ ходятъ, всю женскую работу опправляютъ, и съ мужчинами не имѣютъ никакого обхожденія, будто бы гнушаясь дѣлами ихъ, или зазираясь вступать не въ свое дѣло.

Мѣры верстамъ не знаютъ. Разстояніе считающъ по ночамъ, сколько будучи въ дорогѣ ночевать должны.

Великое искусство имѣющъ пересмѣхать всякаго и точно представлять, кого захотятъ, по походкѣ, по голосу, по рѣчи и по всѣмъ приемамъ; такимъ же образомъ представляющъ они и звѣрей и птицъ, и сіе у нихъ въ числѣ непоследнихъ забавъ почитается.

Но сколь они въ жисть своемъ ни глупы, и въ поступкахъ ни глупы, однако о всемъ такое мнѣніе имѣющъ, что нѣтъ лучше жистья ихъ и удовольствія. Чего ради козачьему жистью, въ чемъ съ ихъ несходно, не безъ презрѣнія удивляются. Токмо нынѣ во всѣмъ послѣдовала великая перемѣна. Старые, которые крѣпко держатся своихъ обычаевъ, переводятся, а молодые почти всѣ воспріяли Христіанскую вѣру, и стараются во всемъ Россійскимъ людямъ послѣдовать, насмѣхаясь жистію предковъ своихъ, обрядамъ ихъ, грубости и суевѣрію. Во всякомъ острогѣ опредѣленъ начальникъ, которой *Тоіонъ* называется, и которому по высочайшему ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА указу поручены судъ и расправа надъ подчиненными, кромѣ уголовныхъ дѣлъ

(1). Во многихъ мѣстахъ не токмо у Тоіоновъ, но и у простыхъ людей построены избы и горницы по Россійскому обыкновению, а индѣ и часовни для молитвы. Заведены тамъ и школы, въ которыхъ сами Камчадалы охотно отдають дѣтей своихъ. Такимъ образомъ въ краткое время много варварства безъ сумнѣнія изкоренился.

(1) Достоинство Тоіона или Старосты наследственное; по прекращеніи же его рода избирается отъ всего общества, изъ Членовъ онаго достойнѣйшій. Подъ Тоіономъ состоить Есаулъ, его помощникъ. В.

ГЛАВА IV.

О Камчатскихъ острожкахъ.

Подъ именемъ острожка разумѣется на Камчаткѣ всякое Камчатское жилище, состоящее изъ одной или нѣсколька земляныхъ юртъ и изъ балагановъ (1). По Камчатски такія жилища называются *Апынуль*, а козаки прозвали ихъ острожками безъ сомнѣнія отъ того, что по приходѣ ихъ на Камчатку укрѣплены были оныя землянымъ валомъ или полисадникомъ, какъ у сидячихъ Корякъ въ сѣверѣ и понынѣ укрѣпляются.

Юрты дѣлаютъ они слѣдующимъ образомъ: выкапываютъ землю аршина на два въ глубину, а въ длину и въ ширину смотря по числу жилищей. Въ ямѣ почти на самой срединѣ ставятъ четыре столба толстые, одинъ отъ другаго по сажени и далѣ. На столбы кладутъ толстыя перекладины, а на нихъ пополокъ накладываютъ, оставя почти на срединѣ четверугольное отверстіе, которое и вмѣсто окна, и вмѣсто дверей, и вмѣсто трубы служитъ. Къ помянутымъ перекладинамъ прислоняютъ съ

(1) Сіе относится къ тогдашнему времени; нынѣ же вмѣсто юртъ строятся Рускія избы. В.

земли бревна же, которыхъ нижніе концы на поверхности земли утверждаются; и обрѣшешя ихъ жердями покрывающѣ правою, и осыпающѣ землю, такъ что юрта съ наружи имѣетѣ видѣ небольшого кругаго холмика; но внутри онѣ четверугольныя, однако почти всегда двѣ стѣны бывающѣ долѣе, а двѣ короче. У одной продолговатой стѣны между стоячими столбами бывающѣ обыкновенно очагъ, а отъ него выводъ, котораго внѣшнее отверстіе гораздо ниже помянутаго. Дѣлаютсяжъ сей выводъ для того, чтобъ входящимъ во оной воздухомъ выгоняло дымъ вонъ изъ юрты чрезъ верхнее отверстіе.

Внутри юрты подлѣ стѣнѣ дѣлающѣ они пѣлки, на которыхъ спящѣ семья подлѣ семьи рядомъ. Токмо не бывающѣ полокъ противъ очага: ибо шамъ обыкновенно стойщѣ домовая посуда ихъ, чаши и корыта деревянныя, вѣ которыхъ и себѣ и собакамъ ѣсть варящѣ. А вѣ которыхъ юртахъ полокъ нѣтъ, тамъ вокругъ мѣстѣ, гдѣ спящѣ, положены бревна, а самыя мѣста устланы рогожами.

Украшенія вѣ юртахъ никакого нѣтъ, кромѣ того, что у нѣкоторыхъ стѣны обрѣшены бывающѣ плетеными изъ правы рогожами, а по ихъ званію *тирелами*.

У сѣверныхъ Камчадаловъ бывающѣ вѣ

юртахъ по два идола, изъ которыхъ одинъ называется *Хантай*, а другой *Ажута*. Хантай дѣлается на подобіе Сирены, то есть съ головы по груди человѣкомъ, а опшуда рыбою, и ставится обыкновенно подлѣ огня; а для чего и во образъ кого, другой причины не могъ я вывѣдать, кромѣ того, что есть духъ сего имени. Идолъ сей Хантай ежегодно дѣлается новой во время грѣховъ очищенія, и ставится со старымъ вмѣстѣ, по числу которыхъ можно узнать, сколько которой юртѣ лѣтъ отъ построения. *Ажута* есть столбикъ съ обдѣланною верхушкою на подобіе головы человѣческой, ставится надъ домашнею посудою, и почищается за караульщика отгоняющаго отъ юрты лѣсныхъ духовъ: за что и кормятъ его Камчадалы по всякой день, мажутъ ему голову и рожу вареною сараною или рыбою.

Сего идола и южные Камчадалы имѣютъ, и называютъ *Ажулуначь*, но вмѣсто Ханшаевъ есть у нихъ по рядкамъ коле съ обшесанными головками, именуемое *Урильда*.

Входящѣ въ юрты по лѣсницамъ стрѣмянкамъ, подъ которыми обыкновенно очагъ бываетъ; и для того во время поленія юрты непривычному трудно входитъ и

выходить изъ юрты, ибо и лѣсница такъ горяча бываетъ, что ухватиться не лзя, и проходя сквозь дымъ должно переводить духъ, чшобъ не задохнуться. Но Камчадаламъ то не препятствуетъ, ибо они по своимъ лѣсницамъ, на которыхъ ступеняхъ токмо носками спановиться можно, такъ какъ бѣлки на верхъ взбѣгають; и бабы съ малыми ребятами за плечми сквозь дымъ ходить не опасаются, не смотря на то, что онѣ и Коекчучи имѣють позволеніе входить и выходить чрезъ другое отверстіе, которое просто жупаномъ называется. Впрочемъ естли мущина пойдетъ жупаномъ, тотъ часъ причину подастъ надъ собою смѣяться, ибо сіе у нихъ столь странное дѣло, что козаковъ, которые при первомъ случаѣ не обыкнувъ ходить сквозь дымъ, выходили жупаномъ, почипали они всѣхъ Коекчучами.

Головни изъ юртъ выметываютъ въ верхнее отверстие, ущемя въ двѣ нарочно для того сдѣланныя палки, которыя называютъ *Адронами*, и потъ за великаго щеголя и удалца почипаешия, который большія головни изъ глубокой юрты выбрасываетъ мѣшко.

Въ сихъ юртахъ живутъ Камчадалы съ осени до весны, а потомъ выходяшъ въ

балаганы. Южные Камчадалы юрту называютъ *Тгомкегститъ*, а сѣверные *Кузуть* или *Тимуститъ*. Верхнее отверстіе *Онотъ*, нижнее *Линемъ*, закрышку его *Шолонать*, отъ чего весь выходъ козаки называютъ *жупаномъ*. Стоячіе столбы въ юртѣ *Кокодъ*, а толстыя брѣвна, которыя съ земли прислоняются къ перекладинамъ, *Кошледъ*.

При каждой юртѣ бываетъ по малой мѣрѣ сколько балагановъ, сколько семей въ острожкѣ; ибо оныя и вмѣсто кладовыхъ анбаровъ, и вмѣсто лѣтнихъ покоевъ служатъ, а дѣлаются слѣдующимъ образомъ. Сперва ставятъ девять столбовъ вышиною сажени по двѣ и больше, въ приряда въ равномъ разстояніи. Столбы связываютъ перекладинами, на перекладинахъ мостятъ полъ кольемъ, и устилаютъ правую; поверху пола дѣлаютъ изъ кольяжъ высокой островерхой шаперъ, которой обрѣщешя прутьями или тонкими кольями, покрываютъ правую. Траву прижимаютъ кольемъ, а для крѣпости, чтобъ не сносило въпрямъ, концы верхняго колья съ концами нижняго связываютъ ремнями и веревками. Двери у нихъ дѣлаются съ двухъ сторонъ, однѣ противъ другихъ прямо. Ходятъ на балаганы по такимъ же лѣсницамъ, какъ въ зимнія юрты.

Такіе балаганы бывають у нихъ не токмо при зимнихъ юртахъ, но и на лѣтовьяхъ, гдѣ кормъ промышляютъ; и сіе строеніе по обстоятельству тамошнихъ мѣстъ весьма способно и нужно, ибо въ разсужденіи тамошнихъ мокрыхъ погодъ, во время рыбной ловли, принуждены они бывають досушивать рыбу подъ балаганами. Но есть и другая тамошнимъ жилищамъ выгода отъ балагановъ; ибо когда они съ лѣтнихъ промысловъ въ дома возвращаются, то сушеную рыбу обыкновенно оставляють до зимы въ балаганахъ, по большей части безъ караула, токмо оставя прочь лѣсницу. И такимъ образомъ кормъ ихъ хранится въ цѣлости отъ звѣрей, копорые на балаганы попасъ не легко могутъ: а ежели бы оное строеніе не столь высоко было, то бы звѣри ничего имъ не оставили, ибо есть примѣры, что медвѣди взлазятъ иногда и въ балаганы, не смотря на всѣ трудности; особливо же въ осеннее время, когда въ рѣкахъ рыба и по полямъ ягоды перемежаются.

На лѣтнихъ промыслахъ при балаганахъ дѣлаются правяные шалаши, копорые по Камчатски *бажабажъ*, а по Руски *барабанами* называются. Въ нихъ они по большей части бѣсъ варятъ, и рыбу чи-

спяшъ въ ненастливую погоду, а козаки соль варяшъ изъ морской воды.

Многолюдные острожки обставлены бываюшъ вокругъ балаганами, и издали показываюшъ преизрядной видъ. Всякой такой острожекъ кажется городомъ по причинъ балагановъ, которые и сами мы не видавъ почитали башнями.

Камчадалы строяшъ свои острожки обыкновенно по островамъ въ густыхъ тальникахъ, или на такихъ мѣстахъ, которыя отъ природы крѣпки, и безопасное имѣютъ положеніе, разстояніемъ отъ моря не меньше 20 верстъ, а иногда и гораздо далѣе; а на устьяхъ рѣкъ бываюшъ у нихъ лѣшья. Однако сіе касается до однихъ южныхъ Камчадаловъ, кои живутъ по Пенжинскому морю, а по Восточному морю естъ острожки и подлѣ самаго моря.

Всякой острожекъ ту рѣку, при которой живетъ, почитаетъ за владѣніе своего рода, и съ той рѣки на другую никогда не переселяется. Естли по какойнибудь причинѣ одна или нѣсколько семей пожелаюшъ жить особливими юртами, то дѣлаюшъ оныя выше или ниже острожка по той же рѣкѣ или по посторонней, которая течетъ въ ихъ рѣку. Чего ради думать можно, что на всякой рѣкѣ жи-

вупѣ сродники, копорые происходятъ отъ одного прародителя. Сами Камчадалы, по объявленію Стеллера, говорятъ, что *Купѣ*, котораго иногда богомѣ, а иногда прародителемѣ называютъ, на каждой изъ Камчатскихъ рѣкъ жилъ по два года, и дѣтей родивъ оставлялъ ихъ на природномѣ ихъ мѣстѣ, отъ копорыхъ каждая рѣка имѣетъ нынѣ своихъ жителей. Такимъ образомъ Купѣ ихъ дошелъ до Озерной рѣки, копорая печетъ изъ Курильскаго озера, и аки бы совершивъ печеніе и труды свои представилъ къ горѣ башы свои, и отбылъ съ Камчатки.

На промыслы звѣриные ходятъ Камчадалы по своимъ же рѣкамъ, что, можетъ быть, прежде сего наблюдалось строго, но нынѣ желающіе промыслять морскихъ звѣрей, ходятъ верстъ по двѣсти отъ своихъ жилищъ на Авачу и на Курильскую лопашку.

ГЛАВА V.

О домашней посудѣ и о другихъ нужныхъ въ житіи потребностяхъ.

Вся Камчатская посуда и всѣ экономическія ихъ принадлежности, состоятъ въ чашахъ, корытахъ, берестяныхъ кужняхъ, а по тамошнему туманамъ, да въ санкахъ и лодкахъ: въ чашахъ и корытахъ варили они бсѣ и себѣ и собакамъ, кужни употребляли вмѣсто спакановъ, санки къ бздѣ зимою, а лодки лѣтомъ. Чего ради и писать бы о томъ болѣе нѣчего, естли бы сей народъ, такъ какъ другіе, имѣлъ тогда или зналъ употреблять металлы. Но какъ они безъ желѣзныхъ инструментовъ могли все дѣлать, строить, рубить, долбить, рѣзать, шить, огонь доставать, какъ могли въ деревянной посудѣ бсѣ варить, и что имъ служило вмѣсто металловъ; о томъ, какъ о дѣлѣ не всякому знаемомъ, упомянуть здѣсь не непристойно, шѣмъ наипаче, что сіи средства не разумной или ученой народъ вымыслилъ, но дикой, грубой и прехъ перечесъ неумѣющей. Столь сильна нужда

умудрять къ изобрѣшенію потребнаго въ жизни!

До прибытія почти Россіянъ на Камчатку, употребляемы шамъ были вмѣсто металловъ, кость и камень. Изъ нихъ Камчадалы дѣлали топоры, ножи, копья, стрѣлы, ланцеты и иглы. Топоры у нихъ дѣлались изъ оленьей и кишковой кости, также и изъ яшмы, на подобіе клина, и привязывались ремнями къ кривымъ топорщикамъ плашмя, каковы у насъ бывають пелсы. Ими они долбили лодки свои, чаши, корыта и прочее, однако съ такимъ трудомъ и съ такимъ продолженіемъ времени, что лодку при года надлежало имъ дѣлать, а чашу большую не меньше года. Чего ради большія лодки, большія чаши или корыта, которыя по тамошнему *хомягами* называются, въ такой чести и удивленіи бывали, какъ нѣчто сдѣланное изъ дорогаго металла превысокою работою; и всякой оспрожекъ могъ шѣмъ хвалиться предъ другими, какъ бы нѣкоторою рѣдкостью, особливо когда кто, наваря въ одной посудѣ пищи, не одного гостя могъ удовольствовать, ибо въ такихъ случаяхъ одинъ Камчадалъ прошивъ двадцати человекъ сѣдаетъ, какъ о томъ ниже объявлено будетъ. А варили они въ такой посудѣ рыбу и мясо каленымъ камнемъ.

Ножи они дѣлали изъ горнаго зеленоватаго или дымчатаго хрустала на подобіе ланцовъ остроконечные, и насаживали ихъ на черенъе деревянное. Изъ тогожъ хрустала бывали у нихъ стрѣлы, копья и ланцезы, которыми кровь и понынѣ пускаютъ. Швальныя иглы дѣлали они изъ собольихъ костей, и шили ими не токмо платье и обувь, но и подзоры весьма искусно.

Огнива ихъ были дощечки деревянныя изъ сухаго дерева, на которыхъ по краямъ наверхены дирочки, да кругленькія изъ сухагожъ дерева палочки, которыя вертя въ ямочкахъ огонь доставали. вмѣсто трупа употребляли они мяшю праву поншичь, въ которой раздували загорѣвшуюся отъ вертѣнія сажу. Всѣ сіи принадлежности обвертя берестюю каждой Камчадалъ носилъ съ собою, и нынѣ носятъ, предпочишая ихъ нашимъ огнивамъ для того, что они не могутъ изъ нихъ такъ скоро огня вырубать, какъ доставаютъ своими огнивами. Но другіе желѣзные инструменшы, топоры, ножи, иглы и прочее, и отъ нихъ такъ высоко почищаются, что съ начала ихъ покоренія и потѣ себя почиталъ за богатаго и щасливаго, у кого былъ какой нибудь желѣзной обломокъ. Не пропадетъ у нихъ

и нынѣ даромъ ни иверешокъ изъ перегорѣлыхъ кошловъ желѣзныхъ; могутъ они дѣлать изъ нихъ клепики, стрѣлы, или что нибудь полезное; при чемъ то удивительно, что они не калятъ желѣза, но холодное положа на камень куютъ камнемъ же вмѣсто молота. Такимъ образомъ поступаютъ съ желѣзомъ не токмо Камчадалы, но и Коряки и другіе дикіе народы, особливо же Чукчи, которые покупая у нашихъ желѣзные кошлы дорогою цѣною перекавываютъ въ копья и стрѣлы: ибо имъ, какъ немирному народу, никакихъ желѣзныхъ инструментовъ продавать не велѣно, но о посудѣ никто прежде не думалъ, чтобъ они покупали на сей конецъ. Тожъ дѣлаютъ они и съ оружіемъ огненнымъ, которое отбивать имъ у нашихъ случается: ибо они стрѣлятъ изъ него не умѣютъ, покрайней мѣрѣ скоро его портятъ, не зная какъ замки разбирать и чистить, и какъ винтовки смазывать. Иглы, у которыхъ уши опломятся, умѣютъ они весьма искусно починивать, каковыбъ онѣ малы ни были. Расклепываютъ кончикъ, гдѣ уши были, камнемъ, и другою иглою просверливаютъ новыя, и такъ дѣлаютъ, пока уже одно почти острее только останется.

Желѣзную и мѣдную посуду еще во время моей бытности токмо тѣ употребляли, которые знали, что честь и чистота, и старались Россійскому житію послѣдовать; въ томъ числѣ были знатнѣйшіе новокрещенные Тоіоны, которые живущіе близъ Россійскихъ остроговъ, и часто имѣютъ съ нашими обхожденіе, а прочіе деревянной своей посуды и понынѣ не оставляютъ.

Сказываютъ, будто желѣзные инструменты знали Камчадалы еще до покоренія Россійской державы, а получали ихъ отъ Японцовъ, которые приѣзжали къ Курильскимъ островамъ, а однажды и на Большую рѣку моремъ, и будто Камчадалы Японцовъ Шишаманъ называютъ для того, что чрезъ нихъ узнали желѣзныя иглы; ибо игла по Камчатски *Шишь* называется. Что касается до Курильскихъ острововъ, то сумнѣнія нѣтъ, что прежде сего приѣзжали туда Японцы на бусахъ (1), и торговали: ибо я самъ досталъ съ Курильскихъ острововъ Японскую саблю, лаковой подносъ и серебряныя серги, которыя ни откуда получены, какъ только изъ Японіи (2); а бывала ли

(1) Мореходное мачтовое судно, похожее на ладью.

(2) Японцы имѣли торгъ на южныхъ Курильскихъ

когда Японская буса на Большо́й рѣкѣ, о томъ заподлинно утверждать не лзя, для того что кажется трудно повѣрить, чтобъ такіе мореходы, каковы Японцы, отважились ийти для купечества въ неизвѣстныя страны, и провѣдывать пристанища съ трудомъ и опасностію; развѣ (1) можетъ быть, приносило когда такое ихъ судно погодою, какъ то не рѣдко случается.

Изъ всей работы сихъ дикихъ народовъ, которую они каменными ножами и топорами весьма чисто дѣлаютъ, ничто мнѣ такъ не было удивительно, какъ цѣпь изъ моржовой кости, которая привезена на боту-Гавріилъ съ Чукоцкаго носа. Она состояла изъ колецъ, гладкостію подобныхъ поченымъ, и изъ одного зуба была сдѣлана; верхнія кольца были у ней больше, нижнія меньше, а длиною была она не много меньше полуаршина. Я могу смѣло сказать, что по чистотѣ работы и по искус-

островахъ, еще до покоренія сихъ острововъ подъ свою державу, и откупали у тамошнихъ жителей рыбную ловлю, какъ о семъ упоминаетъ флота Капитанъ В. М. Головнинъ въ своихъ запискахъ. В.

(1) Тѣмъ паче, когда Японское правительство въ исходѣ 16 вѣка запретило своимъ подданнымъ плавать въ чужія земли. В.

ству никтѣмъ не почелъ оную за труды дикаго Чукчи, и за дѣланную каменнымъ инструментомъ, но за поченую подлинно. Въ разсужденіи недостатка въ инструментахъ Чукоцкой оной художникъ конечно не скучливъ былъ къ работѣ, и имѣлъ довольно свободнаго времени, которое могъ употребить на сію бездѣлицу: ибо смотря по другимъ вещамъ, сколько продолжительно онъ дѣлался отъ Камчадаловъ, сумнѣваться не можно, что онъ употребилъ на сію работу не меньше года времени. А къ чему сія цѣль была употребляема, о томъ не извѣстно, ибо козаки нашли оную въ пустой Чукоцкой юртѣ.

Коряцкіе куяки, которые они изъ мѣлкихъ продолговатыхъ косточекъ сшивають ремнями, и ихъ такъ называемыя косяныя проерогія (1) *текуши*, которыя насаживають они на долгія раповища, и въ военное время употребляють, также не недостойны примѣчанія, ибо кость такъ гладко обдѣлана, что лоснится.

Что касается до санокъ ихъ, какимъ образомъ ихъ дѣлають, о томъ писано будетъ въ главѣ о собачьей бздѣ; а здѣсь сообщимъ мы извѣстіе о лодкахъ, гдѣ какія

(1) Родъ остроги.

въ тѣхъ мѣстахъ употребляются, и изъ какого дерева обыкновенно бывають.

Камчатскія лодки, или по тамошнему *баты*, дѣлаются двойкимъ образомъ, и по разности образцовъ разными именами называются, одинъ *Кояхтаптымъ*, а другія *Тахту*. Кояхтаптымъ отъ нашихъ рыбацкихъ лодокъ никакой не имѣютъ отмінны, ибо и носъ у нихъ выше кормы, и бока разложисты, а у лодокъ тахту носъ и корма съ боками равны или и ниже, бока не разведены, но внутрь вогнуты, чего ради къ вѣдѣ весьма неспособны, а особливо въ погоду, ибо вода въ нихъ тотчасъ заливается. Кояхтаптымъ употребляются по одной рѣкѣ Камчаткѣ отъ вершины до самаго устья, а въ другихъ мѣстахъ какъ по Восточному, такъ и по Пенжинскому морю Тахту.

Когда къ лодкамъ тахту пришиваются набои, что обыкновенно дѣлается у жителей Боброваго моря, тогда онѣ *Байдарами* называются, и жители въ нихъ гоняются по морю за морскими звѣрями. Дны у такихъ байдаръ колютъ они нарочно, и зашивъ киповыми усами конопатятъ мхомъ или мягкой кропивою: ибо примѣчно ими, что нерасколошья байдары на морскихъ валахъ колются, и бывають промы-

шленикамъ причиною гибели. Островные Курильцы и на Лопаткѣ живущіе, байдары строятъ съ килемъ, доски пришиваютъ усамижъ, а конопатятъ мохомъ.

По всей Камчатской землѣ не дѣлаютъ лодокъ ни изъ какого дѣрева кромѣ пополя, выключая Курильцовъ, которые того не наблюдаютъ: ибо они строятъ байдары свой изъ лѣса выбрасываемаго изъ моря, коюрой принесли изъ Японіи, Америки и съ береговъ Китайскихъ, потому что у нихъ не растетъ лѣсу къ строенію удобнаго. Сѣверные Камчатскіе народы, сидячіе Коряки и Чукчи дѣлаютъ свои байдары изъ кожъ лахпашныхъ, какъ уже выше объявлено, а причина тому можетъ быть недостатокъ же въ удобномъ лѣсѣ, или что немѣвшимъ желѣза коженыя дѣлать способнѣе было.

Въ батахъ и рыбу ловятъ, и кладъ возятъ по два человекъ, изъ которыхъ одинъ на носу, а другой на кормѣ сидитъ. Вверхъ по рѣкамъ взводятъ батаы на шестахъ съ превеликою трудностію, ибо на быстрыхъ мѣсцахъ споятъ иногда съ полчетверти часа всѣ вытянувшись на шесты, которыми опираются, пока лодка на поларшина подася. Однако не смотря на всѣ трудности, удалые Камчадалы взводятъ та-

кимъ образомъ баты и съ грузомъ верстѣ по двадцати вверхъ, а на легкѣ переходятъ верстѣ по тридцати и до сорока. Чрезъ рѣки перегребаютъ обыкновенно стоя, какъ Волховскіе рыбаки въ челночкахъ своихъ.

Клади на большіхъ батахъ можно возить пудъ по тридцати и по сороку. Когда кладъ легка, но озойна, каковá напримѣръ сухая рыба, то перевозятъ оную на паромахъ сплошивъ два бата вмѣстѣ, и намостя мостѣ, однако вверхъ по быстрымъ рѣкамъ паромы проводить и трудно и продолжительно; чего ради употребляются онѣ токмо по рѣкѣ Камчаткѣ, которая по глубинѣ своей и умѣренной быстринѣ къ тому способна; а по другимъ рѣкамъ только внизъ по рѣкѣ на паромахъ бздятъ, а вверхъ рѣдко, и то по нуждѣ, когда по окончаніи рыбныхъ промысловъ у моря надобно переѣзжать въ острогъ со всѣмъ домашнимъ приборомъ и съ малолѣтными, или когда кладъ шакова, что въ батѣ умѣстити не лзя, какъ напримѣръ бочки и кадки съ рыбою, которую насаливаютъ у моря.

ГЛАВА VI.

О мужской и женской работѣ.

Въ Камчатскомъ житиѣ, какъ въ крестьянствѣ, въ разныя времена и работа бываетъ различная. Лучшее время мужчины трудятся въ ловлѣ рыбы, въ сушеніи ея, въ перевозкѣ отъ моря на свои жилища, въ припасѣ собакамъ корму, костей и кислой рыбы; а женщины между пѣмъ чистятъ изловленную рыбу, пластаютъ, а иногда и въ ловлѣ мужьямъ способствуютъ. Излишнее время употребляютъ онѣ на собираніе разныхъ травъ, коренья и ягодъ не токмо на пищу, но и въ лѣкарства; дѣлаютъ сладкую праву (1), которую прежде

(1) Въ 1773 году покупка въ казну сладкой правы была не выше трехъ рублей за пудъ; а изъ двухъ пудъ правы выкуривано раки по одному ведру съ осьмухою. Сія рака, которую впрочемъ противъ хлѣбной почести можно, продается потчасъ по выгонѣ, или не позже двухъ или трехъ дней; тогда бываетъ она вкусомъ нѣсколько горьковата; но ежели застоится долѣе, то дѣлается хуже, и на послѣдокъ, по прошивному запаху, оказывается къ

шокмо на пищу, а нынѣ и для сидѣнія вина употребляютъ; готовятъ кипрей и (1) траву, изъ которой плешутъ ковры свои, епанчи, мѣшечки и другія домашнія мѣлочи, и всѣ какъ свѣспные, такъ и другіе припасы имѣютъ на рукахъ своихъ.

Когда осень настанетъ, тогда мужчины упражняются въ ловлѣ осенней рыбы, въ промыслѣ различныхъ птицъ, гусей, лебедей, утокъ и прочая, водяся съ своими собаками, вывзывая и выдерживая ихъ, какъ Якушы лошадей своихъ; заготовляютъ лѣсъ, къ дѣланію саней и другой работѣ потребный; а женщины водяся съ кропивою, рвутъ, мочатъ, мнутъ, обдираютъ и кладутъ подъ балаганы; ходятъ по тундрамъ и вынимаютъ изъ мышьихъ норъ лилейные коренья, или по тамошнему сарану, разнаго рода.

Зимою мужчины ходятъ за соболями и лисицами, вяжутъ сѣти для ловли рыбы, дѣлаютъ санки, ѣздятъ за дровами, перевозятъ запасъ свой изъ разныхъ мѣстъ, гдѣ лѣтомъ приготовили, а не успѣли перевезти осенью; а женщины больше пруж-

употребленію негодною. Въ 1773 году была она въ продажѣ отъ казны по двадцати до двадцати двухъ рублей за ведро. В.

(1) *Secale spiculis geminatis* Linn. Svec. pag. 36.

дятся въ сученіи нишокъ на сѣпи. И сія ихъ работа такъ продолжительна, что одна баба едва насучитъ сполько можеть, чтобъ мужу достало потребныхъ сѣпей на лѣто, а у копорыхъ семья побольше, тѣ готовятъ и съ излишествомъ, и мѣняють другимъ на угодныя себѣ мѣлочи, какovy напримѣръ иглы, шелкъ, наперстки, ножики, и прочая.

Весною, когда рѣки проходятъ, и рыба, копорая въ нихъ зимовала, къ морю подымается, мушины упражняются въ ловлѣ ея или ѣздятъ къ морю, и промышляютъ вахню, которой по морскимъ губамъ бываетъ тогда великое довольство; а нѣкоторые и въ дальнія мѣста на Восточное море и на Курильскую лопатку для ловли морскихъ бобровъ и другихъ морскихъ звѣрей отлучаются, а женщины ходятъ по тундрамъ, собираютъ черемшу и другія молодя травы не токмо для награжденія обыкновеннаго тогдашняго недоспадка въ пищѣ, но и для забавы; ибо они зелень такъ любятъ, что во все вешнее время почти изъ рошу не выпускаютъ. Женской полъ весь тогда по тундрамъ ходитъ, и вечеромъ съ превеликими ношами домой возвращается, однако тѣхъ ношъ не спанетъ имъ на сутки.

Сверхъ того до мужеской работы при

надлежитъ юрты и балаганы строить, юрты топить, снаряжать, собакъ кормить, при случаѣ гостей подчивать, собакъ обдирасть и другихъ звѣрей, когда кожи понадобятся на плащье, и въ пригошовленіи домового и военнаго снаряда; а женская работа состоитъ въ выдѣлываніи кожъ на плащье и обувь, въ шитьѣ плащья и обуви: ибо онѣ у Камчадаловъ и поршные и сапожники, а мушкетеры за то принятыя такое безчестіе, что топчасъ почтены за коекчуча. Чего ради съ первыхъ временъ всѣхъ козаковъ, у которыхъ иглу въ рукахъ или шило видали, почтены они за коекчучей, ибо у нихъ шьютъ только однѣ бабы и коекчучи, которые и въ женскомъ плащѣ ходятъ, и женскую работу отправляютъ, мужской отнюдь не прикасаются. До нихъ же касается, красить выдѣланные кожи, также лѣчить и шаманить. А какимъ образомъ выдѣлываютъ онѣ кожи, и красятъ, чѣмъ шьютъ и клеятъ, о томъ здѣсь же сообщить должно.

Всякія кожи, которыя на шубы употребляютъ, напримѣръ олени, тюленьи, собачьи, бобровыя, дѣлаютъ онѣ одинакимъ образомъ. Сперва мочатъ мездру водою, и камнемъ утвержденнымъ въ средину палки сбиваютъ болонь и жилы, которыя остающ-

ся при сниманіи; по томѣ намазываютъ жеванною икрою квашеною или свѣжею, и свернувъ кожу топчутъ ногами по тѣхъ порѣ, пока мездра провянетъ; послѣ опять скоблятъ и напираютъ, продолжая работу до тѣхъ порѣ, пока мездра мягка и чиста будетъ.

А копорыя кожи ровдугами или замшею сдѣлашь намѣрены, съ тѣхъ сперва сбиваютъ жилы и болонь объявленнымъ же образомъ, потомъ коптятъ ихъ въ дыму съ недѣлю, послѣ мочатъ и парятъ, чтобъ шерсть опопрѣла, а наконецъ намазываютъ икрою, мнутъ, топчутъ и скоблятъ камнемъ, какъ выше показано.

Оленьи и собачьи кожи на платье красятъ ольхою чрезъ многократное напираніе мѣлко изрубленною корою; а тюленьи, копорыя на платье, обувь или на ремни, копорыми санки обвиваются, особливимъ образомъ: оправивъ съ кожи шерсть, шиваютъ оную мѣшкомъ вверхъ шерстью, и сваря крѣпко ольховой рубленой коры вливаютъ въ помянутой мѣшокъ, и зашиваютъ. Спустя нѣсколько времени вѣшаютъ мѣшокъ оной на дерево, и бьютъ палкою, потомъ опять даютъ лежать нѣкоторое время, а послѣ опять вѣшаютъ и бьютъ палкою, и сіе продолжаютъ по тѣхъ порѣ, пока краска въ кожу довольно вѣстся; пог-

да расшивають мѣшокъ, растягивають кожу и сушатъ на воздухѣ, а наконецъ мнутъ до мягка руками, и употребляютъ въ дѣло. Такія кожи на сафьянѣ много походятъ, однако Ламушки, какъ пишетъ Стеллеръ, лучше ихъ умѣютъ выдѣлывать, а называютъ ихъ *Мандарамы*, и каждую кожу продаютъ до осьми гривенъ.

Тюленью шерсть, которую просто называютъ краскою, и окладываютъ ею плашье и обувь, красятъ онѣ брусничнымъ сокомъ сваря его съ ольховою корою, съ квасцами и съ каменнымъ масломъ, и сія краска бываетъ жаркаго цвѣта.

Плашье и обувь шивали онѣ костяными иглами, а вмѣсто нитокъ употребляли оленьи становыя жилы, которыя раздѣля сучатъ какъ нитки, сколь тонки или толсты надобны.

Клей дѣлаютъ онѣ изъ рыбьихъ сухихъ кожъ, а особливо изъ китовой. Оныя кожи обвертываютъ въ бересту, загребаютъ въ горячей пепелъ, и не много спустя вынимаютъ, и употребляютъ на что надобно. Имъ можно клеить стольже крѣпко, какъ лучшимъ мерлужчатымъ клеемъ.

ГЛАВА VII.

О камчатскомъ платьѣ.

Матерія, изъ копорой Камчадалы прежде сего носили плашье, и нынѣ по большей части носятъ, оленьи, собачьи, неръпичьи и другихъ какъ морскихъ, такъ и земныхъ звѣрей, и пшичьи кожи, копорыя они безъ разбору въ одну шубу сшивали, что еще и мнѣ въ Курильскихъ паркахъ случилось видѣть, но въ верхнемъ платьѣ имѣющъ опмѣну, хотя она и не весьма велика.

Верхнее плашье по козачьи называется *куклянка*, отъ сѣверныхъ Камчадаловъ *Коависъ*, а отъ южныхъ *Кахлитатъ*: а дѣлающя куклянки двумя разными покроями, у однѣхъ подолъ бываетъ ровной, а у другихъ назади съ нарочитою выемкою и съ хвостомъ долгимъ: первыя подъ именемъ куклянокъ круглыхъ, а другія подъ именемъ куклянокъ съ хвостами извѣстны. Впрочемъ шьются изъ кожъ оленьихъ длиною нѣсколько ниже колѣнъ съ широкими рукавами и съ кулемъ, копорой на голову въ случаѣ выюги поверхъ шапки надѣвается. Воротъ у нихъ какъ только головѣ прой-

ши, къ ворошу пришиваются собачьи лапы, копорыми въ погоду лице закрываютъ. Вкругъ подола, рукавовъ и вьругъ куля опушиваются куклянки рослою бѣлою собо-чиною, что выше всякаго пуха почишаеш-ся. На спинѣ пришиваются къ нимъ ряски изъ ремешковъ распестренныхъ краскою, а иногда и по двѣ великія шишки, расшитыхъ шелками или различныхъ цвѣтовъ ремеш-ками и распестренныхъ краскоюжъ. Надѣва-ются обыкновенно пара́ми, нижняя шерстью, а верхняя мездрой внизъ. У нижней мездра красится ольхою, а на верхнюю выбираются кожи такихъ шерстей, каковы въ чеспи у нихъ, а именно черная, бѣлая и пѣгая, копорая выше всѣхъ почишаешся. Однако сего плашья за сущее Камчатское почестъ не можно, ибо они отъ Корякъ его получа-ли, а сами шивали наиболѣе изъ собачьихъ кожъ, изъ соболей, лисицъ, еврашекъ и изъ каменныхъ барановъ, впрочемъ шѣмъ же по-кроемъ, какъ выше показано.

Есть еще плашье называемое *камлѣи*, копорое пара́ми же носится, а разность его отъ куклянокъ состоитъ въ одной дли-нѣ, что оно дѣлается почти по пяты, сверхъ того никакими красками не краси-ся. Но и сіе отъ Корякъ же получается.

Лучшее плашье, копорымъ и козаки и

Камчадалы щеголяютъ, по козачьи называется *лърка*, отъ сѣверныхъ Камчадаловъ *тингекъ*, а отъ южныхъ *тангакъ*, длиною бываетъ съ куклянку, въ подолѣ ширѣ, а подѣ мышками уже, съ рубашечнымъ воропомъ и съ рукавами узкими. Вкругъ подола, вѣроша и вкругъ рукавовъ обшивается подзорами, и окладывается бобровымъ пухомъ.

Подзоры у сѣверныхъ Камчадаловъ *Чи́сту*, а у южныхъ *Еганѣмъ* называемые, шьются слѣдующимъ образомъ. Замшеной ремень шириною пальца на полтора разчерчивается клѣпками въ три ряда: клѣпки длиною бываютъ около полувершка, и каждая разнымъ шелкомъ разшивается, выключая верхній рядъ, который черезъ клѣпку вышивается бѣлыми волосами изъ бороды оленьей. Къ такому ремню сверху и снизу пришиваются по красному или черному мандарному ремню, изъ собачья горла выдѣланному на подобіе лайки; такой ремень распестренъ узорамижъ. Къ ремнямъ пришиваются собачьежъ горло вырѣзанное зубцами и обложенное крашеною шерстью. Но шелковые подзоры начали шить по покореніи, а до того распестряли ихъ оленьими волосами, крашеною шерстью и собачьимъ горломъ.

Вышепомянутое платье и мущины и женщины безъ разбора носятъ, а разность

между мужскимъ и женскимъ состоитъ въ нижнемъ плащѣ и въ обуви. Женское нижнее платье, въ которомъ онѣ дома обыкновенно ходятъ, содержитъ и штаны и душагрѣйку вмѣстѣ сшитыя. Штаны длиною и шириною подобны Голландскимъ брюкамъ, и также подвязываются ниже колѣна, а душагрѣйка съ воропомъ, которой на веревочкѣ и спягивается и распускается. Сіе платье называется *хоньбами*, и съ ногъ надѣвается. Оно бываетъ лѣтнее и зимнее: лѣтнее шьется изъ ровдугъ или изъ кожъ морскихъ звѣрей, выдѣланныхъ на подобіе ровдугъ, а зимнее изъ оленьихъ, и изъ кожъ каменныхъ барановъ, которое онѣ носятъ иногда вверхъ, а иногда внизъ шерстью. Мужское покоевое или домашнее платье есть ременной поясъ, по ихъ *Ма́хва*, у котораго на переди пришитъ мѣшечекъ для прикрытія тайнаго у́да, а назади ременные мохры для прикрытія зада; впрочемъ бываетъ оной раскрашенъ и нерпичьею крашеною шерстью. Въ семъ плащѣ хаживали прежде сего Камчадалы не токмо дома, но и на промыслахъ въ лѣтнее время; но нынѣ употребляется оно токмо у отдаленныхъ отъ Россійскихъ остроговъ, а ближніе носятъ рубахи, которыя покупаютъ у Рускихъ.

Лѣтніе штаны какъ у мужескаго, такъ и у женскаго пола одинакіе: шьются изъ разныхъ кожъ на подобіе поршковъ, каковы носятъ мужики деревенскіе, токмо поуже. Зимніе мужскіе штаны хотя тѣмъ же покроємъ бывающъ, какъ лѣтніе, однако съшою опмѣною, что ширѣ и что огузье у нихъ въ низъ шерстью, а сопли, на копоры обыкновенно олени или волчьи кáма-сы употребляются, вверхъ шерстью. По конецъ соплей бываетъ ровдужной, или суконной опушень, въ которой ремень продѣвается для завязыванія обуви, на копорую надѣваются, чтобъ снѣгъ за оную не засыпался.

Мужская обувь отъ женской вообще различается тѣмъ, что у мужской голенища коротки, а у женской по колѣно долги, впрочемъ шьется изъ различныхъ кожъ; копорую носятъ лѣтомъ въ мокрую погоду, та дѣлается изъ сырой тюленьей кожи вверхъ шерстью наподобіе порпней, каковы носятъ Сибирскіе козаки и Таттары, когда бечевой ходятъ, ибо и порпни шьются изъ сырой же лошадиной или коровьей кожи вверхъ шерстью. Зимнюю обувь, въ которой ходятъ на промыслы, шьются изъ сушеной рыбьей кожи, а особливо Чавычьей, Кайковой и Няркиной, но

она хороша шокмо вѣ морозы, а вѣ мокрую погоду потчасѣ распалзывается. Наиболѣе употребляютъ на зимнюю обувь олени камасы, которые носятъ вверхъ шерстью; подошва у нихъ бываетъ изъ лахпашной кожи, а для большаго тепла собираютъ ихъ и изъ лоскутья оленьихъ камасовъ, у которыхъ шерсть долга, и изъ медвѣжьихъ камасовъ, вѣ которыхъ подошвахъ сверхъ тепла и сія есть выгода, что можно ходить и по скользкимъ мѣстамъ безъ опасности.

Лучшая обувь, которою также какъ парками козаки и Камчадалы щеголяютъ, шипые порбасы, которые походять нѣсколько на упуки, и также подвязываются ремнями. Подошва у нихъ бываетъ изъ тюленьей бѣлой кожи, головы изъ красной мандары, взѣмы изъ бѣлой лайки или по ихъ собачьи горла, а голенища изъ замши или изъ тюленьей крашеной кожи, къ которымъ на верху широкіе подзоры пришиваются, каковы къ паркамъ. Сія обувь такой важности, что естли на холостомъ ее увидятъ, потчасѣ будетъ подозрѣніе, что у него есть любовница. Такіе порбасы по Камчатски называются *Згоейнутъ* и *Дзилетъ*.

Чулки носятъ они изъ собачьихъ кожъ,

а называютъ ихъ *тажами*, но наибольше обвиваютъ ноги тоншичемъ, отъ чего, по сказкамъ ихъ, не меньше чажей тепла, а при томъ сія выгода, что не потбютъ ноги.

Шапки носятъ такіяжъ какъ Якутскія; но господинъ Стеллеръ объявляетъ, будто прежде сего бывали у нихъ шапки изъ пшичьихъ перьевъ и изъ звбринныхъ кожъ безверхія, на подобіе старинныхъ нашихъ шреуховъ бабьихъ, токмо съ тою опмбною, что уши у Камчатскихъ шапокъ не сшивались вмбстб. Лбшомъ носятъ они бересшешные умбракулы, копорые завязываются на запылкб, а у Курильцовъ лбшнія шапки плешеныя изъ правы наподобіе вбнчика.

Женской лучшей головной уборъ парикъ, о копоромъ выше упомянуто. Сіи парики такъ любы имъ бывали и милы, что, по объявленію Стеллера, препятшвовали многимъ кб воспріятію православной вбры, для того что при крещеніи снимали съ нихъ такое странное украшеніе, а у копорыхъ натуральные волосы по паричному расшешы были, шбхъ остригали кб чувствительной ихъ печали и горешши. Дбвки расплешали волосы свои на мблкія косы, копорыя для лоску мазали шюленьимъ жи-

ромъ. Но нынѣ все опмѣнилось, ибо какъ женщины такъ и дѣвки по Россійски убираются. Носятъ тѣлогрѣи и юпки, носятъ рубахи съ манжетами, носятъ кокошники, чепцы, и золотыя ленты, а своимъ развѣтокмо пѣ не гнушаются, копорымъ лѣтъ по 80 отъ роду.

Женщины всякую работу дѣлаютъ въ перчаткахъ, копорыя шьются безъ пальцевъ, и никогда ихъ не скидаютъ.

Лица прежде сего умывать не знали, но нынѣ бѣлятся и румянятся. вмѣсто бѣлилъ употребляютъ гнилое дерево, копорымъ мѣлко изтертымъ натираются, а румянятся (1) правою морскою, копорая видомъ какъ Елочка. Сію праву мочатъ онѣ въ тюленьемъ жиру, и намазываютъ щеки столь же красно, какъ румянами.

Большее щегольство и наряды бываютъ у нихъ зимою, когда много проѣзду. Если появился споронній, то всѣ за нарядъ принимаются, моются, бѣлятся, и одѣваются въ лучшее платье.

Но еслии копорой Камчадалъ пожелаетъ и себя одѣть и домашнихъ, то ему

(1) *Fucus marinus abietis forma.*

Pinus maritima s. fucus teres &c. Dood. abb. 326 Raj Lyn.

понадобится не меньше ста рубли на самое роскожное платье: ибо шамъ и шерстяные чулки, которые здѣсь по двадцати копеекъ продаются, меньше рубля купить ему не лзя, для того что и Россійскіе жишели ниже того не покупають; изъ чего о другихъ вещахъ разсуждать можно. Курильцы всякое дорогое платье покупать больше въ состояніи, нежели Камчадалы: ибо они на одного бобра морскаго, которые и на Камчаткѣ отъ 15 до 40 рублевъ продаются, столько могутъ купить, сколько Камчадалъ лисицъ на двадцать; а бобра Курильцу легче достать, нежели Камчадалу пять лисицъ, для того что въ самой хорошей годъ и звѣремъ довольной, лучшей промышленникъ-едва десять лисицъ въ зиму промыслилъ, а Курилецъ и въ худой годъ поимаетъ трехъ звѣрей, не упоминая о морскихъ привалахъ, при которыхъ случаяхъ получаютъ они великое богатство (1).

(1) Морскіе бобры уже перевелись около Лопатки и сѣверныхъ Курильскихъ острововъ; посему тамошніе жишели не имѣють нынѣ столь великихъ выгодъ отъ промысла какъ прежде. Стеллеръ упоминаетъ: что и Камчадалы мужскаго пола, уже въ его время, были охотники до Рускаго платья, и наряжались въ оное когда прибжжали они въ Россійскіе остроги, или Рускіе къ нимъ. В.

Г Л А В А VIII.

*О пищу и питіи Камчатскаго народа
и о приуготовленіи оныя.*

Уже выше сего объявлено, что Камчадалы питаются кореньемъ, рыбою и морскими живошными, а во второй части описаны и самые оныя предметы, которые служатъ къ ихъ содержанію. Чего ради здѣсь должно упомянуть объ одномъ только ихъ приуготовленіи, и различныхъ каждой пищи наименованіяхъ, зачиная отъ рыбы, которая за хлѣбъ ихъ почестся можетъ.

Главная ихъ пища, которую должно почестъ за ржаной хлѣбъ, есть *юкола*, которую дѣлаютъ они изъ всѣхъ рыбъ лососья роду. Каждую рыбу разнимаютъ они на шесть частей, бока съ хвостомъ особливо вѣшаютъ и сушатъ на воздухѣ; и сія сушеная рыба свойственно *юколою* называется; спинки и шіюши, или по ихъ *лулки*, особливо готовятъ, а больше паровятъ. Головы квасятъ въ ямахъ, пока весь хрящъ покраснѣетъ, и дѣятъ ихъ вмѣсто соленыхъ, почитая за пріятное кушанье, хотя вѣни отъ нихъ терпѣть почти не можно. Тѣло, которое

по снятіи боковъ остается на костяхъ, особливо снимающъ и сушатъ вязками, которое въ толченіе употребляющъ, а кости на особливыхъ же вязкахъ сушатъ для содержанія собакъ своихъ. Такимъ образомъ готовится юкола и у другихъ народовъ изъ всякихъ рыбъ, и вездѣ извѣстна подъ именемъ юколы, а бдящъ оную наибольше сухую. Камчадалы своимъ языкомъ называютъ ее, *з'ааль*.

Второе Камчатское любимое кушанье икра рыбья, по ихъ именуемая *инетоль*, которая проякимъ образомъ приготавливается. 1) Сушится на воздухѣ вязками; 2) вынимается изъ перепонки, въ которой какъ въ мѣшечкѣ содержится, и наливается въ стебли или дудки различныхъ травъ, а особливо сладкой травы, и у огня сушится; 3) дѣлается прутьями и въ листь правяномъ сушится. Никто не ходитъ на промыселъ или въ дорогу безъ сухой икры, какъ безъ надежнаго содержанія. Буде у Камчадала фунтъ икры, то онъ долго жить можетъ безъ другой пищи; всякая береза и ива запасъ его, и онъ корку съ сихъ деревъ съ икрою споль же пріятно бсть можетъ, какъ другія кушанья, но икрою и коркою порознь питаться долго не можетъ. Ибо икра безмѣрно клейка; и такъ въ зубахъ вязнетъ, что трудно и вычистить; а кора

суха такъ что и тому надивишься довольно не лзя, когда они для забавы и безъ икры иногда ѣдятъ ее вмѣсто конфектовъ; ибо другой, сколько бы ни жевалъ ее, подлинно не свободно проглотитъ; но когда оба сіи кушанья вмѣстѣ употребляются, то одного недостатковъ, какъ они говорятъ, другимъ награждается.

Есть еще четвертой образецъ приугощования икры, но оной не у однихъ Камчадаловъ, а и у Корякъ примѣчается. Свѣжую икру кладутъ они въ ямы успанные правую, и закрывъ правуюжъ и землею квасятъ, и сія кислая икра почитается у нихъ за такоежъ пріятное кушанье, какъ у насъ зернистая икра свѣжая. Но Коряки квасятъ оную въ мѣшкахъ кожаныхъ, а не въ ямахъ.

Третье кушанье Камчатское называется *Чулрики*, которые готовятъ изъ разныхъ рыбъ слѣдующимъ образомъ. Въ юртахъ, въ балаганахъ и въ барабарахъ надъ очагомъ дѣлаютъ они помостъ изъ колья, и кладутъ на оной рыбы въ вышину до трехъ аршинъ, послѣ того напавливаютъ юрту или балаганъ, какъ баню, и скупаютъ жарко; если рыбы на помостахъ не много наложено будетъ, то она поспѣваетъ скоро, и бываетъ тогда гошова, какъ юрта проспываетъ; въ противномъ же случаѣ напавли-

вають ихъ по нѣскольку разъ перемѣшивая рыбу. Такая рыба бываетъ полужарѣная и копченая, и вкусомъ весьма пріятная, такъ что сей вымыселъ приуготовленія рыбы можеть почесться за самой лучшій на Камчаткѣ, ибо весь сокъ и жиръ весьма шихо, и какъ бы въ вольной печи выжаривается. Тѣло рыбе въ кожѣ, какъ въ мѣшкѣ лежитъ, копорую снять можно безъ трудности. Попрохъ и кишки вынимаются изъ рыбы, когда она поспѣетъ. Тѣло растирается мѣлко, сушится на рогожахъ до суха, и кладется въ мѣшки, изъ правы плетеные. И сіе есть наспоющая Камчатская *лѣрса*, копорую и Тунгусы около Охотска также готовятъ. Вяжутъ же такую жареную рыбу и плетенками не растирая пѣла, и бдятъ сухую какъ юколу.

Самое пріятное Камчатское кушанье кислая рыба, копорую они квасятъ въ ямахъ такимъ же образомъ, какъ о кислой икрѣ показано, а называютъ оную *Куйгѣль*. Можно за истинну сказать, что сквернѣе духу не бываетъ опъ *ѣлади* (падали), однако Камчадаламъ кажется оный ароматнымъ. Иногда сія рыба такъ въ ямахъ изгнивается, что не иначе ее, какъ ковшами черпаютъ; но такая для собакъ употребляется, и подбалпывается въ опанги ихъ вмѣсто муки овсяной.

Господинъ Спеллеръ пишетъ, что и Самоядь рыбу кваситъ же, и для мерзлой земли бываетъ рыба ихъ гораздо лучше. И Якуты такое же имѣютъ обыкновеніе; роютъ глубокія ямы, наполняютъ рыбою, пересыпаютъ золою, покрываютъ листвею, и засыпаютъ землею, и сей ихъ вымыселъ гораздо лучше; ибо отъ рыбы не бываетъ вони. Тунгусы и Козаки въ Охотскѣ такимъ же образомъ какъ и Якуты готовятъ рыбу, токмо съ сею опмѣною, что вмѣсто дровянаго пепла употребляютъ пепелъ изъ пережженной морской травы. Свежую рыбу варятъ въ корытахъ, выбираютъ на ложки, и просудя ѣдятъ съ прихлебкою, которая дѣлается изъ сладкой травы, въ водѣ моченой.

Что касается до мяса морскихъ и земныхъ звѣрей, то варятъ ихъ въ корытахъ съ разными кореньями, а особливо съ сараною; похлебку пьютъ ковшами или чашами, а мясо съ ложка ѣдятъ руками, и похлебки всѣ вообще, въ томъ числѣ и собачью, называютъ *Оланга*. Китовой и нерпичій жиръ ѣдятъ вареной съ кореньямижъ и паровленой въ ямахъ. Вареной жиръ, а наипаче нерпичій, крошатъ ремнями, и сколько въ ротъ захватятъ, столько ножомъ отрѣзываютъ у самыхъ губъ, и цѣлкомъ глотаютъ; какъ крохали или чайки рыбу.

Главное и богатое кушанье, которое готовится на пирахъ или въ праздники, называется *Селáга*, а по козачьи *толкуша*. Дѣлается изъ различныхъ кореньевъ и всякихъ ягодъ полченыхъ съ икрою, съ перпичьимъ и киповымъ жиромъ, а иногда и съ вареною рыбою. Толкуши изъ кислыхъ ягодъ и сараны весьма пріятны, по тому что и кислы, и сладки и сытны; но нестерпима скверность въ приуготовленіи, а особливо пѣхъ толкушъ, которыя дѣлаются жидкія: ибо баба, которая вѣкъ свой рукъ не мывала, пополокши коренья въ поганой чашѣ, разбиваетъ оное по локопъ обнаженною грязною рукою, которая потомъ бываетъ какъ снѣгъ бѣла въ разсужденіи пѣла. Кратко сказать, брезгливому не снести и приуготовленія сего кушанья безъ движенія внутреннихъ (1).

(1) Камчадалы стараются во всѣмъ Рускимъ подражать; посему послѣдовала уже нѣкоторая перемѣна и въ ихъ пищу, ибо нынѣ начали они употреблять отъчасти хлѣбъ и огородные овощи, особенно же картофель. Сіе послужитъ имъ сильнѣйшимъ поощреніемъ къ разпространенію въ удобныхъ мѣстахъ хлѣбопашества, которое составляетъ благонадежнѣйшій источникъ народнаго пропитанія. Многіе изъ нихъ охотники нынѣ до чая, особливо женщины, и содержатъ коровъ. В.

Что касается до пишья, то Камчадалы не знали кромѣ воды до самаго своего покоренія; для веселья пивали они мухоморѣ въ водѣ настоянный, о чемѣ ниже будетъ объявлено, а нынѣ пьютъ и вино, какъ и шамошніе Россійскіе жигели, и совсѣмъ на немъ пропиваются. Воды пьютъ много послѣ обѣда. Въ вечеру никто не ложится спать не поставя у постѣли ведра воды, при томъ кладутъ въ нее много льду и снѣгу, чшобъ не нагрѣвалась, по упру ни у кого ни капли воды не увидишь въ посудѣ. Зимой особливо забавляются они снѣгомъ, бросая часто по горсти въ ротъ; и женихамъ, которые работаютъ у будущихъ тещей своихъ, лѣтомъ самая прудная служба довольствоваться ихъ снѣгомъ, ибо они должны бывають ходишь за снѣгомъ на высокія горы, въ какую бы ни случилось погоду, въ прошивномъ же случаѣ можетъ досадишь имъ непростительно.

ГЛАВА IX.

О ѡздѣ на собакахъ, и разныхъ къ оной принадлежащихъ приборахъ.

Что Камчадалы и тамошніе козаки зимою собакъ вмѣсто лошадей къ ѡздѣ употребляютъ, о томъ уже выше упомянуто. А здѣсь объявить должно, каковы ихъ собаки, что къ ѡздѣ на нихъ пребуется, и какъ на нихъ ѡздаютъ.

Камчатскія собаки отъ нашихъ дворовыхъ простыхъ собакъ ничѣмъ не различаются, ростомъ онѣ по большей части среднія, и шерстью такъ какъ наши различныя; однакожъ можно вообще сказать, что тамъ бѣлыхъ, черныхъ и сѣрыхъ больше, нежели другихъ шерстей.

Къ ѡздѣ употребляются кладеня, а запрягаютъ ихъ обыкновенно по четыре въ санки, по двѣ въ корени, и по двѣ напереди, и чепверня собакъ называется тамъ нартою, такъ какъ здѣсь шесть лошадей цугомъ.

Приборы, надлежащіе къ ѡздѣ на нихъ, санки, алаки, побѣжникъ, узда, ошейники, вязки и ошпаль.

Санки, по ихъ *Шэжхедъ*, дѣлаются о двухъ копылахъ. Копылье гнуется изъ криваго березоваго дерева, наподобіе раздвинутаго циркуля, вышиною вѣ при чешверти, а разстояніе между ножекъ вѣ низу на поларшина. На каждомъ копылѣ вѣ изгибѣ проверчены по двѣ дырочки. Ножки у нихъ близъ нижняго конца зарублены, а на самомъ концѣ вырѣзаны. Сквозь помянутыя дырочки продѣваются вѣ оба копыла тоненькіе башожки, которыми оныя связываются, разстояніемъ на аршинъ между собою. Къ каждому башожку приплещается ремнями другой башожокъ равной длины и толщины. Передніе концы оныхъ башожковъ съ задними такъ крѣпко спягиваются ремнемъ, что съ обоихъ концовъ спановятся дугою. Вѣ доль по башожкамъ привязываются лучки вверхъ рожками, одинъ отъ другаго на чешверть и меньше. Рожки у помянутыхъ лучковъ зарублены, за которыя зарубки прикрѣпляются оныя къ ремнямъ, коими концы башожковъ спянуты. По концамъ башожковъ кладутся поперечныя палочки, и увиваются ремнямижъ. Такимъ образомъ оснуется рѣшетка, которая бываетъ на подобіе долгаго, глубокаго и узкаго лотка, длиною аршина полутора и долѣ, а шириною вѣ поларшина и уже. Полозье, на

которое ставится объявленная рѣшетка, длиною бываетъ четвершей вѣ 11, шириною вершка вѣ полтора, а толщиною едва вѣ полдюйма. Вѣ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стоятъ копылье, оспаваются горбки, къ верху острые, а вѣ срединѣ прорѣзанные, на которые поставленное копылье привязывается продѣваемыми сквозь прорѣзанные горбки, и къ зарубкамъ, на ножкахъ копылья находящимся, прикрѣпляемыми ремнями. Головки у полозья бываютъ не крупы, но оплоги, и по концамъ вмѣсто вязака поперечною палкою перевязаны.

Алаки или лямки дѣлаются изъ широкихъ, мягкихъ и вѣ двое изогнутыхъ ремней, которые на собакъ черезъ переднюю лопашку накладываются, правой собакъ черезъ лѣвую, а лѣвой черезъ правую. Къ концамъ алаковъ привязывается долгой и тонкой ремень съ кляпомъ на концѣ, попягомъ называемый, который объявленнымъ кляпомъ вѣ кольцо находящееся на поперечинѣ у головашекъ вкладывается.

Побѣжникъ называется долгой ремень, у котораго на одномъ концѣ привязывается кляпъ, который вкладывается вѣ кольцо на срединѣ поперечины головашекъ укрѣпляемое, а на другомъ цѣпочка, у коей какъ по концамъ, такъ и на срединѣ коль-

ца. Оной побѣжникъ служилъ вмѣсто дышла, а цѣпочка на немъ вмѣсто коромысла, ибо имъ коренныя собаки связываются, чѣмъ врознь не разбѣгались.

Уздою называется такойже ремень съ кляпомъ и цѣпочкою, которою переднія собаки связываются, токмо гораздо долѣ: ибо конецъ его съ кляпомъ къ кольцу жѣ на головашкахъ прикрѣпляется.

Ошейники дѣлаются изъ широкихъ же ремней, а на нихъ по кляпу висячему на короткихъ ремняхъ, которые въ кольца цѣпочки на уздѣ или побѣжникѣ продѣваются. Дѣлаютсяжъ ошейники и изъ медвѣжьей кожи вверхъ шерстью, и для красоты на собакъ надѣваются.

Вязки, на которыя собакъ вяжутъ, дѣлаются косяныя или деревянныя, у которыхъ на одномъ концѣ дырочка, а на другой зарубка. Въ дырочку вкладывается кляпъ отъ ошейника, а за зарубку привязывается долгой ремень, чѣмъ собакъ около столба ходить было можно. Оныя вязки для того употребляются, что собаки отъ ремней или отъ веревокъ отбѣдаются, а желѣзныхъ цѣпей у нихъ не бываетъ.

Ошталомъ называется кривая палка, длиною аршина въ полшара, кошорымъ собакъ погоняютъ, оштанавливаютъ и правятъ.

Для понужденія собакъ дѣлаются на головкѣ оной палки побрякушки или колокольчики, останавливаютъ же ихъ ушкнувъ ошпаль передъ копыломъ переднимъ и бороздя дорогу. А правяшъ: буде надобно въ лѣво, то бьютъ ошпаломъ по снѣгу, и кричатъ *уга*, буде же въ право, то бьютъ въ передней копыль, и кричатъ *Хна́ Хна́ Хна́*; между шѣмъ ногами бороздятъ, и собакъ одерживаютъ. Какъ ошпаль, такъ и санки для прикрасы увиваются разноцвѣтными ремнями, и оное за немалое щегольство почитается.

Санки, по Камчатски называются *Шѣж-хедъ*, коцылье *Отѣдъ*, алаки *Тѣнауиъ*, пѣтяги *Йгошежидъ*, узда *Кѳйгулы*, а побѣжникъ *Конѣлошана*.

Сидяшъ на санкахъ опуска ноги на правую сторону, а осѣдлавъ санки сидѣшъ почитается за великой порокъ, ибо такимъ образомъ сидяшъ на нихъ Камчадальскія женщины; таковожъ безчестно и то, ежелибъ кто взялъ къ своимъ санкамъ проводника, для того, что бабы съ проводниками ѣздятъ.

Нарша добрыхъ собакъ покупается на Камчаткѣ рублевъ по пятнадцати, а со всѣмъ заводомъ спановишся около 20 рублевъ. Я зналъ одного на Камчаткѣ охот-

ника, кошорому обходилась нарша собакъ и по шеспидесяти рублевъ.

О неспособности ѣзды на собакахъ избъ одного строенія санокъ разсудить можно, что ѣздоку необходимо должно бышь оспорожному, и стараться хранить равновѣсіе; въ пропивномъ же случаѣ узкія и высокія санки и на самыхъ малыхъ раскапахъ или ухабахъ опрокидаются, при чемъ ѣздокъ подверженъ бываетъ не малому страху, особливо на пустомъ мѣстѣ, ибо собаки убѣгають, и не стануть, пока въ жильѣ придуть, или за что нибудь на дорогѣ зацѣпяшся, а онъ принужденъ бываетъ пѣшъ ишши; чего ради въ такихъ случаяхъ всякой стараешся, какъ можно, за санки схватиться, и шащенъ бываетъ иногда съ верспу, пока собаки выбившись избъ силы остояшся. Въ кошорыхъ сей наибольше порокъ, что оныя какъ въ семъ случаѣ, такъ и въ опасныхъ мѣстахъ, какъ то на крутыхъ спускахъ, на нужныхъ чрезъ рѣчки переѣздахъ бѣгучи надрывающся, и ни чѣмъ ихъ ошановить не можно, и для того на объявленныхъ спускахъ собакъ выпрягають, и въ поводу водяють ошавя шокмо одну, кошорая бы санки правила, чтобъ дорогою капились, а подъ полозье подвязывають ременныя кольца, чтобъ не кашки были.

На крутыя горы поднимаясь должно итти пѣшкомъ, ибо собаки и простыя санки ввозятъ съ нуждою. Глухой клади возятъ на нарѣ по пяти пудъ не считая корму, которой подводчики для себя и для собакъ берутъ на дорогу. Съ кладью по торной дорогѣ переѣзжаютъ верстѣ по 30 на день и больше, а на легкѣ, особливо же весною по насту, на костяныхъ полозьяхъ верстѣ по полтора.

Когда вынадаетъ глубокой снѣгъ, то не проложатъ дороги на собакахъ ѣхать не можно; прокладываютъ дорогу подводчики, а по тамошнему *каюры*, на лапкахъ, копоры бродовщиками называются.

Лапки дѣлаются изъ двухъ не весьма толстыхъ брусковъ на срединѣ двумя поперечинами распертыхъ, а по концамъ вмѣстѣ стянутыхъ, и напередѣ къ верху загнутыхъ, и ремнями часто переплетенныхъ. На впоркахъ привязывается пупло, которое на ногу надѣвается. Бродовщикъ долженъ имѣть на обѣихъ ногахъ по объявленной лапкѣ, и оставя собакъ на мѣстѣ итти впередъ на нѣкоторое разстояние, а потомъ ворошиться пою же дорогою къ собакамъ, и вестъ ихъ по проложенной дорогѣ. А потомъ оставя ихъ пакы итти впередъ, и такъ мучиться до са-

мага жилья. Въ семъ случаѣ ѣзда бываеиъ шоль медленна, что въ день едва десять верстѣ переѣхать можно. Употребляющяжѣ къ прокладыванію дорóги и обыкновенныя лыжи, однакожѣ не столь часто. Ни одинѣ подводчикѣ безѣ лыжѣ или безѣ лапокѣ въ дальнюю дорогу не ѣздитѣ.

(1) Вящшее неспокойство въ ѣздѣ бываетѣ, когда на пусшыхѣ мѣстахѣ застаеиъ вьюга. Тогда съ возможнымѣ поспѣшеніемѣ надлежитѣ съ дорóги въ лѣсѣ сворачивать, и лежать вмѣстѣ съ собаками, пока утихнеиъ погода, которая иногда по недѣлѣ продолжается. Собаки лежатѣ весьма тихо, но въ случаѣ голоду обѣѣдающѣ всѣ ремни, узды, побѣжники и прочіе санныя приборы. Буде погода захвапиѣ нѣсколько человекѣ вмѣстѣ ѣдущихѣ, тогда пробжжіе имѣютѣ сію выгоду, что они могутѣ шалашъ себѣ сдѣлать, и окопаться снѣгомѣ; но Камчадалы шалашей мало дѣлаютѣ, а оплеживаются наибольше въ ямахѣ уснланыхѣ съ деревѣ вѣтвями, обернувшись въ свою куклянку и рукава спустя: при чемѣ такѣ ихѣ заноситѣ снѣгомѣ, что ни рукѣ, ни ногѣ, ни головы не видно. Подѣ снѣгомѣ оборачиваются они

(1) Изѣ Стеллерова описанія.

какъ шаръ, однако весьма оспорожно, чшобъ снѣгу, копорымъ занесены, не рассыпаться; ибо они подъ снѣгомъ лежатъ какъ въ юртѣ, имѣя скважину для дыханія, копорая надъ ршомъ прошаиваетъ. Естли плашье на нихъ узко и подвязано поясомъ, то сказывають они, что спужи не можно тогда вышерпѣть, для того что плашье отъ паровъ намокнетъ и грѣть не будетъ.

Когда погода заспанетъ на чистой тундрѣ, въ такомъ случаѣ ищутъ какого нибудь бугорка, и подъ него ложатся; а чшобъ не занесло и не задушило снѣгомъ, то каждую четверть часа вспавши опрясаются. Но понеже въ воспочные и южно-воспочные вѣтры бываетъ обыкновенно мокрой снѣгъ, то пробжжіе обмокнувъ часшо замерзають, ибо такія погоды наибольше кончатся сѣвернымъ вѣтромъ и спужею.

Кромѣ сильныхъ вѣтровъ зимняя ѣзда и пошому опасна, что многія рѣки или не вездѣ спановятся, или съ полыньями превеликими, копорыя и въ самые жестокіе морозы не замерзають. А понеже дорѣга наиболѣе по рѣкамъ бываетъ, для того что берега гористы, и индѣ почти непроходимы, то рѣдкой годъ проходитъ, чшобъ людямъ въ ѣздѣ не случилось урона, ибо индѣ

должно пробираться по самымъ узкимъ за-
краинамъ, а буде обломятся, или санки въ
воду скашатся, то нѣтъ никакого спасе-
нія. Быстрина рѣки не допуститъ спра-
виться; а хотябъ въ томъ кому и поща-
стливилось, по обмокнувъ погибаетъ съ
большею мукою, когда нѣтъ жилья въ бли-
зости.

Немалая же трудность состоитъ и въ
томъ, что много случается ѣздить чрезъ
частой ивнякъ, гдѣ надлежитъ опасаться,
чтобъ не потерять глазъ или не перело-
мать рукъ и ногъ; особливо же что собаки
въ трудныхъ и бѣдственныхъ мѣстахъ всю
силу употребляютъ, чтобъ бѣжать ско-
рѣе, и сброся хозяина свободиться отъ
тяжести, какъ уже выше объявлено.

Лучшая и спокойная ѣзда въ мѣсяцахъ
Мартѣ и Апрѣлѣ по нѣстѣ; однако при
томъ сіе неспокойство, что по днѣ и по
три ночи принуждено иногда ночевать на
пустомъ мѣстѣ; а Камчадаловъ трудно при-
нудить, чтобъ они расклали огонь для ва-
ренія или для обогрѣнія, ибо они съ своими
собаками ѣдятъ сухую рыбу сидя на цы-
почкахъ спустя шпаны и куклянку. При-
чемъ довольно надивиться не лзя: 1) что
они могутъ и сладко спать въ семъ бѣд-
номъ положеніи; 2) теплотѣ ихъ природ-

ной, что они спуживают мало чувствуют, ибо они вставши по утрам столь теплы и красны бывают, какъ бы въ тепломъ покровѣ спали. Но сія теплота почти всѣмъ тамошнимъ дикимъ народамъ свойственна. Я видалъ нѣкоторыхъ иновѣрцевъ, коимъ образомъ они на пустыхъ мѣстахъ: съ вечера ложились къ огню голою спиною, а какъ уснули, и огонь потухъ, то хотя спина и заиндѣвѣла, однако они спали безъ просыпу, будто бы ихъ огнемъ пригрѣвало.

Г Л А В А X.

О военномъ Камчатскомъ ололтеніи.

Хотя Камчадалы до покоренія Россійскому государству не были власполюбивы, и о распространеніи границъ ни малаго не имѣли попеченія, какъ уже выше показано; однако споль часто между собою воевали, что году не проходило, въ которомъ бы сколько нибудь острожковъ раззорено не было. Главное намѣреніе браней ихъ состояло въ томъ, чшобъ получить плѣнниковъ, которыхъ они въ тяжкія работы употребляли, а особливо женскаго пола, которыхъ они брали въ наложницы и въ супружество, а о причинѣ, была ли какая или нѣтъ, законна ли или незаконна, не много они разсуждали. Иногда сосѣдственныя остроги и за то другъ прошивъ друга вооружались, что дѣши между собою поссорились, а естли кто кого позвавъ въ гости не сполько какъ надлежало, подчивалъ, то сіе вмѣнялось за такую обиду, которую мспити надлежало не иначе, какъ погубленіемъ всего сстрога, въ которомъ случалось споль непріяшельское дѣйствіе.

Но въ войнѣ дѣйствовали они больше обманомъ нежели храбростію, ибо они такъ робки, что явно напастъ не отважатся, кромѣ необходимой нужды; а сіе тѣмъ удивительнѣе, чѣмъ сей народъ меньше жалѣетъ о своей жизни, ибо они и добровольно умирають не сомнѣваются. Въ непріятельскіе острожки врывались они ночнымъ временемъ, что могли дѣлать безъ препятствія для того, что карауловъ у нихъ не бываетъ. Такимъ образомъ и малолюдствомъ губили они значное число непріятелей безъ всякой себѣ опасности и сопротивленія. Вся трудность къ одержанію побѣды состояла въ томъ, чтобъ ускорить взбѣжать на юрту не выпустя изъ нее ни человѣка, и спать надъ окномъ съ палкою или съ чекушею, ибо осажденнымъ по состоянію строенія юртъ должно выходить тѣмъ окномъ по человѣку, которыхъ осаждающіе и бить и вязать могли въ меньшемъ числѣ.

Съ плѣнниками мужеска пола, особливо знатнѣйшими поступали они съ обыкновеннымъ всѣмъ тамошнимъ народомъ безчеловѣчіемъ. Жгли, рѣзали, кишки изъ живыхъ мошали, вѣшали за ноги, и всякія дѣлали наругательства, торжествуя при томъ о побѣдѣ надъ непріятелями. Такое мученіе случилось терпѣть

и нѣкоторымъ козакамъ во время большаго бунта, когда вся Камчатка находилась въ движеніи.

Тогдашнія ихъ междуусобія не мало способствовали козакамъ къ покоренію всего народа; ибо когда они въ виду одного оспрожка приступали къ другому, то не должно было козакамъ опасаться, чтобъ осажденные получили помочь; напрошивъ того сосѣди радовались ихъ гибели, или смотрѣли съ удовольствіемъ, какъ козаки на приступахъ дѣйствуютъ, а послѣ и сами были побѣждаемы.

Противъ козаковъ употребляли они обыкновенную свою хитрость, которою больше ихъ губили, нежели оружіемъ. Когда козаки требовали ясаку съ какогонибудь непокореннаго оспрожка, то весьма рѣдко имѣли сопротивленіе, но почти всегда приниманы были съ честью и любовью какъ пріятели; дарены щедро, подчиваны довольно, и ни въ чемъ не имѣли отказа. Такимъ образомъ приведши ихъ въ оплошность побивали въ ночное время, или выбравшись всѣ вонъ изъ юрты зажигали оную съ козаками. Такою хитростью въ двухъ мѣстахъ погибло человекъ до семидесяти, которое число въ разсужденіи тамошняго малолюдства можно почесть за великое. Случалось

же иногда, что Камчадалы не улуча способа побишь козаковъ при первомъ покореніи, по два и по три года съ ряду ясакъ платили, а послѣ побивали сборщиковъ, которые обыкновенно въ малолюдствѣ посылаются.

Но хитрости ихъ, которыя козакамъ прежде бѣдственны были, нынѣ служатъ къ предосторожности. Ибо они чрезмѣрно ласковыхъ приемовъ опасаются, и почищаютъ ихъ за знакъ несумнѣнной измѣны. Тожъ разумѣютъ, когда Камчадалки ночью изъ юрты вонъ выбираютъ, ибо онѣ не могутъ сморгнуть на кривопролитіе, чего ради и мужья ихъ никогда при нихъ убійства не дѣлаютъ. Когда Камчадалы сны рассказываютъ, что мершвые имъ видѣлись, и когда часто разбѣжжаютъ въ дальные гости, то изъ того бунтъ и измѣна немалая заключается; по крайней мѣрѣ не одинъ острогъ, но нѣсколько вмѣстѣ опложаются.

Въ такихъ случаяхъ бьютъ они козаковъ, гдѣ ни попадутся, также и Камчадаловъ, кои стороны ихъ не оставляютъ, и съ измѣнниками не вступаютъ въ согласіе. А когда прослышатъ на себя походъ, то не къ сопротивленію готовятся, но къ долговременной осадѣ. Выбираютъ мѣста высокія и утесы, строятъ тамъ свои острожки, и укрѣпясь ожидаютъ своихъ не-

пріяшелей. Приступающимъ храбро прошиваясь, стрѣляя изъ луковъ, и употребляя всякіе способы къ защищенію. А когда увидяшъ, что непріятель премогаетъ, то всякой Камчадалъ заколовъ жену и дѣшей своихъ или спремглавъ низвергается, или съ оружіемъ устремляется на непріятеля, чтобъ не умереть безъ отмщенія. И сіе на ихъ языкѣ, *постелю подъ себя достать*, называется. Въ 1740 году при мнѣ была привезена съ Ушколоки дѣвка, копорую тамошніе измѣнники въ поропливости не успѣли дорѣзать, когда оспрожекъ ихъ приступомъ брали; прочіе отъ мала до велика были перерѣзаны, а сами измѣнники съ горы, на которой сидѣли, побросались въ море.

Съ начала покоренія Камчатки были токмо два явныя на Камчаткѣ нападенія, первое въ Большерѣцкомъ острогѣ 1710 года; а другое въ 1713 году, когда отправление было для покоренія Камчадаловъ Авачинскихъ, однако оба случая были имъ весьма неудачны; ибо при осадѣ Большерѣцка, хотя они и надѣялись на великое свое множество, такъ, что козаковъ, которыхъ сидѣло въ осадѣ 70 человекъ, шапками замешать не сумнѣвались; однако какъ 35 человекъ выслано было на вылазку, то не могли они

и перваго стремленія выдержать, но всѣ обратились въ бѣгство, кому куда способно было. А понеже они приплыли къ острогу на батахъ, то бросаясь въ оныя, иные перешонули, а иные побиты; и сія ихъ гибель столь была велика, что рѣки запрудились трупами. Авачинскіе иноземцы не меньше имѣли надежды побѣдить походчиковъ; ибо каждой имѣлъ при себѣ ремень, на которомъ бы весилъ плѣнниковъ, однако вмѣсто того сами побиты или въ плѣнъ взяты. Въ Авачинской походѣ отправлено было козачковъ сто двадцать, да сто пятьдесятъ человекъ Камчадаловъ; изъ чего можно разсуждать о множествѣ непріятелей, когда они такое множество по рукамъ разобрать надѣялись.

Военное оружіе и зброя ихъ состоитъ въ сайдакахъ, стрѣлахъ, чекушахъ, копьяхъ и куюкахъ. Сайдаки у нихъ дѣлаются изъ дѣрева лисвеничнаго, и оклеиваются берестою, а шепивы изъ китовыхъ жилъ. Стрѣлы обыкновенно бывають въ аршинъ и въ три четверти съ косяными или каменными копейцами, а называющяся онѣ разными именами по разности копейцовъ. Стрѣла съ косянымъ тонкимъ копейцомъ *леньшъ*, съ широкимъ *аглыншъ*, съ каменнымъ копейцомъ *кауглаъ*, шупая стрѣла съ ко-

спяною головкою или помарь *комъ*, деревянной помарь *тылшкуръ*. Спрѣлы ихъ хошя и весьма плохи, однако опасны въ сраженіи, ибо онѣ ядомъ бывающѣ намазаны, опѣ котораго раненой человекѣ шешчасѣ опухаетѣ, и въ супки умираетѣ почти обыкновенно. И сей бѣды инымъ образомъ не можно избавишься, какѣ высасываніемъ изѣ раны яду. У копей ихъ копейца бывали каменныежѣ и костяныя, какѣ ужѣ и выше обѣявлено. Чекуши, по ихъ *уакарель*, называющя у нихъ костяныя рогульки о чепырехъ рожкахъ, копорыя насаживающя на долгія ратовья.

Куяки или лапы дѣлали они изѣ рогожѣ своихъ или чиреловѣ, также изѣ нерпичьихъ и моржовыхъ кожѣ на ремни изкроенныхъ, копорые ремни одинѣ подѣ другой подвязывали такѣ, чшо они могли складывашься какѣ фижмы. Надѣвали ихъ сѣ лѣваго боку, и какѣ душагрѣйку завязывали на правомѣ. Сѣ зади пришивали высокую доску, для защиты головы, а сѣ переди такуюже кѣ груди шокмо короче.

Вѣ дальные походы бжжали они на собакахъ, а вѣ ближніе пѣшкомѣ ходили. Вѣ лѣтнее время, гдѣ способно было, тамѣ наибольшѣ употребляли паромы, на копорыхъ могли сидѣть во многолюдствѣ.

Въ пѣшей ихъ ходѣбѣ сіе достойно примѣчанія, что они по двое въ рядѣ никогда не ходятъ, но всегда по одинакѣ, а при шомѣ всегда по однимъ пропамъ, которыя вездѣ глубоко пробиты. Необыкновенному по ихъ пропамъ ходить крайнее мученіе, для того что оныя такъ узки, что одна только нога и то прямо усавливается, ибо сей народъ спупень въ ступень ходитъ.

Господинъ Стеллеръ причиною междуусобныхъ браней тамошнихъ народовъ ненависть же и роскошь объявляетъ, но съ нѣкоторыми особливыми обстоятельствоми, которыя сообщимъ здѣсь въ дополненіе.

Хотя, пишетъ онъ, въ Камчаткѣ главнаго начальника прежде и не было, но всякъ жилъ по своей волѣ; однако двѣ внутреннія страсти, ненависть и роскошь причиною были, что Камчадалы сами свой покой и мирное житіе отвергали, и тѣмъ время отъ времени больше умаялись, и приходили въ изнеможеніе. Къ непріятельскимъ дѣйствіямъ побуждали ихъ женщины, властолюбіе и всякія домовыя вещи и уборы. Но чтобъ каждой могъ непріятелю прошивиться, то поддавались они старшимъ, храбрѣйшимъ и умнѣйшимъ людямъ, и по одержаніи нѣкоторыхъ побѣдъ начальни-

камѣ своимѣ оказывали такую любовь, какая попребна была къ намѣренію ихѣ, чтобѣ мщениемѣ, полученіемѣ добычи и равномѣрнымѣ ея раздѣленіемѣ укрѣпиться во своей власти. Чего ради и между сими народами есть знаки, что они имѣли въ мысли своей нѣчто высочайшее, то есть чтобѣ бытъ владѣтелями, отѣ чего наконецѣ послѣдовало одного народа раздѣленіе на разные, и учинились многія равносильныя стороны.

Сперва начали Коряки, и отѣ Тигиля вошедѣ въ Камчатку слѣдовали западнымѣ берегомѣ до Большой рѣки. Послѣ того возспали Шанпальцы подѣ предводителствомѣ умнаго и храбраго мужа Шанпала. А какѣ сей власть свою распроспранить вознамѣрился, желая получить ласкою то, что зависѣло отѣ силы и оружія, то есть чтобѣ наложитѣ дань на всѣхѣ Камчадаловѣ мужеска пола и женска, то сдѣлались паки двѣ стороны, одна у вершинѣ рѣки Камчатки, копорая продолжалась до прихода Россіянѣ, а другая въ Кронокахѣ, копорая простиралась жилищами до самой Лопатки. Наконецѣ живущіе отѣ Голыгиной рѣки до Компановой оппали отѣ жипелей Курильской Лопатки. И хопя сіи люди малочисленнѣе были, однако всѣхѣ другихѣ пре-

восходили силою, храбростію и разумомъ; нападали на различные остроги, отводили въ плѣнъ женской полъ и малолѣтнихъ; ибо мать нынѣшняго тоіона перваго Курильскаго острова, именовъ *Кулини*, была плѣнница, родомъ изъ Ичинскаго острожка, которой Лопашскіе жипели погромили уже по прибытіи Россіянъ въ ту сторону; чего ради островскіе жипели Ичинскихъ Камчадаловъ почишаютъ за родню свою.

Около рѣки Апалы есть нѣсколько горъ, которыя имена получили отъ производившихъ тамъ сраженій. А сіи Лопашскіе жипели, или просто Курилы, пошому были непобѣдимы, что они нападали нечаянно, пригребая на байдарахъ своихъ по морю, и отходя съ полученіемъ корысти безъ опасности погони, ибо Камчадалы морскихъ судовъ не имѣютъ.

Что касается до властолобія, которое въ сихъ извѣстіяхъ господина Шеллера упоминается, аки бы оно главною причиною было раздѣленія тамошняго народа; похотя сіе и вѣрояшно, ибо кто можетъ подумать, чтобъ и въ самыхъ дикихъ народахъ не было властолобія, или по крайней мѣрѣ тщанія о преимуществѣ, когда оно и въ безсловесныхъ живопныхъ примѣчается? однако предпринимать учрежденіе са-

модержавнаго владѣнія, и налагають дани, кажутся по потребно бѣльшее разсужденіе, нежели каково Камчадалы имѣють. Что они ходили войною другѣ на друга, что въ плѣнъ брали, и похищали сѣбѣстныя припасы и имѣніе, изъ того заключить нельзя такого важнаго предпріятія, каково о учрежденіи самодержавства, шѣмъ наипаче, что такому человеку, какимъ описывается Шаншаль, надлежало прежде власть свою утвердить надъ своимъ родомъ, и имѣть въ совершенномъ послушаніи, копораго однакожъ и съ самаго начала покоренія Камчатки нигдѣ ни слѣду не примѣчено, но напротивъ того вездѣ совершенное равенство. А раздѣленіе народовъ, и разсѣяніе по разнымъ мѣстамъ Камчатки могло сдѣлаться и по другой причинѣ, какъ напримѣръ по шѣсношѣ мѣста, по недоспашку довольнаго къ пропитанію для множества, и прочая. Самое имя Шаншаль весьма мнѣ сумнительно, былъ ли когда Камчадалъ такъ называемый, для того что ежели бы такое имя у Камчадаловъ было, то бы оно не вышло и по нынѣ изъ употребленія, однако нѣшѣ его между мужескими и женскими именами нигдѣ въ Камчаткѣ. Мнѣ кажется, что подъ симъ именемъ должно разумѣть всѣхъ Шаншальскихъ жителей, которые

живушѣ около урочища Шаншалы, какѣ подѣ именемѣ Кончаша всѣхѣ Еловскихѣ жишелей. Ибо сіе правда, что оныя Шаншальцы были прежде сего и славны и многлюдны, такѣ что одинѣ острогѣ ихѣ болѣе двухѣ верстѣ въ длину простирался, и балаганы шоль шѣсно построены были, что по балаганамѣ хаживали они чрезѣ все помянутое разстояніе, да и нынѣ оной острожекѣ почти всѣхѣ Камчатскихѣ острожковѣ многочисленнѣе народомѣ.

О храбрости тамошнихѣ народовѣ можно вообще сказать, что шѣ, кои далѣе живушѣ къ сѣверу, наглѣе и отважнѣе. Изѣ Камчадаловѣ за военныхѣ людей почитаются Еловцы и Шаншальцы, по нихѣ Курильцы и Авачинцы, съ кошорыми козаки много труда имѣли при завоеваніи.

Г Л А В А Х І.

О Богѣ, о сотвореніи земли и о догматахъ Камчатской вѣры.

Богомъ Камчадалы почитаютъ нѣкоего *Купху*, отъ котораго произошелъ народъ ихъ. Кто сотворилъ небо и свѣтила небесныя, не вѣдаютъ, токмо сказываютъ, что оныя прежде земли были, о сотвореніи которой объявляютъ двояко. Иные говорятъ, что *Купху* сотворилъ землю изъ своего сына называемаго *Сымскалинъ*, котораго родила жена его *Илькхумъ* гуляя съ нимъ по мѣрю; а другіе, что *Купху* съ сестрою *Хуплыжитьъ* землю снесли съ неба, утвердили на морѣ, а море сотворилъ *Утлейгынъ*, который и понынѣ въ немъ пребываетъ. Однако въ томъ всѣ вообще согласны, что *Купху* до сотворенія земли жилъ на небѣ. Которые поставляютъ морскаго бога, тѣхъ мнѣніе нѣсколько сходно съ Якутскимъ суевѣріемъ, которые владѣніе неба и земли особливимъ богамъ приписываютъ; сверхъ того призываютъ и адскаго бога, и почитаютъ ихъ за родныхъ братьевъ, также какъ древніе Греки и Римляне.

Купху, по сотвореніи земли, оставилъ небо, и поселился на Камчаткѣ, гдѣ родилъ другаго сына именемъ *Тыжилъ-Купху*, да дочь *Сидуку*, которые пришедши въ совершенной возрастѣ сочепались бракомъ. Между тѣмъ какъ самъ Купху, такъ и жена его и дѣти носили плащье изъ листа шипового, и пишались березовою и паловою коркою, ибо звѣри, по ихъ объявленію, сотворены тогда не были, а рыбы ловить не умѣли ихъ боги.

Купху, оставя сына своего и дочь, съ Камчатки отбылъ, а куда дѣвался не вѣдающъ, шокмо то объявляющъ, что онъ пошелъ съ Камчатки на лыжахъ, и что горы и доли сдѣлались отъ его путешествія; ибо земля подъ нимъ гнулась, какъ тонкой ледъ, и такимъ образомъ лишена своей равности и плоскости.

У Тыжилъ-Купхи послѣ отца родился сынъ *Амляя*, да дочь *Сидукамшитъ*, которые на возрастѣ вступили въ супружество, а болѣе родословія они не знающъ. То утверждающъ за истинну, что народъ ихъ размножился отъ объявленныхъ праотцевъ.

Тыжилъ - Купху, при умноженіи своего рода, началъ размышлять о лучшемъ содержаніи, вымыслилъ вязаць изъ кропивы съ

ши и ловить рыбу, а какъ лодки дѣлають, оное ему еще отъ отца показано. Сопворилъ же онъ и звѣрей земныхъ, и опредѣля пасухомъ надъ оными нѣкоего *Пилячуча*, подъ котораго вѣденіемъ состояли они и донынѣ, началъ шить изъ кожъ ихъ куклянки и парки.

О Пилячучѣ сказывають, что онъ ростомъ весьма малъ, носитъ плашье россомашье, которое у Камчадаловъ весьма высоко почищается, вѣздитъ на пшицахъ, особливо же на куропаткахъ, и будто нѣкопорымъ понынѣ случается видать и слѣды его.

Спеллеръ описываетъ тамошніе народы многобожными, то есть что они почищаютъ многихъ боговъ, и сказывають объ нихъ, будто прежде сего многіе ихъ видали; чего ради нѣтъ у нихъ въ языкѣ слова духъ, ибо они не имѣютъ о томъ и понятія, такъ какъ и о величествѣ Божіи и неопостижимой его премудрости.

Впрочемъ никого глупѣе не представляють, какъ своего Купху, чего ради и не воздаютъ ему никакого почтенія, ничего у него не просятъ, и ничемъ такъ, какъ именемъ его не забавляются, рассказывая про него такія непристойности, о которыхъ и писать гнушно. Между прочимъ и то въ порокъ

ему ставятъ, что онъ столько горъ и стремнинъ сдѣлалъ, и столько мѣлкихъ и быстрыхъ рѣкъ, что столько дождей и бурь производитъ, и беспокоитъ ихъ. И для того всходя зимою на высокія горы, или спускаясь ругаютъ его всякою бранью. Тожъ дѣлаютъ и при другихъ трудныхъ обстоятельствахъ.

Бога вообще называютъ они *Дустех-пихъ*, которое имя нѣкоторымъ образомъ и почиютъ такъ, какъ Аѳиняне невѣдомаго бога. Ставятъ столбъ на пространнѣ въ ровныхъ и пундрисныхъ поляхъ, обвязываютъ его пѣншичемъ, и не проходятъ мимо не брося куска рыбы или чего другаго; не собираютъ ягодъ, которыя растутъ въ близости, и не бьютъ около того мѣста ни звѣря ни птицы, и думаютъ они, что сею жертвою жизнь ихъ продолжается, которая бы безъ того умалилась. Однако не бросаютъ они на жертву годнаго, но или шаглу или хвостъ рыбій, что и безъ того надлежало бросить. Въ чемъ согласны съ ними и всѣ Азіатскіе народы, которые также приносятъ въ жертву негодное; а что ѣсть можно, тѣмъ пользуются сами. Такихъ столбовъ два видѣлъ господинъ Шеллеръ токмо около Нижняго острѣга, а индѣ нигдѣ не примѣчено: впро-

чемъ далѣе къ сѣверу много такихъ мѣстъ и я видалъ, гдѣ мимоходящіе бросають жертву, якобы врагамъ тамъ пребывающимъ, но столбовъ и идоловъ не ставятъ.

(1) Сверхъ того всѣ мѣста, по ихъ мнѣнію опасныя, какъ напримѣръ огнедыщія и другія высокія и крупныя горы, кипячія воды, лѣса и прочее населены отъ нихъ нѣкопорыми бѣсами, копорыхъ они болѣе, нежели боговъ своихъ опасаются и почишаютъ.

Горныхъ боговъ называютъ они *Камули* или малыя души, ибо душа по Камчатски *Камулетъ*. Сіи боги, или по тамошнему враги, живутъ на высокіхъ, особливоже дымящихся и огнедыщихъ горахъ, чего ради Камчадалы не токмо всходятъ на нихъ, но и близко приступиться не смѣютъ. Питаются они, по мнѣнію ихъ, рыбною ловлею, сходя по воздуху на море въ ночное время, приносятъ на каждомъ пальцѣ по рыбѣ, варятъ и пекутъ ихъ по обычаю Камчадаловъ, вмѣсто дровъ употребляя киповое сало и кости. Такія мѣста проходя Камчадалы бросають что нибудь собственное врагамъ онымъ въ подарокъ.

Лѣсныхъ боговъ называютъ они *Ушахту*,

(1) Изъ Стеллерава описанія.

и сказываютъ, якобы они походятъ на человека. Жёны ихъ носятъ младенцевъ къ спинѣ приросшихъ, которые непрестанно плачутъ. Они, по Камчатскому суевѣрію, людей съ пупи сводятъ, и дѣлаютъ глупыми.

Морскаго бога называютъ они *Митгъ*, и приписываютъ ему рыбій видъ. Онъ, по ихъ мнѣнію, владѣетъ моремъ и рыбами, которыхъ посылаетъ въ рѣки, однако не для того, чтобъ люди имѣли отъ того пропитаніе, но будто за лѣсомъ на бабы себѣ; ибо они отнюдь не вѣрятъ, чтобъ имъ отъ бога могло быть какое благодѣяніе.

О Пиллчучѣ, или какъ Стеллеръ пишетъ, *Билюкаѣ*, о которомъ выше объявлено, багнословятъ они, будто живетъ онъ на облакахъ со многими камулами, и будто громъ, молнію и дождь ниспускаетъ; а радугу почитаютъ за подзоръ на его плащѣ. Сей Билюкай, по ихъ суевѣрію, опускается иногда съ облаками на горы, вѣдитъ въ саняхъ на куропахкахъ, и бываетъ причиною великаго щастія тому, кто слѣдъ его увидитъ; но мнимой оной слѣдъ Билюкаевъ ничто иное есть, какъ струйки на поверхности снѣга, которыя дѣлаются отъ вихрей. Напрошивъ того имѣютъ отъ него и спасеніе: ибо сказываютъ, будто онъ въ вихри дѣтей ихъ чрезъ слугъ своихъ уноситъ, и

употребляютьъ вмѣсто подставокъ, на которыхъ доски съ жиромъ вмѣсто свѣчь доставляются. Жена у него *Тиранусъ*.

Они, по объявленію Спеллера, признаютьъ и бѣса, котораго представляютъ весьма хитрымъ и обманчивымъ, и для того называютъ *Канною*. Около нижняго Камчатскаго острѣга показываютъ весьма шарую и высокую ольху, которая за жилище его почитается, и Камчадалы ежегодно въ нее стрѣляютъ, отъ чего она вся стрѣлами изпыкана.

Гаель, по ихъ есть начальникъ подземнаго свѣта, куда люди по смерти преселяются, которой прежде сего жилъ на здѣшнемъ свѣтѣ.

Нѣкоторому изъ первыхъ дѣшей Купховыхъ приписываютъ власть надъ вѣтрами, а женѣ его *Савинѣ* твореніе вечерней зари и утренней.

Туила прясенію земли причиною славятъ, будто оно происходитъ отъ того, когда Туилова собака *Козей*, на которой онъ ѣздитъ подъ землею, отрясаетъ снѣгъ съ себя.

Но всѣ мнѣнія ихъ о богахъ и о діаволахъ беспорядочны, глупы и столь смѣшны, что не зная Камчатскихъ фантазій не можно сперва и повѣрить, чтобъ они за

истинну утверждали такую нескладицу. Однако они по своему разуму всему дають причину, о всемъ разсуждаютъ, и стараются извѣдывать самыя мысли птицъ и рыбъ. Но при томъ имѣютъ они сей порокъ, что ни о какомъ мнѣніи никогда не думаютъ, справедливо ли оно или несправедливо, и можно ли тому спастись или не можно, но все принимаютъ за истинну.

Главное основаніе вѣры ихъ утверждается на древнихъ преданіяхъ, копорыя наблюдаютъ они паче закона, не приѣмля ни какихъ доказательствъ въ опроверженіе. Спеллеръ пишетъ, что онъ больше спа чело-вѣкъ спрашивалъ, не приходило ли имъ когда на мысль, смотря на небо, на звѣзды, луну и солнце и на другія вещи, что естъ шому Творецъ, копорый все шоль премудро устроилъ, и копораго должно какъ почитать, такъ и любить за власъ его и благодѣяніе; но они на опрѣзъ ему отвѣтствовали, что никогда о томъ не помышляли, и какъ любви, такъ и спраху не чувствовали, и не чувствуютъ.

О Богъ разсуждаютъ они, что онъ ни щастію, ни нещастію ихъ не бываетъ причиною, но все зависитъ отъ чело-вѣка. Свѣтъ почитаютъ вѣчнымъ, души безсмертными, копорыя съ плѣомъ соединившись восспа-

нущь, и вѣчно жить будутъ въ такихъ же трудахъ, какъ и на здѣшнемъ свѣтѣ, токмо съ тою выгодою, что будутъ тамъ во всемъ вѣщшее изобиліе, и никогда не имѣютъ терпѣшь голода.

Всѣ пвари до малѣйшей мухи послѣ смерти возстанутъ, и подъ землею жить будутъ. Свѣтѣ поставляютъ плосковиднымъ. Подъ землею полагаютъ подобное нашему небо, а подъ небомъ другую землю. Нашу землю почитаютъ за изнанку подземнаго неба; когда у насъ бываетъ лѣто, тогда у нихъ зима; а когда у нихъ лѣто, то у насъ зимнее время.

О воздаяніи будущемъ сіе токмо говорятъ, что бѣдные здѣшняго свѣта будутъ тамъ богатыми, а богатые убогими. А чтобъ Богъ за грѣхи наказывалъ, того по ихъ мнѣнію не надобно: ибо, говорятъ они, кто худо дѣлаетъ, тотъ терпитъ и опмщеніе.

А по чему они такія преданія и отъ кого приняли, о томъ сказываютъ слѣдующую баснь: будто въ подземномъ свѣтѣ, куда люди по смерти преселяются, есть великой и сильной Камчадалъ Гаечъ именемъ, которой родился отъ Кухы, и прежде всѣхъ на Камчаткѣ умеръ; жилъ въ подземномъ свѣтѣ одинъ по тѣхъ поръ, пока двѣ дочери его умерли, и къ нему преселились;

и будио онъ, желая научить свое потомство, приходилъ на нашъ свѣтъ, и взошедъ къ нимъ на юрпу, о всемъ томъ, чему нынѣ Камчадалы вѣрятъ, рассказывалъ. Но понеже многіе отъ того спраху, что мертвой къ нимъ приходилъ, скоро умерли, то Камчадалы начали попомъ юрпы свой оставлять, въ которыхъ человекъ умретъ, и новыя строитъ, чтобъ мертвой пришедши къ нимъ по подобію Гаеча, не нашелъ новаго ихъ жилища.

Сей Гаечь, по ихъ объявленію, есть главной въ подземномъ свѣтѣ. Принимаетъ всѣхъ Камчадаловъ умершихъ; и кто прибудетъ въ новой и богатой собачьей куклянкѣ, и на хорошихъ собакахъ, тому даетъ худое платье и худыхъ собакъ, а кто въ худомъ платьѣ и на худыхъ собакахъ, тому даруетъ хорошее платье, хорошихъ собакъ, и хорошее отводитъ мѣсто къ поселенію. Тогда умершіе начинаютъ строить себѣ юрпы и балаганы, упражняются въ звѣриной, пшичьей и рыбной ловлѣ, пить, ѣсть и веселились по здѣшнему, токмо съ тѣмъ различіемъ, что они на ономъ свѣтѣ такого, какъ здѣсь, безпокойства не чувствуютъ; для того что тамъ меньше бурь, дождей и снѣгу, и во всемъ такое изобиліе, какое было на Камчаткѣ во времена Купховы:

ибо они думаютъ, что свѣтъ отъ времени до времени становился хуже, и все противъ прежняго умалается, по тому что живошныя купно съ промышленниками своими поспѣшаютъ переселяться на томъ свѣтъ.

Что касается до пороковъ ихъ и добродѣтелей, то они такоежъ имѣютъ развращенное о томъ понятіе, какъ и о Богѣ. Все то почитаютъ за дѣло дозволенное, чемъ они могутъ удовлетворить желанію и спраснямъ своимъ, а въ грѣхъ спавятъ токмо то, отъ чего опасаются или истинной, или мнимой гибели по своему суевѣрію: такимъ образомъ не спавятъ они въ грѣхъ ни убійства, ни самоубійства, ни блуда, ни прелюбодѣянія, ни содомства, ни обидъ; однимъ словомъ ничего того, что по закону Божію запрещается. Напротивъ того за смертной грѣхъ почитаютъ упоающаго избавить отъ гибели, для того что, по ихъ суевѣрію, шѣмъ, кои его изловятъ, самимъ упонуть будетъ. Засыпанныхъ снѣгомъ съ горъ, которымъ случается выбишья, принимаютъ въ жилье страшное беззаконіе по шѣхъ поръ, пока они сбѣдятъ всѣ свои припасы дорожные, а пошомъ надлежитъ имъ раздѣшья до нага, и брося свое платье, какъ скверное, войши въ свою

юршу. Пить горячія вѣды, мыться вѣ нихѣ, и всходитъ на огнедышущія гѣры за несумнѣнную почитающѣ погибель, и слѣдовательно за грѣхѣ вошющій на небо, и прочіе такіе безчисленные забобоны, о копорчѣхѣ и пишутъ гнусно. Грѣхѣ у нихѣ и надѣ кислою рыбою драпьяся, или ссориться; грѣхѣ сѣ женою совокупляться, когда сѣ собакѣ сдирающѣ кожи; грѣхѣ соскабливать снѣгѣ ножемѣ сѣ обуви; грѣхѣ мясо различныхѣ звѣрей и рыбѣ варить вѣ одной посудѣ; грѣхѣ ножи или топоры почить вѣ дорогѣ, и другія подобныя сему мѣлочам, отѣ копорчѣхѣ опасаются какого нибудь прошивнаго приключенія; какѣ отѣ драки и ссоры надѣ кислою рыбою совершенной погибели, отѣ совокупленія сѣ женою во время сниманія собачьихѣ кожѣ коросты, отѣ соскабливанія снѣгу сѣ обуви бури, отѣ варенія разныхѣ мясѣ вмѣстѣ нещастія вѣ ловлѣ и чирьевѣ, отѣ поченія ножей и топоровѣ вѣ дорогѣ погодѣ и бури. Что однакожѣ не столь удивительно: ибо во всѣхѣ народахѣ довольно суевѣрій у простыхѣ людей, какѣ то, что они такое множество заповѣдей могутѣ содержать всегда вѣ памяти.

Кромѣ помянутыхѣ боговѣ своихѣ почитающѣ они и разныхѣ животныхѣ и

другую тварь, отъ которой бываетъ опасность. Огню приносятъ они въ жертву норки собольи и лисьи. Киповъ и касатокъ уговариваюшъ они словами, когда увидяшъ на промыслъ, ибо они опрокидываюшъ лодки ихъ; также медвѣдя и волка; и ни котораго изъ оныхъ звѣрей не называюшъ по имени, только говоряшъ, *Силангъ*, бѣда; и въ семъ сходны они съ нашими соболиными промыслениками, которые во время промысла, многихъ вещей не называюшъ своимъ именемъ, будто бы отъ того дѣлается въ ловлѣ нещасіе.

Въ такомъ крайнемъ заблужденіи находился сей народъ еще и въ первыхъ годахъ моей бытности; но нынѣ тщаніемъ всемилоспивѣйшія наша Государыни Императрицы **ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ** и высококомпернимъ ЕЯ о всѣхъ подданныхъ попеченіемъ, всѣ Камчадалы приняли Христіанскую вѣру, и многіе изъ сѣверныхъ Коряковъ: ибо въ 1741 году прибыли туда отъ Свяшѣйшаго Синода отправленные проповѣдники съ довольною церьковною утварью и со всѣмъ, что потребно было къ обращенію поль дикаго народа, которые имѣли столь желаемой успѣхъ во ученіи, что не токмо обрашили ихъ въ Христіанскую вѣру, но и возбудили желаніе ко ученію: за-

вели школы по разнымъ мѣстамъ, въ которыя Камчадалы отдають дѣтей своихъ безъ всякаго принужденія; а нѣкоторые учать ихъ на своемъ иждивеніи. По такимъ обстоятельствомъ сумнѣваться не можно, что Христіянская вѣра по всему Сѣверному морю чрезъ нѣсколько лѣтъ распространится.

Г Л А В А XII.

О Шаманахъ Камчатскихъ.

У Камчадаловъ нѣтъ особливыхъ шамановъ, какъ у другихъ тамошнихъ народовъ, но всякая баба, а наипаче старуха, и всякой Коэкчучъ волхвомъ и полковапелемъ сновъ почищается. При шаманствѣ не бьютъ они ни въ бубны, ни плашья нарочно для того сдѣланнаго не надѣваютъ, какъ у Якутовъ, Корякъ, Тунгусовъ, Бурятовъ и всѣхъ Сибирскихъ язычниковъ въ обычаѣ; но нашептываютъ на рыбью шаглу (1), на сладкую траву, на поншичь, и шѣмъ лѣчатъ болѣзни, шѣмъ отвращаютъ несчастіе, и будущее предвозвѣщаютъ. А какія слова при наговорахъ употребляютъ, или кого призываютъ на помощь, того я, какъ великой тайны, не могъ вывѣдать.

Главное ихъ шаманство бываетъ такимъ образомъ: двѣ бабы садятся въ уголъ, непрестанно шепчутъ, одна привязываетъ

(1) Естественные слова *Шаглюю* называютъ жаберную крышечку у рыбъ (*opercula branchialis*).

къ ногѣ крапивную нитку, раскрашенную красною шерстью, и качаетъ ногу. Если ей ногу подвигать легко покажется, то сіе почитается за счастливое предзнаменованіе, и за будущій благополучной успѣхъ предприемаемаго дѣла; а буде тяжело, то за несчастливое. Между тѣмъ призываетъ бѣсовъ къ себѣ словами, *гушь, гушь*, и скрежещетъ зубами; а какъ явится привидѣніе, то захохотавши кричитъ, *ахъ ай, хъ ай*. Съ полчаса спустя бѣсы прочь отходятъ, и ворожея непрестанно кричитъ, *ишки*, то есть, нѣтъ. А другая баба, какъ ея помощница, шепчетъ надъ нею, и уговариваетъ чшобъ не боялась, но прилѣжно бы примѣчала явленія, и содержала бѣ въ памяти, что загадала. Нѣкоторые сказываютъ, что во время грома и молніи Билюкай къ шаманкамъ сходитъ, и вселясь въ нихъ способствуеетъ имъ угадывать.

Если сдѣлается кому неблагополучіе, или не будетъ счастія въ промыслѣ, то тотъ часъ приходитъ къ старухѣ или къ женѣ своей, бываетъ шаманство, слѣдуется причина, оцѣ чего произошло такое зло, и предписуются средства къ отвращенію. За вѣщшую же причину вмѣняется преступленіе какого нибудь суевѣрія, которое тѣмъ отвращается, что согрѣшившій дол-

женѣ вырѣзати болванчика, и опнесши въ лѣсъ на дерево поставити.

Шаманяшѣ же они и во время праздниковѣ, когда грѣхи очищаются, шепчутѣ, курятѣ, махаютѣ, опираютѣ поншичемѣ, обвязываютѣ перевязками, опговариваютѣ пришедшихъ въ изумленіе, и другія дѣлаютѣ непристойности, о чемѣ въ слѣдующей главѣ писано пространнѣе.

Естьли копорой младенецѣ родится въ бурю или ненастье, то на возрастѣ, когда онѣ говоритѣ будетѣ, шаманяшѣ надѣ нимѣ, и примиряютѣ съ бѣсами шакимѣ образомѣ: въ жестокую бурю раздѣваютѣ его до нага, даютѣ въ руку раковину морскую, копорую ему поднося къ верху должно обѣгати вокругѣ юрту, балаганѣ и собачьи конуры, говоря сіи слова къ Билюкаю и къ другимѣ врагамѣ: *Раковина привыкла къ соленой, а не къ прѣсной водѣ, а вы меня весьма мотите, и мнѣ отѣ мокроты будетѣ погибнуть: видите, что на мнѣ нѣтъ платья, и что я весь дрожу.* По окончаніи сего примиряется онѣ съ бѣсами, а въ противномѣ случаѣ бываетѣ причиною погодѣ и ненастья.

Такимѣ же образомѣ гадаютѣ они и трудныя сновидѣнія; ибо Камчадалы столько въ томѣ любопытны, что по утру са-

мое первое у нихъ дѣло разсказывать сны, рассуждать и заключать изъ того счастье или злополучіе. О нѣкоторыхъ снахъ имѣютъ они вѣрныя и непремѣняемыя правила, какъ на примѣръ : естли вшей видятъ, то на другой день ожидаютъ къ себѣ козаковъ безъ сумнѣнія. Испражненіемъ желудка предзнаменуется прибытіе гостя изъ ихъ народа; плотскимъ совокупленіемъ предвозвѣщается счастье въ промыслѣ.

Кромѣ шаманства упражняются они въ Хиромантіи, и рассуждаютъ о счастливыхъ и несчастливыхъ приключеніяхъ по чертамъ на рукѣ, но правила свои въ тайнѣ содержатъ. Естли у когоꝛъ появишся на рукѣ почка, пяшно или черта, или вдругъ пропадеетъ, то спрашиваютъ о томъ у старой шаманки, какъ то самъ Спеллеръ примѣшилъ пришворясь соннымъ.

Г Л А В А XIII.

*О праздникахъ и наблюдаемыхъ при
толѣ обрядахъ.*

У всѣхъ Камчадаловъ одинъ шокмо годовой праздникъ, въ которой они грѣхи очищающіе; а отправляется оный неоптѣнно въ Ноябрь мѣсяцъ, чего ради и очиспителемъ грѣховъ называется. Стеллерово мнѣніе о семъ праздникѣ, что оный отъ предковъ ихъ уставленъ былъ въ благодареніе Богу за его благодѣянія, но послѣ сущая причина празднованія помрачена дурацкими смѣхами и нелѣпыми баснями. Мнѣ кажется мнѣніе его основательно, тѣмъ наипаче, что по окончаніи лѣтнихъ и осеннихъ трудовъ не принимаются они ни за какую работу прежде праздника, не ѣздятъ въ гости и на промыслы, почитая все то за великой грѣхъ. Ежели же кому пресупишь случишь, волею или по нуждѣ, то во время праздника необходимо долженъ очиспиться, ежели не очиспился прежде. Изъ сего нѣскольکو видѣть можно, что предки сего народа, по заготовленіи въ зиму сѣбѣстныхъ припасовъ, имѣли обычай начало трудовъ

своихъ приносить богу на жершву, а потомъ сами между собою веселились, приходя другъ къ другу въ гости. При празднованіи бываетъ у нихъ между прочимъ много и такихъ мѣлочей, которыя не достойны воспоминанія; но понеже всему у нихъ непремѣнной порядокъ, то опишу я всѣ обряды ихъ съ начала до конца праздника обстоятельно, не опуская никакой бездѣлицы не столько для удовольствія читателя, ибо такія мѣлочи читаешь больше скуки, нежели пріятности, но наипаче для того, чтобъ не погибла память тоголикаго ихъ заблужденія, изъ котораго они выведены высокомагерьнею милостію Ея Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшія наша Государыни: ибо нынѣ всѣ оныя языческіе обряды оставлены, и чрезъ нѣсколько лѣтъ совершенному предадутся забвенію къ нѣкоторому ущербу Исторіи.

И понеже южные Камчадалы имѣютъ нѣкоторую разность въ обрядахъ противъ сѣверныхъ; то объявлю я порознь о празднованіи ихъ, начавъ отъ южныхъ Камчадаловъ, къ которымъ я въ 1738 и 1739 годахъ нарочно для того ѣздилъ, и въ знашномъ ихъ острогѣ, *Чаплынганъ* называемомъ, что на рѣкѣ Кыкчикѣ, жилъ по трои сущки.

Дѣйствіе началось мѣшеніемъ юрты.

Потомъ два старика имѣвшіе въ рукахъ по повѣсму поншича, нѣчто пошептавъ надъ соромъ, приказали его вонъ носить.

Съ полчаса спустя выняли изъ мѣста вонъ старую лѣсницу, мѣсто вычистили, и старикъ, невѣдомо что пошептавъ, положилъ туда щепочку обвинную поншичемъ, послѣ того новую привязали съ равнымъ шептаніемъ, а старую поставили къ стѣнѣ, ибо вонъ ее выносить не окончавъ праздника не дозволено.

Между шѣмъ приборъ къ ѣздѣ на собакахъ принадлежащій, санки, алаки, узды побѣжники, ошпалы и прочее изъ юрпы вонъ вынесли, для того что оный ожидаемымъ на праздникъ врагамъ, по ихъ мнѣнію, прошивенъ.

Не много помѣшкавъ принесли въ юрту сухой правы, и послали подъ лѣсницею. Старикъ, который обыкновенно на все нашептывалъ, пришедъ къ лѣсницѣ съ тремя бабами, сѣлъ по правую сторону, а бабы по лѣвую. У каждаго изъ нихъ была рожка, а въ нихъ юкола, сладкая права, сухая икра, тюленій жиръ въ кишкахъ и кусками. Изъ юколы дѣлали они топоры, и сладкою правою увивали; а изготовя все по обычаю, старикъ и каждая баба отпра-вляли отъ себя по человѣку въ лѣсъ за бе-

резою навязавъ на поясы, на шопоры и на голову поншичь, и отдавъ рогожки съ объявленнымъ запасомъ на дорогу, немного себѣ изъ того оставя.

Послѣ того старикъ и бабы, вставши съ мѣстъ своихъ, обошли вокругъ лѣсницы одинъ разъ махая поншичемъ, который въ обѣихъ рукахъ имѣли, и приговаривая, *акхалалалай*; а за ними обходили и шѣ, коимъ надлежало ийти за березою, которые обошедши и опправились въ путь свой; а старикъ и бабы поншичь свой на очагъ положили, а оставшій запасъ бросили малолѣтнимъ какъ бы на драку, которой они разхватавши сѣбли.

Между шѣмъ бабы дѣлали изъ сладкой травы и изъ юколы кипа, а сдѣлавъ вынесли вонъ изъ юрты до времени, и положили на балаганѣ. Попомъ зашоплена юрта, а старикъ выкопавъ передъ лѣсницею ямку, принесъ камбалу обвернутую поншичемъ, и пошепшавъ положилъ въ ямку, и сперва самъ на томъ мѣстѣ обернулся прижды, а послѣ и всѣ мужчины и женщины до малолѣтнихъ.

По окончаніи сего дѣйствія другой старикъ началъ сарану варить въ корытахъ каленымъ камнемъ, которою сараною имѣли бытъ подчиваны враги ихъ; а между

тѣмъ, у кого были болванчики, называемые *Урилидаты*, обвязывали ихъ сладкою правою, а другіе дѣлали новыхъ болванчиковъ, *Итунгъ* именуемыхъ, и въ пополокъ надъ очагомъ тыкали.

Въ тожъ время нѣкоторой старикъ принесъ въ юрту березовой кряжъ, и началъ изъ него Ханшая дѣлать, а сдѣланному первой Тоюнъ того острожка навязалъ сладкой правы на шею, а по немъ и прочіе сладкуюжъ праву или поншичь принесли ему на жершву, по совершеніи копорой послали его на очагъ вмѣстѣ съ старымъ Ханшаемъ.

Частоупоминаемый старикъ взявъ два небольшіе камня, и обвернувъ въ поншичь невѣдомо что наговаривалъ, потомъ, закопавъ ихъ, на очагъ по разнымъ угламъ расклатъ небольшой огонь, а вокругъ лѣсницы посадилъ малолѣпныхъ, чшобъ имъ хватать болванчиковъ, копорые сверху имѣли бытъ въ юрту брошены. Дѣти разхватавъ ихъ обвязали сладкою правою, а одинъ изъ нихъ взявъ новаго Ханшая пошацилъ вокругъ очага за шею, а прочіе за нимъ слѣдовали и алхалалай кричали, а потомъ на старомъ его мѣстѣ послали.

Послѣ того обѣли вокругъ очага всѣ старики, сколько ихъ въ юртѣ ни было:

попѣ, который на все нашептывалъ, взявъ въ руки обвѣшную тоншичемъ лопату, слѣдующую рѣчь къ огню говорить началъ: *Отъ Кутхи намъ приказано воздавать тебѣ жертву по однажды въ годъ, что мы и исполняемъ; тего ради просимъ, чтобъ ты насъ хранилъ, и миловалъ, не притинялъ бы скорбей и бѣдъ, и не дѣлалъ пожару.* Сію рѣчь перерывалъ онъ нѣсколько разъ; между тѣмъ всѣ прочіе старики вставали, и топая ногами, и плеская руками кричали алхалалай, а по окончаніи оной всѣ старики встали съ мѣстъ своихъ, и взявъ другъ друга за руки заплясали, и закричали алхалалай, а съ ними и всѣ бывшіе въ юртѣ тоже кричали.

Во время крика начали выбѣгать изъ угловъ бабы и дѣвки, искося глаза, искривя ротъ и представляя себя какъ возможно страшными, копорыя дошедъ до лѣсницы подняли руки къ верху, и дѣлая странныя тѣлодвиженія плясали и кричали во весь голосъ, а потомъ одна за другою падали на землю будто мертвыя, и разносимы были мущинами по мѣстамъ своимъ, гдѣ лежали акибы безчувственны по тѣхъ поръ, пока нѣкоторой старикъ не отшепталъ каждую порознь. Сіе позорище показалось мнѣ страннѣе и прошивнѣе Якутскаго шаманства:

ибо тамъ одинъ токмо шаманъ бѣсится, а здѣсь цѣлой острожекъ. Опшештанныя бабы и дѣвки весьма много кричали, и плакали, будто отъ великой болѣзни и шягоспи, а между тѣмъ спарикъ поворожа надъ пепломъ бросалъ его дважды къверху лопатой, а по немъ и прочіе тожъ учинили. Послѣ того объявленный спарикъ, насыпавъ пеплу въ два ковша, посылалъ съ нимъ двухъ человекъ дважды изъ юрты, которые выходили не обыкновеннымъ окномъ, но *шолхадомъ*, и усыпали пепломъ дорогу.

Нѣсколько времени спустя обшянули вокругъ всей юрты веревку изъ правы́ плеченую, къ которой мѣстами привязанъ былъ тоншичъ. И такимъ образомъ день они препроводили, а въ вечеру возвратились посланные за березою, которые, совокупясь съ нѣкоторымъ числомъ выбѣжавшихъ изъ юрты Камчадаловъ, внесли на юрту срубленную подъ корень превеликую березу, и начали бить ею въ окно или въ двери юрты, при чемъ, топая ногами кричали, сколько у кого было голосу; напрошивъ того и бывшіе въ юртѣ опвѣштвовали равнымъ образомъ отъ мала и до велика, и сей вопль продолжался около получаса. Послѣ того выскочила изъ угла дѣвка какъ бѣшеная, и взбѣжавъ по лѣсницѣ за березу схвати-

лась, а къ ней на помощь прибѣжало было еще бабъ съдесять, но Тоіонъ того оспрожка стоя на лѣсницѣ не допустилъ ихъ. Между тѣмъ береза спускалась ниже, и уже съ полу доспашь оную возможно было; тогда всѣ бабы ухватясь за березу начали тянуть ее въ юрпу съ ужаснымъ крикомъ и съ плясаніемъ, но снорящіе на юртѣ держали крѣпко. Напоследокъ весь женскій полъ, аки пораженный нечиспымъ духомъ, попадалъ на землю, выключая ту дѣвку, коя прежде всѣхъ за березу схватилась; ибо она по тѣхъ поръ висѣла на ней и кричала, пока береза концомъ на полу спала; тогда и она по примѣру прочихъ на землю поверглась какъ мертвая.

Всѣхъ бабъ и дѣвокъ старикъ по прежнему отговаривалъ, и всѣхъ отщепталъ скоро, кромѣ одной дѣвки, надъ которою онъ прудился долгое время. Она очнувшись закричала необычнымъ голосомъ, что ей весьма пошнѣ, при томъ исповѣдывала грѣхъ свой, что она до праздника собакъ обдирала. Старикъ утѣшая ее совѣтовалъ болѣзнь нести великодушно, которой сама она причиною, что грѣха своего до праздника не очистила, и рыбьей шаглы въ огонь не бросила.

По прошествіи одного или полутора

часа брошено въ юршу восемь тюленьихъ кожъ, въ которыхъ навязана была юкола, сладкая права и пузыри съ тюленьимъ жиромъ, а за ними брошены и чепыре рогожи, которыхъ даваны были съ кормомъ посланнымъ за березою, а въ нихъ находились березовые обрубки и запасъ ошпапочной. Рыбу изъ тюленьихъ кожъ, сладкую праву и жиръ Камчадалы раздѣлили по себѣ, кожи послали передъ лѣсницею, а изъ березовыхъ обрубковъ начали дѣлать остроголовыхъ болванчиковъ, *Каміуда* называемыхъ, во образъ шѣхъ бѣсовъ, кои въ женской ихъ полѣ вселяются во время плясанія. Помянутыя кожи тюленьи опсулены были шѣмъ бѣсамъ еще съ осени, когда Камчадалы снаряжались на тюленьи промыслы, чего ради и не употребляютъ ихъ ни на что кромѣ того, что подъ себя спелютъ.

Сдѣлавъ 55 болванчиковъ посадили ихъ рядомъ, и сперва вымазали брусницею лице имъ, послѣ того поставили передъ нихъ въ прехъ посудахъ полченой сараны, и передъ каждого положили маленькую ложку; такимъ образомъ стояло кушанье нѣскольکو времени, а какъ болванчики, по мнѣнію Камчадаловъ, уже довольны были, то сарану съѣли они сами, а болванчикамъ надѣвъ на головы правяные колпаки, и навязавъ слад-

кой травы и тоншича на шеи, связали ихъ въ при пучка, и каждой пучекъ по два человекъ съ воплемъ и плясаніемъ въ огонь бросали, а съ ними вмѣстѣ жгли и щепы, копорыя при дѣланіи ихъ нарублены.

Около полуночи вошла въ юрту шопхадомъ или выводомъ баба, у копорой на спинѣ привязанъ былъ кишъ изъ сладкой травы и рыбы, сдѣланный въ началѣ еще праздника, и ползла въ кругъ очага; за нею слѣдовали два Камчадала съ шюленьими кишками, сладкою правою перевишыми, и крича по вороньи, кишками по кишу били. Какъ баба очагъ миновала, то бросились всѣ бывшіе въ юртѣ малолѣпные, и кита у ней расперзали, а баба побѣжала вонъ тѣмъ же выводомъ; но споявщій внѣ юрты нарочно для того Камчадалъ поймалъ ее, и взведши на юрту началъ спускаться по лѣсницѣ внизъ головою. Для приниманія ея бросились нѣсколько бабъ и дѣвокъ съ шакимъ же, какъ прежде воплемъ, а послѣ всѣ вмѣстѣ плясали и кричали до тѣхъ поръ, пока на землю попадали, при чемъ было и опшешпыванье по прежнемужъ; а между тѣмъ Камчадалы разперзаннаго малолѣпными кита по себѣ дѣлили и били.

Вскорѣ послѣ того зашопили юрту, и бабы стряпашь начали. Каждая принесла

свою посуду и толкушу, и спали полочъ шеламайное коренье, икру и кипрей съ нерпичьимъ жиромъ; а какъ все оное истолкли какъ тѣсто, то старикъ взявъ *хомягу* (посуда) ходилъ по всѣмъ бабамъ, и съ каждой бралъ по ложкѣ толкуши, а собравъ опдалъ хомягу другому старику, который на все нашептывалъ, и бабъ падающихъ на землю отговаривалъ. Оный старикъ сблѣкъ огню съ толкушею, и невѣдомо что наговаривая, по обычаю, бросилъ изъ толкуши нѣсколько въ огонь, а остальное опдалъ обратно тому, къмъ толкуша была собрана, а старикъ разносилъ паки по бабамъ, и каждой давалъ по ложкѣ вмѣсто жертвеннаго. Между тѣмъ вся ночь прошла, и никто изъ Камчадаловъ спать не ложился.

На другой день, то есть Ноября 22 числа, около 9 часа по утру, посланы передъ лѣсницею двѣ нерпичьи кожи, а между ими рогожа, на которыхъ сбли при спарухи. Каждая изъ нихъ имѣла пучекъ тоненькихъ ременныхъ гайтановъ, раскрашенныхъ нерпичьей шерстью и тоншичемъ. Въ прислужникахъ у нихъ былъ старикъ, который, обравъ гайтаны и обжегши на огнѣ, обратно имъ опдалъ. Спарухи вставъ съ мѣстъ своихъ ходили одна за другою по юртѣ, и окуривали вездѣ обожженными оными гай-

шанами, а Камчадалы, жёны ихъ и дѣти во время прохода спарухъ хватались за гайшаны, какъ за нѣкошорую вещь освященную, и трясли ихъ. Окуря всѣхъ сѣли спарухи по своимъ мѣстамъ, и одна взявъ у прочихъ гайшаны вторично пошла по юртѣ, прикладывая ихъ ко всѣмъ столбамъ и подпорамъ въ юртѣ; между тѣмъ всѣ Камчадалы кричали, а всѣ спарухи, у которыхъ пучки сѣ гайшанами были, плясали, и бѣсильсь по прежнему; шожъ учинила обшедѣ юршу и прешья, а наконецъ всѣ попадали замертво.

Прислужникъ взявъ гайшаны у лежащей спарухи приложилъ ихъ къ лѣсницѣ, и по тѣхъ поръ держалъ, пока всѣ бывшіе въ юртѣ отъ мала до велика къ нимъ прикоснулись. На послѣдокъ роздалъ ихъ по угламъ, гдѣ бабы разобрали гайшаны, каждая по числу семьи своей, и надѣвали ихъ на каждого человека, окутивъ прежде мужа, себя и дѣтей своихъ.

Спустя полчаса Камчадалы послали передъ лѣсницу нерпичью кожу, а къ двумъ столбамъ, что по сторонамъ лѣсницы, привязали по мальчику; послѣ того вошли въ юршу два старика, и спрашивали у мальчиковъ: *когда прѣжжаетъ отецъ ихъ?* на что отъ всѣхъ Камчадаловъ отвѣтствовало-

но имѣ: зимою. Спарики положа передѣ мальчиками по кишкѣ съ нерпичьимѣ жиромѣ, копорья сладкою правою обвиты были, вонѣ вышли, но вскорѣ возвратились въ юрпу, и начали кричать и плясать, а съ ними и всѣ бывшіе въ юртѣ кричали.

Между тѣмѣ вошла шопахдомѣ баба, у которой подѣ пазухой былѣ сдѣланной изѣ сладкой правы волкѣ, и набишой медвѣжьимѣ жиромѣ, кишками съ пюленьимѣ жиромѣ и другими сѣбстными ихѣ припасами, о копорыхѣ выше упомянуто. За бабою шелѣ Тоіонѣ того острожка съ натянутымѣ лукомѣ, у копорыхѣ и голова и рѣки обвязаны были поншичемѣ; сверхѣ того у Тоіона на поясу, на сайдакѣ и на спрѣлѣ навѣшенѣ былѣ поншичѣ же повѣсмами. Какѣ баба обошла подѣ стѣны вокругѣ юрпы съ послѣдовавшими ей всѣми жителями того острожка мужеска пола и женска скачущими, и кричащими, и дошла до лѣсницы, то нѣсколько человекѣ Камчадаловѣ выхватили у ней волка изѣ подѣ пазухи, и взбѣжали съ нимѣ по лѣсницѣ подѣ самой верхѣ юрпы; чего ради всѣ бабы обступя лѣсницу, всякими образы домогались взойти на оную, и достать волка, но стоявшіе на лѣсницѣ мужики до того ихѣ не допускали, и хошя онѣ нѣкопорыхѣ силою

съ лѣсницы низвергали, однакожъ намѣренія своего не могли произвестъ въ дѣйство, но утрудясь и обезсилѣвъ всѣ попадали и за мертво разнесены по мѣстамъ, и опговариваны по прежнему. Послѣ того Тоіонъ, который съ напянутымъ своимъ лукомъ стоялъ между тѣмъ ѡдалъ, приступилъ къ лѣсницѣ, и спрѣлилъ въ волка, а прочіе мужики спацили его на полъ, и растерзавъ сѣбли, удѣля нѣкоторое число медвѣжья жиру для подчиванія ханшаевъ.

О семъ дѣйствіи, такъ и о киповомъ, о которомъ выше объявлено, хотя сами Камчадалы сказать и не умѣютъ, касается ли оно до ихъ суевѣрія или нѣтъ, и для чего бываетъ; однакожъ мнѣ кажется, что оно представляется вмѣсто комедіи только для увеселенія, или чѣмъ имъ настоящихъ киповъ и волковъ промыслятъ и бѣсть, какъ съ правяными поступали. А баснь, которую они представляютъ, есть слѣдующаго содержанія:

На нѣкоторой рѣкѣ жилъ ѡдиной Камчадалъ, и имѣлъ у себя двухъ малыхъ сыновей. Отходя на промыселъ принужденъ онъ былъ дѣшею однихъ оставялъ въ юртѣ, и для безопасности, чѣмъ не ушиблись, привязываешь къ столбамъ. Вънебытность его приходилъ къ дѣтямъ его волки,

и спрашивали, скоро ли отецъ ихъ будетъ, которымъ они отвѣщивали, зимою. Дѣти его отъ того страха чрезъ долгое время безъ ума были. Между тѣмъ отецъ съ промысла возвратился, и увидавъ, что во время его оплочки происходило, пошелъ промышлять волка, и заспрѣлилъ его изъ лука. Что же касается до киповаго дѣйствія, то правяной кипъ дѣлается во образъ носимаго волнами мертваго кита, вѣроны изъ кишекъ во образъ вѣроновъ клюющихъ прупъ его, а малые ребята перзающіе его во образъ Камчадаловъ рѣжущихъ жиръ его.

По окончаніи игры о волкѣ, спарикъ обжигалъ поншичь, котораго съ каждой семьи по повѣсму огню на жертву собралъ, и окуривалъ онымъ юрпу два раза. Обожженной поншичь положилъ онъ весь на очагъ, выключая одно повѣсмо, которое на потолокъ надъ очагомъ повѣсилъ, гдѣ оно виситъ во весь годъ.

Вскорѣ послѣ того нанесли въ юрпу березоваго прупья, по числу семей, изъ котораго каждый Камчадалъ взялъ на свою семью по одному прупу, и изогнувъ кольцомъ пропускалъ сквозь оное жену и дѣтей своихъ по два раза, которые выступя изъ кольца вонъ, обершывались кругомъ. Сіе почитается у нихъ за очищеніе грѣховъ ихъ.

Какъ всѣ очиспились, то Камчадалы пошли съ прутьями вонъ изъ юрты жупаномъ, а за ними слѣдовали и всѣ сродники ихъ мужеска и женска пола. Внѣ юрты проходили сквозь кольца впорично, а потомъ оное въ снѣгъ втыкали приклоня на востокъ вершинами. Камчадалы сброся на помъ мѣстѣ весь поншичъ, и отрясши плащье свое возвратились въ юрту настоящимъ входомъ, а не жупаномъ.

Изъ бывшихъ на мѣстѣ очищенія случилась одна больная дѣвка, которую старикъ посадя на снѣгъ съ полчаса отговаривалъ, прикорнувъ передъ нею и опершись о палку, напоследокъ обтрясши плащье ея прутьемъ, опустилъ въ юрту.

Послѣ очищенія принесли Камчадалы малую сухую пшичку, да гольца, нарочно для того изготовленныхъ, и пожара на огнѣ по частямъ раздѣлили, и пришедъ къ огню бросили въ огонь въ три раза на жертву тѣмъ врагамъ, кои на праздникъ приходятъ и въ бабѣ вселяются. Они, сказывающъ Камчадалы, живутъ на облакахъ, видомъ какъ люди, только остроголовы, возрастомъ съ трехлѣшняго младенца, ходятъ въ лисьемъ, собольемъ и россомашьемъ плащѣ.

Понеже они сказывающъ, что враги

къ бабамъ въ ротъ входящъ до 50 и больше, то спросилъ я у нихъ, какъ можно по-ликому числу враговъ величиною съ прехлѣшняго младенца въ одной бабѣ умѣспитъ-ся, и какъ пройти въ такое узкое горло, въ которое рукъ такого младенца пройти кажется не возможно. Намъ де и самимъ, опвѣстшвовали они, по дивно, можетъ де бытъ они весьма малы, да намъ такими кажущся.

Потомъ затопили юршу, и накаля ка-меня начали сухую рыбу варить въ коры-тахъ, а сваря обливали щербою ханцаевъ, обрѣшающихся при нихъ болванчиковъ и березу, которая еще въ юршѣ стояла, а рыбу сами ѣли.

Напоследокъ должно имъ было березу изъ юршы вынести, чего ради два человека взлѣзши по ней на юршу (а по лѣсницѣ вы-ходиць грѣхъ) подали оную сидящимъ въ юршѣ, которые обнесши вокругъ всей юршы, опнесли оную на балаганъ, гдѣ лежитъ она во весь годъ, а почтенія ей никакого не отдаются. Такимъ образомъ праздникъ ихъ окончился.

У сѣверныхъ Камчадаловъ есть въ об-рядахъ немалая опмѣна въ разсужденіи юж-ныхъ. На праздникъ ихъ прѣхалъ я Ноября. 19 дня по утру, однако не заспалъ начала:

ибо до моего еще приѣзда юрта у нихъ была вымешена, надъ полками сдѣланы рядки, а на нихъ наложены поперечныя кольца съ обшесаными головками, которыя по ихъ называются *Урилыдаць*. Сверхъ урилыдачей около очага наложены были сухія дрова для праздничнаго употребленія. За дровами и за кольемъ на урилыдачей бздили Камчадалы съ обрядами, какъ вышеописанные Камчадалы за березою,

Не много спустя по моемъ приѣздѣ всѣ бабы изъ юрты вонъ вышли, и разошлись по балаганамъ, и нѣскольکو помѣшкавъ возвратились. Въ юрту входили сперва спарухи, послѣ малыя дѣвочки и бабы, а напередъ себя опускали онѣ сладкую праву, къ которой у нѣкоторыхъ привязанъ былъ кипрей и юкола. Оныя припасы принимали у нихъ нарочно опредѣленные къ служенію при празднованіи два Камчадала, которыхъ я называю буду ниже сего служителями, и вѣшали на урилыдачей надъ ихъ мѣстами. Каждая баба вшедъ въ юрту клала на очагъ по немногу пощичу, а потомъ опходила на свое мѣсто.

Между прочими спустилась въ юрту одна баба съ двумя двойнишными дѣвочками. У бабы была въ рукахъ сладкая правая, а у дѣвочекъ и въ рукахъ и на головѣ пов-

шичь. Баба снявѣ у двочекѣ сѣ головы поншичь положила на очагѣ, а послѣ нее и двочки поншичь изѣ рукѣ на огнищѣ бросили. Помянутая баба не мать онымѣ двочкамѣ была, но нянька, а мать ихѣ одна входила вѣ юрпу.

Послѣ того привели кѣ очагу дряхлую спаруху, у которой и вѣ рукахѣ и на головѣ, такѣ какѣ и у другихѣ былѣ поншичь, которой она сброся на огнищѣ опрясалась приговаривая невѣдомо что.

Вскорѣ потомѣ вышли два мужика изѣ угловѣ, сѣли по сторонамѣ лѣсницы сѣ шопорами и сѣ деревянными чурками. Служители приносили кѣ нимѣ со всякаго угла по пластинѣ юколы, которую они положили на чурки шопорами надрубляли, приговаривая, чтобѣ юкола была спора, и изѣ балагановѣ не убывала. Надрубленную юколу разносили служители по шѣжѣ же угламѣ, и раздавали обратно, у кого взяли, оплома сперва по малому кусочку, и на огнищѣ брося. Послѣ того стали они ѣсть, подчивая другѣ друга сѣ угла на уголѣ. И первой день праздника ихѣ вѣ 11 часу по полудни шѣмѣ окончился.

На другой день по утру рано отѣ каждой семьи мужикѣ или баба побѣхали по соседнимѣ оспрожкамѣ кѣ друзьямѣ своимѣ,

для сбиранія корму на праздникѣ. Ибо хотя у нихъ и своего довольно, однакожъ по обыкновенію ихъ припасы на то время у сосѣдей собираютъ, подобно какъ у нашихъ подъ насѣдку яйца.

Въ оспрожекѣ возвратились они уже вечеромъ, и зашопя юрпу бабы начали стряпашь, полочъ ягоды и коренье, и она стряпня продолжалась почти во всю ночь. Между тѣмъ огонь на очагѣ не угасалъ, но безперемежно курился. Ибо, по ихъ обычаю, должно быть неугасимому огню по тѣхъ поръ, пока стряпня окончится, и угашеніе огня при ономъ случаѣ за великой грѣхъ почитается.

Изготовля кушанье, что учинилось часа за два до свѣту, юрпу скушали, и бабы начали вишь изъ правы веревки, головы рыбы обвершывашь въ тоншичь, накладывашь на шеи правяныя плешешки, а при всемъ томъ невѣдомо что наговаривая прибавились до самаго свѣту.

По окончаніи помянутаго дѣйствія служители начали со всѣхъ собирать рыбы головы обверченныя въ тоншичь огню на жершву, и класъ на очагѣ, а при положеніи каждой головы присѣдали подлѣ лѣсницы на колоду. Послѣ того всѣ бывшіе въ юртѣ обоего пола опъ мала и до велика

приходили къ очагу, и бросали съ себя тоншичевыя перевязки, а нѣкоторыя сѣмьи, изогнувъ кольцомъ объявленныя правяныя веревки, сквозь нихъ проходили, а послѣ на огнище клали. Сіе у нихъ за очищеніе грѣховъ почитается.

Вскорѣ послѣ очищенія пришелъ къ очагу старикъ, и пошептавъ надъ правою и тоншичемъ, которыя на очагъ набросаны были, началъ изъ нихъ веревки вить, а свивши махалъ два раза по юртѣ, крича изо всей силы невѣдомо что, а по немъ и прочіе пожъ дѣлали. Сіе значить у нихъ изгнаніе всѣхъ болѣзней изъ юрты.

На послѣдокъ Камчадалъ очищалъ у очага двойнишныхъ дочерей своихъ, положи на оной Хахалчу рыбку и омегу изъ чепырехъ мѣшечковъ, которыя надъ постелей своей повѣсилъ.

Не много времени спустя служители со всѣхъ чепырехъ угловъ юрты крестъ за крестъ брали юколу, и подчивали урилыдачей, а за ними слѣдовали и всѣ Камчадалы, и мазали ихъ иной полкушею, иной сараною, иной суниломъ, или что у кого приспрано было. А послѣ стали другъ друга подчивать, переходя съ одной стороны юрты на другую. Подчивающія они кормя другъ друга изъ своихъ рукъ ложкою.

Какъ обѣдъ ихъ окончался, то Камчадалы раздѣвшись до нага взяли по хомягѣ (посуда съ чемъ по воду ходящѣ) въ руки, а вмѣсто плащя получа отъ служителей по тоншичной перевязкѣ на шеи, которыя сняты съ урилыдачей, вышли изъ юрты вонъ, и пошли на рѣку по воду, слѣдуя одинъ за другимъ рядомъ. У передовщика была въ рукахъ хомяга да толкуша, а у другаго хомягажъ да лучина. При выходѣ изъ юрты двое Камчадаловъ, изъ которыхъ одному напереди, другому назади итти надлежало, сѣли на малое время подлѣ лѣсницы, а пришедъ на прорубь передсвщикъ околота оную толкушкою, черпалъ воду сперва оборачивая хомягу прошивъ воды, потомъ по водѣ, а по немъ и всѣ толкѣ дѣлали; и сколько кто въ одинъ разъ зачерпнушь могъ, то и несъ съ собою. Съ проруби шли они тѣмъ же, какъ и прежде порядкомъ, и взошедъ на юрту спускались въ оную по веревкамъ съ великою осторожностію, чтобъ не разплеснуть, ибо оное за грѣхъ почиается, а принимали у нихъ двое подростковъ нарочно для того оставленныхъ, потому что служители сами за водою ходили. На юртѣ стояли они по тѣхъ поръ, пока отъ всѣхъ посуда съ водою принята была. Между тѣмъ четыре раза кри-

чали они изо всей силы плеча руками и топая ногами. А вшедъ въ юршу топъ, копорой ходилъ съ лучиною, обжигалъ оную на огнѣ, и обмакивалъ во всѣ посуды съ принесенною водою. Напрошивъ того изъ воды вынувъ кусокъ льду въ огонь бросилъ, и воду давалъ всѣмъ нишъ вмѣсто освященной.

Попомъ бабы съ оспальнымъ отъ подчиванія кушаньемъ пошли по своимъ балаганамъ, и шамъ оспались. На послѣдокъ старики и мужиковъ всѣхъ вонъ выслали, и мы по прозьбѣ ихъ выпши принуждены были, для того что имъло у нихъ происходить тайное дѣйствіе, при копоромъ кромѣ нѣкоторыхъ стариковъ и двухъ служителей никому бытъ не должно. Однакожъ я упросилъ, чшобъ они толмачу моему при томъ бытъ позволили, копорой рассказалъ мнѣ, что у нихъ происходило.

Сперва старики приказали служителямъ зашопить юршу, а когда она истопилась, то служители принесли по горсти сухой травы, и разбросали по юршѣ, потомъ всю юршу и полки усплали чирелами, (правяными рожками) въ двухъ углахъ зажгли по жирнику, а на послѣдокъ всѣ старики начали вязать поншичь, и помѣнявшись другъ съ другомъ повѣсили оной на спицы, служителямъ от-

дали приказъ, чтобъ въ юрту и изъ юрты никого не пускали, и юршеную дверь наглухо закрыли, а сами легли, и имѣли между собою разговоры о промыслахъ звѣриныхъ и рыбныхъ.

Нѣсколько времени спустя приказали они одному служителю за дверь пощупать; а послѣ открыть, и принесть съ балагану рыбью щеку, да цѣлую рыбьюжъ голову, а самому ему на балаганъ ходить не велѣли.

Принесенную щеку и голову рыбью принялъ старикъ, и обвертя въ поншичь нѣчто пошепталъ на нихъ, и сѣлъ у очага, а къ нему приходили прочіе старики, и попопавъ объявленную щеку и голову, перешедъ черезъ огнище возвращались на свой мѣста. Потомъ служители вышли изъ юрты вонъ, и тѣмъ окончилось первое тайное ихъ дѣйствіе.

По прошествіи двухъ часовъ собрались въ юрту всѣ мужики, бабы и малые ребята, которые того года или хворали или понули. Бабы всѣмъ мужикамъ и малымъ ребятамъ обвязали головы поншичемъ, и давъ имъ въ одну руку поншичу, въ другую сладкой правы выслали вонъ изъ юрты. При выходѣ обносили они сладкую праву вокругъ лѣсницы, и взошедъ на юрту обошли вокругъ оной при раза по солнцу, а

послѣ того стоя на верху юрты рвали на мѣлко сладкую траву и тоншичь, и бросали въ юрту, а перебросавъ и сами входили, и снявъ съ себя тоншичевыя перевязки на огнище клали, и пошопшавъ ногами тѣ, копорые хворали, опходили по своимъ мѣстамъ; а копорые понули, тѣ легли на огнище, и все то представляли, что они въ то время, какъ понули, дѣлали, и кликали поименно, опѣ кого тогда требовали помощи, копорые пришедъ къ очагу съ пеплу ихъ, акибы изъ воды таскали.

Напоследокъ принесена была рыба щека, и брошена на огнище съ приговоромъ, *тцъ тцъ тцъ*, и изломаны на обѣихъ сторонахъ юрты по двѣ рыбки рагатки, и разбросаны по полу. Между тѣмъ служители побывавъ на дворѣ жирники загасили, чирелы, копорыми юрта устлана была, собрали, и расклали маленькой огонь, а въ него положили камень, и сжегши всѣ перевязки бывшія на головахъ у больныхъ и у утопленниковъ, приказали ребятамъ погасить оной камнемъ. Такимъ образомъ шайное ихъ дѣйствіе окончилось, и того дня ничего больше не происходило. На третей день по утру рано затопили юрту, и положили передъ огнемъ два пуча сухой травы или соломы и прутья вмѣстѣ связанныхъ,

и праздничные служители спали, одинъ у одного, а другой у другаго пука. Какъ огонь разгорѣлся, то они помѣнявшись пуками начали ихъ развязывать, и прутье роздали по мущинамъ, изъ которыхъ иные ихъ намѣлко домали, а иные въ кольца вили съ нѣкимъ наговоромъ. Солому всю перенесли на одну сторону очага, и спали дѣлать *Пома*.

Что значить оный *Помъ*, и для чего дѣлается, того и сами Камчадалы сказать или не умѣли, или не хотѣли, впрочемъ сдѣлали его на подобіе человека вышиною около полуаршина, а тайной удъ приплели ему сажени въ двѣ и долѣ, и положили его головою къ огню, а тайной удъ къ пополоку привязали. Между пѣмъ, какъ *Пома* дѣлали, нѣсколько человекъ взявъ по одной травинкѣ, выходили вонъ изъ юрты, и обтерши столбы у своихъ балагановъ возвратились въ юрту, и бросили оныя въ огонь, а съ ними вмѣстѣ и раздаванное прутье сожженожъ было.

Какъ *Пома* нѣсколько времени повисѣлъ, то старикъ пришедъ отвязалъ его, и согнувъ тайной удъ кольцомъ обжегъ на огнѣ, и махалъ имъ по юртѣ приговаривая, *Уфа́й*, а за нимъ и всѣ бывшіе въ юртѣ тоже кричали, напоследокъ сожгли реченнаго *Пома*.

По сторѣнии Пѣма спали мѣсть юршу пригребая весь сорѣ къ лѣсницѣ, изѣ котораго каждой Камчадалѣ бралѣ помаленьку, и относилѣ вѣ лѣсѣ усыпая дорогу, по которой на промыслы ходятѣ. Вѣ тоже время и бабы всѣ на юршу вышли, и спали вѣ кучу.

Камчадалы возвратясь изѣ лѣсу кричали стоя на юртѣ, четыре раза плеча руками и полая ногами, а послѣ вошли вѣ юршу, а на ихѣ мѣста сѣли бабы и многократно кричали, *Алулулу*.

Между шѣмѣ юрша изшопилась, и оставшіяся головни по обыкновенію начали выметывать, но сидѣвшія на верху бабы ухватя оныя обратно вѣ юршу мешали, и чшобѣ мущинамѣ ни одной головни вонѣ не выбросить, то закрыли они дверь или окно рогожами, а по краямѣ ихѣ испосѣли сами. Мущины взбѣжавѣ по лѣсницѣ силою двери раскрыли, и вышедѣ на юршу бабѣ долой сгоняли, между шѣмѣ другіе головни мешать успѣвали. Но понеже бабы мущинѣ числомѣ превосходили, то иныя ихѣ таскали, иныя головни обратно вѣ юршу бросали, чего ради вѣ юртѣ отѣ дыму и искрѣ и сидѣть почти не возможно было: ибо головни какѣ ракеты то вверхѣ, то внизѣ безпрестанно лешали, и продолжалось сіе

веселіе ихъ съ полчаса. На послѣдокъ бабы попустили головы выбросать, а пѣхъ мужиковъ, которые выбѣжали ихъ отбивать, по пѣхъ поръ таскали, и мучили, пока они отъ другихъ вышедшихъ на помочъ не выручены были.

Послѣ объявленной потѣхи бабы попѣвъ нѣсколько на верху, спали спускашья въ юрпу, а мужики спояли по обѣ стороны лѣсницы фрунтомъ, и каждая сторона домогалась сходящихъ бабъ перетащить на свою сторону, отъ чего происходило между ими сраженіе; и которая сторона перемогала, та бабу какъ въ полонъ отводила.

Когда случается, что бабы взяты бываютъ на прошивныя стороны; то каждая сторона выкупаешъ своихъ плѣнницъ равнымъ числомъ завоеванныхъ: а ежели одна сторона овладѣетъ большимъ числомъ, такъ что другой нѣчемъ выкупить будетъ, то она ходитъ какъ бы войною для ихъ освобожденія, при чемъ немалой бой производитъ. Однако при мнѣ такъ сдѣлалось, что плѣнницъ на обѣихъ сторонахъ было поровну, чего ради Камчадалы и въ походъ ходитъ не имѣли нужды.

По окончаніи объявленной потѣхи расклали они небольшой огонь, и сожгли съ Урильдачей и по другимъ мѣстамъ висѣв-

шім тоншичъ, а служители принесли по два маленькихъ голичка, и испекши мѣлко на ложкѣ изкрошили, и посшавили у лѣсницы по правую сторону. Послѣ того пришелъ старикъ, и перебросалъ въ огонь большую половину рыбы приговаривая: *та, то есть возми*, а осташки раздѣлили служители по Камчадаламъ, имѣющимъ у себя маленькихъ болванчиковъ, Урилыдачь называемыхъ. Головні послѣ сего огня вонѣ не мечутся, но перегораютъ въ юртѣ.

Наконецъ дѣлили они по себѣ омегъ, который остался въ мѣшечкахъ послѣ очищенія двойнишныхъ дѣвокъ. Самое послѣднее дѣйствіе ихъ праздника сходитъ въ лѣсѣ и поймавъ маленькую пшицу, которая жарится, и дѣлится по куску всѣмъ Камчадаламъ, и которую каждой надкушавъ въ огонь бросаетъ. Сей праздникъ, по объявленію Спеллера, праздновали Камчадалы до прибытія Россіянъ по цѣлому мѣсяцу, начиная съ новолунія.

Г Л А В А Х І V.

О пирахъ и забавахъ Камчатскихъ.

Пирь у нихъ бывающъ, когда одинъ острогъ сосѣдей вздумаетъ подчивать, особливо когда гдѣ бываетъ свадьба, или великой какой промыселъ; а препровождаются наибольше въ обѣяденіи, въ пляскѣ и пѣніи. Въ такихъ случаяхъ хозяева подчиваютъ гостей большими чашами опанги споль довольно, что ихъ рветъ по нѣскольку разъ.

Иногда употребляютъ для веселія и мухоморъ, извѣстной оной грибъ, копорымъ у насъ обыкновенно мухъ морятъ. Мочатъ его въ кипрейномъ суслѣ, и пьютъ оное сусло, или и сухіе грибы свернувъ трубочкою цѣлкомъ глопающъ, которой способъ въ бѣльшемъ употребленіи.

Первый и обыкновенный знакъ, по чему усмотрѣть можно человекъ, что его мухоморъ разнимаетъ, есть дерганіе членовъ, которое по прошествіи часа или меньше послѣдуетъ; потомъ пьяные какъ въ огневой брѣдятся, и представляющя имъ различныя привидѣнія страшныя или веселыя, по раз-

ности шемпераментовъ ; чего ради иные скачутъ , иные пляшутъ , иные плачутъ , и въ великомъ ужасѣ находящяся ; инымъ скважины большими дверьми , и ложка воды моремъ кажется. Но сіе о шѣхъ разумѣть должно , копорые чрезъ мѣру его употребляютъ , а копорые не много , шѣ чувспвуютъ въ себѣ чрезвычайную легость , веселіе , опвагу и бодрость , такъ какъ сказываютъ о Туркахъ , когда они опія набдаются.

Сіе примѣчанія доспойно , что всѣ , кои мухоморъ ѣдали , единоголасно ушверждаютъ , что какія они сумозбродства тогда ни дѣлаютъ , все дѣлаютъ по приказу мухомора , копорый имъ повелѣваетъ невидимо. Но всѣ дѣйствія ихъ столь имъ вредны , что еспьли бы за ними не было присмотру , то бы рѣдкой оставался въ живѣ. Я о проказахъ Камчатскихъ , каковы они дѣлаютъ , не упомяну , ибо самъ ихъ не видывалъ , и Камчадалы сказываютъ о томъ не охотно. Но можетъ быть , что у нихъ дальнихъ и не бываетъ , для того что они въ его вѣблись , или что не употребляютъ чрезъ мѣру. Чшожъ касается до козаковъ , копорые оной ѣдали , то сообщу я нѣкоторыя сумозбродства , копорыя я отъ часпи самъ видѣлъ , а отъ часпи слышалъ отъ самыхъ

тѣхъ, кои ихъ дѣлали, или отъ другихъ людей, коимъ не вѣришь не лъзя.

Деньщику Подполковника Мерлина, который былъ на Камчаткѣ у слѣдствія и розыску, приказалъ мухоморъ удавиться съ такимъ представленіемъ, что всѣ ему дивиться будутъ. И сіе дѣйствительно бы случилось, естли бы не сберегли его товарищи.

Другому изъ тамошнихъ жителей показался адъ и ужасная огненная пропасть, въ которую надлежало бытъ низвержену; чего ради по приказу мухомора принужденъ онъ былъ пасть на колѣни, и исповѣдывать грѣхи свои, сколько могъ вспомнить. Товарищи его, которыхъ въ ясашной избѣ, гдѣ пьяной приносилъ покаянiе, было весьма много, слушали того съ великимъ удовольствіемъ; а ему казалось, что онъ въ тайнѣ предъ Богомъ кается о грѣхахъ своихъ. По сей причинѣ подверженъ онъ былъ нарочитому посмѣянiю, ибо между тѣмъ сказывалъ то, о чемъ не всякому знать надлежитъ.

Нѣкоторой служивой бѣдалъ, сказываютъ, мухоморъ умѣренно, когда ему въ дальній путь идти надлежало, и такимъ образомъ переходилъ онъ значное разстояніе безъ всякаго успатку, наконецъ наѣвшись

его до-пьяна раздавилъ себѣ лица, и умерѣ.

Бывшій у меня въ полмачахъ Больше-рѣцкой козачій сынъ опоеанный мухоморомъ въ незнаніи, разрѣзалъ бы себѣ брюхо по приказу мухоморову, отъ чего на силу его избавить успѣли, ибо уже въ самомъ замахѣ руку ему сдержали.

Камчадалы и Сидячіе Коряки ѣдятъ мухоморъ и тогда, когда убить кого намѣряются. Впрочемъ у Сидячихъ Коряковъ мухоморъ въ такой чести, что пьяному не дають мочиться на полъ, но подставляють посуду, и мочу его выпивають, отъ чего также бѣсятся, какъ и тѣ, кои грибъ ѣли: ибо они мухоморъ получаютъ у Камчадаловъ, а въ ихъ сторонахъ не родится. Умѣренное употребленіе чешыре гриба или меньше, а для пьянства ѣдятъ до десяти грибовъ.

Женской полъ, какъ не обѣѣдается, такъ и не употребляетъ мухомору, чего ради все веселіе онаго состоить въ разговорахъ, въ пляскѣ и пѣніи.

Пляска, которую мнѣ случилось видѣть, производила такимъ образомъ: двѣ бабы, которымъ плясать надлежало, постлали на полу посреди юрты рогожку, и спали одна прошивъ другой на колѣняхъ, имѣя въ рукахъ по повѣсму тоншичу, и сперва

начали поводитьъ плечами и взмахивать руками припѣвая въ тактѣ тихимъ голосомъ; потомъ часъ отъ часу большія тѣлодвиженія представляли, и громче пѣли, и потѣхъ поръ не перестали, пока и изъ голосу вышли и изъ силы выбились. Мнѣ казалось оное дѣйствіе страннымъ, дикимъ и противнымъ, но Камчадалы смотрѣли съ крайнимъ удовольствіемъ. Такимъ образомъ природныя забавы сильны произвѣсть во всякомъ нѣкоторое движеніе, хотя бы другимъ казались и странными.

Другіе роды пляски сообщимъ мы изъ описанія господина Спеллера, который упоминаетъ объ нихъ пространно и обстоятельно, такъ какъ и о нѣкоторыхъ пѣсняхъ ихъ, которыя у него и на ноты положены.

Первой родъ пляски, пишетъ онъ, вообще употребителенъ у Курильцовъ на Лопаткѣ, также и у всѣхъ Камчадаловъ, кои морскихъ звѣрей на байдарахъ ловятъ. Оная пляска принята изъ давныхъ лѣтъ отъ Курильцовъ дальнихъ острововъ, и почитается за пляску мореходовъ. Козаки называютъ оную *Хаюшки*, а плясать, *Хаюшки сказывать*, которое происходитъ отъ Камчатскаго слова *Хаюшкурингъ*. Южные Камчадалы называютъ оную *Ирскина*, а Ку-

рильцы *Римзегъ*. Сей родъ пляски состоитъ въ томъ, что десять человекъ мужчинъ и женщинъ холостыхъ и женатыхъ становятся вокругъ въ лучшемъ своемъ платьѣ, ходятъ кругомъ тихо, поднимая одну ногу за другою по тактѣ, одинъ за другимъ говорятъ слова такъ, что когда половина выговоритъ послѣднія слова, то другая говоритъ первыя, подобно какъ бы кто спижи по стопамъ чиналъ. Употребляемая при томъ слова всѣ принадлежатъ до ихъ промысла, и Камчадалы хотя ихъ и говорятъ при пляскѣ, однако большей части не разумѣютъ, ибо иныя слова въ нихъ Курильскія. Они ихъ не поютъ, но выговариваютъ однимъ голосомъ, какъ на примѣръ:

Тисанику фраваншагъ ткеани тифрорпа.

Опчаль байдару, спрѣлай близко берегу.

Сколько дико помянутыя пляски, сколько страненъ крикъ при томъ производящій; однако они столько отъ того забавы имѣютъ, что ежели плясать начнутъ, то по тѣхъ поръ не перестанутъ, пока не запышутся и не обезсилѣютъ. Великая честь тому, кто всѣхъ перепляшетъ. Иногда они безпрестанно пляшутъ часовъ по 12 и по 15 съ вечера до самаго утра, и ни одинъ въ юртѣ не остаётся, кто бы не пожелалъ

тѣмъ забавляться; самые дряхлые старики не жалуютъ терять при томъ послѣдней силы. Впрочемъ ежели сію пляску снесъ съ описаніемъ Американскихъ плясокъ Барона Лагондона въ Канадѣ, то сыщется между оными и сими великое сходство.

У женщинъ есть особливой танецъ: онъ становящіяся двумя рядами женщина прошивъ женщины, и кладутъ обѣ руки на брюхо, и поднимаясь на носкахъ поводящія плечами не шевеля руками, и не сходя съ своего мѣста.

Третій родъ пляски состоишь въ томъ, что всѣ мушкетеры по разнымъ угламъ прячутся, и не значай выскоча сперва одинъ, какъ бѣшеной бѣесть въ ладоши, послѣ въ грудь, по бедрамъ, поднимаетъ руки къверху, и дѣлаетъ диковинныя шлодвиженія; послѣ того выбѣгаетъ другой, третій и четвертый, и представляютъ такіяжѣ дѣйствія, а при томъ всѣ кругомъ вертятся.

Четвертой родъ пляски, что они стоя на колѣняхъ, какъ лягушки, вокругъ прыгающія плеская руками, и представляя странныя фигуры. И сія пляска однимъ человекомъ начинается, а другіе изъ угловъ припрыгиваютъ къ нему послѣ.

Камчадалы имѣютъ еще старинные, и какъ бы собственные свои танцы, которые

отъ Южныхъ называются *Хаютеля*, а отъ Сѣверныхъ *Күзелькинга*. Главнѣйшій танецъ, когда дѣвки и бабы садятся вокругъ, послѣ одна встаетъ, и запѣвши пѣсню махаетъ руками, а въ рукахъ на среднихъ пальцахъ имѣетъ тоншичь, движетъ всѣми членами столь проворно, что надивишься тому довольно не лзя, и кричитъ голосами различныхъ звѣрей и птицъ столь хитро, что въ одномъ голосѣ три разные слышатся. Есть же у нихъ и круговой танецъ, только и Шеллеру и мнѣ видѣть его не случилось.

Что касается до пѣнія, то можно сказать, что оно не неприятно: ибо въ немъ ничего дикаго не примѣчается, какъ можно видѣть изъ сообщенныхъ ниже сего нѣкоторыхъ пѣсенъ на ношахъ; но въ матеріи пѣсенъ нѣтъ никакихъ замысловъ, токмо однѣ проспыя понятія о вещахъ, которыя имѣ спранными кажутся или смѣшными, или достойными удивленія. Во всякой почти пѣснѣ употребляющъ слова *Ганика́* и *Баю́нъ*, такъ какъ козаки *здунай*, Якушы *нага́*; которыя раздѣляя по членамъ иногда сокращающъ, иногда продолжающъ, какъ того голосъ пѣсни требуетъ.

Въ любовныхъ пѣсняхъ изъясляющъ онѣ склонность къ своимъ любовникамъ, печаль,

надежду и другія обстоятельства; а всѣ пѣсни сочиняютъ наибольше дѣвки и бабы, копорыя имѣютъ весьма чистые и пріятныя голоса. Изъ чего видѣть можно, что сей народъ имѣетъ къ музыкѣ великую склонность; токмо то удивительно, что сей народъ никакого инструмента не выдумалъ кромѣ дудокъ дягильныхъ, на копорыхъ однакожъ пѣсенъ не можеть наигрывать.

Пѣсня на Подполковника Мерлина, Маіора Павлуцкаго и Студента Крашениникова.

Маіора коказоль шаалагегъ кирхуль куэкаретъ
тамбезенъ

Ежели бы я былъ маіорской поварь, тобъ снялъ
съ огня кошель съ кушаньемъ.

Прапаршикъ коказоль шеслезикъ кистарулилель
кукаретъ шам-я-бе-зе-нь.

Ежели бы я былъ прапорщиковъ поварь, тобъ
всегда снималъ кошель въ перчаткахъ.

— о о — — — — — о о — — о о — — о о
 Павлоцка кеницегъ шеслезикъ гшкало галстугаль
 — о о —
 кинингизикъ

Ежели бы я былъ Павлуцкой, то бы повязался бѣ-
 лымъ галстукомъ.

— о о — — о о — — о о — — — — — о
 Павлоцка иваннелъ шеслезикъ чачало чулкиль кинни-
 — —
 гизикъ.

Ежели бы я былъ Павлуцкаго Иванъ, то бы но-
 силъ чулки красные.

— о о — — о о — — — — — о — — — — —
 Студенталь шеслезикъ бшпель чипешъ киллизинъ.

Ежели бы я былъ Студентъ, то бы описалъ всѣхъ
 дѣвокъ.

— о о — — — — — о о — — — — — о — — — — —
 Студенталь кеницехъ шеслезикъ ерагупъ киллизинъ

Ежели бы я былъ Студентъ, то бы описалъ бы-
 ка рыбу.

— о о — — — — — о о — — — — — о — — — — —
 Студенталь шеслезикъ бшпель адонопъ киллизинъ.

Ежели бы я былъ Студентъ, то бы описалъ всѣхъ
 морскихъ чаекъ.

— о о — — — — — о о — — — — — о — — — — —
 Студенталь шеслезикъ бшпель смлеги ирешъ там-
 безень.

Ежели бы я былъ Студентъ, то бы снималъ
 всѣ орлиныя гнѣзда.

— о о — — — — — о о — — — — — о — — — — —
 Студенталь шеслезикъ бшпель пшгашецъ кавъчавъ
 киллизинъ.

Ежели бы я былъ Студентъ, то бы описалъ горя-
 чіе ключи.

— о — — — — — о — — — — — о — — — — —
 Студенталь шеслезикъ бшпель ензипъ киллизинъ
 Ежели бы я Студентъ былъ, то бы описалъ всѣ горы.

Студенпаль теелезикъ бипель дечумъ [—] ^и ^о [—] кулець кил-
лизинъ

Ежели бы я Студентъ былъ, тобъ описалъ всѣхъ
птиць.

Студенпаль ^{оо} [—] шеслезикъ кенцегъ игскуейгнъ енчубецъ
киллизинъ

Ежелибъ я Студентъ былъ, тобъ описалъ всѣ мор-
скія рыбы.

Такимъ образомъ всѣ ихъ пѣсни со-
ставлены, въ которыхъ упоминаются ток-
мо нѣкоторыя дѣйствія или другія какія
обстоятельства безъ всякаго склада.

Другая пѣсня называемая Аангичъ, сло-
жена на голосъ морской утки, Аангичъ
называемой. И хошя подведенныя слова съ
ношами несходны, однако Камчадалы допол-
няютъ, и исправляютъ оныя прибавленіемъ
нѣкихъ ничего незначащихъ слоговъ, кото-
рые при семъ подчеркнутыми лицевыми
означены.

1. Гнакоеде олосконга ворока а хипецъ зипшесъ бине
зошесъ
Комчуль белоонъ

2. Каланинача угарень: Бине зошесъ Комчуль беллонъ.
Весь смыслъ пѣсни состоитъ въ томъ: Я
потерялъ жену свою и душу, съ пегали
пойду въ лѣсъ, буду здирать кору съ де-
рева и ѣсть, послѣ того встану по утру,
погоню утку Аангичъ съ земли на море, и

на всѣ стороны поглядывать буду, не найду ли гдѣ любезнаго моего сердца.

Непослѣдняяжъ ихъ забава представлятъ другихъ людей точно, какъ кто говоритъ, ходитъ, какъ что дѣлаетъ, словомъ по всѣмъ приемамъ. Какъ скоро кто на Камчатку пріѣдетъ, то во первыхъ даютъ ему новое имя на своемъ языкѣ, потомъ высматриваютъ всѣ его дѣйствія, и при такихъ веселіяхъ представляютъ точно, а при томъ не забываютъ табакъ курить, сказывать сказки; и всѣ такія веселія больше ночью, нежели днемъ у нихъ бываютъ. Сверхъ того есть у нихъ и шуты, которые забавляютъ другихъ своими проказами, но оныя столь скверны, что и упоминашь гнусно и непристойно.

Г Л А В А XV.

*О сведеніи дружбы и о гасномъ под-
зиваніи гостей.*

Когда одинъ съ другимъ подружиться же-
лаетъ, то зоветъ будущаго своего друга
въ гости, и шопитъ для него юрпу весьма
жарко, и гошовитъ всякаго кушанья, какое
у нихъ за лучшее почищается, такъ много,
что десятерыхъ удовольствовать можно.

По вступленіи гостя въ юрпу, и гость
и хозяинъ раздѣваются до нага. Хозяинъ
скупавъ юрпу подчиваетъ его приугоповлен-
нымъ кушаньемъ, наливаетъ щербу въ пре-
великую чашу, а между тѣмъ, какъ гость
щербу пьетъ или хлѣбаетъ, хозяинъ по-
ливаетъ воду на лежащее на очагѣ каленое
камень, чтобъ былъ несносной жаръ. Гость
старается все, что у хозяина пристряпа-
но, сѣсть, и жаръ его вытерпѣть, а хо-
зяинъ старается принудить, чтобъ гость
взмолился, и просилъ бы свободы отъ пици
и жару. Въ противномъ случаѣ сколько
гостю то за удовольствіе, сполько хозяи-
ну за скупость и безчестіе причисается.
Хозяинъ въ то время ничего не ѣстъ, и

изъ юрты выходишь воленъ. Но гость по тѣхъ поръ не выпускается, пока побѣжденнымъ себя не признаешь. Во время бѣды рвенъ его разъ до десяти, отъ чего послѣ того подчиванья дни по шри не токмо ѣсть, но и глядѣть на ищущу безъ движенія не можешь.

Какъ гость изъ силы выдетъ, такъ что ни жару перпѣть, ни ѣсть ему не можно будетъ, то откупасися отъ того собаками, плащемъ или что хозяину нравно; и такимъ образомъ получаешь свободу. Напрошивъ того получаешь отъ хозяина вмѣсто хорошаго своего плащя обноски, вмѣсто добрыхъ собакъ худенькія сученки, которыя о себѣ почти ходишь не можешь. Однакожъ оное за обиду не почитаешь, но за знакъ дружества, когда въ томъ съ обѣихъ сторонъ равнымъ образомъ поступается. Ежели же тотъ, которой друга своего помянутымъ образомъ оберетъ, а самъ къ нему не будетъ въ гости, то обранной прѣбжжаетъ вторично въ гости, однакожъ не съ тѣмъ, чтобъ ѣсть, но чтобъ за свое получишь отдарки. Хотя гость, какъ у нихъ обычай, ничего о причинѣ прѣзда своего не объявляетъ, однако хозяинъ о томъ уже вѣдаетъ, и отдариваетъ ему по возможности. А буде ничемъ не подаритъ, то гость переночевавъ у него за-

прягаетъ собакъ своихъ на самой юртѣ, и сидитъ на санкахъ пошыкая ошталомъ въ землю, пока что нибудь получаетъ отъ своего друга. Ежелиже другу его или отдарить случится не чѣмъ, или отъ скупости не захочется, то гость уѣжжаепъ домой съ великимъ неудовольствіемъ, и бываетъ его крайнимъ непріятелемъ; но сіе весьма рѣдко случается, ибо обидѣть друга своего за шакое почитается безчестіе, что никто съ обидѣвшимъ вѣкъ не похочетъ дружитъся. Таковожъ безчестно и другому за подарки свои требовашь отдарковъ.

Такимъ же образомъ подчиваютъ гостей, когда случается у нихъ какая пирушка, однакожъ жаромъ не морятъ, и подарковъ не пребуютъ. Ежели подчиваютъ нерпичьимъ или киповымъ жиромъ, то хозяинъ, накроя жиру ремнями, спановиітся передъ сидящимъ гостемъ на колѣни, въ одной рукѣ жиръ, а въ другой ножъ имѣя. Жиръ суепъ въ горло крича будто съ сердцовъ: *Та (на)*, а ножемъ опрѣзываетъ, сколько онъ въ ротъ захватитъ.

Завидной вещи и любимой самому, у кого она есть, почти ни чемъ кромѣ объявленнаго способа достать не можно: ибо при томъ случаѣ, чегобъ хозяинъ у гостя

ни потребовалъ, ошказашъ ему спыдно; чему въ доказательство можно объявить здѣсь смѣшной примѣръ, которой учинилъ нижняго Камчатскаго острога нѣкоторой козакъ изъ новокрещенныхъ Якушовъ. Онъ имѣлъ у себя, по тамошнему обычаю, друга изъ Камчадаловъ, и провѣдавъ, что онъ промыслилъ нарочитую лисицу, домогался всякими образы достать оную; однакожъ Камчадалъ крѣпился, и не взирая ни на какіе его подарки, не хотѣлъ лишиться своего сокровища. Козакъ видя, что другъ его ни на что не склоняется, поступилъ съ нимъ по Камчатскому обыкновению: зазвалъ его въ госпи, вышопилъ баню весьма жарко, наварилъ рыбы довольно, и посадя его на верхней полокъ началъ подчивать не поддавая на каменку. Но какъ примѣтилъ, что Камчадалъ недовольной жаръ почитаетъ за бѣдное подчиваніе, то началъ онъ поддавать, и сколько наподдалъ, что и самому въ банѣ бытъ нестерпимо было. Чего ради вышелъ онъ, какъ хозяинъ, которому сіе дозволяется, изъ бани вонъ и стоялъ въ передбанникѣ; а между тѣмъ отворяя двери безпрестанно поддавалъ на каменку, и такимъ образомъ вскорѣ принудилъ Камчадала взмолишья; но козакъ мучилъ его по тѣхъ поръ, пока Камчадалъ

обѣщалъ ему отдать, о чемъ онъ старался.

Не можно сказать, сколь оное подчиваніе Камчадалу пріятно было; онъ утверждалъ, что съ роду не имѣлъ такого жару, и никогда не могъ надѣяться, чтобъ козаки гостей такъ изрядно могли подчивать, и лишенія своего сокровища не токмо не почелъ себѣ за убытокъ, но козака онаго дружество, яко доброе, прославлялъ у своихъ товарищей, объявляя имъ, что Камчадалы въ разсужденіи Русскихъ ни мало не умѣютъ гостей подчивать. Сіе я не токмо отъ самаго того козака, но и отъ прочихъ того острога служивыхъ слышалъ, которые тѣмъ надъ нимъ смѣялись; а происходило оное не задолго до моего въ Нижнешаншальской острогъ пріѣзда.

Г Л А В А Х V I .

О сватаньѣ и свадьбахъ.

Когда Камчадалъ пожелаетъ жениться, то высмотря себѣ невѣсту обыкновенно въ другомъ, а не въ своемъ острожкѣ, преселяюща жись туда, и объявля невѣстину опцу или матери о своемъ намѣреніи, нѣсколько времени работаетъ, оказывая удалство свое и проворство, и услуживая всѣмъ паке холопа, наиболѣе же будущему своему шестю, тещѣ и невѣстѣ; а попомъ требуетъ позволенія хватать невѣсту. И ежели поступки его родителемъ невѣсты и сродникамъ, также и самой ей понравятся, то получаетъ онѣ соизволеніе; въ противномъ же случаѣ или вовсе пропадаютъ его услуги, или съ нѣкоторымъ награжденіемъ отпускается. Иногда случается, что такіе женихи никому ничего не сказавъ приходятъ жись въ чужой острогъ, и работаютъ; и хотя всякой по услугамъ ихъ можетъ признашь, съ какимъ намѣреніемъ они то дѣлаютъ, однако никто ихъ о томъ не спрашиваетъ, и не говоритъ ни слова, пока они или сами, или чрезъ другихъ объ-

являть родителямъ невѣсты о своемъ изволеніи.

Когда женихъ получаетъ позволеніе хватать невѣсту, то онъ ищетъ такого случая, чтобъ гдѣ нибудь напасть на нее въ малолюдствѣ: ибо она бываетъ подъ охраненіемъ всего женскаго пола того острожка, копорья рѣдко отъ ней всѣ отлучаются. Сверхъ того во время хватанья бываетъ она одѣта въ двои или въ трои хоньбы, опутана сѣтями рыболовными и ремнями увязана такъ, что она не можетъ поворотиться какъ стапуя. И если женихъ улучитъ въ малолюдствѣ свою невѣсту, то бросается съ великимъ спремленіемъ, деретъ на ней хоньбы и сѣти, чтобъ коснуться пайнаго уда: ибо сіе у нихъ вмѣсто вѣнчанія почитается. Между шѣмъ какъ отъ самой невѣсты, такъ и отъ другихъ бабъ и дѣвокъ происходитъ ужасной крикъ; и хотя сама невѣста при томъ не противится, да и противиться не можетъ, однако охранительницы поступаютъ съ женихомъ немилосердо, бьютъ его, таскаютъ за волосы, терзаютъ лице, и всякія средства употребляютъ, чтобъ ему не дать схватить невѣсты. И буде жениху пощасливится предпріятіе свое произвестъ въ дѣйство, то онъ самъ отбѣгаетъ прочь

отъ невѣсты, а она даетъ знакъ его побѣды умильнымъ и жалостнымъ голосомъ: *ни ни*. Въ семъ состоишь вся важность брачнаго ихъ сочешанія. Однако сіе получишь жениху не въ одинъ разъ случается, но между тѣмъ проходя иногда цѣлой годъ или больше, а послѣ каждого хватанья принужденъ онъ бываетъ нѣсколько времени справляться съ силою и раны залѣчивать. А есть примѣры, что нѣкоторые по седмишномъ хватаньи вмѣсто невѣсты получили увѣчье, будучи сброшены отъ бабъ съ балагановъ.

Кто схватываетъ невѣсту, то въ слѣдующую ночь приходитъ къ ней невозбранно, на другой день увозитъ ее въ свой острожекъ безъ всякихъ церемоній; а для празднованія брака возвращается къ невѣстиннымъ сродникамъ по прошествіи нѣкотораго времени, при чемъ бывають слѣдующіе обряды, которые въ 1739 году въ Камчатскомъ острожкѣ, что на рѣчкѣ Рапугѣ, и мнѣ случилось видѣть.

Молодой съ сродниками своими и съ женою ѣхалъ къ тещю въ шрехъ батахъ. Въ батахъ сидѣли женщины, въ томъ числѣ и молодая, и при нихъ довольное число свѣстныхъ припасовъ, юколы, нерпичья и китоваго жиру, сараны и прочаго; а му-

щины, не выключая и молодого, вели оные баты на шестахъ нагіе.

Не добжавъ до острожка сажень за сто, вышли они на берегъ, и начали пѣть пѣсни, шаманишь, тоншичь на прутье вѣшать, и нѣчто на сухую рыбью голову наговаривать, которую потомъ обертя въ тоншичь, отдали бывшей при нихъ старухѣ.

По окончаніи шаманства надѣли на молодую сверхъ ея плащя бараньи хоньбы, а на нихъ напянули чешыре куклянки, такъ что она стояла какъ чучела разширя руки, и съ нуждою могла двигаться. Послѣ того сѣли паки въ баты свои, и шли до самого острожка, гдѣ къ берегу пристали. Отъ пристани до самой юрты велъ молодую подъ руку высланной изъ острожка небольшой парень, а за нею слѣдовали прочія свиты ея женщины.

Взведши на юрту перевязали молодую поперекъ ремнемъ, и на ономъ опустили въ юрту; а прежде ея вошла въ юрту помянутая старуха, которой рыбья голова отдана была, коя положена передъ лѣсницу, и отъ всего ихъ поѣзду мужеска и женска пола, въ томъ числѣ и отъ молодого съ молодую, была топтана, а наконецъ сама старуха пошоптавъ ее положила на очагъ ме-

жду дровами, которыя для поплєнія юрты были пригошовлены.

Пріѣжжіе гости сѣдши по мѣстамъ сняли сѣ молодой излишнія куклянки, а молодой зашопилъ юрту, и настряпавъ кушанья изъ привезеннаго запаса, подчивалъ жителєй того оспрожка. На другой день хозяинъ подчивалъ гостей по обыкновенію со излишествомъ, на третій день гости разѣѣхались, а молодой сѣ молодой оспался работашъ нѣскольکو времени пешю.

Вышеписанныя снятыя сѣ молодой излишнія куклянки раздариваются сродникамъ, которые за нихъ опдаривать должны, а у кого опдарить нѣчемъ, тотъ долженъ опъ даровъ опговориться.

Все вышеозначенное каѣается токмо до первобрачныхъ, а когда на вдовахъ же нятся, то свашанье и свадьба соспойтѣ вѣ однихъ договорахъ безъ всякихъ дальнихъ обрядовъ; однако вдовы за себя никто не возметѣ, пока сѣ ней грѣха не будетѣ снято, что соспойтѣ вѣ одномъ совокупленіи сѣ нею человека спороняго. А понеже сіе почиталось у нихъ за такое безчестіе, что никто грѣховъ не снимывалъ, кромѣ такихъ людей, кои не смотрятѣ на то, что имѣ вѣкѣ житѣ вѣ поруганіи и презрѣніи, какихъ однакожѣ между ими не

много; по бѣдныя вдовы принуждены бывали въ прежніе годы искать грѣхоснимателей съ великимъ трудомъ и убыткомъ, а иногда и вдовѣть вѣкъ свой. Но какъ козаки на Камчатку наѣхали, то оная трудность миновала.

Запрещенные роды супружества токмо мать да дочь, а пасынкамъ мачихъ, вошчимамъ падчерицъ, братьямъ двоюродныхъ сестрѣ въ жены братья позволяется.

Разводятся съ женами безъ всякихъ обрядовъ: ибо весь разводъ состоитъ въ томъ, что мужъ съ женою не будутъ спать вмѣстѣ. Въ такомъ случаѣ мужъ женится на другой женѣ, а жена за другога выходитъ безъ хвапанья и безъ грѣхосниманья.

Камчадалы имѣютъ жены по двѣ и по три, копорыхъ иногда содержатъ въ одной юртѣ, а иногда по разнымъ мѣстамъ, и живутъ съ ними попеременно. Всякую должно ему хвапать вышечисаннымъ образомъ. Впрочемъ сей народъ хотя и женолюбивъ, однако не столько ревнивъ, какъ Коряки. При бракахъ знаковъ дѣвства не наблюдаютъ, а нѣкоторые сказываютъ, что зяпевья въ порокъ тещамъ своимъ ставящъ, когда женѣ получаютъ дѣвицами, однако я не могу утверждать сего заподлинно. Неревнивы же и бабы ихъ, что можно видѣть изъ по-

го, что не токмо двѣ или три жены одного мужа живутъ между собою согласно, но сносятъ и коекчучей, коихъ нѣкоторые изъ нихъ держатъ вмѣсто наложницъ.

Женщины ходятъ закрывъ лице кулемъ куклянки, и ежели случится на дорогѣ встрѣпиться съ мужчиною въ такомъ мѣстѣ, гдѣ разойтись не можно, то не хотя показатъ лица отворачиваются въ сторону и стоятъ, пока мужчину пропустятъ. Въ юртахъ сидятъ за рогожными или изъ крапивы плетеными занавѣсками; а у которыхъ занавѣски предъ собою нѣтъ, а случится приши спороннему въ юрту, то отворачиваются онѣ въ уголъ лицомъ, и дѣлаютъ свою работу. Но сіе токмо отъ нихъ разумѣется, копорья старой своей грубости не оставили, ибо другія не столь зазорны; впрочемъ всѣ вообще говорятъ грубо и прошивно, и какъ бы съ великаго сердца.

ГЛАВА XVII.

О рожденіи и воспитаніи дѣтей.

О Камчатскомъ народѣ можно вообще сказать, что они не весьма плодородны; по крайней мѣрѣ не случалось слышать, чтобъ у какого Камчадала было десятеро дѣтей съ одною женою.

Женщины ихъ, какъ сказываютъ, легко родятъ, выключая несчастливые случаи, когда младенецъ не на прямомъ пути бываетъ. При Стеллерѣ родила одна Камчадалка, которая вышла изъ юрты вонъ не съ шѣмъ, чтобъ родить, но съ четверть часа спустя возвратилась въ юрту съ младенцемъ безъ всякой въ лицѣ перемѣны. Онъ же пишетъ, что видѣлъ другую женщину, которая по тридневномъ мученіи, къ великому его удивленію, родила младенца, у котораго прежде всего задъ оказался. Шаманки приписывали отцу причину несчастія, что онъ въ то время, когда младенцу надлежало родиться, сани дѣлалъ, и дуги гнулъ на колѣняхъ; изъ чего можно рассуждать о другихъ Камчатскихъ смѣшныхъ вымыслахъ.

Раждають онѣ стоя на колѣняхъ при всѣхъ людяхъ, сколькобъ вѣ опсирожкѣ ни случилось, не выключая никакого пола, ни возраста. Новорожденного обширають поншичемъ, пупокъ перевязываютъ крапивною ниткою, и опрѣзываютъ ножемъ каменнымъ, а мѣсто бросаютъ собакамъ. Къ опрѣзанному пупку прикладываютъ кипрей жеваной, а младенца обвиваютъ вмѣсто пеленокъ поншичемъ. Послѣ того всѣ жители любующися младенцемъ, берутъ его на руки, цѣлуютъ и обнимаютъ сорадуясь родителямъ, однако кромѣ того никакихъ не бываетъ обрядовъ.

При родахъ есть у нихъ и бабки повивальныя, однако ненарочныя; у которой женщины есть мать, та у ней обыкновенно и бабка повивальная.

Которыя женщины дѣтей желаютъ, тѣ бдятъ пауковъ, какъ уже выше показано; нѣкоторыя родильницы бдятъ и пупокъ съ кипреемъ, чтобъ послѣ очреватѣть скорѣе. Напротивъ того много и такихъ, кои младенцевъ выгоняютъ отварами, и другія страшныя средства употребляютъ: давятъ младенцовъ вѣ утробѣ, ломаютъ имъ рѣки и ноги чрезъ спарухъ искусныхъ вѣ такомъ злодѣяннн, и послѣ выкидываютъ мершвыхъ часто съ своею погнбелюю.

Такія Медеи хопя иногда и въ употребѣ не вредящѣ младенцамъ, однако рожденныхъ давящѣ, или живыхъ собакамъ бросающѣ. Для неплодородія же пьютъ декоктъ травы называемой *Кѣтахжу*, и разныя волшебства употребляютъ. Иногда причиною безчеловѣчія бывали и ихъ суевѣрія: ибо когда онѣ раждали двойни, то по крайней мѣрѣ одному умереть надлежало; шожъ дѣлалось и съ рожденными въ худыя погоды, которыя оба случая почитались несчастливыми. Однако послѣдній иногда и нѣкоторыми шаманствами исправляется.

Послѣ родовъ оправляются онѣ опаною, то есть рыбьею ухою вареною съ листьемъ произрастающаго называемаго *Гале*, а по нѣсколькихъ дняхъ паки за юколу и за обыкновенную свою работу принимаются.

Младенцамъ имена дающѣ отцы умершихъ своихъ сродниковъ безъ всякихъ же обрядовъ, которыхъ дѣши не перемѣняютъ и на возрастѣ.

Имена мужескія:

Кѣшля, не умирай.
 Камакъ, озерная букашка на подобіе жука.
 Лѣмшинга, земляной.
 Шѣкуйка, паукъ.
 Чѣкачь, толмачъ не умѣлъ перевести.

Кана,	врагъ.
Брючь,	живогорѣвшій, отъ того названъ, что нѣкоторой сродникъ его сгорѣлъ въ юртѣ.
Ймаркинъ,	права, которая весьма скоро загараешся: можетъ быть плаунъ.
Быргачь,	родъ нѣкоторой болѣзни.
Талачь,	котъ морской.

Имена женскія:

Каналамъ,	враговка.
Кенилля,	мышеловка.
Кыгмачь,	неразраждаемая, отъ того, можетъ быть, такъ названа, что какая нибудь свойственница ея родами замучилась.
Кайручь,	колошье.

Но больша́я часть женщинъ мужескими именами называются, какъ напримѣръ: Брючь, Быргачь, Чекава и прочая.

Колыбели у нихъ есть, токмо рѣдко, однако не для качанья, ибо они дѣтей не качающъ, но вмѣсто кровати дѣтской дѣлаются коробками изъ досокъ, у которыхъ бываетъ на переди желобокъ, которымъ моча сбѣгаетъ. Когда дѣти заплачутъ, то матери сажаютъ ихъ въ куклянки за плеча, которыя въ такомъ случаѣ подвязываютъ, и качающъ, пока заснетъ младенецъ. Та-

кимъ же образомъ ходятъ съ ними въ дорогу и на работу. Впрочемъ онѣ дѣтей своихъ не пеленаютъ, но въ ночное время спятъ съ ними вмѣстѣ. И хотя онѣ сонливы и неосторожны, однако нѣтъ примѣровъ, чтобъ дѣтей засыпали.

Грудью кормятъ младенцевъ по три и по четыре года. На другомъ году учатъ ихъ ползать; тѣшатъ юколою и икрѳю, березовою и шаловою коркою, а наипаче сладкою правою, и часто случается, что дѣти приползши къ собачьимъ корытамъ остатками опаны забавляются. Когда они начнутъ лѣпиться по лѣсницѣ, тогда вящее утѣшеніе родителей, которые смотря на нихъ смѣются, и разговариваютъ съ веселіемъ.

Дѣти носятъ плашье подобно самоѣдскому, которое съ ногъ надѣвается, и состоитъ изъ торбасовъ, чулковъ, шапокъ и шубы вмѣстѣ сшитыхъ, назади съ прорѣхою и съ клапаномъ.

Что касается до воспитанія дѣтей, то пишетъ Стеллеръ, что родительская любовь къ дѣтямъ столь велика, сколь велико ихъ презрѣніе къ родителямъ, а особливо къ престарѣлымъ и дряхлымъ. Они бранятъ родителей всякими скверными словами, ни въ чемъ ихъ не слушаютъ, и

нимало на нихъ не смопряшъ; чего ради родители не смбюшъ ни бранишъ ихъ ни наказывать, ни же въ чемъ препятствовать. Когда родители не выдавшись долго съ дѣтьми своими увидяшъ ихъ, то обнимаютъ ихъ съ изъявленіемъ сердечной своей радости; напротивъ того дѣти совсѣмъ прошивно тому поступають. Дѣти ни когда ничего не просятъ у своихъ родителей, но берутъ сами, что имъ угодно. Ежели хотятъ жениться, то не шокмо не совѣпуюшъ о томъ съ родителями, но и не дають знать имъ. Надъ дочерями власть ихъ состоитъ шокмо въ томъ, что могутъ жениху сказать: *хватай, буде можешь, и на себя надѣешься.* Право первородства нѣсколько и у нихъ примѣчается: ибо большій сынъ всѣмъ послѣ отца своего владѣетъ, а другимъ ничего не достаеися, для того что все наслѣдство состоитъ въ одной перемѣнѣ плашья, въ топорѣ, въ ножѣ, въ корытѣ, въ санкахъ и собакахъ; изъ того числа плашье всегда бросали съ мертвымъ, чшобъ надѣвъ самимъ не умереть, которое суевѣріе и понынѣ еще не вывелось.

ГЛАВА XVIII.

О болѣзняхъ и лѣкарствахъ.

Главныя на Камчаткѣ болѣзни: цынга, чирьи, ослабленіе, ракъ, желшуха и нечисть, копорыя, по мнѣнію ихъ, отъ враговъ напускаются, живущихъ по березникамъ и ракишникамъ въ то время, когда кто кусты тѣ въ незнаніи рубитъ. Лѣчатъ ихъ больше наговорами, однако не презираютъ травъ и коренья.

Отъ цынги пользуются лиспьемъ нѣкоторой травы *Мытказунъ*, которое къ деснамъ прикладываютъ, и пьютъ декоктъ бруснишной травы и водяницы. Козаки пьютъ вмѣсто чаю тамошній сланецъ или кедровникъ съ великою пользою, и бдятъ дикой чеснокъ, *Черемшею* называемый: и оба сіи лѣкарства отъ цынги за дѣйствительныя признала вся Камчатская экспедиція.

Чирьи по ихъ называются *Оонъ*, опаснѣйшая болѣзнь на Камчаткѣ, ибо отъ нихъ по большѣй части люди умираютъ. Въ діаметрѣ бывають оныя двухъ или трехъ дюймовъ, и когда отворяются, то по 40 и по 50 скважинъ примѣчается. За смертель-

ной знакъ почишаютъ, когда матерія изъ нихъ не пойдетъ; впрочемъ которые отъ нихъ и не умираютъ, лежатъ въ постелѣ по шести и по десяти недѣль. Камчадалы разгнаиваютъ ихъ сырою зайчиною, а когда опворятся, то спержни спараются выдавить.

Разслабленіе, ракъ и Французская болѣзнь почищаются за неисцѣлимыя, и о сей послѣдней сказываютъ Камчадалы, что она появилась у нихъ по прибытіи Россійскихъ людей. Разслабленіе называютъ они *Налать*, ракъ *Кайкъ*, а Французскую болѣзнь *Арожить*.

Есть еще у нихъ болѣзнь *Сѹжутъ* (ящерица), которая подобна коростѣ, и бываетъ подъ грудью на подобіе пояса. Когда оная жороста не загноившись пропадаетъ, то смерть послѣдуетъ; а по объявленію ихъ не обходитъ она никого, какъ у насъ оспа.

Шелеть или орелъ болѣзнь, которая подъ видомъ коросты все тѣло заражаетъ, напускается отъ врага того имени, иногда бываетъ причиною смерти. А короста, которая у нихъ по большей части на младенцахъ бываетъ, по ихъ *Тѹедъ* называется.

У господина Стеллера о болѣзняхъ и лѣкарствахъ пространнѣе писано, чего ради

сообщимъ мы здѣсь изъ его описанія все потребное.

Морскую губку, пишетъ онъ, прикладываютъ Камчадалы къ чирьямъ, чѣмъ вытягивало матерію, съ добрымъ успѣхомъ: ибо содержащаяся въ ней алкалическая соль не допускаетъ расти дикому мясу. Но токмо лѣченіе происходитъ трудно, за тѣмъ, что не разбиваетъ она матеріи.

Козаки прикладываютъ къ чирьямъ сладкую траву, которая послѣ сидѣнія вина въ кошлахъ остается, и ею съ добрымъ успѣхомъ разбиваютъ матерію и выгоняютъ.

Малину морскую употребляютъ женщины для скорѣйшаго разрѣшенія отъ бремени.

Нигну, что по Руски рѣпою морскою называется, прутъ они какъ самую раковину, такъ и ея иглы, и тѣмъ порошкомъ пользуются отъ печенія сѣмени, однако онымъ лѣкарствомъ одна токмо моча выгоняется.

Жиръ морскаго волка употребляютъ они отъ жестокаго запора съ великою пользою.

Курильской чай, (*Pentaphilloides fruticosum*), пьютъ отъ рѣзу и отъ боли въ животѣ съ простуды, не безъ успѣха.

Корку тамошняго кедровника привязы-

вають они ко всякимъ порѣзамъ, и сказывають, что ею можно выгнаивать изъ ранъ и спрѣлы.

Отъ запору варятъ кислую юколу, и пьютъ вонючую уху оную. Отъ поноса ѣдятъ бѣлую глину, которая *земляною сметаною* называется, и по многимъ мѣстамъ въ Камчаткѣ находится; отъ тогоже употребляютъ шеламайное и завязное коренье.

У кого моча не держится, тѣмъ велятъ мочиться въ кольцо изъ поншича плешеное, у копораго въ срединѣ рыба икра кладется; но можетъ быть, что при томъ бывають и наговоры.

У кого отъ болѣзни въ горлѣ сохнетъ, то съ добрымъ успѣхомъ пьютъ кипрейное сусло. Сіежѣ лѣкарство употребляютъ родильницы и для способнѣйшаго разрѣшенія.

Толченое листье шеламайника (*Ulmaria*) прикладываютъ они къ ранамъ, когда волкъ укуситъ или собака, пьютъ же то листье и вареное, и похваляютъ какъ отъ живота, такъ особливо отъ цынготной болѣзни, а листье вмѣстѣ съ стеблями толченое употребляютъ отъ пожогу.

Отъ головной болѣзни лѣчатся мерзлою брусницею; отъ зубной декоктомъ шеламайника, копорой сваря съ рыбою во ршудержатъ, а корень ея кладутъ на зубы.

Сегельтъ, каменной попоротникъ жуютъ они отъ одышки; пьютъ же нынѣ и вареной отъ харканья кровью, когда внутренняя повреждается, или упадаютъ съ высокаго мѣста. Беременные пьютъ для здравія младенца и для плодородія. Нѣкоторые думаютъ, что отъ него и голосъ бываетъ свѣтлѣе и чище.

Камчатской звѣробой (*Gentianaе spec.*) пьютъ они отъ цынгошной и отъ всякой внутренней скорьби. А пьяную праву (*Chaetaerhododendros*) по ихъ *Кетенано* или *Ми́скута*, отъ Французской болязни, токмо безъ пользы.

Морскую капусту (*Quercus marina*) пьютъ отъ поноса; *Кутажу* муцины отъ цынги и отъ лому въ членахъ, а женщины для неплодія. Траву моченую въ рыбьемъ жиру прикладываютъ къ больнымъ членамъ теплую, и пѣмъже сгоняютъ синія пятна отъ побой и уразовъ.

Траву *Ча́хбонъ* (*Dруторогон*) пьютъ отъ опухоли и отъ цынги въ ногахъ. Отъ бессонницы ѣдятъ плоды правы *Ефемера*. Глаза лѣчатъ припаривая правою *Зи́зомъ*, которую кладутъ женщины и въ тайные уды для тепла и благовонія.

Лопатскіе жители ставятъ и клистиры, что переняли безъ сумнѣнія отъ Ку-

риловъ. Декокшъ изъ разныхъ правъ иногда съ жиромъ, а иногда и безъ жира наливають въ шюленій пузырь, и обшягиваютъ отверстіе его около какой ни будь дудки, которую спавяшъ по обыкновенію, между тѣмъ больной лежищъ на брюхѣ внизъ головою. И сіе лѣкарство почитаютъ они столь высоко, что употребляютъ во всякихъ болѣзняхъ.

Отъ желтухи имѣютъ они надежное лѣкарство: берутъ корень лѣсной фіялки, чистятъ и свѣжіе шолкутъ съ теплою водою; сокъ, которой бываетъ какъ молоко, въ нерпичій пузырь наливаютъ, и въ клистирахъ употребляютъ по два дни сряду, а на каждой день по три раза; послѣ чего слабятъ, и фіялковой сокъ по всѣмъ членамъ разходится. Сіе лѣчение не безъ основанія, когда извѣстно дѣйствіе фіялки.

Крови ни жильной ни рожечной не пускаютъ, и совсѣмъ о томъ не вѣдаютъ, а пускаютъ оную особливимъ образомъ: около больныхъ мѣстъ отшягиваютъ кожу щипцами деревянными, и прокалываютъ оную насквозь хрустальными нарочно для того дѣлающимися ланцетами, и выпускаютъ крови сколько надобно.

Еслили у нихъ болитъ спина, то прутъ оную корнемъ омега или цикуты передъ ог-

немъ, наблюдая при томъ, чшобъ не коснушь-ся поясницъ, отъ чего послѣдуетъ судорога: и симъ лѣкарствомъ такъ они хвалятся, будто тотъ же часъ бываетъ имъ польза, однако то не вѣроятно.

Отъ лому спавяшъ ядна (шоха) изъ березоваго пруту на больныхъ мѣстахъ. Когда одной прутъ догораетъ до тѣла, то отскакиваетъ съ великимъ стремленіемъ, а тѣло отъ того разгнивается, и бываетъ великая язва, къ которой иные присыпаютъ прутовой пепелъ, а иные ни чемъ не лѣчатъ. И сіе лѣкарство извѣстно по всей Сибири.

Корень люшика правы, и омегъ употребляютъ они къ порчѣ своихъ непріятелей и къ умерщвленію. Люшикомъ намазываютъ и стрѣлы какъ совершеннымъ ядомъ,

Г Л А В А Х І Х.

О погребеніи умершихъ.

Погребеніе умершимъ, буде можно назвати погребеніемъ бросають собакамъ на сбѣденіе, отъ всѣхъ тамошнихъ народовъ опмѣнно: ибо другіе народы или жгунѣ тѣла умершихъ, или кладутъ въ землю съ нарочитыми обрядами; напрошивъ того Камчадалы трупы мертвыхъ своихъ, привязавъ ремень за шею вышаскиваютъ изъ юрты, и почти на самой юртѣ бросають ихъ собакамъ на сбѣденіе, объявляя тому двѣ причины: 1) что копораго сбѣдятъ собаки, тотъ на другомъ свѣтѣ ѣздитъ будетъ на добрыхъ собакахъ; а на юртѣ и близь юрты бросають они покойныхъ своихъ для того, чшобъ враги, копорые, по ихъ мнѣнію, людей умерщвляютъ, видя мертвыхъ довольствовались ихъ гибелью, а другимъ бы не вредили. Но другая причина кажется мнѣ невѣроятна: ибо они тѣ жилища, въ копорыхъ умирають кому случалось, всегда оставляли, и переселялись въ новыя юрты, копорыя строили въ значномъ отъ прежнихъ разстояніи, а шруповъ, копорыми бы по ихъ объявле-

нію могли опѣ враговѣ обороняшьяся, не таскаютьсѣ съ собою; развѣ можетѣ бытъ сіе почитають они за оборону опѣ нихѣ на то одно время, пока они новую юршу дѣлають.

Сѣ умершими выбрасываютьсѣ вонѣ все платье ихѣ и обувь, не сѣ тѣмѣ намѣреніемѣ, чтобѣ было имѣ что носить на другомѣ свѣшѣ, какѣ другіе нѣкоторые язычники думаютѣ, но опѣ одной опасности: ибо по ихѣ мнѣнію и тому необходимо умереть должно прежде времени, кто надѣнетѣ ихѣ платье. Особливо живущіе на Курильской лопаткѣ вѣ томѣ суевѣрны: не возмутѣ вѣ рѣки никакой вещи, сколь бы она ихѣ ни льспила, ежели услышатѣ, что оспалась послѣ мертваго. Чего ради козаки, которые важивали кѣ нимѣ похожіе повары, какѣ на примѣрѣ Нѣмецкое и Руское суконное платье, фанзовыя и камчатныя рубахи и прочая, неинако купцовѣ опѣ другихѣ отбивали, какѣ сказывая, что платье и другіе ихѣ повары послѣ мертвыхѣ оспались.

Очищеніе послѣ похоронѣ бываетѣ слѣдующимѣ образомѣ: наломавши какого нибудь прутья приносятѣ они вѣ юршу, и надѣлавѣ колецѣ по дважды сквозь ихѣ пролазятѣ, а потомѣ относятѣ вѣ лѣсѣ, и бросаютѣ на западѣ. Которой мертваго вонѣ

пащилъ, тому должно изловить какія пшички, и одну изъ нихъ всю сжечь, а другую сѣсть со всѣми жителями вмѣстѣ. И сіе очищеніе бываетъ у нихъ тогоже дня, котораго и погребеніе, а до того ни сами они не выходятъ изъ юрты, и никого къ себѣ не допускаютъ.

Вмѣсто поминокъ бросающъ они въ огонь шаглы перьво-промышленой рыбы, что за даръ умершему почитается, а пѣло сами сѣдаютъ.

Младенцовъ хоронятъ въ дуплеватыхъ деревьяхъ по большей часи безъ всякихъ же особливыхъ обрядовъ. По умершихъ сожальютъ, и плачутъ, токмо безъ воцлѣ.

ГЛАВА XX.

О различныхъ нарѣтіяхъ Камчатскаго народа.

Въ заключеніе извѣстій о Камчатскомъ народѣ сообщимъ мы нѣкоторое собраніе словъ трехъ главныхъ Камчатскихъ нарѣчій, о которыхъ выше сего упомянуто, чѣмъ сходство и несходство ихъ было видимо.

Въ столбѣ А, содержится нарѣчіе сѣверныхъ Камчадаловъ, Б, южныхъ, а въ столбѣ, В, живущихъ отъ Воровской рѣки на сѣверѣ почти до Тигиля. При чемъ надлежитъ вѣдать, что г съ палочкою на верьху какъ Латинское g, произносить надобно.

Собраніе словъ разныхъ Камчатскихъ нарѣчій.

	А	Б	В
Богъ	Купъ	Купхай	Купха.
Дьяволь	Кана	Кана	Ткана.
Небо	Когаль	Кохаль	Кепсѣ.
Облака	Гуренгуръ	Уйшаа	Мыйжа.
Вѣтръ	Шапель	Чихуча	Кепкѣ.
Буря	Какалатъ		
Дождь	Чухчухъ	Чахчу	Чухчухъ.

	А	Б	В
Снѣгъ	Корѣль	Кóлааль	Кóлааль.
Градъ	Кáкумчель	Коóда	Коáлле.
Громъ	Кы́фкыгъ	Кы́хкыгъ	Кыхшигына́.
Молнія	Амроишчина- чичь	У́мечькыши	Мыпкы́жи- гына.
Солнце	Галéнь-кулечь	Коáчь	Лачь.
Луна	Гу́ингань ку- лечь	Коáчь	Лааингыиь.
Звѣзда	Ежéнгынъ	Аша́нгыпъ	Агажинъ.
День	Тáажъ	Кусгáль	Кулхáлла.
Ночь	Ку́инукъ	Ку́лкуа	Ку́нку или Льху́югуна.
Утро	У́йдумкулель	Бо́кочожъ	Éмколалю.
Полдень	Ку́ну́кулечкуй	Пеннокъ-хал- ла	Хпа́дыжа- гына.
Вечеръ	Апа́кулель	Аашы́ку	Тáлбакъ.
Полночь	Ку́ну́гуингучь или	Кéды ку́лкуа Пельхучикъ.	Ну́улхуюгу-
Годъ	Та́пгажъ	(не знаютъ)	Тхажъ.
Земля	Шемшъ	Семшъ	Шемпъ.
Гора	Еéль	Наму́дь	Аáла.
Пригорокъ	Пыну́жидычь	Таáкоричъ	Йжулганъ.
Огонь	Бру́мичь	Па́нгычь	Па́нгычь.
Дымъ	Га́жунгажъ	Нга́рангачъ	Нга́чажъ- нга́чажъ.
Вода	А́жамъ	Íи	Íи.
Поле	Ба́паранъ	У́ша	Усь.
Дорога	Шы́жичъ	Éшичумъ	Ку́чажа.
Лѣсъ	У́удъ	Оода	Лагыланъ.
Дерево	Уа	Оо	Уу.
Море	Ке́яга	Нингель	Ке́яга.

	А	Б	В
Озеро	Кóрро	Кшчу	Ку́лхуа.
Рѣка	Кигъ	Кыга	Кигъ.
Рѣчка	Кйгыдычъ	Кыгыдачъ	Кйгыгачъ.
Источникъ	Кйдадычъ	Кáкеда	Кéяка.
Песокъ	Быжымпъ	Кáпемпъ	Сымы́жимчъ.
Грязь	Кылшшамъ	Има́гай — Акчи-	Кóола.
		нашумпъ	
Камень	Куа́ль	Ува́чу	Уа́чъ.
Человѣкъ	Крóшчуга	У́шкамжа	Ушка́мжа.
Опець	Йпшиъ	Апачъ	Ишхъ.
Мать	Ануанъ	Аалгачъ	Лáшха.
Сынъ	Пеэ́чь	Пеа́чь	Пача́.
Дочь	Чи́депечь	Сугы́нгъ	Шууунга́.
Братъ	Ты́я	Купа́хушка	Ты́я.
Сестра	Ихшумъ	Купхаа́нь	Ли́лихлчъ.
Мужъ	Кéнгшъ	Éлку	Кáмжанъ.
Жена	Чи́хенгучъ	Нгы́нгычъ	Игы́чъ.
Отрокъ	Па́ачучъ	Пеа́гачучъ	Па́нахча.
Младенецъ	Па́ачучъ	Пса́ичичъ	На́нача.
Дѣвка	Чи́хуачучъ	Хучи́чу	Ухчума́хча.
Господинъ	Крошчу	Армъ	Ху́йжучъ.
Слуга	Ха́ро	Чикоачъ	Линажхча.
Служанка	Че́дахаро		Хоа́ллу.
Голова	Ха́бель	Чы́ша	Кпхынъ.
Волось	Черонъ	Ку́бинъ	Ку́йба.
Борода	Éлунъ	Куу́кунъ	Луу́лла.
Глаза	Éледъ	На́ннинъ	Лéлла.
Уши	Йлюдь	Йгя́дь	Йлла.
Нось	Каякó	Каякы́	Каяка́нь.
Губы	Ша́кши	Кы́сса	Кéшха.
Уста	Тéлунъ	Цхы́дда	Чанна.

	А	Б	В
Языкъ	Дычиль	Ничиль	Еч'сла.
Щ'оки	Уань	Уаадь	Хоауда.
Подборо-	П'егангучь	Пахыхычь	Кымкычь.
докъ			
Плечо	Тсп'одь	Танцунь	Тышынга.
Рука	Т'оно	Сышту	Хкачь.
Перепь	К'еко	Куйда	Пк'опча.
Грудь	Лу'пенгъ	Ингыша	К'еипачь.
Сердце	Ту'ллугу	Шу'уюгу	Лу'болгучь.
Брюхо	Ко'лидь	Ксухь	Калпки.
Черева	Шу'жичь	Сыхшидь	Сыгыжиць.
Пузырь	Ишурю	Елкуай	Кшулхь.
Тайной удъ			
мужеской	Каллака	Калка	Калка.
— женской	Койп'онь	Куаипань	Коапань.
Спина	Карогъ	Чагга	Кигачь.
Ноги	Капх'еншъ	Чкуада	Кпхада.
Шапка	Галалучь	Халялучь	Пахаль.
Шпаны	Куе	К'оау	К'оа.
Чулки	Паймань	Паймань	Паймадь.
Шуба, ку-			
клянка	Ко'абежъ	Тангакъ	Калпхачь.
Торбасы	Чпхесъ	Сыануць	Шхунь.
Острогъ	Ап'ынъ	Таша	Апынумъ.
Юрта	Киспъ	Кпшипъ	Киспъ.
Окно и дверь,			
что въ юр-			
тахъ	Апхыжичь	Окнучь	Окнучь.
Постеля	Лажушь	Аапшъ	Аипешъ.
Лукъ	Ичешъ	Часчу	Чхчь.
Спирѣла	Кагъ	Каха	Калхь.

	А	Б	В
Санки	Шшшхень	Шааша́нь	Шхлшхъ.
Лодка	Та́пхамъ	Тахпымъ	Тахпамъ.
Веревка	Алчоль	Ку́лхсумъ	Унхпъ.
Топоръ	Коба́шу	Куа́шуа	Коба́шу.
Листъ	Кромъ	Па́шаадъ	Пеллаа́кела.
Корень	Пынгы́лпын-	Пынгы́лпынь	Пынгы́лпын-
	гыль		гыль.
Трава	Шинчъ	Сэ́да	Їжула.
Голодный	Еку́жичъ	Куушйшкъ	Кшаккъ.
Жадный	Ты́кужегужикъ	Тугу́ласкъ	Чхча́хычъ.
Сыпной	Тымга́уши	Чпгы́шйкъ	Чйхлхъ.
Цыной съ			
мухомора	Тоба́кжикъ	Това́ккошкъ	Хылпа́шкш-
			чамъ.
Ъсть	Балолкъ	Чйхы́шкйкъ	Ды́кыжу.
Пить	Бйгы́ликъ	Ты́кушхушкъ	Ты́кушку.
Спать	Ты́чкажикъ	Тунгукалашкъ	Ну́йкушку.
	или Бу́нгуаку спать хочу		
Говорить	Ка́жишхшха-	Ха́ждухчъ	Ка́жилгу-
	жикъ		кышъ.
Молчи	Ку́йжйжичъ	Кы́йсуйшхчъ	Койшунгы́-
			шхучъ.
Ъхать на	Кошль-ко́кш-	У́шашичъ	Хойшкочй-
собакахъ	хажикъ		мыкъ.
Ишти	Ты́лледжкъ	У́шашишъ	Тла́ламъ.
Я спую	Ку́ме-ты́жи-	Кёмма-ты́жй-	Кёмахтажу́-
	шйкъ	шйкъ	кышъ.
Ты сто-	Кы́же	жй-	Кышъшйшйчъ
ишь	шунъ		Кёма хтажу́-
			жичъ.
Онъ стоилъ	Дугудъ жи-	У́да	Дангунъ хта-
	шйчъ	шйшй-	жужйчъ.
		кйкъ	

А

Б

В

Мы стоимъ	Бѹже жишіи-	Мушь уши-	Мѳжишь хта-
	шимкъ	шамгѣ	жѹжимкъ.
Вы стойте	Йхуже жи-	Сушь ши-	Дагунадъ хта-
	шижъ	шикъ	жѹжитишь.
Они споятъ	Трунь жи-	Ипхую ши-	Йпха хтажѹ-
	жичъ	шикикъ	житишь.
Сплю	Тынгуоку-	Тунгыку-	Тунгуйкуп-
	жикъ	шикъ	кукъ.
Вижу	Тылчкужикъ	Тыпшкуй-	Тылчкуйжча.
		шикъ	
Не вижу	Гыичъ кункгъ	Ишкъ Ёпш-	Ёлчкуикъ.
		куйкакъ	
Не сплю	Гыингукул-	Ишкъ нуьку-	Нгуькулжукъ.
	лакъ	шкакъ	
Смѣюся	Тыжишикъ	Ташіукашкъ	Лижникшчиць.
Плачу	Тынтажикъ	Тууушикъ	Синиць.
Бѣлой	Гылкало	Апшыхъ	Апхала.
Черной	Дрѣлу	Тыгганъ	Ктгала.
Красной	Чачаль	Чеанъ	Чачаль.
Зеленой	Дулхкаралло	Нулусану	Кухлѣлага.
Большей	Толло	Хычинъ	Пеллага.
Малой	Дынелу	Чунгуюнгъ	Нянюкала.
Высокой	Дашелу	Куунъ	Кыогылла.
Низкой	Дыжулу	Йшунгъ	Йжула.
Свѣтлой	Датхылу	Апшыгъ	Чажу.
Темной	Духулу	Духшанну	Чуникъ.
Теплой	Нѳмла	Кикангъ	Умела.
Студеной	Дыкеилу	Саккѣингъ	Лкѣлага.
Мокрой	Дыкчкелу	Акчину	Чкалага.
Сухой	Демлу	Кашигу	Кыжгела.
Живой	Кыжуньлинъ	Какѳва	Какѳлинъ.

Мертвой Кы́ринь	Кычй́кипъ	Кы́жаниъ.
Рано Ты́мколинь	Мо́кочушь	А́мколчель.
Поздо Ту́хтаниъ	Аа́пыку	Тхпа́данъ.
Сего дни Де́нгу	Да́нгу	Да́дь.
Завтра Ды́мколаку	Бо́куанъ	Ажушкь.
Послѣ Корáпыжкь	Чи́е сулунгáкъ	Дугáнъ-инши- жингъ.
завтра		
Вчера Ё́шель	Аа́пы	А́шентъ.
Третьяго дни Кы́хы-кора́пашъ	(не знаютъ).	
Впередь Дуклкъ	Ко́заку	Кулхэ́нчки.
Назадъ Шалкъ	Са́ккы	Ша́аликинъ.
1. Ды́зыкь	Ды́зыкь	Кóнингъ.
2. Ка́ажъ	Ка́ассъ	Ка́сса.
3. Чóокъ	Чóокъ	Чóукъ.
4. Ча́акъ	Ча́акъ	Ча́акъ.
5. Ко́омнакъ	Ко́омнакъ	Кугу́мнукъ.
6. Кы́лкогъ	Кы́лкоакъ	Кéлкугъ.
7. Ё́пакпанакъ	Итаа́тукъ	Ё́пуктунукъ.
8. Чóоктунукъ	Чо́куту́къ	Чóоктунукъ.
9. Ча́акпанакъ	Ча́акпакъ	Ча́акпанакъ.
10. Чу́мхтукъ	Ку́мхтукъ	Тогóсса.
11. Ды́зыкь	ши- Ды́зыкь	Конингъ
12. Ка́ажъ	на- Ка́ассъ	ши- Ка́сса
13. Чóокъ	жичь Чóокъ	на- Чóукъ
14. Ча́акпанакъ	Ча́акпанъ	ши Ча́ак- панакъ
20. Ка́ажъ	Ка́ассъ	Кашъ
30. Чóокъ	Чóокъ	ку- Чóокъ
40. Ча́акъ	Ча́акъ	мх- Ча́акъ
50. Ко́омнакъ	Чум- Ко́омнакъ	шу- Кугу́мнукъ
60. Кы́лкогъ	хту- Кы́лкоакъ	ка- Кéлкугъ
70. Ё́пакпанакъ	ль. Итаа́тукъ	ды- Ё́пуктуну́къ
80. Чóоктунукъ	Чóкуту́къ	кы- Чóоктуну́къ
90. Ча́акпанакъ	Ча́акпакъ	дь. Чóоктуну́къ
		Ча́акпанакъ

100 Чумхпукъ-Чумхта-Кумхпу-кум-Чушь-погу-
 кань хтакань шайнъ

У господина Спеллера въ запискахъ нашелъ я и молитву Отче нашъ на языкъ южныхъ Камчадаловъ, но не всю, безъ сумнѣнія для того, что послѣднія слова, каково: оставленіе долговъ, избавленіе отъ лукаваго и прочая, Камчадаламъ непонятны были; однако сообщимъ мы здѣсь для удовольствованія любопытства чипапелей, сколько нашлось.

Апачь буринъ кизегъ ипзунъ кранакъ когалгу
 „Отче нашъ, которой живешъ на небѣ высоко,
 сыгзуль книгнъ гуренчъ теге бипель накалкъ
 „буди твое имя всегда у всѣхъ
 кабилпакá капашшокá копитикъ когальсыгъ
 „сливно познпиемо, повели принти
 боренако книгнъ конспалагнъ ёлконому, кизекъ
 „къ намъ твоему жилищу вѣчному, что ты
 енакчъ оллогпчáзенъ ендú деггакенъ лацгопусъ
 „ни изволишъ, буди по твоей волѣ, какъ
 каголакъ дёлпгамъ симскъ, áдонномъ буринъ
 „ни небѣ, такъ на Землѣ, пишу нашу,
 пыгнъ гулсъ суглкаизенъ сугнеспъ каполкъ
 „отъ которой всегда живемъ, дай
 боренако денгупёнъ дагсь.
 „намъ нынѣшняго дня.

ГЛАВА XXI.

О Коряцкомъ народѣ.

Излишнее дѣло было бы, естли бы какъ о семъ, такъ и о Курильскомъ народѣ писать просиранно, ибо родъ житія ихъ весьма сходствуетъ съ Камчатскимъ: всѣ вообще они язычники (1), всѣ крайніе невѣжды, и опъ другихъ животныхъ однимъ токмо видомъ человѣческимъ почти разнствуютъ, какъ уже выше показано; чего ради довольно будетъ и того, когда мы о каждомъ народѣ объявимъ кратко, выключая такія обстоятельствова, въ чемъ они несходны съ Камчадалами.

Коряки, какъ уже выше показано, на Оленныхъ и Сидячихъ раздѣляются. Оленные кочевой народъ, а Сидячіе живутъ въ земляныхъ юртахъ, какъ Камчадалы, съ копорыми и больше житіемъ и обрядами

(1) Жители осьмнадцати сѣверныхъ Курильскихъ острововъ, подъ Россійскою державою состоящихъ, воспріяли православный Грекороссійской законъ; но Курильцы прочихъ четырехъ острововъ, Японцами занимаемыхъ, остались по нынѣ въ язычествѣ. В.

сходствуютъ, нежели съ Кочевными Коряками; чего ради все, что о Корякахъ объявлено будетъ, о Оленныхъ разумѣть должно, развѣ гдѣ точно Сидячіе Коряки будутъ упомянуты.

Сидячіе Коряки жилища свои имѣютъ по берегу Воспочнаго моря отъ рѣки Уки почти до Анадыря, а по берегу Пенжинскаго моря отъ усть-Тигиля до Пенжины, и отъ Пенжины вокругъ Пенжинской губы до хребта Нукчануниѣ, изъ котораго течетъ въ море Нукчанъ рѣчка, и по тѣмъ рѣкамъ имѣютъ они особливья названія, по которымъ между собою раздѣляются, какъ на примѣръ: Укинскіе Коряки по рѣкѣ Укѣ, Карагинскіе по Карагѣ, Олюторскіе по Олютору, Акланскіе по Аклану и прочая; а Оленные съ табунами своими кочуютъ по всему пространству земли, которое съ востока Океаномъ, съ запада вершинами Пенжины и Омолона, съ сѣвера Анадыремъ рѣкою, а съ юга Лѣсною и Карагою рѣками заключается. Иногда прикочевываютъ они и ближе къ Камчаткѣ, особливо когда есть опасность отъ Чукотъ, бѣдственныхъ ихъ непріятелей, однакожъ рѣдко. И такъ въ сосѣдствѣ имѣютъ они съ одной стороны Камчадаловъ, съ другой Чукотъ, съ претъей Юкагирей, а съ четвертой Тунгусовъ или Ламушовъ.

Еспьли Чукоцкой народъ причислить къ Корякамъ, какъ то учинить должно по самой справедливости, ибо и Чукчи сущіе Коряки (1), то Коряцкіе предѣлы гораздо далѣе

(1) Сіе очень вѣроятно, ибо языкъ кочующихъ Чукочъ весьма сходенъ съ языкомъ Оленныхъ Коряковъ, какъ явствуетъ изъ слѣдующаго сравненія, сдѣланнаго по словарю находящемуся въ путешествіи Капитана *Биллингса*, изданномъ Вице-Адмираломъ Г. А. Сарычевымъ.

	Нарѣчіе Оленныхъ Чукчей.	Нарѣчіе Оленныхъ Коряковъ.
Мать.	Иліа.	Елла.
Сынъ.	Экукъ.	Акыкъ.
Дочь.	Нейвекукъ.	Нгавакыкъ.
Сестра.	Чакыгычь.	Чакыгетъ.
Мужъ.	Ояхучъ.	Оехучъ.
Жена.	Неувганъ.	Неванъ.
Дѣва.	Невычхаиль.	Невешхаль.
Младенецъ.	Кминга.	Кемингенъ.
Голова.	Леутъ.	Леутъ.
Глазъ.	Лиллетъ.	Лилапъ.
Ухо.	Вилютъ.	Велутъ.
Ротъ.	Гикыргинъ.	Гыкыргенъ.
Языкъ.	Гіиль.	Гигель.
Рука.	Мынгитъ.	Миннегетъ.
Грудь.	Мачо.	Мачу.
Спина.	Капшынъ.	Капшыпъ.
Нога.	Гиткальникъ, и прочая. В.	Гиткалнинъ.

распространяется; пошому что Чукчи не токмо живутъ далѣе Анадыря къ сѣверу на такъ называемомъ Чукоцкомъ носу, но и по островамъ около лежащимъ (1). Въ семъ слу-

(1) Въ упомянутомъ выше сочиненіи содержится краткое, но достопримѣчательное описаніе Чукопскія земли, составленное изъ Журналовъ Капитана *Биллингса* и нѣкоторыхъ другихъ чиновниковъ, совершившихъ съ нимъ сухопутное путешествіе чрезъ сію еще весьма мало извѣстную землю. Мы помѣщаемъ здѣсь оное описаніе, поелику Крашенинниковъ ничего о сей странѣ не сообщаетъ. „Чукопская земля лежитъ между сѣверными широтами 64° и 71° . Долготю (отъ Гренича) 173° и 190° ; простирается въ длину отъ Берингова пролива къ западу на 700 верстѣ до земли кочующихъ Коряковъ; самая большая ея ширина отъ юга къ сѣверу 500 верстѣ, заключается между морями Анадырскимъ и Ледовитымъ. Сей материкъ составляютъ каменистыя горы простирающіяся грядами, которыя раздѣлены отчасти долинами, разширяющимися къ сѣверу; чрезъ оныя протекаетъ множество мѣлководныхъ рѣкъ и рѣчекъ, имѣющихъ каменистое дно. Долины по большей части болотисты и наполнены множествомъ малыхъ озеръ. Горы средней величины покрыты бѣлымъ мохомъ, но вершины высокихъ и крутыхъ горъ представляютъ голый камень, и мѣстами лежатъ на нихъ вѣчно-не тающій снѣгъ, а особливо по сѣвернымъ скасамъ горъ и въ долинахъ закрытыхъ тѣнію оцѣ

чаѣ Анадырь рѣка, какѣ граница между Коряками подданными Россійскими и немирными Чукчами; для того что наши Коряки не живутѣ далѣе Анадыря къ сѣверу, а Чукчи къ югу:

солнечныхѣ лучей. Лѣсу нигдѣ не растетѣ, кромѣ ивовыхѣ кустарниковѣ, и то мѣстами по берегамѣ рѣчекѣ. Ягоды родятся только голубика, брусника и водяница называемая шикшею. Изѣ животнохѣ водятся олени, горные бараны, медвѣди, волки, лисицы и песцы; при морскихѣ же берегахѣ показываются иногда и бѣлые медвѣди. Земноводныя животноя ловятся при берегахѣ сѣверовосточной, восточной и отѣ части южной стороны, какѣ то: сивучи, моржи и тюдени. Моря, окружающія Чукотскую землю, изобилуютѣ рыбою разныхѣ родовѣ, и большею частію таковою же, которая ловится при берегахѣ Охотскаго моря. Птицы прилетаютѣ изѣ теплыхѣ странѣ весною, и осенью ониѣ улетаютѣ; зимою же видны однѣ только вороны, куропапки и снѣжники.

Чукотская земля обитаема одними только Чукчами оленными и сидячими: первые изѣ нихѣ составляютѣ большую часть жителей, и разсѣяны по всему пространству сей земли; имѣютѣ большія стада оленей, и ведутѣ кочевную жизнь, переходя сѣ мѣста на мѣсто. Народѣ Чукотскій, кажется, не многолюденѣ: по дневнымѣ запискамѣ Капитана Биллингса и бывшихѣ сѣ нимѣ видно, что во время ихѣ путешествія чрезѣ всю Чукотскую землю, они

однако Чукчи часто переходящѣ сію границу, и раззоряютѣ нашихѣ Коряковѣ, убивая, отводя вѣ плѣнѣ, и шабуны олени отгоняя. Вѣ лѣтнее время промышляютѣ они рыбу и по самой рѣкѣ Анадырю не токмо близѣ устья, но и вверхѣ по ней на значное расстояние отѣ моря, такѣ что нашимѣ Анадырскимѣ жителямѣ часто сбѣжжашься съ ними случается не безѣ опасенія (1).

Коряцкой народѣ по разности житія различиваетѣ и тѣлеснымѣ видомѣ. Оленные

встрѣчали весьма мало жителей. Бывшіе походы Россіянѣ вѣ сію землю, предпринимаемые для покоренія Чукчей, подтверждаютѣ также малочисленность ихѣ; ибо Маіорѣ Павлуцкій съ 400 Россіянѣ, Коряковѣ и Юкагирей, проходя чрезѣ всю Чукотскую землю отѣ устья Анадыря до Берингова пролива и обратно, вѣ семимѣсячное время не встрѣчалѣ нигдѣ сильнаго сопротивленія отѣ жителей, которое бы доказывало многочисленность оныхѣ. Самыя большія ополченія, каковыя только могли Чукчи выставлять противу Россіянѣ, простирались не болѣе 3000 человекѣ; по сему можно съ нѣкоторою вѣроятностію заключить, что и вѣ тѣ времена число всѣхѣ жителей Чукотской земли не превосходило и 10 тысячѣ, а нынѣ, по признанію самихѣ Чукчей, ихѣ очень умалилось.,, В.

(1) Анадырской острогѣ уже давно уничтоженѣ. В.

Коряки, сколько мнѣ случалось видѣть, росту малаго, сухощавы; головы у нихъ посредственныя, волосы черныя, которые ежедневно брѣютъ; лица продолговаты и нѣсколько клиномъ; глаза узкіе и малые, брови навислыя, носы короткіе, однако не столь плоски, какъ у Камчадаловъ, ротъ большой; бороды клиномъ черныя, которыя выщипываютъ часто. Напрошивъ того Сидячіе Коряки хоща и невеликорослы, однако толсты и присадисты, особливо которые живутъ далѣе къ сѣверу, въ чемъ Чукчи предъ другими имѣютъ преимущество, чего ради и больше сходны съ Камчадалами.

Есть же между ими разность и въ сужденіи склонностей и обычаевъ. Оленные Коряки пребезмѣрно ревнивы, такъ что можеть убить жену за одно только подозрѣніе, а когда приличится въ прелюбодѣянніи, то лишаются живота оба прелюбодѣйцы; чего ради Коряцкія женщины всѣми мѣрами стараются придать себѣ безобразіе: не моятъ ни лица, ни рукъ: волосовъ, которые плешутъ въ двѣ косы, и по вискамъ распускаютъ, никогда не чешутъ, на верху носятъ плащъ гнусное, вепхое и залосклое, а подъ исподомъ хорошее; ибо и въ томъ у нихъ подозрѣніе, когда женщина ведетъ себя почище, а особливо когда надѣваетъ

сверху новое и незагаженое платье. На чшобѣ, говоряшѣ Коряки, имѣ краситься, когдабѣ не желали онѣ другимѣ казаться хорошими: ибо мужья и безѣ того ихѣ любяшѣ? Напротивѣ того у Сидячихѣ Коряковѣ, а наипаче у Чукочѣ, вящшая дружба состоитѣ въ томѣ, когда взаимно прѣбжжая другѣ къ другу, гости спятѣ съ женами или дочерьми хозяйскими; на которое время хозяинѣ нарочно оплучается, или отѣбжжжаетѣ къ женѣ своего гостя. Несносная обида хозяину, когда гостѣ съ женою его не пребудетѣ: ибо въ такомѣ случаѣ можетѣ онѣ убитѣ бытѣ, какѣ гнушающійся прѣзнію хозяина; что съ нашими Анадырскими козаками, которые оныхѣ обрядовѣ ихѣ не знали, случилось, какѣ сказываютѣ, не однократно. Чего ради и женщины ихѣ по своему обыкновенію щеголятѣ стараются: бѣляшся и румяняшся,носяшѣ хорошее платье; а Чукоцкія сверхѣ того разшиваютѣ узорами не токмо лица, но лядвѣи и рѣки; ибо онѣ дома сидятѣ нагія, хотя бы при томѣ случились и споронніе люди.

Всѣ вообще прегрубые, сердитые, несклонные, злопамятные и немилосердые люди; а Оленные при томѣ горды и хвастливы, такѣ что они никому въ томѣ не вѣрятѣ, что есть въ свѣтѣ благополучнѣйшее

житіе человѣческаго состоянія, и почитають такихъ за сущихъ лжецовъ и обманщиковъ; что случилось часто съ нашими купцами въ проѣздѣ изъ Якуцка на Камчатку чрезъ Анадырскъ, копорымъ они вмѣсто улыки дѣлали язвительныя возраженія. Если бы, говорили Коряки, жить у васъ было лучше нашего, то бы де вы такъ далеко къ намъ не ѣздили, какъ намъ нѣтъ нужды къ вамъ ѣздить, для того что у насъ всего довольно; а то де можно видѣть, что вы прибѣгаете къ намъ для одной жирной оленины, которой де вамъ во всю жизнь вашу нигдѣ индѣ и видать не случается.

Немалой поводъ къ сѣси дается имъ и отъ Коряковъ Сидячихъ, которые ихъ боясь и почитаютъ, такъ что хотя бы папухъ къ нимъ прибѣжалъ, всѣ выбѣгаютъ вонъ изъ юрты, встрѣчаютъ, довольствуются, провожаютъ, и сносятъ всякую обиду, какую бы ни показалъ Корякъ. Не слыжалъ я такихъ примѣровъ, чтобъ Сидячіе убили когда Оленнаго Коряка, чего ради Ясашные наши сборщики къ Олюпорамъ никогда безъ нихъ, какъ безъ надежной обороны, не ѣздятъ; въ прошивномъ же случаѣ нѣрѣдко отъ несовершенно покоренныхъ бывають убиваемы; и сіе тѣмъ наипаче удивительно, что Сидячіе Коряки гораздо сильнѣе Олен-

ныхъ и отважнѣе. Но сего почтенія и опасности кажутся мнѣ двѣ причины: 1) застарѣлой обычай почитать богатыхъ, и служить имъ, копорый они можетъ быть имѣли будучи сами Оленными, такъ какъ и нынѣ убогіе Оленные Коряки. 2) Что они получая отъ Оленныхъ Коряковъ все свое одѣаніе раздражить ихъ опасаются, чшобъ не претерпѣть холоду.

Оленные Коряки всѣхъ ихъ называютъ своими холопами, а особливо Олюпоровъ: ибо Олюпоры испорченное имя изъ коряцкаго *Алютоклаулъ*, что значитъ холопа. Да и сами Сидячіе Коряки почти отъ того не отрекаются. Одни Чукчи ихъ не почитаютъ, но вмѣсто того споль имъ ужасны, что двадцати челоуѣкамъ Чукочъ пятьдесятъ Оленныхъ Коряковъ пропивишься не отважущся, и ежели бы не было имъ защищенія изъ Анадырска, то бы Чукчи раззорили ихъ до основанія, и изъ господъ всѣхъ бы претворили въ холопей, лиша табуновъ ихъ, принудя жить въ земляныхъ юртахъ, и питаться кореньемъ и рыбоу, по примѣру Сидячихъ Коряковъ, какъ то въ 1738 и 1739 годахъ учинили они съ Капырскими и Апукинскими Коряками. Впрочемъ какъ всякой народъ имѣетъ предъ другимъ въ чемъ нибудь преимуществво, такъ и у Коряковъ сїи особливья

отъ Камчадаловъ добродѣтели, что они правдивы и трудолюбивы, знають стыдъ, и отъ блудодѣянiя удаляются, хотя можетъ быть и по неволѣ.

Сколько родовъ Оленныхъ Коряковъ, и сколько числомъ ихъ, о томъ на Камчаткѣ не вѣдомо, пошому что они подсудны Анадырскому острогу; однако думать можно, что сей народъ купно съ Сидячими, многочисленнѣе Камчадаловъ.

Живутъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ моху довольно, которымъ питаются олени ихъ, не взирая на то, что водою и лѣсомъ скудно, а наипаче въ зимнее время: ибо они снѣгъ тогда вмѣсто воды употребляютъ, а варятъ мохомъ или сырымъ сланцомъ, котораго вездѣ довольно. Я могу сказать, что зимнее ихъ житье въ разсужденiи Камчатскаго гнусно и безпокойно. Въ юртахъ, съ которыми они часто кочуютъ, отъ сырыхъ дровъ, и отъ того, что земля отъ огня таетъ, до самаго полу такой дымъ, что человекъ на другой сторонѣ не можно видѣть, а при томъ столь бѣдой, что непривычной глазу потеряетъ въ одинъ день. Я не могъ пробыть у нихъ ни пяти часовъ; и хотя между тѣмъ отъ дыму часто выходилъ вонъ изъ юрты, однако безъ глазной болѣзни не обошелся.

Юрты у нихъ подобны юртамъ другихъ Кочевныхъ народовъ, каковы на примѣрѣ Калмыцкія, токмо гораздо меньше. Зимою покрываютъ ихъ оленьими новыми кожами для тепла, а лѣтомъ старыми ровдугами, которыя юртовыя крышки *тумъми* называются. Внутри юртъ ихъ нѣтъ никакихъ половъ, ни перегородокъ, токмо по срединѣ четыре колышка съ поперечинами вколочены, между которыми огнище. Къ колышкамъ обыкновенно привязываются собаки, которыя во время спряпанья и изъ коповъ мясо таскаютъ, и съ лопкѣвъ, когда оное вынимается, не смотря на то, что хозяйки бьютъ ихъ уполовникомъ и опнимаютъ. При чемъ сіе можно утвердить за истинну, что крайній голодъ человеку надобенъ, чтобъ ѣсть мясо ихъ варенія. Копелъ и лопки у нихъ вмѣсто мытья собаки лижутъ; бабы и собакъ бьютъ уполовникомъ, и въ коплѣ мѣшаютъ; мясо немытое въ шерсти какъ въ кожѣ, а о чистотѣ спряпающихъ и упоминаеть нѣчего.

Чукоцкія зимнія юрты въ разсужденіи копопи не лучше Коряцкихъ, однако въ помѣ имѣютъ преимущество, что весьма теплы. Дѣлаются на подобіе Камчатскихъ въ землѣ, но несравненно больше: ибо живутъ въ нихъ

по множеству народа (1). Каждая семья имѣетъ особливой своей пѣлогѣ изъ оленьихъ кожѣ, въ которыхъ пологáхъ и сидятъ и спятъ. Во всякомъ пологѣ денно и ночью огонь горитъ въ поставленной среди пѣлога площадкѣ. Жгутъ жиръ различныхъ морскихъ звѣрей, а вмѣсто свѣщильни мохъ употребляютъ. И хопя для выхода копоши оставляется на верху продушина, однако такой же дымъ бываетъ, какъ въ Коряцкихъ юртахъ, но при томъ столь тепло, что въ холодныхъ оныхъ и самыхъ сѣверныхъ мѣстахъ бабы сидятъ всегда нагя, какъ выше показано,

(1) По замѣчанію сопутниковъ Капитана *Биллингса*, зимнія юрты сидячихъ Чукочѣ походятъ на Алеутскія; внутренняя ихъ часть имѣетъ видъ продолговатаго четвероугольника, и довольно пространна; сводъ надъ юртою дѣлается изъ китовыхъ ребръ и жердей, покрывается правою, дерномъ, и засыпается землею; входъ въ юрту сверху сквозь малое отверстіе. По срединѣ юрты находится очагъ изъ четырехъ большихъ камней; на ономъ разводятъ огонь для варенія только пищи; за неимѣніемъ дровъ жгутъ китовыя кости, поливая ихъ время отъ времени рыбьимъ жиромъ. Лѣтомъ живутъ сидячіе Чукочи сверхъ земли въ шалашахъ, сдѣланныхъ изъ китовыхъ ребръ и жердей, и покрытыхъ кожами морскихъ звѣрей; оныя очень малы и къ зимѣ разбираются. В.

прикрывъ шокмо срамъ свой пяшбю, красуясь узорами на пблб, какъ бы богатымъ или покойнымъ плашьемъ.

Плашье всб носятъ изъ оленьихъ кожъ, въ которомъ нбтб никакой отпбны отъ Камчатскаго; ибо и Камчадалы отъ нихъ же получаютъ оленье плашье, какъ уже выше объявлено.

Пишуются мясомъ оленей, которыхъ у богатыхъ Коряковъ тысячъ по десяти, по тридцати и больше, а у Тоіона Эшеля Соплякова сына до 100000 считаютъ, однако при всемъ шомъ они столь скупы, что оленя для себя убить жалбютъ, а довольствуются звброядиною и мерпвечиною, чего въ такомъ великомъ множествб случается со излишесствомъ. Росхожимъ гостямъ не спыдятся они говорить, что у нихъ подчивать нбчемъ, для того что по ихъ несчастію олени у нихъ не падутъ, и отъ волковъ не давятся. Для другихъ убиваютъ оленей, и въ то только время сами до сыта набдаются. Впрочемъ они не доятъ своихъ оленей, и молокомъ пользоваться не знаютъ.

Бдятъ наибольше вареное мясо, а за излишесствомъ сушатъ и коптятъ въ юртахъ. Лучшая у нихъ пища *Ямгаю*, которая слбдующимъ образомъ приготавливается. Когда

убивающѣ олени, тогда кровь изъ него вли-
вающѣ въ желудокъ съ каломъ, и положи
оленяго жиру сбивающѣ вмѣстѣ, и нѣсколь-
ко времени квасящѣ, послѣ того коптящѣ,
и бдящѣ вмѣсто калбасовъ копченыхъ. Козаки
называютъ оную пищу *Маняломъ*, и многіе
бдящѣ похваляя. Бдящѣ же Коряки и дру-
гихъ звѣрей, какихъ ни промыслящѣ кромѣ
собаки да лисицы.

Травъ, кореня и коры съ деревъ не
употребляютъ въ пищу, развѣ бѣдные, и
то въ случаѣ голода; рыбу одни пасухи
ловящѣ, и то весьма мало. Ягодъ въ зиму не
запасающѣ же, но токмо бдящѣ въ лѣтнее
время. Бѣльшей сладости въ пищѣ понять
не могутъ, какъ голубица толченая съ олень-
имъ жиромъ и сараною. Мнѣ самому случи-
лось видѣть, какъ знатной Коряцкой князецъ,
которой приѣхжалъ въ Болшерѣцкой острогъ
по случаю, дивился, когда дали ему сахару.
Сперва назвалъ онъ его солью, но какъ ему
прикушать велѣли, то онъ изумился опъ
такой чрезвычайной сладости, и хотѣлъ
опвезти его нѣсколько женѣ своей для опы-
та, однако не имѣлъ сполько терпѣливости
чтобъ не испрашить его въ дорогъ: женѣ
своей хотя онъ и клялся, что ему въ Рос-
сійскомъ острогѣ дана такая сладкая соль,
которой онъ ни къ чему примѣнитъ не мо-

жешъ, однако она ему въ помъ не повѣрила, ушверждая, что ничего на свѣшъ не можетъ быть слаще объявленной толкуши.

Бздятъ на оленяхъ шокмо въ зимнее время, а лѣпомъ, по примѣру Тунгусовъ верьхами, какъ сказываютъ, не умбютъ бздить. Сани называются по ихъ *Чѣуту-уѣтукъ*. Длинною дѣлаются онѣ около сажени. Полозья подъ саньми шириною вершка въ полпрешья, шокмо у головашекъ, гдѣ загибается, нѣсколько уже. Копылье изъ одного дерева гнутое прямо ставится, выключая передняго, которое нѣсколько назадъ наклоняется. При каждомъ копылѣ пришивается поперекъ брусочекъ, на брусочки кладутся во всѣ сани широкія дощечки вмѣсто нащеповъ, которые къ головашкамъ полозья прикрѣпляютъ. На каждомъ брускѣ по двѣ дырочки, сквозь которыя во всѣхъ сани бапожки продѣваются. Какъ сіи бапожки, такъ и дѣски назади изогнуты къверху, и покрыты особливимъ нащепомъ; и такимъ образомъ бывають они будто съ козыремъ, въ которомъ мѣстѣ сидятъ обыкновенно женщины.

Впрягаютъ въ сани по два оленя. Лямки, которыми они тянутъ, подобны собачьимъ *Алакамъ*; надѣваются обоимъ оленямъ на правую лопатку. Праваго оленя потягъ или ремень къ лямкѣ привязанной прикрѣ-

пляется къ санной рѣшеткѣ близъ правой стороны, а послѣ привязывается къ лѣвому нащепу, а лѣваго къ лѣвой шокмо, а за правой нащепѣ не утверждается. Пóпягѣ праваго оленя долѣе лѣваго, чего ради правой олень не много впереди ходитѣ, а оба по лѣвую сторону саней.

Узды оленьи подобны óбращямѣ конскимѣ. У узды́ праваго оленя бываетѣ на лбу по три и по чешыре косточки на подобіе коренныхѣ зубовѣ съ чешырьмя шипами, а накладывающа на узду для того, чшобѣ оленя на бѣгу остановитѣ скорѣе; ибо вѣ такомѣ случаѣ Корякѣ крѣпко за узду шянетѣ, а шипами оленя вѣ лобѣ колепѣ, и удержи-ваетѣ отѣ бѣгу. У узды лѣваго оленя нѣтъ такихѣ зубовѣ, ибо вѣ немѣ нѣтъ большей силы; ибо когда правой остановитѣся, то не побѣжитѣ и лѣвой.

Корякѣ сидитѣ на саняхѣ близъ голова-шекѣ, и правитѣ ихѣ уздою; когда вправо поворошитѣ надобно, то узду шокмо дергаетѣ, а когда влѣво, то хлещетѣ ею оленя по всему боку. Погоняютѣ ихѣ тонкою палкою длиною аршина вѣ полтора или и долѣе, у которой на одномѣ концѣ копяная головочка, а на другомѣ крючокѣ. Головочкою оленей бьютѣ, а крючкомѣ опдѣваютѣ пó-пяги, когда оленю заступитѣ случаеща.

Такія палочки по шамошнему *клюдками* называются.

Оленные сани, по Коряцки *Ча́уцу у́эпикъ*, какъ уже выше объявлено, рѣшетка *гъ́ву*, брусочки *уякау*, головки у саней *гъ́погынгенъ* или *я́кыи*, копылье *гынгу*, мѣсто, гдѣ сидятъ женщины, *мо́ингенъ* (хвостъ) узда праваго оленя *коилгненъ*, лѣваго *явилиганъ*, пошяги *илгенъ*, ключка *елбель*, головка на ней *ты́млету*, крючокъ на ней же *ка́лнкалъ*.

Бзда на оленяхъ скорбе собачьей; на хорошихъ можно легко переѣхать въ день полтора́ста верспъ, шокмо часто кормить ихъ должно, и часто останавливать на дорогѣ, чшобы мочились; а въ противномъ случаѣ въ одинъ день такъ испортятся, что или къ бздѣ будутъ негодны, или издохнутъ.

Оленей къ бздѣ приучаютъ какъ коней. Самцовъ бжжалыхъ кладутъ, перекусывая сквозь ровдугу жилы на ядрахъ, а ихъ не вынимаютъ. Олени всѣ вмѣстѣ пасутся, и небжжалые и бжжалые. Когда *Коряку* надобно однихъ отъ другихъ отдѣлить, то сгоняетъ онъ весь табунъ въ одно мѣсто, и кричитъ изо всего горла кусая ключу свою, отъ котораго крику олени съ возможною скоростью на двое раздѣляются. Ежели которые не въ свою стаю замѣшаются, тѣхъ бьютъ немилосердо.

Есть олени и у Сидячихъ Коряковъ, токмо у рѣдкихъ и не помногу, а употребляютъ они ихъ токмо для выѣзду. У Чукочъ ихъ табуны превеликіе, однако они не взирая на то больше морскими звѣрями питаются. Если Корякъ лишится своихъ оленей, то бѣднѣе Камчадала бываетъ. Нѣтъ ему другаго способа къ пропитанію, какъ задаться въ паспухи къ богатому, ибо рыбы онъ промышляетъ не умѣетъ, а хотя бы и могъ по нуждѣ, то не лзя лодками, сѣтями и собаками завестися въ скорости, а въ паспухахъ пища ему и платье гоповое; при томъ если у него малое число своихъ оленей, то можетъ онъ пасти ихъ съ хозяйскими, и не употребляя себѣ на пищу расплодитъ со временемъ нарочитое стадо.

Коряки на оленей своихъ и на кожи ихъ вымѣниваютъ у другихъ народовъ самыхъ лучшихъ тамошнихъ дорогихъ звѣрей, которыхъ у многихъ Коряковъ такое множество, что возятъ ихъ съ собою чемоданами; напрошивъ того у Сидячихъ Коряковъ и Камчадаловъ сопой человекъ имѣетъ въ запасъ лисицу или соболя.

Въ разсужденіи звѣры своей Коряки такіе же невѣжды, какъ Камчадалы, буде не ху-

же; по крайней мѣрѣ топѣ Князекѣ, съ которыми мнѣ случилось разговаривать, не имѣлъ о Богѣ понятія. Дьяволы, которыми населены, по ихъ мнѣнію, рѣки и горы, почитаютъ больше для того, что ихъ боялся. Сидячіе Коряки признаютъ богомъ Камчатскаго Куша.

Жершву приносятъ уреченнаго времени не имѣютъ, но когда имъ вздумается, тогда убиваютъ оленя или собаку, которую со всѣмъ на колѣ вшыкаютъ, и оборачиваютъ рыломъ къ востоку; а отъ оленя одну голову, да часть языка. Но кому сію жершву приносятъ, сами не знаютъ, токмо приговариваютъ: *Ваіо койнгѣ ѣкнилалу гангева*, то есть: *на тебѣ, да и намъ чтонибудь пошли*. Котораго оленя или собаку отсулятъ бѣсамъ, пѣхъ убивъ повергаютъ со всѣмъ на землю.

Горамъ и рѣкамъ, гдѣ по ихъ суевѣрію живутъ дьяволы, жершву даютъ тогда, когда случается проходить мимо ихъ. Не дошедъ за нѣсколько, колютъ оленя, и сбѣдаютъ, а головную голую кость взопкнувъ на колѣ оборачиваютъ къ мнимому дьявольскому жилищу.

Ежели Коряки убѣгаютъ отъ какойнибудь болѣзни, которая имъ опасна покажется; то убиваютъ они собаку, и распянутъ

на двухъ шестахъ черева ея, межъ нихъ проходяпъ.

При жертвоприношеніи шаманы или волхвы ихъ бьютъ въ бубны, которые подобны Якутскимъ и другихъ тамошнихъ языческихъ народовъ. Но плащя особливаго не имбютъ шаманы, какъ у прочихъ язычниковъ. Есть же шаманы и у Коряковъ Сидячихъ, которые почитаются и за лбкарей; ибо они бьютъ въ бубны и въ случаѣ болѣзней, чемъ оныя по ихъ суевѣрію опгоняются. Впрочемъ сіе весьма удивительно, что нѣтъ такого дикаго народа, въ которомъ бы шаманъ не лукавѣе другихъ былъ. 1739 году случилось мнѣ видѣть въ Нижнемъ Камчатскомъ острогѣ славнаго Укинскаго шамана, именемъ *Карымлята*, котораго не токмо тамошніе язычники, но и козаки за великаго знапока почитаютъ, наипаче для того, что онъ колетъ себя ножемъ въ брюхо, и пьепъ кровь свою; однако все оное было поль грубой обманъ; что всякому бы можно было примѣшпть, еспьли бы кто не былъ ослѣпленъ суевѣріемъ. Сперва билъ онъ нѣсколько времени въ бубенъ на колѣняхъ стоя, послѣ того ножемъ кололъ себя въ брюхо, и выманивалъ рукою кровь изъ раны, коей не было; наконецъ таскалъ изъ подъ шубы по цѣлой горсти крови, и блъ

облизывая персты. Я между тѣмъ довольно смѣялся, что онъ свое дѣло такъ худо знаетъ, что къ нашимъ Ташеншпилерамъ не годится и въ школу. Ножъ, которымъ онъ кололъ себя припворялся, спускалъ онъ внизъ по брюху, а кровь вынималъ изъ Пузыря, которой былъ подъ пазухою. По окончаніи шаманства надѣялся онъ насъ привести въ удивленіе, чего ради поднялъ свою кулянку, и показалъ кровью вымаранное брюхо, увѣряя насъ, что кровь оная, которая была изъ нерпы, текла изъ его брюха, а рану изцѣлилъ онъ своимъ шаманствомъ. Три помъ сказывалъ намъ, что дьяволы приходятъ къ нему изъ различныхъ мѣстъ и въ различномъ видѣ, иные изъ моря, иные изъ горѣлой сопки, иные большіе, а иные малые, иные безрукіе, иные обгорѣлые, а другіе о полубокѣ. Морскіе прочихъ богатѣе и въ плащѣ изъ правы шелковника сдѣланномъ, которая по рѣкамъ растетъ: а онъ ихъ какъ во снѣ видитъ, для того что, когда они приходятъ къ нему, тогда мучатъ его споль жестоко, что онъ бываетъ почти внѣ ума.

Ежели такой шаманъ больнаго лѣчитъ, то по шаманствѣ предписываетъ, чѣмъ болящему воспользоваться можно; иногда приказываетъ ему убить собаку, иногда ста-

вишѣ внѣ юрты прутье и другія тому подобныя бездѣлицы. Собакѣ въ такомѣ случаѣ колютѣ въ бокѣ ножемѣ или копьями, а держатѣ ихѣ по два человекѣ, одинѣ за голову, а другой за хвостѣ. Убитыхѣ вшыкаютѣ на колѣ, и ставятѣ оборотѣ рыломѣ къ горѣлой сопкѣ.

Оленные Коряки не имѣютѣ праздниковѣ, а Сидячіе празднуютѣ въ одно время съ Камчадалами, но кому и для чего, столь же мало вѣдаютѣ, какѣ и Камчадалы. Вся причина состоитѣ въ томѣ, что предки ихѣ такѣ поступали. Праздникѣ недѣли по четыре продолжается; между тѣмѣ они ни къ себѣ никого не пускаютѣ, ни сами не вѣдятѣ, и никакой работы не дѣлаютѣ, но вѣдятѣ довольно, и веселятѣся, бросая въ огонь отѣ всякой вѣсвы по малу въ дарѣ горѣлой сопкѣ.

Въ другихѣ дѣлахѣ такіежѣ они невѣжды, какѣ и въ законѣ. Раздѣленіе времени на годы и мѣсяцы имѣ неизвѣстно, токмо знаютѣ четыре времена въ году, и лѣто называютѣ *Алѣалу*, зиму *Лѣкалянѣ*, весну *Кѣткетикѣ*, а осень *Гѣтига*. Вѣпрамѣ не болѣе какѣ четверемѣ имѣютѣ названія: Восточной вѣтрѣ по ихѣ *Кѣнгекапѣ*, Западной *Гѣилекывѣ*, Сѣверной *Гытигольіоіоа*, Южной *Ецтельіоіоа*. Изѣ звѣздѣ знаютѣ большаго

медвѣдя , котораго называютъ дикимъ оленемъ , на ихъ языкѣ *Елѹе - кыи́нгъ* ; Плеяды или ушячье гнѣздо *Ата́га* ; Орионъ *Юлтаутъ* , криво уронилъ ; Юпитеръ *Ити́валамакъ* , красная спрѣла ; Млечной путь *Чигѣй-ваемъ* , дресвяная рѣка .

Разстояніе мѣстъ счисляють по днямъ , такъ какъ Якуты по днищамъ , то есть , во сколько дней отъ одного до другаго мѣста перекочевать можно , а на каждой день можно положить отъ прицѣпаи верстъ до пятидесяти . У богатыхъ разстояніе одного дня больше , нежели у бѣдныхъ : для того что они надѣются шѣмъ доказать , что у нихъ олени хорошіе , когда они со всѣми своими тяжестями и съ домомъ столько могутъ переѣхать , сколько бѣдные налегкѣ , по причинѣ худыхъ оленей .

Владѣльцовъ до покоренія Россійскому скипетру у нихъ не было , по томъ власть нѣкоторую имѣлъ тотъ , кто былъ оленьми богатѣе ; чего ради и не знали они до шѣхъ поръ , что есть присяга . Козаки приводятъ ихъ къ присягѣ вмѣсто креста и Евангелія къ ружейному дулу съ такимъ объявленіемъ , что тому не миновать пули , кто присягаетъ не искренно . Такимъ же образомъ и сумнительныя дѣла рѣшаются ; ибо виноватой будучи увѣренъ , что заряженое ружье

убьешъ за неправду, охотнѣе признавается, нежели предается въ чаемую опасность жизни. Въ другихъ случаяхъ клятвы у нихъ нѣтъ больше, какъ *Инмоконъ кеимъ метъинметикъ*, то есть: *правда, что я тебѣ не солгу.*

Учпивсхва въ словахъ и поздравленія не знающъ; гостей, кто къ кому придетъ, не встрѣчаютъ, но поступающъ съ ними какъ большіе господа съ подчиненными. Госпъ выпрягши своихъ оленей сидитъ на саняхъ ожидая хозяйскаго повелѣнія войти въ его юрту какъ на аудіенцію; однакожъ соизволеніе хозяйское не отъ самаго хозяина объявляется, но отъ жены его такими словами: *Елкó*, то есть: *въ юртѣ, или хозяйнѣ дома.* Какъ госпъ такимъ образомъ встрѣченный войдетъ, то хозяйнѣ сидя на своемъ мѣстѣ говоритъ ему *коіонъ* (сюда); потомъ указываетъ мѣсто, гдѣ сѣсть, съ такимъ учпивсхвомъ, *катвѣганъ*, то есть: *садись.*

Въ подчиваньѣ гостей наблюдаютъ токмо то, чтобъ ихъ удовольствовать, а по Камчатскому обычаю не поступающъ, чтобъ гостей принуждать къ объяденію. Лучшее кушанье жирное мясо и маняло: и сіе не недостойно примѣчанія, что всѣ дикіе и кочевные народы жиръ почитаютъ за пріятнѣйшее кушанье. Якутѣ дастъ себѣ глазъ

выколошь за жирную кобыляшину, а Чукча за жирную собаку. Якутъ хотя вѣдаетъ, что лишится всего имѣнія, ежели украдетъ скотину, однако не взирая на то не удержится отъ жирной кобылы, и въ случаѣ нещастія тѣмъ утѣшается, что онъ вѣдалъ жирную кобыляшину.

Воровство у всѣхъ дикихъ народахъ кромѣ Камчадаловъ похвально, только бы оно было не въ своемъ родѣ, и шакъ искусно, чтобъ не быть пойманнымъ; въ противномъ случаѣ поступается жестоко, не за кражу, но за неумѣніе. Чукоцкая дѣвка не можетъ себѣ получить мужа, ежели въ воровствѣ не окажется искусства.

Смертноубійство въ своемъ же родѣ токмо опасно, для того что сродники не оставляютъ убіеннаго безъ отмщенія, а впрочемъ ни кому до того нѣтъ нужды.

Всего достохвальнѣе въ семъ народѣ то, что они дѣшей своихъ хотя и чрезмѣрно любятъ, однако издѣшка къ прудамъ приучаютъ; чего ради и содержатъ ихъ не лучше холопей, посылаютъ по дрова и по воду, приказываютъ на себѣ носить тяжести, пассти олени шабуны, и другое тому подобное дѣлать.

Женятся богатые на богатыхъ, а скудные на скудныхъ, не взирая на разумъ и на

пригожство. Женѣ берутѣ наиболѣе изѣ своего роду, двоюродныхѣ сеспрѣ, шетокѣ и мачихѣ, токмо не женятся на матеряхѣ, на родныхѣ дочеряхѣ, на родныхѣ сеспрахѣ и на падчерицахѣ. Невѣстѣ хватающѣ по Камчатски, чего ради и малолѣтнихѣ, которые не могутѣ хватать невѣсты, не женятѣ.

Жениху, каковѣ бы кто богатѣ оленьми ни быѣ, должно работать за невѣсту отѣ 3 до 5 лѣтѣ, между тѣмѣ вмѣстѣ имѣ спать дозволяется, хощя невѣста и не схвачана; вѣ прочемѣ она до совершенія брачной ихѣ церемоніи для обряду бываетѣ по надлежащему опутана. При свадьбахѣ не бываетѣ у нихѣ никакихѣ, обрядовѣ досшойныхѣ примѣчанія.

Женѣ имѣютѣ по двѣ и по три, и содержатѣ ихѣ по разнымѣ мѣстамѣ, давѣ папсуховѣ и шабуны особливые. Все удовольствіе жизни вѣ томѣ полагаютѣ, чтобѣ переѣзжая съ мѣста на мѣсто осмапривать скопѣ свой. При томѣ сіе весьма удивительно, что Корякѣ, счешу почти незнающій вѣ великомѣ множествѣ оленей, потѣ часѣ примѣшитѣ уронѣ свой, и скажетѣ, какого оленя нѣтѣ и какою шерстью.

Наложницѣ у нихѣ нѣтѣ, токмо нѣкоторые содержатѣ коѣкчучей, которые по

ихъ *Кеіевъ* называются, однако не въ чести, какъ Камчадалы, но въ презрѣніи: ибо у Коряковъ за великую брань почитается названъ кого *Кеіевъ*.

Сидячіе Коряки по странному своему суевѣрію имѣютъ вмѣсто женъ простыя камни: одѣваютъ ихъ въ платье, кладутъ спать вмѣстѣ, и временемъ шутятъ съ ними, и забавляютъ, какъ бы чувствующихъ забавы. Такихъ два камня получилъ я отъ Укинскаго жителя Окерача: одинъ изъ нихъ, копорой называлъ онъ женою, былъ больше; а другой, копорой сыномъ, былъ меньше. Большѣму имя *Ййтель-камакъ* (цѣлипельной камень), а другому *Кѣлкакъ*. А какимъ случаемъ и по какой причинѣ попалъ онъ такую достойную жену, рассказывалъ онъ мнѣ слѣдующее обстоятельство. Лѣтъ за десять былъ онъ въ отнощѣ немалое время; между тѣмъ будучи на рѣкѣ *Адкѣ*, копорая течетъ въ уку съ южно западной стороны отъ устья Уки въ 10 верстахъ, нашелъ онъ помянутой большѣй камень токмо одинъ, и какъ взялъ въ руки, то камень на него будто человекъ дунулъ. Онъ испугавшись бросилъ камень въ воду, отъ чего болѣзнь его такъ усилилась, что онъ лежалъ все то лѣто и зиму. На другой годъ принужденъ онъ былъ искапъ съ великимъ трудомъ объявленнаго камня,

и нашелъ его не въ томъ ужé мѣстѣ, гдѣ бросилъ, но далеко отсюда лежащей на плитѣ купно съ Калкакомъ или съ малымъ камнемъ, которые онъ взявъ съ радостію принесъ въ острогъ свой, и здѣлавъ имъ плащье отъ болѣзни избавился, и съ того времени держитъ онъ ихъ у себя, и любитъ каменную жену паче настоящей, а Калкака всегда беретъ съ собою въ дорогу и на промыслы. Правда ли то, что каменная жена милѣе ему настоящей, утверждать не лзя; въ прочемъ по могу сказать, что онъ камни отдалъ мнѣ не съ охотою, не взирая на мои подарки: ибо говорилъ онъ, что онъ лишаяся ихъ лишается купно и здравія, которое отъ нихъ зависѣло.

Дѣтей своихъ безмѣрно любящъ, однако съ младенчества не нѣжатъ, какъ ужé выше объявлено. Какъ скоро родятся, то богатые отдѣляютъ имъ нѣсколько оленей на ихъ щастіе, которыми однакожъ не могутъ дѣти пользоваться до возраста совершеннаго.

Младенцамъ даютъ имена спарыя бабы съ слѣдующимъ колдованіемъ. Спавятъ двѣ палочки, и перевязываютъ ниткою, на срединѣ вѣшаютъ на ниткѣжъ камень обшитой въ кожу каменнаго барана, а при томъ невѣдомо что шепчутъ, и спрашиваютъ у камня, какъ звать младенца, напоминая име-

на его сродниковъ, и на кошоромъ имени покачается камень, то бываетъ младенцу и имя.

Имена мужескія. Имена женскія.

А́йга.

Я́кьи, головки у саней.

Ля́кшеле, возвраще́нъ. Ямга, моровое повѣн-
ріе.

Кыя́угынгенъ, пробуж- Юимачь.
денъ.

Гей́чале.

Экымъ.

Велля, ворба́на.

Вагалъ.

У́ммевы.

Кепіонъ.

Яка́якъ, Чайка.

Каляянь.

Родильницы дней по десяти не выходящъ изъ юрпы и не кажутся. При кочеваньѣ возятъ ихъ въ саняхъ закрытыхъ. Дѣшей кормятъ грудью до трехъ лѣтъ и больше, а послѣ приучаютъ къ мясу. Колыбелей и пеленокъ не знаютъ, но кладутъ ихъ на землѣ, а во время кочеванья возятъ ихъ за плечами и за пазухой.

Съ болящими водятся прилѣжно. Всѣ болѣзни шаманы лѣчатъ, какъ выше показано, а правами пользоваться не знаютъ.

Умершихъ тѣла сожигаютъ съ нижеписанными обрядами. Сперва наряжаютъ ихъ во все ихъ лучшее платье, и отвозятъ на мѣсто сожженія на шѣхъ оленяхъ, кои

по суевѣрію ихъ умершимъ любви, кладутъ съ ними на-великой костеръ дровъ всю збрую ихъ военную и домашнюю, то есть, копья, сайдаки, стрѣлы, ножи, попоры, коплы и прочая, и зажигаютъ. Между тѣмъ, какъ костеръ горитъ, колютъ они оленей, на которыхъ привозятъ мертвыхъ, и сбѣдаютъ, а оспапки въ огонь бросають.

Любимыми оленьми почипаются, которые будучи впряжены въ сани перевозятъ ихъ чрезъ нарочно подложенной колъ безъ скрипу полозья. Такимъ образомъ перемѣняютъ они подъ умершимъ паръ по десяти оленей, избирая удобныхъ. Лямки такимъ оленьямъ кладутъ на лѣвыя плеча, а не на правыя, какъ сами бздятъ.

Поминовение усопшимъ бываетъ токмо однажды, спустя годъ по смерти ихъ. Сродники ихъ берутъ съ собою двухъ каргинъ, то есть нежжалыхъ оленей и великое множество оленьихъ роговъ, которые во весь годъ нарочно копятъ, и пришедъ на мѣсто сожженія, или на другое какое высокое мѣсто, когда мѣсто сожженія въ дальнемъ разстояніи, закаляютъ каргины и сбѣдаютъ; а рога вшыкають въ землю, которые шаманъ во образъ шабуна отсылаетъ къ умершему. При возвращеніи въ дома проходятъ между двумя прутами, которые спавятся нарочно

для очищенія, и шаманѣ стоя при нихъ бьютъ проходящихъ прупомѣ же, опговаривая, чтобѣ умершіе ихъ къ себѣ не брали.

Что касается до другихъ обстоятельствъ и житія сего народа, то нѣтъ между ими и Камчадалами разности. Военное ихъ ополченіе, збруя, пруды мужескіе и женскіе во всемѣ сходствуютъ: ибо и Коряки побольшей части нечаянно нападають на своихъ непріятелей, и военное ихъ оружіе состоитъ въ лукахъ, стрѣлахъ и копьяхъ, которые прежде сего изъ костей же и изъ камней дѣлали; и женщины ихъ въ такихъ же прудахъ упражняются какъ Камчадалки: ибо на нихъ лежатъ вся кожевная, порпная и сапожная работа; токмо Коряцкія бабы и ѣсть варятъ, чего Камчадалки не дѣлають. Кожи выдѣлываютъ онѣ лучше и мягче Камчатскаго, а вмѣсто икры намазываютъ ихъ оленьимъ каломѣ. Шьютъ оленьими спановыми жилами.

Оленьимѣ кожамѣ какъ опѣ Россіянѣ, такъ и опѣ Коряковѣ разныя названія. Рослыя кожи Россіяне *постелями*, а Коряки *наманѣ* называютъ. Кожи большихъ оленей осеннія по Россійски *недоросьти*, а по Коряцки *Гаингай-нагланѣ*. Кожи телячьи, то есть, молодыхъ оленей по Россійски *лыжики*, а по Коряцки *хаюй-налганѣ*. Кожи выпоропыхъ

олений изъ брюха по нашему *былоротки*, а по ихъ *килкаю юналганъ*. Замша по Россійски *ровдуга*, а по Коряцки *нагеиганъ*.

Главная разность сего народа опъ Камчадаловъ состоишь въ языкъ, въ которомъ по численію господина Спеллера при нарѣчія. Первымъ нарѣчіемъ или кореннымъ языкомъ говорятъ Сидячіе Коряки у Пенжинскаго моря и Оленные, и сей языкъ выговаривается мужественно и крѣпко. Другое нарѣчіе, которое употребляется у Олюторовъ, и опъ Россіянъ впорымъ морскимъ Коряцкимъ языкомъ называется, весьма крѣпче помянушаго. Третье Чукоцкое, которое выговаривается легче, мягче и съ свистомъ (1). Впрочемъ между всѣми нарѣчіями такое сходство, что Коряки, Чукчи и Олюторы безъ труда другъ друга разумѣть могутъ.

Но если Олюторское нарѣчіе почесъ за особенное, то сколько почти будетъ нарѣчій въ Коряцкомъ языкъ, сколько оспрожекъ; ибо нѣтъ такого оспрожка, въ которомъ бы не было прошивъ другихъ значной опмѣны; такимъ образомъ Укинской,

(1) Сіе есть нарѣчіе оленныхъ Чукчей; сидячіе же Чукчи говорятъ особеннымъ языкомъ, коего нарѣчія находятся въ Сѣверной Америкѣ, о чемъ будетъ ниже. В.

Карагинской, островной Карагинской и Чендонской могутъ назваться особливými нарѣчіями. Я за коренной Коряцкой языкѣ почишаю тошѣ, копорымѣ говорятѣ Оленные Коряки, для того, что вѣ немѣ нигдѣ нѣшѣ большѣй разности, какѣ можно видѣшь вѣ собраніи Коряцкихѣ словѣ подѣ лиферами А и Б. О прочихѣ можно вообще сказать, что Сидячіе Коряки чѣмѣ далѣе живутѣ къ Сѣверу, тѣмѣ чище говорятѣ по Коряцки, а чѣмѣ далѣе къ Югу, тѣмѣ больше Камчатскихѣ словѣ употребляютѣ, и больше имѣютѣ разности вѣ окончаніяхѣ (1).

Для удовольствія любопытныхѣ читателей прилагается собраніе словѣ разныхѣ Коряцкихѣ нарѣчій. Подѣ лиферою А содержатся слова Оленныхѣ Коряковѣ, копорые живутѣ вѣ Сѣверѣ. Подѣ лиферою Б слова Оленныхѣ же Коряковѣ, копорые не вѣ давные годы лихасѣ табуновѣ своихѣ поселились на рѣкѣ Авачѣ. Подѣ лиферою В слова сидячихѣ Коряковѣ, копорые живутѣ на Укѣ рѣкѣ (2), а подѣ лиферою Г слова островныхѣ

(1) Нарѣчіе подѣ лиферою В, почешѣся можетѣ болѣе Камчатскимѣ нежели Коряцкимѣ. В.

(2) Рѣчка Ука течетѣ вѣ рѣку Озерную, копорая при Укинскомѣ мысѣ усѣемѣ владетѣ вѣ Камчатское море. В.

Карагинцовъ. При чемъ надлежитъ вѣдать 1) гдѣ пишется глаголь съ палочкою наверху (̄), тамъ оной произносишь должно какъ г Лапинское; 2) гдѣ противъ словъ столба А въ столбѣ Б, или противъ словъ столба В въ столбѣ Г ничего не писано, но шокмо почки поставлены, тамъ сходство въ словахъ разумеется.

Собрание словъ различныхъ Коряцкихъ нарѣчій.

	А	Б	В	Г
Богъ	А́нганъ	Куйы́ня- ху	Кушху́и- чучь	(не знаютъ)
Дьяволъ	Кáла, Яи- цешыга	Иингбе- пынга	Охпкана	Нимфипъ
Небо	И́яганъ.	Хáинъ	Кóгаль	Шилхенъ
Облака	Гинга́й.	Хéшчаанъ	Гычаангы- ча	Шамка- жонъ
Вѣспрь	Кытэгъ.	Кыт- пыхъ	Шéпель	Гышхшач- ганъ
Буря	Кáшву- гынга́й.	Уiаль		
Дождь	Куму́хашу.	Мухáиму	Éчхучь	Куфы́лки- шенъ
Снѣгъ	Калатыгъ.	Гáлааль	Кóлааль	Пангу́лки- ша
Градъ	Нéклеуенъ.	Никела- уть	Какóмчу	Кахóхвах- пынь
Громъ	Кыйгада.	Кукы́гыла- алы	Кыгы́х- личь	Кгы́галь.
Молнiя	Кумылгы- лашь.	. . .	Абромш- дамчи	Милхже- личь.
Солнце	Тыйтыку.	. . .	Кулэачь	Шагáлхъ.

	А	Б	В	Г
Луна	Гейлыгень.	. . .	Дыкуеа- кулеачь	Шагальхъ.
Звѣзда	Леляпи- чань.	. . .	Еженить	Енгышь.
День	Галуй.	. . .	Галель	Телух- шапъ.
Ночь	Никйныкъ.	. . .	Дыкуиль	Тенкишы.
Утро	Якамй- шыхъ.	. . .	Дымколел	Тушин- шифкъ.
Полдень	Гинбна- шалу.	. . .	Кунпухи- лечьки	Хну - те- лухшапъ.
Вечерь	Ангевинге.	Айбын- гыпъ	Ааапынулъ	Тынгфоу- пья.
Полночь	Лгуйна- кыта.	. . .	Кунну-ды- кунль	Хниу-пен- кышы.
Годъ	Гивынь.	Гевегын- ганъ	Колколя- хлящъ	Тиханш- кыкъ.
Земля	Нупеле- канъ.	. . .	Бышимпъ	Нупы- нюпъ.
Гора	Наю.	. . .	Енжалхень	Мышанко- фи.
Пригор, окъ	Генупцела- ку.	Гейны- бепъ-кыю	Пекухчудъ	Миган- кяфи.
Огонь	Милыганъ.	. . .	Бильгы- милъчъ	Милхауль.
Дымъ	Ишищъ.	Конгалапъ	Гажунгажъ	Тгашка.
Жаръ	Онеганъ- Гемилгали.	Вылкавыль гемылгипъ	Дичемпъ	Тханкаль.
Вода	Мимель.	. . .	Ажамъ	Йинъ.
Поле	Гсчыгынь.	. . .	Ащхадъ	
Дорога	Кетвена.	Геапъ	Шижичъ	Шшифи.
Лѣсъ	Уштуме- канъ.	Упшуупъ	Уудъ	Нгуфтлинь

	А	Б	В	Г
Древо	Ушшечель.	Ушшуууть	Уа	Игуфть.
Море	Анкань.	. . .	Ежгу	Июнгень.
Озеро	Гышпы- гынъ.	. . .	Колхъ	Гычь.
Рѣка	Усемь.	. . .	Кигъ	Гыхы.
Рѣчка	Кангоям- пиль.	. . .	Кигычу- кочи	Гыхым- темъ
Испоч- никъ	Акканмель.	. . .	Кунчучу- кочь	Амланшеу.
Песокъ	Генчаамъ.	. . .	Быжымшъ	о о о
Грязь	Гемелкенъ.	Лакавелла	Итканъ	Аулхафе.
Камень	Гугунъ.	. . .	Куаль	о о о
Золото } Серебро }	не знаютъ.			
Мѣдь	Тештелу	Тече Пыл- гуншенъ	Не знаютъ, но все же- лѣзомъ называютъ съ прибавленіемъ цвѣту мепалла, напримѣръ: красное, бѣлое и проч. такъ какъ и другіе Коряки.	
Тазовая мѣди	Ушелигеля	Нууше- лакь-пыл- гуншенъ		
Олово	Опага-пыл- гуншенъ. плавкое же- лѣзо.	. . .		
Свинець	Милтама.			
Желѣзо	Пылгун- тшиъ.	. . .	Валачъ	Валавалъ.
Сталь	Маль-пыл- гуншенъ.	Нышпа- канъ-пыл- гуншенъ	(и сіе слово, у нихъ новое, не знаютъ)	
Человѣкъ	Уимшагула	. . .	Келгола	Ошамча- галь.
Отець	Эмписъ	. . .	Ель	Пана

	А	В	В	Г
Мать	Éлла	. . .	Иля	Éлли.
Сынъ	А́кыкъ	. . .	Пéчь	Икуку.
Дочь	Нгавáкыкъ	. . .	Укчйлеечь	Гуфкуку.
Братъ	Енинеця	Енипела	Éчежь	Енинихшь.
большой				
— меньшей	Епчáиґи	Еллаиґи	Éлчекочь	Нйнихшь.
Сестра	Енипель-	. . .	Ечичь	Гуф-
большая	чакыгепь			тйомшь.
— меньшая	Ичáиґи-ча-	. . .	Ечичекочь	Нйнихшь.
	кыгепь			
Мужъ	Хуя́кучь	. . .	Кéиґиль	Ййхели-
				хылшь.
Жена	Пéгуень	. . .	Дйнгычь	Ныфныхшь
Младе-	Лóвела	Канкымив-	Накамхачь	Икукумпь.
нецъ		гепь.		
Отрокъ	Кáйкапиль	. . .	Когáмна-	Уякли-
			ханкачь	кафпъ.
Отроко-	Хаян́габа-	Хаян́га-	Ухчймкачь	Уфшáю-
вица	кыкъ	быпкупъ.		канъ,
Господи́нь	Аймáклау	Аймачанъ	Унжачучь	Афы́ла-
				пиафа
Слуга	Уйняпиль	Уйиґи	Коáлу	Мупáх-
				тамшь.
Служанка	Елю́пен-	Пуэ́льпиль	Охчякбáлу	Нгáфа́ла.
	гиль			
Голова	Лéупь	. . .	Колчь	Гéинакаъ.
Волосы	Кычигу́й	. . .	Челгадь	Лаухчачъ.
Борода	Лелу́	. . .	Елунь	Лйлюфтъ.
Глаза	Лелáпъ	. . .	Еледь	Éлифа.
Уши	Вйлю́шь	Вйлю́ги	Йлюдь	Флю́фи.
Нось	Éиґыт-	. . .	Каякó	Éнку.
	тамъ.			

	А	Б	В	Г
Ротъ	Икыингенъ	. . .	Шакша	Шэкшенъ.
Губы	Уамылка- лугенъ	. . .	Кумоопъ	Ганюлкаль.
Языкъ	Гйгелъ	. . .	Епчилъ	Лакша.
Щоки	Валкалты	Елапу	Епелудъ	Люхлю- хуфе.
Подборо- докъ	Песе	Кулыни- липу	Пегыша	(не зна- юпъ)
Плечо	Гелпыл- генъ	. . .	Тенодъ	Тыланка- ланъ.
Рука	Маннагил- генъ	. . .	Шотдигъ	Конмене- гланъ
Персть	Гельгашъ	Гелугу	Кикечъ	Тылхуфи.
Грудь	Мачу	Уачимъ	Уая	Вашап- хашъ.
Сердце	Лингелинъ	. . .	Нугулгу	Ланпага.
Брюхо	Нанканъ	. . .	Келидка	Нанкнангъ.
Черева	Гигынгъ	. . .	Шигыжидъ	Шихши.
Пузырь	Ептыучи- ню	. . .	Дыколишъ	Ичи.
Тайной удъ мужеской	Алка	. . .	Каллака	Елка.
Женской	Пенненъ	. . .	Копионъ	Уана.
Спина	Каптынъ	Гйлакъ	Калангъ	Ишкикашъ
Ноги	Гышкашъ	. . .	Капхадъ	Хлпкафо.
Плашье Руское	Мангын- чанъ	. . .	Коабыжъ (ихъ шубы)	Куклянка.
Шапка	Пенке	. . .	Галалючъ	Келламъ.
Шпаны	Хонаишы	. . .	Кые	Кашкашъ.
Чулки	Памеадъ	. . .	Пайманъ	Апангла- миафъ.
Торбасы, ихъ обувь	Плаку	. . .	Чилхенъ	о о о

	А	В	В	Г
Острогъ	Уйна		Шудъ	} не знаютъ
Займка	Кайнем- пиль	Кайнму	Адым- чанъ	
Юрта	Яянга	. . .	Киспъ	Шйшпйу.
Дверь	Тылашылъ	. . .	Духчечъ	Тахшангъ.
Постеля	Аикуль	. . .	Лажунчъ	Аначъ.
Копель	Кукёенга	. . .	Кукъ	(не имѣ- ютъ)
Кухня	Хаманга	Уилганъ	Бумбу	Ксо.
Ножъ	Уала	. . .	Уалачъ	Валавалъ.
Ложка	инъ	. . .	Кептъ	Каликаль.
Лукъ	Игитъ	. . .	Ечетъ	Иштъ.
Стрѣла	Макымъ	. . .	Калхъ	Макма.
Санн	Уёшикъ	. . .	Шишидъ	Гапхы.
Лодка	Аяпвуть	. . .	Комхымъ	о о о
Веревка	Игёлытъ	учигы	Анашель	о о о
Топоръ	Ааль	. . .	Кобашу	о о о
Узда оленя	Хойлгенъ	. . .	(имени нѣтъ)	Ахъ-келк- нявель. Гожъ узда собачья
Трава	Унай	. . .	Шилшилъ	Шйшйшн- фи
Корень	Кйинмакшъ	. . .	Пынгылдъ	о о о
Листъ	Гупууть	. . .	Бехлумель	о о о
Мясо	Хоятауль	. . .	Талшъ	Гоулпуль.
Рыба	Ённаакъ	Ённоенъ	Иичудъ	Тагатага.
Икра	Лёлкигенъ	. . .	Куйчунгъ	Аллапфъ.
Соль	Анкаме- милъ	} новья имена	} не знаютъ	
Вино	Екаме- милъ			Мемілю- гаканъ

	А	Б	В	Г
Сышой	Гегеюли	Гынгеюкь	Тымгауши	Тынгеюкь.
Голодной	Купила- гешь	Гешпагин- гешь	Екужичь (вспь хо- чу)	Текш- пынглшь
Жажущий	Немега- текопань	Ткопаань	Тыкушху- жикь (пить хо- чу)	Тамх- шингь.
Пьяной	Геллелали	Тыкулле- лаашь	Тыапкожкь	(не зна- юшь)
Пить	Мигучикь	Куики	Бигыликь	о о о
Вспь	Мевуикь	Кобшуа	Балолкь	о о о
Спать	Мийлка- шыкь	Кейлкапъ	Бунгуяку, (спать хо- чу)	Мамфыл- кышкь.
Говорить	Камыгуму- гашь	. . .	Кажинухш- хажикь (говорить хочу)	Панлукь.
Молчи	Кыгумагы	Кауипвы- гы	Куишу- жихчь	Тинг- чингь.
Вхашь	Кыге-кен- гелашь	Мынала- кала	Кошхь кокшха- жикь	Мылка- шыкь ап- хо.
На оленяхъ вхашь	Коапа- Кыгеикен- гелашь	Ашпака- гань Мынала- кала	вхашь на собакахъ)	
Ишти	Вичипа- халкапъ	Мыннага- каула	Алтын- тылшкь	Тингчингь.
Я стою	Гымма- пыкопвела	. . .	Кемь-ты- жилжкь	Гамь-теш- фиплягачь
Ты стоишь	Гыча-Коп- вела	. . .	Кыже-жи- шунь	Гемь-Тфи- плагачь.

	А	Б	В	Г
Онъ спо- йтъ	Ённоль- Копвела	. . .	Дугудъ-жи- шичь	Гешигуиш- кинъ
Мы споймъ	Му ю- Мыпкош- велала	. . .	Бужь-Ли- жилшумкъ	Тфитля- гачь Мушхань- мень Темфрипля- гачь.
Вы стойте	Тучу, или Тую, кон- велала	. . .	Шуже-жи- лижь	Тущ- хантъ- Тфитля- гачь
Онъ спо- йтъ	Ичукотве- лала	. . .	Тылу-Ежи- личижь	Ичантъ- Тфитля- гачь
Сплю	Тыкуил- капъ	. . .	Туніуи- кулшкъ	Танфилга- ляшь.
Въжу	Тыкуло- гонъ	. . .	Тылшижкъ	Тухчаганъ.
Не вижу	Елауки- Тыкуи- шыгъ	инга Ёпл- капке	Каалчкохъ- Тынхлижа	Ухекля- шахъ
Смѣюся	Тыкаача- чигашыкъ	. . .	Тыдѣлиш- хылжкъ	Тышай- кычи.
Плачу	Тыкоте- ингашынь	. . .	Тудѣлижкъ	Такпыли- фашъ.
Бѣлой	Нилгакынь	. . .	Датхало	Ляплянъ.
Черной	Нуукынь	. . .	Дыкае- дунгъ	Лвулклекъ.
Красной	Ничйга- кынь	. . .	Чачалъ	Лпшамфл.
Зеленой	Аплеля	Нуутелякъ	Духкарал- ло	Ихчичи.

	А	Б	В	Г
Синій	Нуупе́ли- гьякъ.	Нуу́кынь	Ки́лхпке- жу	(не зна- ютъ)
Желтой	Ли́лиль	не знаютъ	Ше́мечемъ.
Большой	Неме́ян- кынь	. . .	Купхóл- лунь	Лука́клинь.
Малой	Е́ппулу- кынь	. . .	Куа́мка- лунь	Ла́мклин- гамъ.
Высокой	Негенгело- хенъ.	Ни́улакынь	Да́шелу	Лыхио́- ланъ.
Низкой	Ди́гытша- кы	Ни́упакынь	Ды́жулу	Лю́хшлю.
Свѣшлой	Не́чига- кынь	. . .	Да́пхылу	Ла́пхи- лянь.
Темной	Нуву́пка- кынь	. . .	Ухта	Лву́лк- лингъ.
Теплой	Но́мкынь	. . .	Но́млигъ	о о о
Спуденой	Нака́ялга- кынь	Ни́чаккынь	Дыке́и- лингъ	о о о
Мокрой	Ги́пкаяу- ли	Ни́илакынь	Кыжу́а- лингъ	Жега́плька.
Сухой	Гапа́линъ	Ни́кичига- кынь	Де́мелигъ	Гы́кшкы- пынь.
Живой	Ку́киюла- апту	. . .	Кы́жуны- линъ.	Ю́лгачъ.
Мертвой	Ви́ала	. . .	И́жа	Ви́сигла.
Рано	Чу́пча-кы- мы́пты	. . .	Бенко́манъ	о о о
Поздо	Айгы́вын- гепы	. . .	Ухта (тем- но)	о о о
Сего дня	Уче́чишь	Е́чигы	Де́нгу	Ингупъ.
Завтра	Ми́птыу	. . .	Ды́мколаку	Га́слун- гамъ.

	А	Б	В	Г
Послѣ зав-	Мипуяннѣ-	Гольнѣ-	Кѳлапажѣ	(не зна-
пра	кынякѣ	мипшынѣ		юпѣ)
Вчера	Айгыве	. . .	Еапшунумѣ	Тинѣфи.
Третьяго	Явеколеаль	Нгѳокаллу-	Кѳлгашажѣ	(не зна-
дня		гуннѣ		юпѣ)
Впередѣ	Янопынѣ	. . .	Дуклѣ	Нупѣлганѣ.
Назадѣ	Явалепѣ	Явалѣ	Шалѣ	Калгышнл-
				кышѣ.
1	Ѣнненѣ	Ишннѣякѣ.
2	Нѳнегѣ	Нитпѣя-
				кавѣ.
3	Нѳбкынѣ	Нѣжѳкавѣ.
4	Нѳакенѣ	Нѣжѳкавѣ.
5	Мылленге	. . .	счи-	Мынлака.
6	Ѣннанѣ-	Ингыана-
	мылленге			шннѣ.
7	Нѳаколе-	. . .	сленѣ	Нѣгышп-
	шенгакѣ			пыака-
				шннѣ
8	Нѳбколе-	Нѣгышѳ-
	менгакѣ			акашннѣ
9	Хоняан-	. . .	все	Нѣгышаака-
	чинканѣ			шннѣ
10	Мынни-	Тамалгаша.
	гышкенѣ		ни	
11	Мынни-	Ѣнненѣ-	. . .	Прочсе по
	гышкенѣ-	копаюлаиѣ		
	Ѣнненѣ			примѣру
12	Нѳнегѣ	Нѳнегѣ-ко-	вѣчемѣ	Коряковѣ
		папдаиѣ		
13	Нѳбкынѣ	Нѳбкынѣ		людѣми

	А	Б	В	Г
19	Мышнн- гыпкенъ- хоняани- чпиканъ	Хоняан- чинкавъ- коцаюланги	опъ	считаюшь, какъ:
20	Оль-ка- лыкъ (цѣлой	Опта-калау человѣкъ)	сѣверныхъ	двадцать, одинъ чело-
30	Калыка- мынны- гыпкенъ	Нюкы- мынны- гыпкенъ	Кам-	вѣкъ, а по
40	Ниегъ-ка- лаулапъ (два чело- вѣка)	Ниакенъ- мыннигып- кенъ	ча-	ихъ Учамча- галь.
50	Ниегъ-ка- лыкапъ (два чело- вѣка)	Мылленге- мыннигып- кенъ (и десять)	да-	40 два человѣка и
60	Нюкъ-ка- лаулапъ	Еннанъ- мылленге- мыннигып- кенъ	ловъ	прочая, а къ неравно- му числу
70	Нюкъ-ка- лыкапъ- мыннигып- кенъ	Ниаколе- менгакъ- мыннигып- кенъ	не	прилага- юшь 10
80	Ниа-калы- капъ	Нюколе- менгакъ- мыннигып- кенъ	разнству-	какъ на- примѣръ 30
90	Ниа-калы- капъ-мын-	Хоняанчин- канъ-мын-	опъ	по ихъ одинъ чело-

	А	Б	В	Г
100	нигыпкенъ Мылленге- калыкатъ (пяпъ)	нигыпкенъ Мыллен- генъ-колау (человѣкъ)		вѣкъ и де- сять

Коряцкія названія рыбамъ, звѣрямъ, птицамъ, плодамъ и произрастающимъ, которыхъ имъ знаемы :

Красная рыба, уювай.	Тюлени обыкновенные, мѣмель.
Чавыча, ёвочъ.	— лахпаки, калыла.
Кета, кеплаакапъ.	— малые, уипувыпъ.
Горбуша, калалъ.	— полосатые, мушчунъ.
Мальма, уипывыпъ.	Бблуги, Гипшыгыпъ.
Мыкызы, ямколанъ.	Сивучи, улу.
Хариузы, кыпчагу.	Бобры, калага.
Бблая рыба, иканнаканъ.	Копы, талача.
Кунжа, оканча.	Соболи, кышшыгымъ.
Гольцы рѣчные, канывышыгу.	Лисицы, яюнъ.
Камбала, алпа.	Медвѣди кайнга.
Вахня, уяканъ.	Волки, егылунгунъ.
Уйки, гупыгыкъ.	Горностаи, имягчакъ.
Рамжа или быкъ, йлаалъ.	Выдры, ненгепъ.
Мокой, макаю.	Зайцы, милупъ.
Касапка, инуашу.	
Сука рыба, апшаганъ.	
Раки морскіе, яепъ.	
Кипы, юунги.	

Песцы, иппунѣ.
 Россомахи, хаѣппей.
 Бараны каменные,
 кышыпѣ.
 Олени, лугаки.
 Тарбаганы, гешѣу.
 Еврашки, гилаакѣ.
 Бѣлки, явулла.
 Лебеди, канчанѣ.
 Гуси, гейшобаншѣ.
 Селезни, }
 Остро- } Гейчо-
 хвосты, } гачи.
 Чернепи, Аингагалѣ.
 Плупоносы, уалпи-
 гали.
 Чирки, угалгапылѣ.
 Крохали, яллалѣ.
 Гоголи, ылыгали.
 Гагары, юваю.
 Лупки, ялалгалга-
 пинѣ.
 Немки, Вечопоалѣ.
 Орлы, пилмыши.
 Соколы, шылмышылѣ
 Мышеловы, ечѣучики.
 Яспребы, ихуланѣ.
 Вороны, похаучава-
 валууѣлле.

Вороны, нимѣлла-уѣл-
 ле.
 Сорѣки, уикышпы-
 гынѣ.
 Ласпочки, { Кавалин-
 Сприжи, { гекѣ.
 Трясогуски, говынку.
 Куропатки, иѣуевѣ.
 Теперевы глухѣ, кы-
 нашу.
 Дяшлы, } уикичикы-
 Желны, } чанѣ.
 Кулики, чеіея.
 Снигири, ылкываша.
 Жаворонки, геачеей.
 Кокушки, кайкукѣ.
 Чайки, якаякѣ.
 Марпышки, каньчугу
 Кедровки, какачу.
 Савки, аалыкѣ.
 Игылмы, кычугун-
 галлы.
 Ару, каюку.
 Урилы, гилкулѣ.
 Старики, ыныпила-
 лапѣ.
 Березникѣ, лугунѣ.
 Топольникѣ, якалѣ.

Вѣшельникъ , пѣ- кыль.	Шиповникъ , пичку- чанъ.
Ольховникъ , нѣкы- ліонъ.	Жимолостникъ , нѣ- чивоу.
— — каменной , уичугуй.	Тальникъ , іаи.
Рябинникъ , елѣнъ.	Морошка , епшѣтѣ.
Сланецъ , капчивокъ.	Голубица , Лингалъ.
Можжевельникъ , вал- вакычу.	Водяница , гечубана.
Боярышникъ , пѣп- кича.	Брусница , гѣйнаанъ.
Черемушникъ , елоенъ.	Княженица , уяипѣ.
пожъ по ихъ что рябина.	Толокнянка , Кычѣм- муна.
	Клюква , емѣлкевына.

Сими именами рыбу , пптицѣ и прочая называющѣ Сидячіе Коряки ; а Оленные не столь любопытны , чшобѣ они и по знашъ или называшъ могли , чѣмѣ не пользуются. И хошя впрочемѣ много изѣ шого имѣ извѣ-стно , однако какѣ ихѣ имена писашъ , такѣ Укинскія и Карагинскія разсудилось мнѣ за излишнее ; ибо Укинцы называющѣ всѣ вещи отчасти по Камчатски , а отчасти по Курильски , а Карагинцы по Коряцки сѣ нѣко-порою малою отмѣною : такѣ напрымѣрѣ , гусь по Камчатски кейшугышъ , по Укински кейшугашъ , по Коряцки гѣйшуаншѣ , а по Карагински ѣпегешу.

Которые живутъ на рѣкѣ Карагѣ, а не на острову, тѣ опѣ жишелей островныхъ въ томъ наипаче опмѣнны, что вмѣсто ф произносятъ г, вмѣсто Е въ началѣ произносятъ И: такъ на примѣрѣ, вмѣсто вихуфи, нѳги, вегеуѳи, вмѣсто ешегешу, гусь, ишуипѣ.

Тигильскіе Сидячіе Коряки также какъ и Укинскіе больше имѣютъ сходства въ языкѣ съ Сѣверными Камчадалами, нежели съ Оленными Коряками, хотя слова ихъ такъ испорчены, что едва и узнать можно, а особливо въ разговорахъ. Кратко сказать, всѣ Сидячіе Коряки чѣмъ ближе живутъ къ Камчадаламъ, тѣмъ больше имѣютъ и сходства съ ними въ языкѣ, а чѣмъ далѣе къ сѣверу, тѣмъ чище говорятъ по Коряцки.

П Р И Б А В Л Е Н І Е КЪ П Р Е Д Ъ И Д У Щ Е Й Г Л А В Ъ .

Сочинитель упомянулъ, описывая выше сего народъ Коряцкій, что къ оному по справедливости причислить должно Чукчей, ибо ихъ языкъ мало разнится отъ Коряцкаго; мы здѣсь однако замѣтимъ, что сіе мнѣніе относится только къ Оленнымъ Чукчамъ. Сидячіе же Чукчи составляютъ особенный народъ, по со всѣмъ отличному ихъ языку, коего нарѣчія свойственны жителямъ острова *Кадьяка*, *Нортонова* и *Чугачкаго* заливовъ, *Ескимамъ* и *Гренландцамъ*, какъ мы сіе увидимъ ниже изъ сравнительной таблицы, при описаніи *Коняговъ*. По сему думать должно, что Сидячіе Чукчи суть Американцы, кои только по обстоятельствамъ принуждены были переселиться въ Азію. Сіе утверждается еще на слѣдующихъ обстоятельствахъ: Американскія байдары, Вице-Адмираломъ *Г. А. Сарьтевилемъ* примѣченныя у мыса *Роднея*, точно такія, какія употребляются Сидячими Чукчами. По замѣчанію *Жука*, похожи и луки Чукчей на употребляемые *Ескимани*, и на тѣ, кои сей славный мореходецъ видѣлъ на Американскомъ берегу (въроятно нѣсколько сѣвернѣе *Бристольской* губы и *Невенгалскаго* мыса). И такъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что такъ называемые Сидячіе Чукчи имѣютъ общее происхождение съ нѣкоторыми приморскими народами Сѣ-

веро-Западной и Сѣверо-Восточной Америки.

Между Оленными и Сидячими Чукчами нѣтъ вѣроятнаго очень большой разности въ наружномъ ихъ видѣ; ибо въ противномъ случаѣ Вице - Адмиралъ Г. А. *Сарычевъ* не преминулъ бы о томъ упомянуть въ своемъ путешествіи. “Чукчи, по описанію сего мореплавателя, какъ мужчины, такъ и женщины роста средняго, но отъ части есть нѣкоторыя и довольно высокаго; собою статны и здоровы; видъ имѣютъ откровенной и не столь суровой, каковъ бываетъ по большей части у дикихъ; лицомъ они очень похожи на Американцевъ, обитающихъ у мыса *Роднея*, волосы обрѣзываютъ, и плащъ носятъ такое же; только мужчины не украшаютъ лицъ, подобно тѣмъ, вставляемымъ въ губы косточками,,. Американцы же у мыса *Роднея*, съ которыми, по его же замѣчанію, Чукчи лицомъ сходны “роста средняго, лицомъ смуглы, но нѣкоторыя изъ нихъ есть и блондуры; волосы они вообще всѣ обрѣзываютъ, такъ какъ Якуты, съ которыми нѣсколько сходны, только расположеніемъ лица подходятъ ближе къ Европейцамъ; видъ имѣютъ веселой и показывающей болѣе откровенности, нежели Американцы обитающіе въ *Чугачкой* губѣ,,. Сверхъ сего, *Кукъ*, который въ губѣ Св. *Лаврентія* видѣлъ Сидячихъ Чукчей, упоминаетъ, что лица ихъ продолговаты, и волосы черныя, копорые или брѣютъ, или очень коротко обрѣзываютъ, и не имѣютъ бородъ; въ чемъ они сходствуютъ съ Оленными Коряками, какъ видно изъ предвѣдущей главы.

Адъюнктъ Стеллеръ, часто упоминаемый Крашенинниковымъ, замѣтилъ на возвратномъ пути во второй Беринговой морской Экспедиціи въ 1741 году, что Американцы, коихъ видѣлъ на одномъ изъ *Шуманскихъ* острововъ, очень сходствуютъ съ Коряками, ростомъ, лицомъ, волосами, платьемъ, и выговоромъ изъ всего горла; сверхъ сего нашелъ онъ на Американскомъ берегу у мыса *св. Или*, поншичь и сладкую праву, которая приготовлена была въ сибѣ такимъ же образомъ, какъ то дѣлается на Камчаткѣ, также деревянное огниво сдѣланное на образецъ Камчатскаго. Онъ же получилъ извѣстіе отъ Чукчей, что Американцы внутри Материка живущіе, имѣютъ спада оленей, какъ и Коряки.

Все сіе показываетъ также нѣкоторое сродство Оленныхъ Чукчей и Коряковъ, съ упомянутыми народами, берега Сѣверо-Западной Америки населяющими; разность же ихъ языковъ, какъ кажется, опровергаетъ сію догадку. Но впрочемъ замѣнить должно: что черты лица долѣе сохраниться могутъ у народовъ непросвѣщенныхъ и письма не имѣющихъ, нежели ихъ языки; и что между дикими, различной родъ ихъ жизни, уже показываетъ древнее ихъ отдѣленіе. Слѣдовательно сродныхъ нарѣчій съ нарѣчіями Оленныхъ Коряковъ и Оленныхъ Чукчей, можно только ожидать у кочующихъ, а не у приморскихъ жителей Сѣверо-Западной Америки; но какъ до сихъ поръ не имѣется достовѣрныхъ извѣстій о сихъ кочующихъ народахъ, то рѣшеніе относительно къ сему предмету, предоставитъ должно времени.

Чукчи извѣстны нѣсколько пообстоятельнѣе изъ путешествія флота Капитана *Биллингса* и изъ путешествія же флота Капитана (нынѣ Вице-Адмирала) *Г. А. Сарычева*. Мы помѣщаемъ здѣсь краткое ихъ описаніе, извлеченное по большей части изъ сихъ сочиненій.

Что касается до наружнаго вида Чукчей, то уже сообщено выше все, что по сему предмету извѣстно; а о украшеніи женщинъ Чукопскихъ, вышиваемыми на лицѣ и тѣлѣ черными узорами, упомянуто у Автора. Одѣяніе же Оленныхъ Чукчей состоитъ изъ оленьихъ парокъ и широваровъ; оно для обоюго пола одинаково, только что женщины носятъ верхнія парки короче, а нижнія сшиты вмѣстѣ съ широварами, кои гораздо ширѣ мужескихъ. Обувь ихъ лѣтняя, въ сухое время, короткіе сапоги (алачики) изъ ровдугъ, а въ дождливое, большіе длинные сапоги безъ каблуковъ (порбасы) изъ выдѣланной тюленьей кожи. Длинные копья и луки со стрѣлами соспавляютъ ихъ орудія; нѣкоторыя имѣютъ и лалы изъ понкихъ короткихъ деревянныхъ дощечекъ, обшитыхъ оленью выдѣланною кожею.

Жизнь ведутъ кочевую такъ какъ Коряки, переходя съ своими оленями съ мѣста на мѣсто, смотря по изобилію моха. Живутъ также какъ и они дѣломъ въ шатрахъ овальныхъ разной величины, поставленныхъ сверхъ земли, и прикрытыхъ ровдужными кожами, внутри коихъ однако находясь пологи, подъ которыми спятъ. Въ срединѣ

шапра есть обыкновенно очагъ для варенія пищи, составленный изъ трехъ камней. Въ зимнее время живутъ въ палаткахъ, имѣющихъ видъ параллелепипеда, вышиною до двухъ аршинъ, а длиною и шириною сообразно числу людей, въ оныхъ помѣщающихся долженствующихъ. Оныя палатки состоятъ изъ оленьихъ кожъ вдвое сложенныхъ, кои мездрами внутрь, а шерстью на внѣшнія стороны обращены; земля внутри палатокъ, выстилагается оленными же кожами шерстью вверху; входятъ же въ палатку ползкомъ, приподнявъ ее съ низу. Внутри содержатъ непрерывно огонь въ каменныхъ площадкахъ, жженіемъ моха съ жиромъ; отъ чего не только свѣтло, но и такъ тепло бываетъ, что въ самые жестокіе морозы какъ мужчины, такъ и женщины, сидятъ совсѣмъ нагіе. Всю тяжелую работу отправляютъ женщины, какъ то, составленіе и разбираниіе шапръ въ, переносеніе и укладываніе на санки тяжестей и прочая. Мужчины же занимаются паствою оленей и упряжкою ихъ въ санки; и отъ часи упражняются также въ промыслъ звѣрей, какъ то дикихъ оленей, волковъ и разнаго рода лисицъ. При перекочеваніи везутъ тяжести на санкахъ оленьими, коими женщины управляютъ, сами же несутъ на себѣ нѣкоторую часть тяжестей, и идутъ подпираясь на копье. Поелику дорогъ никакихъ нѣтъ, то избираетъ каждый для переѣзда удобнѣйшія мѣста, по своему произволенію. Для скорой ѣзды запрягаютъ въ санки по два оленя, а для перевозки тяжестей, только по одному.

Главное пропитаніе оленныхъ Чукчей состоитъ такъ какъ и Коряковъ въ оленьемъ мясѣ, которое иногда, за недоспапкомъ дровъ, бдятъ сырое; отъ части упоиребляють также и рыбу. Чукчи приходятъ ежегодно въ исходѣ Февраля или въ Мартѣ въ Нижне-Ковымской острогъ, а прежде также приходили и въ Ижигинскъ, для торгу съ Рускими, гдѣ получаютъ въ замѣнъ своихъ товаровъ, табакъ, желѣзныя издѣлія, бисеръ и другія бездѣлицы. Сей торговли и миролюбивому съ ними обхожденію Рускихъ приписатьъ должно, что они нынѣ не только что не дѣлають уже набѣговъ на своихъ сосѣдей Коряковъ, но и плащють даже отъ части ясакъ въ казну. По произведеніи торгу немедленно отправляются къ Ледовитому морю для промысла рыбы и морскихъ звѣрей.

Нравомъ кажущся жесточе ихъ сосѣдей Оленныхъ Коряковъ, ибо въ обидахъ очень мспительны, не уважая ни родства ни дружбы. Естественную смерть почипають безчестною, и только однимъ бабамъ приличною; по сему убивають иногда больныхъ по ихъ прозьбѣ, безъ сожалѣнія. Къ воровству и грабежамъ очень склонны. Обряды и жертвоприношенія ихъ нѣсколько сходны съ Коряцкими. Мы помѣщаемъ здѣсь изъ *Биллингсова* путешествія любопытное описаніе Чукопскаго жертвоприношенія, совершеннаго по случаю предпріятаго ими путешествія съ Калитаномъ *Биллингсомъ* и его сопутниками чрезъ Чукопскую землю. —, Чукчи совершали великое жертвоприношеніе, для испрошенія у своихъ Боговъ щасливаго путешествія.

Въ 10 часовъ утра пригнали съ горъ спада своихъ оленей и оспановили ихъ за рѣчкою, не въ дальнемъ разстояніи отъ селенія. Тогда пошли туда изъ шатровъ нѣсколько Чукочъ; за ними слѣдовали двѣ женщины съ лукошками наполненными жиромъ. Они развели огни въ разныхъ мѣстахъ, на навѣтренной сторонѣ отъ оленей, и окуривали ихъ производящимъ отъ того дымомъ. Въ сіе время, близь шатровъ, сдѣлали загоны изъ разставленныхъ санокъ, перешагнувъ въ промежуткахъ между оными ремнями. Каждый хозяинъ загналъ своихъ оленей въ изготовленный имъ загонъ. Не много впереди отъ сихъ загоновъ, къ морскому берегу, поставили въ одинъ рядъ 13 санокъ мужскихъ и женскихъ, изъ коихъ послѣднія имѣютъ кибитки покрытыя оленьими кожами. Къ симъ санямъ приставили свои копья, и положили на санки черепы и кости давно убитыхъ оленей. По близости сего мѣста женщины развели великій огонь, доставъ его помощію тречія изъ деревянныхъ дощечекъ, обдѣланныхъ на подобіе человеческого образа, означающаго ихъ божество. Потомъ *Имлератъ* поймалъ изъ своего загона оленя, и отдалъ старшему изъ своихъ сыновей, который отведя его къ морю, прокололъ копьемъ въ лѣвый бокъ противъ самаго сердца и пустилъ на волю; тогда всѣ зрители стали примѣчать съ великимъ вниманіемъ, какимъ образомъ будетъ умирать заколотою олень; и какъ онъ упалъ на правую сторону и умеръ спокойно и скоро, то оное приняли за самое щастливое предзнаменованіе; напрошивъ того, еже-

ли бы олень повалился на лѣвой бокъ, сталъ бы мучиться и при томъ съ судорожными движеніями, тогда почли бы сіе злополучнымъ предвѣщаніемъ. Текущую изъ раны убитаго оленя кровь брали въ пригоршни и бросали на три стороны по воздуху, обращаясь къ солнцу, къ морю и къ горамъ. Потомъ мазали кровью и мозгомъ оленьимъ своихъ идоловъ, санки и положенныя на нихъ кости, а женщины марили онымъ себѣ лица, вѣря, что сіе предохранитъ ихъ отъ всякихъ недуговъ и болѣзней.

Слѣдуя старшинѣ *Имлерату* и всѣ прочіе хозяева оленныхъ стадъ кололи своихъ оленей съ такими же обрядами. Когда назначенные въ жертву, числомъ 450 оленей, были убиты, тогда женщины содрали съ нихъ кожи и освѣжали. Находящуюся въ кишкахъ и желудкѣ нечистоту, смѣшавъ съ ивовыми листьями, поклали въ шюленьи кожи, и оныя зашили для лучшаго сохраненія во время пути себѣ на пищу. На мѣстахъ, гдѣ пали олени, развели вновь огни, и на оныхъ варили часть отъ жертвенныхъ мясъ.

21. (1) Въ 7 часовъ утра, Чукчи начали приготавливаться къ празднику, назначенному сего дня въ шашрѣ старшины *Имлерата*. Отъ убитыхъ вчерашняго дня оленей выбрали три кожи съ ногами и цѣлыми головами, имѣвшими рога; положили ихъ посреди шашра на землю съ своими идолами. По сторонамъ шашра вокругъ обнесли занавѣсками изъ

(1) Августа 1791 года.

оленьихъ кожъ, и украсили ихъ ивовыми вѣпками. Въ 10 часовъ, когда всѣ званые гости на праздникъ собрались въ шатеръ, въ томъ числѣ и Капитанъ *Биллингсъ* съ докторомъ и полмачемъ, тогда *Имлеръ* и шрое другихъ старшинъ взяли по бубну, пошли медлѣннымъ шагомъ одинъ за другимъ вокругъ оленьихъ головъ, произнося тихо нѣкоторыя невнятыя слова; потомъ, прибавляя постепенно шаги и возвышая голосъ, забли громко, и стали плясать при удареніи въ бубны. Черезъ нѣсколько времени *Имлеръ* подошедъ къ занавѣсамъ, и показывая видъ, что хочетъ ихъ открыть, спрашивалъ сидящихъ за оными: каково вамъ? нѣ ему отвѣчали: *шеїѳа! шеїѳа! шеїѳа! льономъ! льономъ!* что значитъ: даль! даль! даль! хорошо! хорошо! Такимъ образомъ обошелъ онъ кругомъ всѣ занавѣски, присоединился къ прочимъ старшинамъ, и плясалъ еще съ ними довольно долгое время, наконецъ подойдя къ Капитану *Биллингсу*, и взявъ его за руку, сказалъ ему: „Мы старики объявляемъ, „что по всему нами примѣченному, предпріятія ваши будутъ щасливы, и кончатся съ желаемымъ „успѣхомъ. Богъ въ первой еще разъ послалъ къ намъ „Рускихъ съ дружескимъ намѣреніемъ и для пользы „нашей. Вы желаете узнать моря и земли наши, и наградитъ насъ щедро; мы же будемъ навсегда вашими „неразрывными союзниками., —

Когда Чукчи вступають съ своими стадами оленей въ мѣста заросшія нѣкоторымъ лѣсомъ, то совершаютъ жертвоприношеніе для того, что-

бы олени ихъ находили хорошій мохъ для пищи, и чтобы не терялись въ лѣсахъ, къ коимъ непривычны. Болѣзни лѣчатъ подобно Корякамъ жертвоприношеніемъ и шаманствомъ. Головы оленей въ жертву приносимыхъ ставятъ вокругъ больного, такъ чтобы оныя касались до его одежды, и послѣ старуха шепчетъ оленьимъ головамъ въ уши нѣсколько словъ, и обходитъ кругомъ больного нѣсколько разъ, держа въ рукѣ зажженную вѣтвь можжевеловую. Если же приносятъ въ жертву любимую собаку больного, то разсматриваютъ съ великимъ вниманіемъ ея внутренность, вымазываютъ лице больного собачьею кровью, и водятъ его кругомъ жертвы. Между Чукчами и женщины предпочитаютъ иногда насильственную смерть естественной; чему былъ также примѣръ во время *Биллингсова* путешествія, гдѣ одна старуха, будучи больна, и немогши уже дѣйствовать руками, по просьбѣ ея, была заколопа ножомъ прошивъ самого сердца; ее сожгли послѣ того на верьху ближней горы, въ томъ же плащѣ, въ какомъ была, вмѣстѣ съ ножикомъ, кроильною дощечкою и иглками съ нитками.

Приспавшихъ къ берегу гостей, встрѣчаютъ съ крикомъ, и бросаютъ въ воду камень, въ знакъ дружбы; послѣ того переводятъ приѣзжихъ и ихъ поклажу чрезъ огонь, для сего разводимый, въ который подбрасываютъ куски жиру. Обрядъ сей соблюденъ былъ при вступленіи на Чукотскую землю Капитана *Биллинкса* и его спутниковъ, при которомъ случаѣ, для вящей дружбы, помѣнялся сей море-

плаватель съ Чукошскимъ старшиною, по сего предложенію, на верхнее плашье, давъ ему въ замѣнъ ровдужной камлеи, отъ него полученной, бѣлую рубашку, которую надѣлъ прежде сверхъ своего плашья.

Празднества Чукчей состоятъ иногда зимою въ ѣздѣ въ запуски на санкахъ, запряженныхъ двумя оленями; побѣдитель получаетъ награду въ сѣстныхъ припасахъ и табакъ, которую дѣлитъ съ принимавшими участіе въ сей ѣздѣ. Кромѣ сего въ обыкновеніи также бѣганіе въ обширномъ кругѣ, и борьба; побѣдитель въ оныхъ получаетъ похвалу отъ всѣхъ, и весьма почиаемъ бываетъ за его силу и проворство.

Кукъ, зайдя въ Іюль мѣсяцъ 1778 года въ губу Св. *Лаврентія*, посѣшилъ тамъ, по всему вѣроятію, Сидячихъ Чукчей. Сей славный мореходецъ упоминаетъ въ своемъ путешествіи, (1) что ихъ плашье сосплетъ изъ шляпы, покрывающей лобъ, куртки, штановъ, сапоговъ и перчатокъ; всѣ сіи вещи изъ оленьихъ кожъ, очень хорошо выдѣланныхъ, или же изъ собачьихъ или тюленьихъ, изъ коихъ нѣкоторые и съ шерстью. Въ путешествіи же Вице-Адмирала Г. А. *Сарычева* упоминается, что они носятъ лѣшомъ и кишечныя камлеи; зимнее же плашье и обувь шьютъ изъ оленьихъ и другихъ звѣриныхъ кожъ. Ихъ орудія состоятъ также изъ луковъ со стрѣлами, и изъ

(1) Troisième voyage de Cook, traduit de l'anglois par M. D. . . . Tome sixième Chapitre IX.

копья, которое носят на ремне, но есть также и алебарды. По замечанию *Кула*, концы стрел сделаны из камня или кости, немногие зубчатые, а некоторые прищиплены, вероятно для того чтобы не портилась меховая обшивка; концы же копья и алебарды железные или стальные, Европейской или Азиатской работы, украшены резьбой и выложены для украшения белым металлом. Колчаны их отчасти из красной кожи изящно вышиты, и украшены различным образом. Как в платье, так и в других вещах Сидячих Чукчей примечательно отличное искусство. О их жилищах упомянуто уже в предыдущей главе. Пропитание же имеют, подобно Сидячим Корякам, от промысла в море рыбы и зверей морских. Для сего выжжают в море в больших кожаных байдарках, длиною от 20 до 25, шириною до 4, а глубиною до $2\frac{1}{2}$ футов; основа сих байдар состоит из весьма тонко выделанных щепков, связанных между собою волокнами из разделенных киповых усов; обтягивают оную моржовою кожей, распластанною на двое или на трое, смотря по толщине. Сии байдары столь легки, что одну несут два человека на себе без всякого труда. Ходят в них в море больше на греблях веслами; а когда вздумают употребить паруса, то подвязывают под бока байдары надутые пузыри, для безопасности, чтобы байдара не опрокинулась; в заливах же идут иногда около берега на бичевой, которую тянут собаки. И так

изъ сихъ промысловъ достаютъ себѣ разнаго рода рыбу и морскихъ звѣрей, и моржовые зубы, на копорыя вещи получающъ они отъ Оленныхъ Чукчей нужныя имъ олени и другія кожи, табакъ, желѣзныя издѣлія и разные другіе Россійскіе товары. По неимѣнію оленей употребляютъ для зимней ѣзды собакъ, которыя запрягаютъ въ сани со всѣмъ опличнымъ образомъ отъ Камчатскаго, а именно по шести рядомъ, одна подлѣ другой, и очень близко къ санямъ, дабы ихъ можно было доставать плешью. Сѣдокъ управляетъ при поворачиваніи, удара по собакамъ и махая плешью съ прошивной стороны, въ копорую поворошить должно. Санки же ихъ небольшія и низкія, имѣющъ полозья сдѣланные изъ моржовыхъ зубовъ.

Сидячіе Чукчи, по замѣчанію *Кука*, очень боязливы и осторожны; ихъ нравъ въ другихъ отношеніяхъ такъ какъ и ихъ обычаи и обряды, еще по нынѣ неизвѣстны. Вице-Адмиралъ Г. А. *Сарычевъ* упоминаетъ въ своемъ путешествіи, что вообще какъ Оленные такъ и Сидячіе Чукчи не имѣютъ начальниковъ или особенныхъ властей; а раздѣляются на небольшія общества, состоящія изъ нѣсколькихъ семей соединенныхъ родствомъ или дружбою. Хотя и почитаютъ въ каждомъ такомъ обществѣ одного, копорый богаче прочихъ и имѣетъ большое семейство, но онъ не имѣетъ власти наказывать, а можетъ только давать совѣты, и одними словами спараться отклоняетъ отъ худыхъ поступковъ. В.

ГЛАВА XXII.

О Курильскомъ народѣ.

Курильской народѣ житіемъ своимъ такъ сходенъ съ Камчадалами, что не надлежало бы особо и писать о немъ, естли бы въ пѣлесномъ видѣ и въ языкѣ не было различія. Откуда сей народъ имѣетъ происхожденіе, о томъ столь же мало извѣстно, какъ и о другихъ Камчатскихъ народахъ; а можно ли по ихъ языку сколько нибудь изслѣдовать, оное оставляется такимъ людямъ, кои въ томъ прудятся по искусству своему и по должности: чего ради и приобщено на концѣ сей главы собраніе словъ Курильскаго языка (1).

(1) Курильцами называются вообще жители двадцати двухъ Курильскихъ острововъ, изъ коихъ осьмнадцать сѣверныхъ принадлежатъ Россіи, южныя же четыре заняты Японцами; о чемъ уже упомянуто было въ замѣчаніяхъ на главу IX первой части. Извѣстные мореплаватели *Лалерузъ*, *Крузенштернъ* и *Головинъ* полагаютъ, что судя по обычаямъ и наружному виду жителей *Сахалина*, и по немалому сходству ихъ языка съ Курильскимъ, сіи жители общее происхожденіе имѣть должны съ Курильцами. В.

Сей народъ роста средняго, волосомъ черенъ, лицомъ кругловатъ и смуглъ, но гораздо пригожѣе другихъ народовъ. Бороды у нихъ большія окладистыя, тѣло мохнатое, въ чемъ состоить значная разность отъ Камчадаловъ.

Мужеской полъ волосы напередѣ брѣшѣ до самой верхушки, а назади роспѣшѣ, въ чемъ съ Японцами имѣютъ сходство; отъ копорыхъ, можешъ быть, по причинѣ бывшей прежде сего торговли и обычай оной приняли; а женской токмо подрѣзываютъ ихъ спереди, чшобъ глаза не закрывали. Губы у мужчинъ на срединѣ токмо, а у женщинъ всѣ вычернены, и вокругъ разшипы узорами (1). Сверхъ того и руки разшиваютъ онѣ почти по локоть, въ чемъ нѣсколько

(1) Курильцы шринадцатаго острова *Рашица*, которыхъ флота Капитанъ Головинъ видѣлъ въ 1811 году на островѣ *Урбигъ*, Японцамъ принадлежащемъ, разнствуютъ нѣсколько въ семъ отношеніи; ибо по его замѣчанію мужчины волосы носятъ такъ какъ Рускіе ямщики, и не имѣютъ никакихъ искусственныхъ украшеній на лицѣ и на тѣлѣ; женщины же выкрашиваютъ брови и ротъ кругомъ по губамъ на $\frac{1}{2}$ или $\frac{1}{4}$ дюйма синею краскою, испещряютъ руки, и украшаютъ паркѣ на спинѣ, въ нѣсколько рядовъ носами шопорковъ (*морскихъ полуцаевъ*). Ру-

сходствуютъ съ Чукчами и Тунгусами. Всѣ вообще носятъ въ ушахъ большія серебряныя кольца, которыя прежде сего получали отъ Японцевъ же.

Плащъ носятъ изъ кожъ морскихъ птицъ, также лисье, бобровое и изъ другихъ морскихъ звѣрей, которое шьютъ по Тунгусскому образцу, то есть распашное, а не по Камчатскому; при чемъ не наблюдаютъ того, чтобъ плащъ былъ изъ одной матеріи, но шьютъ изъ чего прилучится, такъ что и по нынѣ рѣдкую Курильскую парку увидишь, которая бы не изъ лоскутья разныхъ звѣрей и птицъ была сдѣлана.

До богатаго по тамошнему мѣсту плащя, каково на примѣръ суконное, камчатное и прочая, великіе охотники, токмо

скіе Курильцы вообще брѣютъ нынѣ бороды, Японскіе же, или такъ называемые мохнатые Курильцы и Сахалинцы, имѣютъ длинныя бороды. *Матсмайскіе* Курильцы довольно высоки, статны, проворны и гораздо виднѣе и мужественнѣе *Россійскихъ* Курильцевъ и пѣхъ, кои обитаютъ на островахъ *Итурлъ* и *Кунаширъ*. Ихъ языкъ хотя и содержитъ еще много Курильскихъ словъ, но столь уже отъ Курильскаго отличенъ, что жители прочихъ Курильскихъ острововъ съ ними только съ большимъ трудомъ объясняются могутъ. В.

весьма небережливы. Въ лучшемъ аломъ кармазинномъ кафтанѣ шюленя на себѣ нести не устыдятся, не взирая на то, что измараетъ плащье, которое ему стоить дорого. На покрой не много же смотрятъ: все имъ равно, мѣшкомъ ли плащье сшито или по-кости, только бы ему цѣпъ былъ любъ, да надѣтъ на себя лъзя было. Стеллеръ пишетъ, что нѣкопору Курильцу камчатная шлогрѣя понравилась, въ которой онъ ходилъ обзираясь и любуюсь ею, не смотря на то, что козаки смѣялись надъ нимъ, что онъ носитъ женское плащье. Ему, можетъ быть, казалось равно всякое плащье: ибо у нихъ въ своемъ плащѣ разности нѣтъ между мужескимъ и женскимъ (1).

Живутъ въ такихъ же юртахъ какъ Камчадалы, токмо ихъ держатъ нѣсколько чище, убирая стѣны и полки правяными рогожами. Пишуются наибольше морскими звѣрями, а рыбы промышляютъ мало.

(1) Японскіе Курильцы носятъ плащье на Японскій покрой, лѣтомъ изъ пенъковой ткани, похожей на небленную парусину, а зимою изъ звѣриныхъ кожъ, изъ коихъ медвѣжьи и собачьи болѣе въ употребленіи; для старшинъ же шьютъ Японцы бумажное и шелковое плащье. Живутъ вообще нечисто и неопрятно; лица, рукъ и плащья никогда не моютъ. В.

Бога столь же мало знают, как и Камчадалы. Въ юртахъ имѣютъ вмѣсто идоловъ кудрявыя спружки, которыя они весьма хитро дѣлаютъ. Сии спружки называютъ они Ингуль или Иннаху, и содержатъ въ нѣкоемъ почтеніи; однако не могъ я того вывѣдать, за бѣсовъ ли они ихъ имѣютъ или за Бога. Въ жертву приносятъ имъ первопромышленнаго звѣря, при чемъ мясо сами сѣдаютъ, а кожу при нихъ вѣшаютъ, и когда юрты за ветхостію оставляютъ, то не берутъ съ собою изъ нихъ ни жертвенныхъ кожъ, ни спружекъ, впрочемъ носятъ они съ собою оныя спружки во всякіе опасныя пущи на морѣ, и бросаютъ въ случаѣ бѣдствія въ воду, а наипаче въ суvoi, что между первымъ Курильскимъ островомъ и лопаткою, которыя тѣмъ умилоспивитъ надѣются. Такой образъ идолослуженія приняли отъ Курилъ и южныя Камчадалы, кои живутъ на первомъ Курильскомъ острову и на лопаткѣ, какъ надежное средство къ безопасному плаванію по морю (1).

(1) Сіе относится къ тогдашнему времени, нынѣ же Россійскіе Курильцы перекрещены въ православную Греко-Россійскую вѣру. Японскіе же Курильцы вѣрятъ двумъ духамъ, доброму и злому; перваго призываютъ, выставляя на своемъ жилищѣ

Лѣтомъ ѣздятъ на байдарахъ, а зимою ходятъ на лыжахъ, ибо собакъ не держатъ и не имѣютъ (1). Мужескіе главные труды, промыселъ морскихъ звѣрей; женщины по примѣру Камчадаловъ вѣ шипъ и вѣ плень чиреловъ упражняются, а вѣ лѣпнее время ѣздятъ съ мужьями и на промыселъ вѣ греблѣ (2).

пучокъ стружковъ вмѣстѣ связанныхъ; признаютъ также солнце и луну божествами, но не имѣютъ никакихъ обрядовъ поклоненія, ни храмовъ, ни священнослужителей. В.

(1) По замѣчанію Капитана Головнина, ѣздятъ нынѣ уже на собакахъ жители острововъ *Сумицу* и *Пирамцшпрѣ*, ближайшихъ къ Камчаткѣ; жители же прочихъ Россійскихъ Курильскихъ острововъ, держатъ иногда собакъ для шравли лисиць. В.

(2) Кромѣ морскихъ звѣрей, какъ то: морскихъ бобровъ (кои уже очень рѣдко попадаются) сивучей и тюленей, промышляютъ Курильцы разнаго рода лисиць и орловъ, разныхъ морскихъ пптиць и рыбу, которая водится вѣ небольшемъ количествѣ. Изъ пптичьихъ кожъ шьютъ себѣ парки, изъ пптичьаго жиру топятъ масло, а пптичье мясо копченое составляетъ ихъ зимній запасъ вмѣстѣ съ черемшею, сараною, морскими ракушками, и разнаго рода морскими растеніями. На промыслахъ употребляютъ нынѣ кромѣ луковъ со стрѣлами и ружье

Что касается до ихъ обычаевъ, то они несравненно учтивѣе другихъ народовъ, а при томъ постоянны, праводушны, честолюбивы и кропки. Говорящъ тихо не перебивая другъ у друга рѣчи, какъ сидячіе Коряки. Старыхъ людей имѣютъ въ великомъ почтеніи. Между собою живутъ весьма любовно, особливо же горячи къ своимъ сродникамъ (1). Пріятное, сказывающъ, позорище,

или паче винтовки; лисицъ ловятъ также въ кляпцахъ и въ пепляхъ.

По запискамъ флота Капитана Головина, жители крайнихъ Россійскихъ Курильскихъ острововъ имѣли прежде сего торговое сношеніе съ Японцами, живущими на южныхъ Курильскихъ островахъ, Японіи принадлежащихъ. Они привозили туда мѣха морскихъ бобровъ, тюленьи кожи, и орлиные хвосты и крылья; въ замѣнъ коихъ получали отъ Японцевъ сорочинское пшено, бумажные и шелковые халаты, табакъ, курительныя трубки, деревянную посуду и другія мѣлочи. Но нынѣ уже сія торговля прекращена, по повелѣнію Японскаго Правительства. В.

(1) Привѣтствіе ихъ состоитъ, по запискамъ флота Капитана Головина, не въ поклонахъ, а въ поднятіи обѣихъ рукъ съ распроспертыми пальцами къ лицу, копорые потомъ опускаютъ весьма тихо по бородѣ, какъ бы глядя оную, до самаго жи-

когда бываетъ между живущими по разнымъ островамъ свиданіе: прїѣзжіе съ байдаръ своихъ, а жители изъ юртъ съ великими обрядами сходятся; обѣ стороны одѣты бываютъ въ военное платье и съ оружіемъ, махая саблями и копьями, натягивая другъ пропивъ друга луки, такъ какъ бы бытъ сущему сраженію, а при томъ всѣ пляшутъ. Сошедшись вмѣстѣ оказываютъ всякіе знаки радости: обнимаютъ, лобызаютъ и плачутъ отъ радости. Послѣ того приводятъ гостей въ свои жилища, сажаютъ ихъ, подчиваютъ предстою, и слушая вѣстей о ихъ приключеніяхъ случившихся въ разлученіи. Должность рассказывать никому не поручается кромѣ старшаго. Онъ какъ орапоръ объявляетъ о всѣхъ мѣлочахъ, какъ промышляли, какъ жили, куда ходили, что видѣли, съ кѣмъ учинилось счастье или несчастіе, кто немогъ или умеръ, и отъ какой причины; и иногда болѣе прехъ часовъ продолжаетъ рѣчь свою, а прочіе слушаютъ со вниманіемъ. Когда гость окон-

воша, при чемъ наклоняютъ немного голову смотря пристально въ глаза привѣщаемой особы. Сіи привѣствія повторяютъ къ почтеннымъ особамъ два или три раза. Садятся поджавъ ноги или сложа ихъ крестъ на крестъ, какъ портные. До табаку и крѣпкихъ напишковъ великіе охотники. В.

чипъ рѣчь свою, то изъ шутошнихъ жите-
телей старшій подобнымъ образомъ связы-
ваетъ про свое жишье и промыслы, и пре-
жде того никому другъ съ другомъ говорить
не лзя. Послѣ того или сѣшуютъ, или ве-
селятся по вѣстямъ смотря, а наконецъ
торжествуютъ по своимъ обычаямъ, бдятъ,
пляшутъ, поютъ и сказываютъ сказки (1).

Что касается до прочихъ обрядовъ, ка-
ковы напримѣръ свапанье, свадьбы, родины,
дѣшей воспитаніе; въ томъ они отъ Кам-
чадаловъ не различуютъ. Женъ имѣютъ по
двѣ и по три, и вмѣстѣ съ ними никогда
не спятъ, но въ ночное время приходятъ
къ нимъ какъ бы украдкою, по примѣру Та-
таръ Махомешанскаго закона, кои къ невѣ-
стамъ своимъ приходятъ аки бы тайно, пока
калыму не заплатятъ по договору. Есть же
у нихъ и Коэкчучи, какъ у Коряковъ и Камча-
даловъ.

Буде кто у нихъ приличится въ пре-
любодѣяніи, то бываетъ странной поеди-
нокъ, на которомъ бьются они палкою, а
вызываетъ на оной прелюбодѣецъ мужа пре-
любодѣйницы: раздѣваются оба до нага, и
разятъ другъ друга по спинѣ. Которой вы-

(1) Пѣсни ихъ очень непріятны, а пляска со-
стоитъ въ однихъ кривляніяхъ. В.

зываетъ, тогда сперва при разѣ отъ вызваннаго долженъ вытерпѣть, а потомъ беретъ у него палку, и бьетъ равнымъ образомъ, и такъ перемѣняются до трехъ разъ. Сіе побоище много у нихъ въку уноситъ: ибо бьются они, сколько есть мочи, а палка бываетъ полщиною въ руку, а длиною близко аршина. Нейти на поединокъ такоежъ безчестіе, какъ у нѣкоторыхъ Европейскихъ народовъ. Ежели же кто предпочтетъ свое здоровье, и опречется отъ бою, тогда долженъ заплашить мужу прелюбодѣйцы такое безчестіе, какого онъ попребуетъ, звѣрьми, плащемъ, кормомъ и другими вещами.

Родины у женщинъ ихъ гораздо тяжель Камчатскихъ: ибо онѣ, по объявленію самихъ Курильцовъ, мѣсяца по три оправляются. Младенцамъ имена даютъ бабки повивальныя, которыхъ они никогда не перемѣняютъ. Изъ двойнишныхъ одного всегда убиваютъ.

Имена мужескія. Имена женскія.

Липага.

Афака.

Епеханъ.

Заагшѣмъ.

Таталъ, черной.

Чакава.

Пиканкуръ.

Казукчь, плачущая, отъ

Галгалъ.

того, что родилась

Темпше.

она въ самое время покоренія страны ихъ.

Умершихъ зимою хоронятъ въ снѣгъ, а лѣтомъ въ землю. Самоубійства и въ семъ народѣ не меньше бываетъ какъ у Камчадаловъ, токмо того не слышно, чѣмъ они морили себя голодомъ.

Курильцовъ, копорые живутъ на первомъ острову и на лопаткѣ, съ сими Курилами за одинъ народъ почитать не должно, ибо оныя сущіе Камчадалы, какъ ужé выше показано.

Собрание словъ Курильскаго языка.

Богъ, камуй.	Упро, нисіапъ.
Дьяволъ, уинъ-камуй.	Полдень, пбананашки.
Небо, ниссъ.	Вечеръ, онууманъ.
Облака, уураръ.	Ночь, сиркунне.
Вѣтръ, кеера.	Полночь, упаканнашки.
Буря, ісіупу.	Годъ, тыюанъ.
Дождь, сиругснъ.	Земля, кошанъ.
Снѣгъ, упашъ.	Гора, опгуръ.
Градъ, каукігъ.	Пригорокъ, бннанъ-опгуръ.
Громъ, умъ.	Огонь, апи.
Молнія, камуй-сіу-унне.	Дымъ, сіупуя.
Солнце, } чуппу.	Жаръ, апиушатъ.
Луна, }	Вода, пи.
Звѣзда, кетта.	Поле, сіешъ.
День, шо.	

Дорога, ру.	Голова, паопъ.
Лѣсъ, ни.	Волосы, чу.
Дерево, яншураснѣ.	Борода, прекъ.
Море, апуйка.	Глаза, сикъ.
Озеро, то.	Уши, ксаръ.
Рѣка, пепъ.	Носъ, епу.
Рѣчка, мемъ.	Ротъ, чаръ.
Песокъ, опта.	Губы, чаапоби.
Грязь, шейнишой.	Языкъ, аху.
Камень, поина.	Щоки, нупкиху.
Желѣзо, каани.	Подбородокъ, сеурѣ.
Человѣкъ, аину.	Плечо, тапсѹтъ.
Отецъ, мѣчи.	Рука, текъ.
Мать, апу.	Перстъ, моакѣ.
Сынъ, кпугу.	Грудь, рамупѹръ.
Дочь, кпоммачѣ.	Сердце, сампѣ.
Братъ большой, кѣу-	Брюхо, псе.
пѣ.	Внутреннее, канка.
— — — — — меньшей, какѣ.	Пузырь, псѣхчингы-
Сестра большая, кса	чу.
— — — — — меньшая, уар-	Тайной удъ муже-
мапъ.	ской, чи.
Мужъ, какаид.	— — — — — женской,
Жена, кмачѣ.	чипъ.
Отрокъ, пѹмпу.	Спина, сепѹръ.
Дѣвочка, пѹмапъ.	Ноги, кемѣ.
Господинъ, поноб.	Платье, уръ.
Слуга, усиху.	Шапка, кѣнчи.
Служанка, кусѣугѣ.	Штаны, оид.

Обувь, кирѣ.
 Оспрѣгѣ, копанунѣ.
 Юрта, че.
 Дверь, пуѣюрѣ.
 Постеля, со.
 Кошелѣ, сю.
 Деревянная ихѣ посу-
 да, кипчѣ.
 Ножѣ, епѣира.
 Ложка, пасуѣ.
 Лукѣ, ку.
 Спрѣбла, ахи.
 Санки, шкенѣ.
 Байдара, чѣпѣ.
 Причалѣ, турѣ.
 Топорѣ, укарѣ.
 Рыба, сѣичѣпѣ.
 Икра, ома.
 Мясо, камѣ.
 Соль, сѣппу.
 Трава, мунѣ.
 Листѣ, нѣепѣ.
 Корень, сѣнрѣпѣ.
 Лицо, нѣоки.
 Сыпѣ, касѣну.
 Голоденѣ, исѣарѣ.
 Жажденѣ, ипекрѣйкѣ.
 Ъсть, ишамѣ.
 Пишь, кпекрѣйгѣуѣ.

Спать, кмѣокнросѣ-
 ва.
 Говорѣшь, кѣпкросѣ-
 сѣва.
 Молчи, еѣн-кѣпкросѣ-
 сѣва.
 Ъхатѣшь, окѣмокрѣосѣ-
 ва.
 Ипѣпи, сачѣпѣека-ко-
 монросѣсѣва.
 Я стою, канѣиѣга-ка-
 сѣануѣ.
 Ты стоишь, еѣ сѣанѣ.
 Онѣ стоитѣшь, еѣ сѣа-
 нуѣ.
 Мы стоимѣшь, рѣски-
 еарасѣюѣга.
 Вы стоите, еѣинкѣечѣ-
 роскѣиѣиранѣ.
 Они спѣоятѣшь, ѣкая-
 роскѣи чѣуѣ.
 Сплю, кмѣуѣкуруѣ.
 Вижу, кѣнкарѣуѣ.
 Не вижу, еѣинѣь-кѣн-
 карѣуѣ.
 Не сплю, еѣинѣь-кмѣу-
 карѣуѣ.
 Смѣбюся, кмѣеѣинуѣ.
 Плѣчу, кчѣишѣануѣ.

70, аруануампé.	1000, уáнопнеуампе.
80, шубисануампé.	2000, шуáнопнеуам-
90, синеписануампé.	пе.
100, уáнуампе.	10000, шéваноннеу-
200, шуáнуампе.	ампе.

Названія звѣрямъ, птицамъ, рыбамъ и другимъ извѣстнымъ имъ вещамъ натуральнымъ.

Лисицы, кимуппé.	Гоголи, чахчирь.
Волки, орїу.	Крохали, туїпе.
Горношаи, панцерумъ,	Гагары, сесъ.
Собака, стапу.	Немки, ну́кеспу.
Мышь, ерму.	Орлы, сургурь.
Киты, рїка.	Ястребы, кїнкисупь.
Колы морскіе, оннèпъ.	Мышеловы, расамий.
Сивучи, етаслè.	Вороны, пáскурь.
Бобры морскіе, ракку.	Сороки, какукъ.
Нерлы большія, ремап-	Ласточки } куяканá
корь.	Сприжи } куяканá
— — пестрыя, сїанпо-	Синицы, пайкапчїрь.
раси.	Куропатки, нїèпуе.
— — полосатыя, каáанекъ	Кулики, ёчкумамуе.
— — голыя, амуспè.	Зуйки, пéпорой.
Свики морскія, оку.	Жаворонки, рїкшичирь.
Бѣлуги, бѣзчурика.	Кокушки, каккòкъ
Гуси, куйшупь.	Чайки бѣлыя большія,
Слезни, сáанчичь.	бннемасъ.
Острохвосты, маака-	Чайки черныя большія,
риху.	пбїгáшпфь.
Чернети, личїрь.	— — малыя, керо.
Чирки, туурїуè.	Мардышки, сїчаача.

Савки, аан̄га.	Рябинникъ, кѣксунени.
Игылмы, ёшубирга.	Сланецъ, паксепни.
Ару, аара.	Жимолоспникъ, паішкун- рачкумамай.
Уриль, уриль.	Шиповникъ, кѣпоконъ
Старики, гѣкачичирь.	Тальникъ, сусу.
Красная рыба, Сійчинь.	Морошка, апнуменипъ.
Камбала, таишака.	Голубица, ёнумукута.
Чавычъ, чивырра.	Водяница, ёчкумамай.
Кеша, сипѣ.	Брусница, нѣпокинъ.
Горбуша, сѣакина.	Княженица, нукарурь.
Гольцы, усуркума.	Толокнянка, акагкану.
Быки, сѣсяпки.	Клюква, асыпъ.
Бѣлая рыба, кѣрурша.	Какуста морская боль- шая, ктусасъ.
Кунжа, окорра.	—— малая съ краснымъ листьемъ, маруай.
Скашъ, ушшаунару.	—— особливаго рода, ирлѣпъ.
Сука рыба, руанипѣ.	
Налимъ морской, сир- букъ.	
Раки морскіе, сиріарь.	
Ольховникъ, ась.	

ГЛАВА ХХІІІ.

О Сѣверо-западныхъ Американцахъ и о жителяхъ острововъ, лежащихъ между Сѣверо-восточною Азіею и Сѣверо-западною Америкою.

Жители Сѣверо-западной Америки суть такой же дикой народъ, какъ Коряки и Чукчи. Собою они плотны, плечисты и коренасты, росту средняго, волосы на головахъ имѣютъ черные прямые, копорые они распустя носятъ. Лица у нихъ смугловатыя, и какъ шарелка плоскія, носы покляпые, токмо не весьма широкіе, глаза черные какъ уголь, губы толстыя, бороды малыя, шеи коропкія (1).

(1) Сіе описаніе Крашенинникова составлено по запискамъ Адъютанта *Стеллера*, копорый видѣлъ нѣсколько человекъ Американцевъ, находившихся ради промысла на одномъ изъ *Шумагинскихъ* острововъ. Оно относится, слѣдовательно только къ тамошнимъ собственнымъ жителямъ *Аляк-тинцамъ*. По запискамъ Академика *Лангсдорфа* (*Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803*

Ходяшѣ въ рубахахѣ съ рукавами длиною ниже колѣна, кошорыя ремнями подпоясывающѣ подѣ брюхо. Шшаны и торбасы ихѣ изѣ шюленьихѣ кожѣ, выкрашенныхѣ ольхою, много походяшѣ на Камчатскія. На поясахѣ ножи желѣзные съ череньями, каковы наши мужики носяшѣ. Шляпы у нихѣ изѣ правы плетеныя, какѣ у Камчадаловѣ, безѣ верху наподобіе Умбракуловѣ, выкрашены зеленою и красною красками съ сокольими напередѣ перьями, или

bis 1807 zweyter Band pag. 202.) опличающа *Аляксинцы*, въ наружномѣ ихѣ видѣ, весьма мало отѣ ниже сего описуемыхѣ *Коняговѣ*; кромѣ шолько, что имѣющѣ усы и малую бороду подѣ нижнею губою, такѣ какѣ древніе Испанцы. Нравы, обычаи и отѣ части одежда и языкѣ общіе у обоихѣ народовѣ; но въ пици имѣющѣ *Аляксинцы* важную выгоду передѣ *Конягами*, ибо на полуостровѣ *Аляскѣ* (прежде *Аляскѣ*) водятся во множествѣ дикіе олени и дикіе бараны, коихѣ промышляющѣ обыкновенно осенью; кожи сихѣ звѣрей служатѣ имѣ также для одежды. Живущѣ въ малыхѣ хижинахѣ, землею покрытыхѣ, у коихѣ входѣ бываетѣ шоль низко, что въ оныя шолько ползкомѣ войши возможно; огонь разводятѣ посреди хижины, которая вообще содержитѣся опрятнѣе, нежели какѣ сіе у *Коняговѣ* въ обыкновеніи. В.

сѣчесаною правою, какъ бы сѣплюмажемъ, каковы употребляютъ Американцы около Бразиліи. Питаются рыбою, морскими звѣрьми и сладкою правою, которую заготовляютъ по Камчатски; сверхъ того примѣчаны у нихъ тополовая и сосновая кора сушеная, которая не токмо на Камчаткѣ, но и по всей Сибири и въ самой Россіи, даже до Вятки, въ нужномъ случаѣ употребляется въ пищу, да морская права складеная кипами, которая и видомъ и крепостью какъ ремни сыромятные. Вина и табаку они не знаютъ, къ истинному доказательству, что у нихъ сѣ Европейцами по нѣмъ нѣтъ обхожденія.

За особое украшеніе почитаютъ принимать въ разныхъ мѣстахъ на лицѣ мочки, въ которыя вставляють разные камни и кости. Иные носятъ въ ноздряхъ аспидныя палочки или грифели длиною около двухъ вершковъ; иные кость такой же величины подъ нижнею губою.

Народъ, которой живетъ по островамъ около Чукопскаго носа, и имѣетъ сѣ Чукчами обхожденіе, сѣ сими людьми конечно одного роду; ибо и у онаго вставлять кости за красу почитается. Покойный Маіоръ господинъ Павлуцкій, по бывшемъ нѣкогда сраженіи сѣ Чукчами, нашелъ между

мертвыми Чукотскими тѣлами двухъ чело-
вѣкъ того народа, у которыхъ по два зуба
моржовыхъ подѣ носомъ были вставлены
въ нарочно сдѣланныхъ скважинахъ: чего
ради шамошніе жишели и называютъ ихъ
зубатыми. А приходили они, по объявле-
нію плѣнниковъ, не для вспоможенія Чук-
чамъ, но посмотрѣшь, какъ они съ Россія-
нами бьются.

Изъ сего заключить можно, что Чукчи
говорятъ съ ними или однимъ языкомъ,
или по крайней мѣрѣ такъ сходнымъ, что
другъ друга могутъ разумѣть безъ пере-
водчика, слѣдовательно языкъ ихъ немалое
сходство имѣетъ съ Коряцкимъ (1); ибо Чу-
котской языкъ происходитъ отъ Коряцкаго,
а различается отъ него только въ діалектѣ;
однако Коряцкіе полмачи могутъ съ ними
говорить безъ всякой нужды. Чтожъ госпо-
динъ Спеллеръ пишетъ, что ни одинъ изъ
нашихъ полмачей не могъ разумѣть языка
Американскаго, оное происходитъ, можетъ

(1) Нынѣ напрошивъ того извѣстно, что на-
рѣчіе ближайшихъ къ Азіи приморскихъ жилищей
Сѣверо - Западной Америки, и именно жилищей
Нортонова залива, отъ части сходствуетъ съ язы-
комъ Сидячихъ Чукчей, который совершенно раз-
личенъ отъ Коряцкаго. В.

быть, отъ великой разности въ діалектѣ, или отъ особливаго произношенія, которое не токмо между дикими жителями Камчатскими примѣчается, но и между Европейскими народами въ различныхъ провинціяхъ. На Камчаткѣ нѣтъ такого почти острожка, въ которомъ бы не было разности въ языкѣ отъ другаго самаго ближайшаго. А которые острожки въ разстояніи между собою нѣсколькихъ сотъ верстъ, тѣ уже разумѣютъ другъ друга не безъ трудности.

Между Американцами и Камчатскими народами сіи примѣчанія достойныя сходства усмотрѣны: 1) что Американцы лицомъ походятъ на Камчадаловъ (1); 2) что они сладкую праву запасаютъ такимъ же образомъ, какъ Камчадалы, чего нигдѣ индѣ никогда не примѣчено; 3) что и у нихъ огнива деревянные; 4) что по многимъ признакамъ догадываются, что у нихъ топоры каменныежъ или костяные въ употребленіи, и господинъ Стеллеръ не безъ основанія думаетъ, что Американцы имѣли нѣкогда съ Камчатскими народами сообщеніе; 5) что плащѣ и шляпы ихъ отъ Камчатскихъ не различаются; 6) что они кожи ольхою

(1) По запискамъ *стеллера* походятъ они на *Коряковъ*. В.

красящѣ по Камчатскиже, по которымъ признакамъ можетъ быть и произошли отъ одного поколѣнія. Сіе самое, по егожѣ справедливому мнѣнію, можетъ служишь и къ рѣшенію извѣстнаго онаго вопроса, *откуда жители въ Америкѣ?* ибо хотя положишь, что между Америкою и Азіею не было никогда соединенія, однако въ разсужденіи близости обѣихъ частей свѣта въ сѣверѣ никто не скажетъ, чпобѣ изъ Азіи не лъзя было переселишься жишелямъ въ Америку, особливо же что довольно острововъ и на маломъ ономъ разстояніи, которые не мало способствоваць могли къ преселенію.

Военныя ихъ орудія лукъ да стрѣлы. Каковы луки ихъ, того сказаць не можно, ибо не случилось ихъ видѣшь, но стрѣлы ихъ гораздо длиннѣе Камчадалскихъ и весьма походящѣ на Тунгускія и Ташарскія (1). Которыя нашимъ попались, тѣ выкрашены были черною краскою, и такъ гладко выпружены, что сумнѣваться не лъзя, чпобѣ у нихъ и желѣзныхъ инструментовъ не было.

Американцы по морю плавають въ кожныхъ байдарахъ, такъ же какъ Коряки

(1) Стрѣлы бросаютъ посредствомъ дощечки, о чемъ будетъ ниже сего. В.

и Чукчи. Байдары ихъ длиною сажени по двѣ, а вышиною въ два фута, носы у нихъ острые, а дна плоскія. Внутреннее сложение ихъ состоитъ изъ шестовъ, кошорые по обоимъ концамъ вмѣстѣ сплочены и распялены поперечными впорками. Кожи, кошорыми онѣ вокругъ обтянуты, кажется тюленьи, выкрашенныя вишневою краскою. Мѣсто, гдѣ садятся, кругло, аршинахъ въ двухъ отъ кормы, обшивается брюшиною, кошорую помощію ремней, по краямъ продернутыхъ, какъ кошелекъ спягивать и распягивать можно. Американецъ сѣвши въ помянутое мѣсто пропягиваетъ ноги и обвязываетъ вокругъ себя брюшину, чшобъ водѣ въ байдару попасть не можно было. Гребутъ однимъ весломъ, длиною въ нѣсколь-ко сажень, на обѣ стороны попеременно, съ такимъ успѣхомъ, что имъ прошивные вѣтры не много препятствуютъ, и съ такою безопасностію, что они не смотря на ужасное морское волнение плавать не бояшся. Напрошивъ того съ нѣкошорымъ ужасомъ смолрятъ не большія наши суда, когда оныя шапаются, и совѣтуютъ сидящимъ на нихъ, чшобъ береглись, дабы суда ихъ не опрокинулись. Сіе случилось съ ботомъ Гавріиломъ, кошорой за нѣсколь-ко лѣтъ ходилъ къ Чукошскому носу. Впрочемъ байдары

ихъ столь легки, что они ихъ носятъ одною рукою.

Когда Американцы незнаемыхъ людей увидятъ, то подгребая къ нимъ говорятъ долгую рѣчь; а колдовство ли то, или нѣкоторая церемонія для принятія чужестранныхъ, о томъ ничего заподлинно сказать не можно; ибо и то и другое у Курильцовъ въ употребленіи. Но прежде своего приближенія красятъ они щоки свои чернымъ карандашемъ, а ноздри запыкаютъ правою.

Въ пріемѣ гостей кажутся ласковыми, разговариваютъ охотно и дружески не спуская глазъ съ нихъ, подчиваютъ съ великимъ раболѣпствомъ, дарятъ киповымъ жиромъ и карандашемъ, которымъ щоки себѣ мажутъ, какъ выше показано, безъ сумнѣнія въ томъ увѣреніи, что объявленные вещи и другимъ столькожъ какъ и имъ пріяшны.

П Р И Б А В Л Е Н І Е

КЪ ПРЕДЪИДУЩЕЙ ГЛАВЪ.

Берега Сѣверо-Западной Америки, и острова лежащіе между Сѣверо-Восточною Азіею и Сѣверо-Западною Америкою, населены разными народами, имѣющими пропитаніе отъ промысла рыбы и морскихъ звѣрей, и отъ части отъ промысла земныхъ звѣрей. Сіи народы раздѣляются на *Алеутовъ, Аляксинцовъ, жипелей Нортонова залива* и прилежащихъ береговъ Сѣверо-Западной Америки, *Коняговъ, Кенайцовъ, Чугачей, Угалахматовъ и Колмжей*; и соспоятъ нынѣ подъ управленіемъ Россійской Американской Компаніи. Мы сообщаемъ здѣсь краткое ихъ описаніе, извлеченное изъ разныхъ Путешествій.

А Л Е У Т Ы.

Жители острововъ *Алеутскихъ, Андреяновскихъ и Лисскихъ* называются вообще *Алеутами*. По описанію Вице-Адмирала Г. А. Сарычева, и отъ части по запискамъ Кука и Академика Лангсдорфа, Алеуты сушь росла малаго, но статны; лица имѣютъ пріятныя и благообразныя, хотя съ выдавшимися нѣсколько скулами; шеи короткія, глаза и брови черныя, носы плоскіе, волосы на головѣ черныя и жесткіе, которые мушины подрѣзываютъ съ переди, а съзади распускаютъ; женщины же завязываютъ волосы въ

пучокъ повыше запылка, а передніе отъ половины головы зачесываютъ на лобъ, и обрѣзываютъ по самыя брови. Мущины имѣютъ очень мало волосъ на бородахъ, ибо они г.ъ вырываютъ съ корнемъ; и видъ ихъ нѣсколько суровый, но непрошивенъ. Женщины накалываютъ и напираютъ угольемъ на щекахъ по двѣ дорожки, отъ нижней части носа къ среднѣ ушей, и по широкой полосѣ отъ нижней губы къ подбородку; которыя когда заростутъ, получаютъ синеватой цвѣтъ. Сверхъ сего носятъ онѣ подъ губами двѣ длинныя косточки, вставляемыя въ нарочно для сего тамъ сдѣланныя двѣ дыры; вокругъ краевъ ушей пришиваютъ голубой и бѣлой бисеръ; а передъ губами носятъ родъ длинныхъ серегъ, составленныхъ изъ четырехъ нищокъ нанизанныхъ бисеромъ, кораллами и янтаремъ, которыя продвигаютъ чрезъ дыру, въ носовой мякоти подъ хрящемъ прокалываемую. Нынѣ однако многія женщины переспають безобразить себя такимъ образомъ, изъ угожденія къ Рускимъ. Прежде украшали себя отъ части и мущины вставляемыми подъ губами двумя длинными косточками, и продвигавшею чрезъ мякоть носовую подъ хрящемъ длинною косточкою или грифелемъ. *Кукъ* видѣлъ еще въ 1778 году на *Уналашѣ* нѣсколько мущинъ съ симъ украшеніемъ, которое нынѣ ими уже вовсе оставлено.

Нравомъ Алеуты вообще тихи, миролюбивы, услужливы и послушны; одарены природнымъ разумомъ, довольно понятны, и имѣютъ многія способ-

ности. Сильнымъ спростямъ не подвержены, и при чрезвычайныхъ происшествіяхъ не видно на лицахъ ихъ ни досады, ни печали, ни радости. Воровства и прочихъ худыхъ склонностей въ нихъ не примѣтно, кромѣ лѣности и неблагодарности.

Одежда мужеская состоитъ изъ парки длиною ниже колѣна, похожей на рубашку, и сдѣланной изъ кожъ морскихъ птицъ, *Толоркали* называемыхъ; воротникъ у сей парки круглой стоячей, безъ разрѣза, обыкновенно изъ оленьей кожи. Для украшенія пришивается къ паркѣ нѣсколько козьей шерсти, и узенькіе ремешки изъ кожи морскихъ котовъ. Мущины надѣваютъ, выѣзжая въ море, сверхъ сей парки рубашку съ капишономъ, сшитую изъ кишекъ морскихъ звѣрей, для предохраненія себя отъ дождя и морской воды; голову же покрываютъ деревянною овальною шляпою безъ верха, похожею на зонтикъ, и украшенною у верьху на передѣ одною или двумя⁴ костяными фигурами, и сивучьими усами напизанными бисеромъ. По замѣчанію Академика *Лангсдорфа*, полагаютъ они большую цѣну въ великомъ числѣ сихъ усовъ, ибо оныя составляютъ профей хорошаго промышленника; и сіе за тѣмъ, что у сивучей бываетъ только по чепыре, столь длинные уса. Шпаны и сапоги дѣлаютъ изъ горла сивучей. Когда мущины сидятъ въ байдарахъ во всемъ своемъ нарядѣ, то имѣютъ видъ величественный; но споя кажутся не проворными и вялыми.

Женскія парки одинакаго покроя съ мужескими, и дѣлаются не изъ птичьихъ кожъ, но изъ кожъ

морскихъ котовъ. Ворошникъ у нихъ стоячій, шириною въ ладонь, украшенъ разными узорами изъ бисеру; и отъ передней части онаго виситъ нѣсколь-ко длинныхъ нипокъ, нанизанныхъ бисеромъ и ко-рольками; подолъ парки и концы рукавовъ обло-жены подзоромъ. Нарядное платье отличается только тѣмъ, что на немъ больше бисеру, и что на немъ нашита поперекъ рядами козья шерсть, и кругомъ обвѣшено королями, шпорковыми но-сиками и ремешками. На рукахъ и ногахъ носятъ женщины по нѣскольку нипокъ нанизанныхъ бисе-ромъ, а на перстахъ кольца, и ходятъ по большей части безъ обуви.

Алеуты живутъ въ юртахъ углубленныхъ въ зе-млю, имѣющихъ видъ не очень пространнаго четве-роугольника, изъ коихъ не многія длиною больше пятидесяти, а шириною больше двадцати Англин-скихъ футовъ. Крыша дѣлается плоская изъ выкиды-ваемыхъ моремъ бревенъ и вѣтвей, ибо на сихъ остро-вахъ не произрастаетъ никакого лѣсу; и покрывает-ся правою, на которую дѣлается насыпь изъ земли. По обоимъ концамъ четвероугольника, въ крыши на-ходящаяся отверстія, изъ коихъ одно для свѣта, а дру-гое для входа въ юрту; къ сему послѣднему приста-влено бревно съ вырубленными ступенями. Въ сихъ юртахъ разводятъ огонь весьма рѣдко, и единствен-но для варенія рыбы или мяса морскихъ звѣрей; но оныя освѣщаются по вечерамъ жженіемъ киповаго жира съ сухою правою, употребляемою вмѣсто свѣ-тильни; посуда къ сему служащая, или плошка, состо-

итѣ изъ плоскаго камня вѣ одномѣ концѣ нѣскольکو выдолбленнаго; симѣ огнемѣ нагрѣваютьѣ себя во время холода, ставя плѣшку подѣ плашье, и закрывая воротникѣ у парки, чтобы шеплоша не выходила. Огонь достаютьѣ или посредствомѣ ударенія камня о камень, изъ коихѣ одинѣ напираютѣ сѣрою, или посредствомѣ Камчатскаго деревяннаго огнива. Живутѣ кругомѣ около стѣнѣ юрты семьями, вѣ сдѣланныхѣ отдѣленіяхѣ, гдѣ правяныя рогожи постланы вмѣсто постелей; середина же юрты общая, выстилается правою; ее содержатѣ весьма неопрятно, ибо льютѣ шуда помой и всякую нечистоту, отѣ чего бываетѣ сырость и духота, копорыя по большой часпи и отѣ того производятѣ, что каждая семья передѣ своимѣ отдѣленіемѣ скопляетѣ вѣ деревянныхѣ посудахѣ мочу, употребляемую для крашенія травы, и для умыванія рукѣ, вмѣсто мыла. Деревянная посуда ихѣ состоитѣ изъ лукошекѣ для держанія вѣ нихѣ воды. Жирѣ киповой и тюлений хранятѣ вѣ пузыряхѣ, прочіе же сухіе припасы вѣ корзинкахѣ или мѣшечкахѣ, сплетенныхѣ изъ травы. Прежде варили рыбу' вѣ каменныхѣ прошивняхѣ, но нынѣ варятѣ пищу, по большой части, вѣ мѣдныхѣ и желѣзныхѣ котлахѣ, привозимыхѣ изъ Сибири.

Мущины упражняются вѣ промыслѣ морскихѣ бобровѣ, (кои уже очень рѣдко попадаются близѣ сихѣ острововѣ) сивучей, тюленей, китовѣ, разнаго рода рыбы и птицѣ, и дѣлаютѣ разныя къ сему нужныя орудія, какѣ то: байдары, весла, стрѣлы, доски

для бросанія стрѣлъ, уды, веревки, и прочая. Въ досужное время занимаются также обработываніемъ разныхъ издѣлій, служащихъ для игръ, домашняго употребленія или для украшенія, именно же: дѣланіемъ бубенъ, побрякушекъ изъ носиковъ топорковыхъ, деревянныхъ чашекъ и другой посуды, деревянныхъ шляпъ, также разныхъ рѣзныхъ изображеній изъ кости, какъ то человѣческихъ фигуръ, рыбъ, морскихъ звѣрей и птицъ, и въ сей рѣзбѣ оказываютъ нѣкоторые успѣхи. Упражненіе же женщинъ состоитъ въ плетеніи правяныхъ ковровъ, мѣшечковъ, корзинокъ и бумажниковъ, что дѣлаютъ съ опмѣннымъ искусствомъ, украшая оныя издѣлія разными симметрическими фигурами. Траву для сего раздѣляютъ на двое ногтемъ, который у каждой мастерицы опрощенъ и заостренъ бываетъ на указательномъ перстѣ. Такимъ же образомъ раздѣляютъ и жилы морскихъ звѣрей на тонкія волокны, изъ коихъ сучатъ одними пальцами самыя тонкія и ровныя нитки для шитья платья и обуви. Вышиваютъ съ великимъ искусствомъ узоры на кожѣ, выдѣланной изъ перепонки бывающей въ горлѣ птицъ; для сего употребляютъ вмѣсто нитокъ длинную козью шерсть, коею пришиваютъ волосы лошадиные, переплетая ихъ бѣлою оленью шерстью и разныхъ цвѣтовъ шелками; опъ чего сіе шитье походитъ на самой мѣлкой низаной бисеръ. Другія ихъ занятія суть обшиваніе байдаръ кожами, шитье разнаго платья и обуви, собираніе ягодъ и кореня для зимняго запасу, сушеніе рыбы, выдѣлываніе и крашеніе кожъ и травы.

Пропитаніе имѣютъ Алеуты отъ промысла рыбы и морскихъ звѣрей; употребляютъ также въ пищу изъ корней, сарану и макаршу; изъ травъ, сладкую траву, кипрей, купугарникъ; а изъ ягодъ голубицу, жимолость, шикшу,полокнянку и малину. Промышляютъ также морскихъ птицъ, коихъ кожи, особенно *Толорковья*, употребляются на мужескія парки. Особенный родъ желтаго корня почитаютъ лѣкарствомъ для глазъ, и бдятъ оный, когда намѣрены бхать на промыселъ, всегда на канунъ того дня вечеромъ; отъ чего, по ихъ увѣренію, на другой день по утру бываетъ зрѣніе столь чисто, что и въ весьма далекомъ разстояніи видятъ самые малые предметы. Къ нюхательному табаку очень пристрастны.

Главное богатство Алеута состоитъ въ кожаномъ челнокѣ, или такъ называемой байдаркѣ; ибо имѣя оную, можетъ легко достать отъ промысла все нужное для пропитанія себя и своего семейства. Но какъ на строеніе одной байдарки употребляютъ много времени, то оныя очень дороги. Основа или рѣшетка байдарки дѣлается изъ выкидываемаго моремъ лѣсу, столь тонко, что байдарка однолючная, совсѣмъ голая, не тяжеле пуда. Киль длиною въ 21 футъ, составленъ изъ двухъ или трехъ плахъ; къ нему привязываются волокнами изъ расколопыхъ киповыхъ усовъ, согнутые штевни и ребра изъ прутьевъ ивовыхъ; верхніе концы ребръ связываются прямою съ поперечными распорками, шириною на сере-

динѣ фуша вѣ полшора. Рѣшетка байдарки обтягивается кругомъ кожами тюленей или сивучей, оставляя только вѣ верхней части вѣ срединѣ круглое отверстіе, или люкъ, вѣ кошоромъ садится человекъ, протянувъ ноги впередъ. Внутри байдарки спелютъ старья кожи, дабы не сидѣть на самой рѣшетинѣ. Сіи байдарки весьма легки на ходу; только нельзя вѣ нихъ дѣлать большихъ движеній тѣломъ вѣ сторону, ибо отъ сего можно опрокинуться. Впрочемъ тамошніе жители отбѣжжаютъ вѣ нихъ до семидесяти верстъ вѣ море отъ береговъ, и не спрашались никакой бури; но при наступленіи оной для безопасности связываютъ нѣсколько байдарокъ рядомъ, одну подлѣ другой, положа вѣ промежутки надутые пузыри, для того чтобы байдарки не терло одну объ другую качкою, и становятся носами противъ волненія. Дабы вѣ байдарку не налилось воды волнами, обшивается накрѣпко, около закраины байдарочнаго люка, кишечная брюшина, коея верхній конецъ обвязываетъ человекъ плотно около пояса; на голову надѣваетъ онъ капишонъ изъ кишекъ же, и завязываетъ шнурками около рукъ рукава кишечной камлейки; и такимъ образомъ предохраняетъ себя отъ морской и дождевой воды во время самой сильной и продолжительной бури. Если же буря захватитъ одну только байдарку, то привязываютъ по бокамъ оной надутые пузыри, дабы не опрокинулась. Весло служащее и для гребли и для удержанія равновѣсія, имѣетъ вѣ обоихъ концахъ по лопасти; оное держутъ вѣ срединѣ обѣи-

ми руками, и гребутъ то по сію, то по другую сторону, отъ чего получаетъ байдарка ходъ скорый и прямой. Сидя въ оной можно чувствоватъ движеніе кила и членовъ ея, которые на каждомъ валу сгибаются и разгибаются. Островитяне ѣздятъ въ байдаркахъ такъ скоро, что никакая легкая шлюпка догнать ихъ не можетъ, ибо переходящъ до четырехъ Ипаліанскихъ миль въ часъ.

Весьма замѣчанія достойно то, что точно такія однолучныя кожаныя байдарки и такія же двоелопастныя весла употребляются *Гренландцами*; сіе сходство въ строеніи оныхъ вѣроятно не произошло случайно, но можетъ быть основывается на бывшемъ прежде сношеніи между обоими народами. Впрочемъ сей во многихъ отношеніяхъ достопримѣчательный родъ кожанныхъ челновъ извѣстенъ уже былъ въ Европѣ съ начала седмагонадесять столѣтія; ибо нѣсколько человекъ *Гренландцевъ*, вывезенныхъ изъ *Гренландіи* на отправленныхъ шуда Датскимъ Королемъ Христіаномъ IV корабляхъ, не рѣдко разбѣжжали въ своихъ байдаркахъ на окрестныхъ у Копенгагена водахъ, и своимъ проворствомъ и весьма скорою ѣздою привлекали на себя вниманіе Европейцевъ. Нынѣ употребляются Русскими промышленниками въ Америкѣ проелучныя кожаныя байдары съ великою пользою.

Алеуты употребляютъ на промыслахъ разнаго рода стрѣлы, коими они не стрѣляютъ изъ луковъ, но бросаютъ оныя изъ дощечекъ, длиною въ полшора фута, шириною же въ два дюйма. Чтобы можно бы-

ло выгодиѣ держать такую дощечку, дѣлается въ нижней части ея родъ рукоятки и дыра, въ которую вставляється указательной палецъ; въ верхней же части дощечки есть углубленіе для трехъ пальцевъ и желобокъ, гдѣ кладется стрѣла, заднимъ концомъ упирающаяся на вставленной косточкѣ, имѣющей видъ гвоздика. Стрѣлы есть пять родовъ, изъ коихъ первой длиною въ 4 фула, имѣетъ копейцо изъ лавы, длиною въ полтора, шириною въ три четверти дюйма; сіи стрѣлы служатъ для нападенія на людей и большихъ звѣрей; другой родъ меншій первыхъ съ костяными носками, употребляется на малыхъ звѣрей; третій родъ одной величины со стрѣлами перваго рода, употребляемый на птицъ, имѣетъ на переднемъ концѣ четыре костяныя спицы съ зазубринами; четвертый родъ длиною въ 9 фузовъ съ костянымъ копейцомъ на переднемъ и съ орлиными перьями на заднемъ концѣ, употребляется также на звѣрей; пятый же родъ стрѣлы есть длиною въ 4 фула и 4 дюйма, съ костянымъ носкомъ и съ привязаннымъ на срединѣ надутымъ пузыремъ, который служитъ для того чтобы раненый звѣрь, когда умретъ, не утонулъ.

Выѣзжая въ море, кладутъ всѣ стрѣлы и дощечку на байдаркѣ, подъприкрѣпленные тамъ ремешки передъ собою и позади себя; бросаютъ стрѣлы правою рукою, прямо съ плеча, нажимая оныя большимъ и среднимъ пальцами къ желобку, а лѣвою рукою, держа весло, сохраняютъ равновѣсіе байдарки. Мясо перваго, съ начала промысла промышленнаго звѣря разда-

епѣ промыслившій онаго въ своемъ селеніи всѣмъ жителямъ по частямъ, кости же онаго всѣ собравъ, бросаютъ они въ море.

Въ кита бросаютъ стрѣлы тогда, когда сіе живошное голову изъ воды выставитъ для дыханія, и стараются попасть подъ переднія его перья. Если въ семъ успѣютъ, то копейцо изъ лавы остаётся въ ранѣ животного, которое уже неминуемо умретъ, по причинѣ потери крови, и тогда плаваепъ на поверхности воды, или чрезъ нѣсколько дней приваливается въпромъ къ берегу. Для избѣжанія споровъ, каждый промышленникъ замѣчаетъ копейца изъ лавы своимъ знакомъ, который по добываемымъ изъ ранъ кита копейцамъ служитъ послѣ въ доказательство, кому принадлежитъ добыча. Половину промышленнаго кита получаетъ Американская Компанія.

Кромѣ однолучныхъ байдарокъ, которыя Алеутами болѣе употребляются, есть и двое и троелучныя, также большія кожаныя открытыя шлюпки, въ коихъ помѣщается отъ 15 до 20 человѣкъ. Послѣднія принадлежатъ селеніямъ, или Американской Компаніи, и употребляются для буксированія приходящихъ и отходящихъ кораблей, и для привоза промышленныхъ китовъ и лѣсу, моремъ къ берегамъ приваливаемаго.

Алеуты воспріали православную Греко - Россійскую вѣру; прежде же состояла ихъ Религія въ предразсудкахъ и шаманствѣ. Хотя и признавали они существованіе Бога Всемогущаго, но несовершали

никакихъ моливъ ниже жертвоприношеній; болѣзми же и несчастія приписывали злымъ духамъ, и въ такихъ случаяхъ прибѣгали, да и нынѣ еще прибѣгають къ шаманамъ, кои у нихъ не имѣють особеннаго одѣянія. Во время призванія духовъ поетъ шаманъ съ прочими Алеутами шаманскую пѣснь, сидя спокойно на одномъ мѣстѣ, и ударяя изрѣдка въ бубенъ, который невеликъ и точно шаковъ, каковъ упоищаемъ бываетъ при всякихъ пѣсняхъ и пляскѣ. Чрезъ нѣсколько времени приходитъ шаманъ въ изступленіе, начинаетъ кричать громко, и наконецъ упадаетъ безъ памяти. Когда послѣ опамянуется, то рассказываетъ присутствующимъ, что происходило между имъ и явившимся ему духами, и предвѣщаетъ каковъ будетъ успѣхъ по предложенному ему предмету.

Число женъ сообразно было прежде состоянію мужа, который обыкновенно сполько ихъ имѣлъ, сколько могъ безъ нужды пропитать. Обрядовъ свадебныхъ никакихъ не бывало; женихъ договаривался съ родителями невѣсты, обѣщая имъ дать что имѣетъ у себя излишняго, и по полученіи согласія началъ ѣздить къ невѣстѣ въ гости, и проживалъ по нѣскольку времени; наконецъ бралъ ее къ себѣ, или самъ переходилъ жить къ ней. Мужъ могъ по согласію жены уступить ее другому вовсе, или на время; что не рѣдко случается изъ корыстолюбія со времени прибытія Россіянъ. По сему одна только мать имѣла власть надъ дѣтьми, и дѣти одного отца, но разныхъ матерей не считались родными, и мог-

ли совокупляться бракомъ ; что запрещалось дѣ-
тямъ одной матери и разныхъ отцовъ.

Игрища бывають зимою. Вице-Адмиралъ Г. А. Сарычевъ описалъ видѣнное имъ игрище на островѣ *Уналаситъ* въ *Макушинско*мъ селеніи; по сему описанію, пріѣзжіе изъ другихъ селеній Алеуты, должны были тогда спускаться въ юршу не по лѣспнищѣ, но переска-
кивая на три жерди, подѣ опверстіемъ юрши на ремняхъ горизонтально привязанныхъ; изъ коихъ одна разстояніемъ отъ опверстія около трехъ футовъ, другая на сажень пониже первой, а третія отъ второй на полторы сажени, а отъ полу на четыре фута. Сіе происходило при звукѣ бубновъ и крикѣ хозяевъ. Когда же гости сѣли по мѣстамъ, то начали пляску нагіе мальчики и большіе мужчины, въ шишыхъ шапочкахъ, препоясанные поясами и имѣющіе на рукахъ повязки; они скакали одинъ за другимъ, съ бубнами въ рукахъ. Помомъ выходили по двѣ женщины рядомъ, въ вышитыхъ и украшенныхъ козьею шерстью повязкахъ, и скакали, держа въ рукахъ попере-
мѣнно надушую тюленью кожу или пузырь, и потрясывая иногда головами въ тактъ бубновъ. Другія женщины плясали подобнымъ образомъ, держа каждая въ рукахъ по сѣрѣлкѣ. Когда всѣ женщины переплясали, тогда выходили мужчины одинъ за другимъ въ разныхъ личинахъ, коимъ другіе пѣли пѣсни, ударая въ бубны. Личины были разнаго вида какъ то: съ разинушимъ ртомъ и тюленею головою въ верху; съ искривленнымъ ртомъ и по-

сохомъ въ рукѣ; съ тюленьимъ ртомъ; и объ одномъ правомъ глазѣ.

Пляска Алеуповъ съ *Андреевскихъ* острововъ со всемъ отмѣнна отъ сей; мужчины пляшутъ по одинакѣ, въ одной рубашкѣ и порткахъ; на голову надѣваютъ они вышитую шапку съ длиною и узкою верхушкою, высунувшеюся далеко впередъ, загнувшеюся нѣсколько къ верьху, и украшенною кругомъ козьею шерстью. Пляска производится при пѣніи пѣсней и звукѣ бубновъ; плясунъ скачетъ держа въ каждой рукѣ по пузырю, дѣлаетъ разныя движенія руками, и кривляетъ головою въ ладъ бубновъ; послѣ сего беретъ надутую тюленью кожу, и поднимая ее къ верьху, показываетъ всѣмъ; потомъ пляшетъ такимъ же образомъ съ платкомъ, держа концы его въ обѣихъ рукахъ; наконецъ взявъ палку вращаетъ ею такъ, какъ гребутъ весломъ на байдаркѣ. Сія пляска, сказывающъ, выдумана въ насмѣшку хвастовства въ промыслѣ звѣрей; ибо пузыри, надутая тюленья кожа и платокъ означаютъ промысленныхъ звѣрей. Женщина же для пляски надѣваетъ мужескую ппичью парку, подпоясываетъ ее, на голову повязываетъ такую же повязку, какія употребляютъ Алеупки острова *Уналашки*, а за спиною вѣшаетъ на ремнѣ стрѣлку съ надутымъ пузыремъ. Въ семъ нарядѣ становится передъ сидящими мужчинами на колѣни, посреди правой рогожи; и когда начнутъ пѣть пѣсни, тогда она по немногу пошевеливается и привстаетъ держа руками

за поясъ; потомъ вынувъ изъ за спины стрѣлку приподнимается на ноги, и съ нею пляшетъ на одномъ мѣспѣ, попрыхивая головою въ ладъ бубновъ, и поворачивая стрѣлку въ разныя стороны.

По увѣренію Алеутовъ, было прежде у нихъ обыкновеніе, при похоронахъ Тоіона или какого богатаго жителя, убивать одного изъ его любимыхъ прислужниковъ, и похоронять вмѣстѣ съ господиномъ. “ Нынѣ, по словамъ Г. Вице-Адмирала *Сарычева*, сей варварской обычай отмѣненъ, а кладутъ только съ покойникомъ его байдарку, стрѣлы и другія подобныя сему вещи. Брюхо изъ мертваго вынимаютъ и набиваютъ пуда сѣна. Незажиточныхъ Алеутовъ хоронятъ просто въ землю, или иногда подъ утесомъ въ пещерахъ; богатыхъ же погребаютъ въ сдѣланныхъ нарочно изъ наноснаго лѣсу срубахъ, гдѣ насыпавъ нѣсколько земли постилаютъ травяные ковры и кожу съ байдарки; на оную кладутъ покойника спиною, связаннаго ремнями такимъ образомъ, какъ они обыкновенно сидятъ, колѣни пригнуты къ грудямъ и руки подъ оными; потомъ покрываютъ съверху Черелами и засыпаютъ землю. Байдарочную решетку ломаютъ въ куски, и обломки вшыкаютъ сверху могилы въ землю. Жена умершаго, ежели она любила мужа, въ знакъ печали обрѣзываетъ на головѣ свои волосы, и оплакиваетъ его нѣсколько дней; нѣкоторыя же изъ любви къ покойнику держатъ его по нѣскольку недѣль въ юртѣ, сдѣлавъ для него рамы на подобіе лежащей бокомъ, треугольной призмы. Сіи рамы

дѣлаютъ они по величинѣ мертваго, обтягиваютъ и обшиваютъ ихъ кругомъ кожами. Сажаятъ туда покойника, такъ чтобъ онъ былъ въ положеніи сидящаго человека, и до тѣхъ поръ хранятъ его въ отдѣленномъ мѣстѣ юрты, покуда жестокой смрадъ не принудитъ похоронить онаго. Маленькихъ же дѣтей, такъ какъ удобнѣе и крѣпче можно сдѣлать для нихъ таковое хранилище, держатъ по году и болѣе, или до тѣхъ поръ какъ родится другой ребенокъ. Украшаютъ оное снаружи бисеромъ, корольками, ремешками, попорковыми носками, и привѣшиваютъ его близь своихъ постель. “

Народонаселеніе Лисьихъ и Андреяновскихъ острововъ простиралось въ 1791 году до 1178 человекъ мужескаго пола.

Мы не будемъ здѣсь упоминать объ *Аляксинцахъ*, ибо они были предметомъ содержанія предвѣдущей главы.

НАРОДЫ ОБИТАЮЩІЕ СѢВЕРНѢ АЛЯКСЫ И ВЪ НОРТОНОВОЙ ГУБѢ.

Сія народы по сіе время еще мало извѣстны. Кукъ въ 1778 году, стоя нѣкоторое время съ своими кораблями на якорѣ близко сѣверозападнаго Американскаго берега, подъ 60° широты, имѣлъ случай видѣть тамошнихъ жителей, *Аглагомиты* называемыхъ, которые приблизились къ его кораблямъ, въ 27 однолючныхъ байдаркахъ. По его описанію, казались они бытъ одного рода съ тѣми, коихъ видѣлъ онъ съ нѣкотораго времени на сосѣд-

ественныхъ берегахъ (здѣсь разумѣетъ *Куку* вѣроятно Алеутовъ). Они носили такія же украшенія въ губахъ и носахъ; но были гораздо неопрятнѣе, и не такъ хорошо одѣты. Волосы у большей части изъ нихъ, были выбриты или подрѣзаны очень коротко, кромѣ двухъ пучковъ волосовъ, кои висѣли назади или на одной сторонѣ; на головахъ имѣли они капишоны изъ звѣриныхъ кожъ, и деревянные шапки. *Куку* купилъ у нихъ родъ пояса, изъ звѣринныхъ кожъ съ висящимъ приборомъ, которой передѣвается между лядвіями; по сему поясу заключать должно, что они ходятъ иногда нагіе (какъ сіе прежде и у Камчадаловъ было въ обыкновеніи, см. выше стр. 64). Орудія ихъ состояли въ лукахъ, стрѣлахъ и дропикахъ; а кожаныя байдары были нѣсколько пошире Алеускихъ, и люки оныхъ, въ кошорыхъ люди сядяпся, гораздо больше нежели у тѣхъ. Приближался къ кораблямъ съ робостью, кричали и прощягивали руки; чѣмъ вѣроятно хотѣли изъяснить свое дружественное расположеніе. Употребленіе табаку еще имъ тогда не было извѣстно, и изъ иностранныхъ издѣлій ничего не имѣли кромѣ одного куска желѣза, прикрѣпленнаго къ деревянной рукояткѣ, и употребляемаго вмѣсто ножа. Далѣе къ Сѣверу живутъ *Кцихлагомюты*, а внутрь материка Американскаго, далѣе озера *Илимь*, *Кцялтаны*; но о сихъ народахъ, кромѣ ихъ названія, не имѣется еще никакихъ извѣстій.

Жители *Нортоновой* губы у мыса *Ролнея*, что до виду лица, уже описаны выше стр. 245. По опи-

санію Вице-Адмирала Г. А. *Сарычева*, носятъ они для украшенія по два камешка алебастровые, по обѣ стороны рта въ нижней губѣ, а въ ушахъ у нихъ нанизанъ бисеръ. Платье же ихъ состоитъ изъ короткихъ оленьихъ парокъ и штановъ изъ тюленьей кожи; а обуви никакой у нихъ не примѣчено. Пляшутъ въ ладъ пѣсни и бубна, переспукая съ мѣста на мѣсто, и поворачивая голову весьма проворно во всѣ стороны, при разномъ и сильномъ движеніи всемъ тѣломъ и руками. Они мѣняли Рускимъ мапрозамъ на стеклянныя корольки, которые почитали дороже всего, на бисеръ и пуговицы, нѣсколько красныхъ лисицъ, ппичьи и еврашечьи парки, деревянныя чашки и сдѣланныя изъ моржовыхъ зубовъ разныя мѣлочи.

Байдары у нихъ всличиною и постройкою своею точно такія же, какъ и у *Коняговъ*; но обшпанушы бываютъ вмѣсто сивучей, моржовою кожею, распланною на шрое. *Куль* видѣлъ на островѣ *Аякъ*, лежащемъ передъ мысомъ *Родисель*, сани сихъ жителей, похожіе на Камчатскіе, имѣвшіе десять футовъ длины, и двадцать дюймовъ ширины; полозья были поддѣланы костью, и на саняхъ была рѣшетка.

Капитанъ *Кингъ*, сопутникъ *Кука*, выходилъ на берегъ въ *Нортоновой* губѣ, и имѣлъ случай видѣть одно семейство тамошнихъ жителей. По его словамъ мужчина былъ степенъ, длиною въ пять футовъ Англическихъ и два дюйма; волосы имѣлъ черные короткіе и малую бороду, цвѣтъ тѣла мѣдинокраснова-

шой, и въ нижней губѣ двѣ дыры, въ коихъ однако никакого не было украшенія. Женщина же была малаго роста и присадиста; лице имѣла круглое одупловатое, и подъ нижнею губою до подбородка наколотое украшеніе; одежда ея родъ короткой парки, сдѣланная изъ ланьей кожи, а обувь состояла въ весьма широкихъ сапогахъ. Тамъ же видѣлъ *Кукъ* девять мужчинъ, кои къ кораблю прибѣжали въ однолючныхъ байдаркахъ. Въ чертахъ лица и въ ростѣ ихъ непримѣчено никакой отпѣны въ сравненіи съ жителями сосѣдственныхъ береговъ Америки (*Алеутовъ, Чукчей и Кенайцовъ*). Одежда ихъ состояла особенно изъ ланьей кожи, и была такого же покроя; они перекалываютъ также нижнюю губу, и носятъ въ ней украшенія. Судя по сообщенному *Кукомъ* собранію словъ (*Troisième Voyage de Cook, traduit de l'anglais par M. D**** tome 8 на самомъ концѣ*), нарѣчіе сихъ жителей сходствуетъ отъ части съ нарѣчіями *Коняговъ* и *Сидягихъ Чукчей*, чѣмъ доказывается сродство сихъ народовъ.

КОНЯГИ.

Сообщаемое здѣсь краткое описаніе сихъ Островитянъ, составлено большею частью изъ слѣдующихъ сочиненій, а именно: изъ путешествія флота Капитана (нынѣ Вице-Адмирала) Г. А. *Сарычева* часть II; изъ путешествія вокругъ свѣта флота Капитана Ю. Ф. *Лисянского* часть II 1812 года; изъ *Bemerkungen auf einer Reise um die Welt von G. H. von Langsdorff 2 Band 1812*; и изъ двукратнаго путешествія въ Аме-

рику морскихъ офицеровъ Хвостова и Давыдова часть II 1812 года.

Жители острова *Кадьяка*, *Шелиховымъ Кыхтакъ* наименованнаго (которое слово на ихъ языкѣ означаетъ вообще большой островъ), и острововъ прилежащихъ называютъ себя *Конягами*. Они роста средняго, широкоплечи, но вообще довольно статны; въ лицахъ ихъ нѣтъ ничего особеннаго, ибо есть лица круглыя, плоскія, и продолговатыя, но въ своихъ полахъ мало пріятныя. Глаза, брови и волосы черныя; послѣдніе завивающіе мужчины нынѣ въ косу или распускаютъ, а иные спригущіе ихъ съ переди, подражая Рускимъ и Англичанамъ. Прежде сего подрѣзывали мужчины волосы въ кружокъ, и намазывали жиромъ, сверхъ чего иные обсыпали еще ихъ краснымъ порошкомъ, и сверху облѣпляли бѣлымъ ппичьимъ пухомъ. Женщины же имѣютъ волосы весьма длинныя, и завязываютъ ихъ въ пучки у самаго запылка, а съ переди обрѣзываютъ на ровень съ глазами. Цвѣтъ кожи Островитянъ смугловато мѣдный; но есть между ими многія женщины весьма бѣлыя, вѣроятно отъ того, что меньше бываютъ на открытомъ воздухѣ. Мужчины имѣютъ небольшія бороды, которыя у нихъ позже расти начинаютъ, нежели у Европейцевъ.

Прежде сего украшали они себя, передѣвая чрезъ мякоть подъ носовой хрящъ костяную спицу, длиною до пяти дюймовъ, или другія какія либо вещи, и прокалывая въ нижней губѣ дыры, вставляли туда камня или длин-

ныя кости: но нынѣ уже оставляютъ сіи украшенія , довольствуясь ношеніемъ серегъ въ ушахъ, и украшая по большей части края ушей разноцвѣтнымъ бисеромъ. Женщины вставляють въ носовую мякоть подъ хрящомъ кости или бисеръ и корольки ; подъ нижнею губою вѣшаютъ , въ прокалываемыхъ отъ двухъ до шести дыркахъ, низанной бисеръ, или вкладываютъ бисеръ и небольшія бѣлыя косточки ; сверхъ сего вышиваютъ себѣ по бородамъ черныя рисунки, протягивая позакожею нитку, намазанную сажею смѣшенною съ нѣкоторымъ чернымъ составомъ; когда же за мужъ выйдутъ, то вышиваютъ въ знакъ любви на тѣлѣ или только на рукахъ узоры, по своему вкусу. Уши у нихъ вокругъ проколошы , куда вѣшаютъ бисеръ , корольки и другія украшенія, изъ коихъ янтарь и особенный родъ раковинъ, *Цукляли* называемыхъ, почищаются самыми драгоценными. На шеѣ, рукахъ и ногахъ носятъ низанный бисеръ разныхъ цвѣтовъ ; а на пальцахъ столько колецъ и перстней, сколько у нихъ есть, или умѣститься можетъ. Однако нынѣ оставляють и женщины прокалывать себѣ нижнюю губу и мякоть подъ носовымъ хрящомъ, и не испещряють бороды вышиваемыми узорами; нѣкоторыя даже, подражая Рускимъ женщинамъ, начинаютъ носить косы вмѣсто пучковъ. Щеголихи моются не только водою, но часто и мочею, приписывая ей качество дѣлать лице бѣлымъ и чище; сіе дѣлають также женщины Алеушскія и Гренландскія. При важныхъ предпріятіяхъ, каковыя суть промыселъ, пріемъ гостей,

или когда должно перегреть большое расстояние, красить *Конгли* свои лица красным карандашом.

Одежда обоего пола состоитъ изъ парокъ и камлеекъ. Парки шьются или изъ птичьихъ кожъ: попорковыхъ, урильихъ, арьихъ и ипашковыхъ, или изъ еврашечьихъ кожъ; послѣднія бываютъ двойныя, шерстью вверхъ и внутрь. Еврашечьи парки употребляются больше женскимъ поломъ; рукава у нихъ очень короткіе, а подъ ними дыры, чрезъ которыя продвѣваютъ руки, или въ противномъ случаѣ держатъ ихъ подъ паркою, но никогда въ рукавахъ. Нарядное женское платье, птичья парка, изъ шеекъ уриловъ, на коихъ перья малыя и гладки, такъ что не скоро можно угадашь, что сіе птичьи шкуры. Оное платье украшается носиками попорковъ, изрѣзанными въ тонкіе ремешки, бобровыми или горноспасевыми кожами, козьею шерстью, краснымъ и зеленымъ спамедомъ, раздерганнымъ въ нитки, орлиными перьями и другими вещами. Кромѣ сихъ парокъ носятъ также олени и табарганьи парки; первыя вымѣниваютъ отъ *Аляксинцовъ*, а вторыя отъ *Кенайцевъ* и *Чугачей*.

Камлеи дѣлаются изъ кишекъ сивучьихъ, тюленьихъ и медвѣжьихъ, и изъ горлъ сихъ звѣрей; шьются также оныя изъ кожи содранной съ языка кита, изъ коей выходитъ до осьми камлеекъ, и изъ кишокъ сего животнаго; но какъ сіи тяжлы и скоро ломаются, то камлеи изъ кишокъ или горлъ выше упомянутыхъ животныхъ имъ предпочитаются. Медвѣжьи кишочныя камлеи чище, тонѣе

и крѣпче прочихъ. Камлеи украшаются также стамедовыми нитками и козьею шерстью. Выдѣлываютъ кишки, очищенныя отъ жиру, перемывая оныя въ мочѣ, послѣ того, сполоснувъ въ водѣ и высушивъ, мнутъ руками.

Голову покрываютъ мужчины весьма искусно плетеными изъ еловыхъ кореньевъ шляпами, раскрашенными разными узорами; у сихъ шляпъ тулейки низки, нѣсколько острѣе къ верху, а поля широки; носятъ также шляпы похожія на Алеутскія. Многіе употребляютъ, на ловлѣ тюленей, выкрашенныя деревянныя шляпки, сдѣланныя на подобіе тюленьихъ головъ; надѣвъ такую шляпку на голову, ложатся на морскомъ берегу между камней и приманиваютъ къ себѣ тюленей, крича ихъ голосомъ.

Нынѣ же *Коняги*, такъ какъ *Камчадалы*, сдѣлались охотниками до суконнаго или Кипайчаптаго плащя, которое женщины для себя шьютъ по прежнему покрою, то есть паркою. Оныя привыкаютъ уже и къ рубашамъ; а тѣ, копорыя имѣютъ мужей Русскихъ, носятъ иногда кофты и юбки, и даже длинное платье. Жены начальниковъ или Тоіоновъ покупаютъ красной бархатъ или красное сукно на парки; но и въ семъ дорогомъ платьѣ садятся также на землю, и пачкаются въ жиру. Обуви почти всѣ не носятъ лѣтомъ и зимою; не многіе однако имѣютъ вмѣсто сапоговъ родъ мѣшковъ изъ тюленьихъ или сивучьихъ кожъ съ киповыми подош-

вами; у богатыхъ же особенно у женщинъ, есть теплые сапги изъ еврашечьихъ и лабаргинныхъ кожъ.

Коняги живутъ въ малыхъ углубленныхъ въ землю жилищахъ, отъ Россіянъ *жуланами* называемыхъ, которыя приспособлены по сторонамъ шалаша служащаго общею кухнею; въ оный входятъ чрезъ небольшое отверстіе, закрываемое тюленьюю кожей. Шалашъ сѣ дѣлается изъ врытыхъ въ землю, наклонно къ внутренней сторонѣ, бревенъ; а крыша онаго бываетъ плоская или кругловатая, съ отверстіемъ для выхода дыма. Въ срединѣ шалаша разводятъ огонь, а по сторонамъ ставятъ домашнюю посуду; внутри онаго великая неопрятность, хотя и выстилаютъ землю сухою травою. Изъ сей кухни есть по сторонамъ небольшія круглыя отверстія, закрываемыя досками, чрезъ которыя входятъ ползкомъ въ выше упомянутые жупаны, которые имѣютъ сверху земли въ крышѣ, или на сторонѣ, по окну, въ коемъ тонкія и прозрачныя кишки служатъ вмѣсто стекла; вдоль стѣнъ въ разстояніи отъ оныхъ на три фута кладутся не толстые брусья, отдѣляющіе мѣста для спанья и сидѣнія. Оные жупаны содержатся чисто, и полъ въ нихъ выстилается или досками или же травяными рогожами. Въ каждомъ такомъ жупанѣ живетъ отъ одного до трехъ семействъ.

Главное пропитаніе имѣютъ Коняги отъ промысла рыбы и морскихъ зѣбрей. Киповой и всякой жиръ, почтпаютъ лучшимъ бсствомъ, и употребляютъ оный, подобно Камчадаламъ, въ такъ называемыя

толкучки, составляемыя съ ягодами и полченными кореньями. Гнилая или такъ называемая кислая рыба, составляетъ на *Кадьякъ* также любимое кушанье, какъ и въ Камчаткѣ и Охотскѣ; особливо въ великой чести заквашенная икра и гнилыя или кислыя рыбы головы. Запасаютъ также ольховую кору, заквашенную въ жиру; кромѣ сего употребляютъ въ пищу разныя морскія раковины, черепокожыя живопныя и морскія произрастенія, особенно весною, когда зимній запасъ кончился; также ягоды, сладкую праву и коренья, особенно макарши и сарэны. Рыбу запасаютъ на зиму подъ названіемъ Юколы и Качемаса. Киповой жиръ и головы красной рыбы употребляются въ пищу всегда сырыя; прочее же мясо морскихъ звѣрей и рыбы, или варится въ глиняныхъ горшкахъ, или жарится на воткнутыхъ въ землю подлѣ огня палочкахъ. Коняги любятъ Европейскіе огородные овощи, и рѣдку почитаютъ лѣкарственной; а въ шабаку чрезвычайно пристрастны, кошорый рѣдкіе нюхаютъ, но держатъ оный, какъ мушцины такъ и женщины во рту; жуютъ также еловую сѣру. Въ пищу очень небрезгливы, и склонны къ обжорству. Къ горячимъ напиткамъ начинаютъ также чрезвычайное имѣть пристрастіе; однако и до прихода Рускихъ напились до пьяна, заквашеннымъ сокомъ малины и черники. Рускіе двоятъ изъ бочки ягодъ по ведру хорошей водки.

Домашнія упражненія Коняговъ состоятъ въ дѣланіи деревянной крашеной посуды, глиняныхъ плешекъ, разныхъ орудій и снарядовъ для промы-

сла служащихъ. Препія ихъ орудія для работъ состояли въ каменномъ топорѣ и острой раковинѣ, или заостренномъ желѣзѣ. Нынѣшніе желѣзные топоры дѣлаются для нихъ на подобіе препнихъ каменныхъ, копорые имѣли видъ шляпмы, и привязывались къ кривой рукояткѣ. Женщины шьютъ всякія плашья, изъ коихъ иное дѣлаютъ съ довольнымъ вкусомъ; плетутъ весьма число сурки, рогожи, шляпы и прочее.

Байдары Конягами обыкновенно употребляемыя суть однолучныя, двоелучныя и троелучныя. Однолучныя ихъ байдарки шире и короче *Алеутскихъ*; гребутъ въ нихъ однолопастистыми веслами, и по большой части стоя на колѣнахъ; а во время бури принимаютъ тѣже предосторожности, о копорыхъ упомянуто выше при описаніи Алеушовъ. Коняги ѣздятъ болѣе въ двоелучныхъ байдаркахъ; а троелучныя употребляются только Начальниками селеній и Рускими. Есть также большія байдары, но въ оныхъ перевозятъ только съ мѣста на мѣсто Юколу или другіе припасы.

Оружіе Конягъ копя, луки и стрѣлы; первыя бывають съ желѣзными, костяными или каменными заостренными концами; а луки ихъ весьма просты и слабы, и они стрѣляютъ изъ нихъ вообще худо. Препде имѣли Коняги также большіе щиты, кои однако легко пробиваемы были пулями. Орудія же служащія для промысла у нихъ тѣже, кои употребляются и у Алеушовъ.

Промысломъ китовъ занимаются у нихъ особья семейства, въ коихъ переходитъ оный въ наслѣдство послѣ отца къ тому сыну, который оказалъ въ немъ больше искусства и разпорочности. Однако сей промыселъ еще не приведенъ до такого совершенства, въ какомъ оный находится у Гренландцевъ и другихъ народовъ. Напротивъ того Коняги весьма искусны въ промыслѣ морскихъ бобровъ, на который выѣзжаютъ въ море большими парціями. Сей промыселъ производится слѣдующимъ образомъ: когда промышленникъ увидитъ бобра, то подѣхавъ къ нему бросаетъ въ него посредствомъ дощечки стрѣлку, и гребетъ на мѣсто, гдѣ бобръ нырнулъ, тамъ становится и поднимаетъ весло. На сей знакъ, составляютъ въ сей часъ прочіе промышленники кругъ около сего мѣста, сажень до ста въ поперечникъ, и ожидаютъ, гдѣ бобръ опять вынырнетъ; лишь только его увидятъ, то бросаютъ ближніе промышленники въ него стрѣлки, и ближайшій изъ нихъ становится съ поднятымъ весломъ на томъ мѣстѣ, гдѣ бобръ во второй разъ нырнулъ, прочіе же становятся кругомъ какъ въ первомъ случаѣ; и такимъ образомъ продолжаютъ, пока не достанутъ своей добычи. Бобръ нырнувъ въ первой разъ остается въ водѣ обыкновенно болѣе четверти часа; въ послѣдующія же нырнія пребываетъ постепенно меньше времени подъ водою, пока наконецъ обезсиленный и совсемъ въ воду погружаться не можетъ. Нынѣ уже морскіе бобры по близости Кадыака не водятся; по сему

отправляюща парші на промыселъ сихъ звѣрей весьма далеко къ Американскимъ берегамъ.

Для пріобрѣтенія щастія на промыслахъ, собираютъ промышленники весною по горамъ разныя вещи, счастливыми знаками почишаемыя, какъ по: орлиныя перья, медвѣжью шерсть, разные необыкновенныя камешки, ппичьи носки и прочая: Киповые промышленники даже крадутъ изъ могилъ мертвыя тѣла людей, оказавшихъ особенное искусство и распоропность; держатъ оныя похаенно въ пещерахъ, носятъ имъ иногда пищу, и стараются умножить сіе сокровище. Отецъ при кончинѣ завѣщаетъ свою пещеру съ трупами, какъ драгоценное наслѣдство, тому изъ сыновей, который болѣе оказалъ искусства въ киповомъ промыслѣ. Хотя Киповые промышленники пользуются у Коняговъ особеннымъ уваженіемъ, и называются ихъ прокормителями, но при всемъ томъ во время ловли почишаются они нечистыми, и имъ не дозволяется бсть вмѣстѣ съ прочими жишелями, или прикасаться до какой нибудь вещи.

Коняги воевали между собою, до прихода Рускихъ, по большой части изъ непримиримой вражды, изъ рода въ родъ переходящей; но иногда побуждались также къ войнѣ голодомъ, или желаніемъ отнять женъ, и получить плѣнниковъ, плашье, байдарки и другія вещи. Плѣнники, *Калгами* у нихъ называемые, оставались вѣчно невольниками. Войну же вели не открытымъ образомъ, но нападали на своихъ непріятелей въ распахъ, такъ какъ и

прочіе народы Сѣверо-западной Америки; впрочемъ они къ войнѣ менѣе способны, нежели сіи народы.

Селеніями ихъ, расположенными по морскому берегу вокругъ всего острова, управляли прежде, и нынѣ управляють Начальники, отъ Рускихъ *Toionanni* называемые, коихъ званіе наследственное, переходило прежде по выбору рѣдко на ихъ сыновей, а по большей части на одного изъ племянниковъ. Нынѣ же назначаютъ иногда правители Американской Компаніи, на мѣсто сихъ родовыхъ *Toionov* другихъ, но сія у Островитянъ въ меньшемъ бывають уваженіи. Власть Начальниковъ была до прихода Рускихъ весьма малая, ибо каждый Кочага имѣлъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ того селенія, въ кошоромъ жилъ; а нынѣ и сами Начальники состоятъ съ своими селеніями подъ управленіемъ правителя Американской Компаніи.

Кочаги въ домашней жизни весьма безпечны и лѣнны; но на промыслахъ трудолюбивы, и переносятъ голодъ и другія крайности терпѣливо. Иногда принуждаемъ ихъ буря просиживать по нѣскольку сутокъ въ байдаркѣ, въ открытомъ морѣ; но сіе почитаютъ они обыкновеннымъ произшествіемъ. Тѣло приучаютъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ къ терпѣнію холода и сырости; для сего и зимою, даже въ сильный морозъ, гоняють всѣхъ дѣшей въ море, и держатъ ихъ тамъ довольно долго; сіе морское купаніе употребляютъ и сами лѣтомъ и зимою послѣ бани, кошорая у нихъ еще до прихода Рускихъ извѣсна была, и нагрѣ-

ваешся вѣ ихѣ жилищахѣ , такѣ \ называемыхѣ жупанахѣ , посредствомѣ наносныхѣ каленыхѣ камней. Многие приучаютѣ себя также къ терпѣнію боли , разрѣзывая тѣло на рукахѣ , груди и спинѣ до крови , острою раковиною ; что дѣлаютѣ даже и мальчики изѣ хвастовства. Коняги одарены весьма хорошимѣ зрѣніемѣ , такѣ что на морѣ узнаютѣ вѣ довольномѣ разстояніи подводные камни и вѣ самую бурную погоду ; и даже вѣ густые туманы , вѣ довольно широкихѣ проливахѣ , находятѣ прямо селеніе , вѣ которое прѣбхатѣ желаютѣ ; ихѣ память также весьма исправна , и по сему вѣ тѣхѣ мѣстахѣ , гдѣ имѣ случится разѣ пробхатѣ , знаютѣ всѣ камни. По симѣ качествамѣ весьма они бываютѣ полезны и на судахѣ. Они стараются предузнавать погоду по возхожденію солнца , и для сего встрѣчаютѣ сіе свѣтило , съ полнымѣ на него вниманіемѣ , почти каждое ясное утро , сидя на своемѣ шалашѣ. Воровства между ими не бываетѣ , и можно имѣ ввѣришь все , кромѣ табаку , къ копорому сдѣлались очень пристрастны , такѣ какѣ вообще и другіе сосѣдственные народы.

Кѣ жизни Коняги весьма равнодушны , и склонны къ самоубійству ; тѣлесное наказаніе почитаютѣ за великое безчестіе , во избѣжаніе коего иногда убиваютѣ себя или посягаютѣ. Они также прищворны и лукавы , умѣютѣ скрывать сильнѣйшую страсть , и поступаютѣ съ своими непріятелями жестоко.

Коняги признавали прежде сего два существа, доброе и злое, и боясь послѣдняго, приносили оному жерпвы. У нихъ, такъ какъ у Алеутовъ и народовъ обитающихъ по всему Сѣверо-западному берегу Америки, находятся въ уваженіи шаманы или колдуны, которые, будто бы по внушенію нечистаго духа, предсказываютъ будущее, наблюдая при семъ нѣкоторыя обряды, и исправляютъ также должность лѣкарей въ тяжкихъ болѣзняхъ. Послѣ шамановъ почитаются также *Касаты*, которые распоряжаются игрищами и увеселеніями, занимая на нихъ мѣсто надзирателей; они обучаютъ также дѣтей разнымъ пляскамъ.

Многоженство было прежде и на Кадьякѣ въ обыкновеніи; Начальники имѣли до осьми женъ, а шаманы по сколько, сколько имъ позволяло, по ихъ увѣренію, сверхъ естественное существо. Но нынѣ, по возпріятіи православной Грекороссійской Вѣры, имѣютъ только по одной женѣ. При сватаніи и вступленіи во бракъ нѣтъ никакихъ увеселеній. Мужъ служитъ по большей части у шестя въ работникахъ, или живетъ у женныхъ родственниковъ. Мужья рѣдко ревнуютъ къ женамъ, и нѣкоторые даже изъ нихъ, съ согласія жены, выбираютъ ей другаго мужа, Рускими *половинщикомъ* называемаго, который прислуживая и исправляя разныя работы, пользуется правомъ супружества, въ отсутствіи настоящаго мужа. Родильница почитается нечистою, и должна удалиться при приближеніи родовъ, въ нарочно для ней изъ прутьевъ сдѣланный весьма

малый шалашъ, покрытый землею. Въ семь зашоченіи остается она съ ребенкомъ двадцать дней, въ продолженіи коего времени подаютъ ей пищу и питіе не прямо изъ рукъ въ руки, но на палочкахъ. Мужъ удаляется въ сіе время въ другое селеніе, хотя не на долго. Послѣ сего срока оmyвается родильница съ ребенкомъ сперва на открытомъ воздухѣ, а потомъ въ банѣ. Такому карантину подвергаются также женщины и во время періодическихъ обспоятельствъ, оставаясь въ шалашѣ только до совершеннаго очищенія. Прежде прокалывали у новорожденнаго, при первомъ оmyваніи, мякоть подъ носовымъ хрящемъ, и всовывали туда кусокъ круглаго прутика; также дѣлали прорѣзъ или нѣсколько дыръ подъ нижнею губою.

При похоронахъ оказываютъ привязанность къ покойнику, неущибнымъ во емъ; тѣло же его завернувъ въ звѣриныя кожи, и обшянувъ вмѣсто гроба лавтаками, похороняютъ въ нарочно вырышой могилѣ, которую заваливаютъ камнями и огораживаютъ невысокими деревянными досками. Надъ могилою оставляютъ изломанную байдарку покойника; а съ ловцами кладутся въ могилѣ и ихъ оружія, ш. е. бобровыя, нерпичьи и киповыя стрѣлы. Въ знакъ траура ближніе родственники покойника обрѣзываютъ на головѣ волосы, и мараютъ лице сажею. Вдовецъ или вдова по совершеніи похоронъ, удаляется на нѣсколько времени изъ дому; а мать послѣ похоронъ дѣшею садится на 10 или на 20 дней въ особо построенный малый шалашъ. Въ прежнія времена было у

Коняговъ въ обыкновеніи при похоронахъ знапныхъ жипелей убивать невольника или *Калгу*, и похороняпъ онаго вмѣстѣ съ господиномъ или госпожею; нынѣ же тѣла и самыхъ богатыхъ осыпаются только разавленнымъ бисеромъ или янпаремъ, что однакожъ случается весьма рѣдко. Память отличившихся на войнѣ и на промыслахъ весьма уважается; имъ въ честь говорятъ рѣчи во время игрищъ.

Игрища отправляются въ поспроенномъ въ каждомъ селеніи большомъ кругломъ шалашѣ, *Калыкъ* называемомъ, который освѣщается днемъ съ верьху чрезъ большое окно въ крышкѣ, сдѣланное изъ сшитыхъ кишокъ; внутри *Лажыма* вокругъ лавки. Игрища начинаются съ Декабря мѣсяца, и продолжаются почти до тѣхъ поръ, пока достанетъ съѣстныхъ припасовъ, на подчиваніе гостей; оныя открываются нѣкоторымъ таинственнымъ обрядомъ, въ коемъ промышленники просятъ духовъ, о посланіи имъ хорошей ловли звѣрей, и при коемъ женщины и дѣти присутствовать не могутъ. Въ сихъ игрищахъ бывають мущины безъ платья, а многіе и совершенно нагіе, дабы не столько терпѣть отъ жара. Предметомъ же игрищъ есть обыкновенно или представленіе звѣриныхъ промысловъ, или представленіе въ память какого либо извѣстнаго у нихъ человека, или же изображеніе разныхъ дѣяній нечистыхъ духовъ и прочая. Въ сихъ представленіяхъ употребляютъ дѣйствующія лица самыя уродливыя маски, или родъ шишаковъ изъ прутьевъ, украшенные перьями и папоротникомъ; они раскрашива-

ютъ также тѣло краснымъ карандашемъ или уголемъ; музыка же состоишь изъ пѣнія жинелей, сопровождаемаго звукомъ бубновъ и шумомъ побрякушекъ, сдѣланныхъ изъ шопорковыхъ носовъ, навѣшанныхъ около круглыхъ двойныхъ обручей. *Касаты*, родъ Конягскихъ мудрецовъ, управляютъ играми, и выдумываютъ сами разныя представленія; они же выдаютъ себя свѣдущими о происшествіи жителей *Кадыака* и сосѣдственныхъ острововъ, о духахъ и о прочихъ предметахъ суевѣрія, и сочиняютъ также любовныя пѣсни. Пляска единообразна и безъ большихъ движеній; а пѣніе довольно приятно, много имѣетъ переменъ, но часно уныло. Коняги пристрастны къ мотовскимъ играмъ, коихъ есть у нихъ нѣсколько родовъ; они однако никогда неспорятъ, хотя иногда проигрываютъ и все свое имѣніе.

Наконецъ должно здѣсь замѣнить, что нарѣчія: *Коняговъ*, *Чукчей*, жинелей *Нортоновой Губы*, *Сидячихъ Чукчей*, *Ескимовъ* и *Гренландцевъ* между собою сродны. По сему судить можно, что оныя народы имѣютъ одно происхожденіе, хотя нынѣ отдѣляются ихъ мѣстопребыванія великимъ пространствомъ. Нарѣчія *Алеутовъ* хотя содержатъ также нѣкоторыя слова, похожія на тѣ, кои соотвѣтствуютъ имъ въ выше упомянутыхъ нарѣчійхъ, но оныя въ столь маломъ числѣ, и сверхъ сего счисленіе *Алеутское* столь опмѣнно, что вѣроятнѣе кажется, что оныя слова заняты *Алеутами* отъ сосѣдственныхъ народовъ. Тоже должно сказать и о

Н А Р Ъ Ч І Я

къ стран. 315.

	Сидячихъ Чукчей	Жителей Норто- новой губы	Коняговъ	Чугачей	Эскимовъ	Гренландцевъ
Опець . . .	Апта, аптака	. . .	Апага, апаака	Апаака . . .	Апшатакъ . . .	Апшата . . .
Мать . . .	Анакъ	Анага, аанака	Ааннака . . .	Ананакъ . . .	Аннанакъ . . .
Голова . . .	Наскокъ, кашко	. . .	Наскокъ, нашкукъ	Нашкока . . .	Ніякокъ . . .	Ніякокъ . . .
Волосы . . .	Нуякъ, нуешъ	Нуипъ . . .	Нюештъ, ногэштъ	Нуештъ . . .	Мерко . . .	Ныакъ, Нынкетъ . . .
Брови . . .	Хаблупъ . . .	Кемелюкъ . . .	Каблупъ	Коплупъ
Ухо . . .	Чувтукъ . . .	Шодекъ . . .	Чудикъ	Сеюшекъ
Ротъ . . .	Кандакъ	Ханыкъ, каннига	Канна . . .	Каннекъ . . .	Каннекъ . . .
Борода	Гемлюкъ . . .	Гамеклоб
Рука . . .	Мынгиптъ, щап- лиха	Эйшетъ . . .	Айха, шипляка	Ташляка . . .	Алгипъ
Плечо . . .	Туихка . . .	Деллекъ . . .	Туикъ	Теллокъ
Байдарка	Кэакъ . . .	Каякъ	Каякъ . . .
Желѣзо	Шавикъ . . .	Чявыкъ	Шевекъ . . .
Солнце . . .	Шекюнакъ . . .	Мэдше . . .	Чингухукъ, . . .	Чингохокъ . . .	Секкернекъ . . .	Секкинекъ . . .
	Мачакъ	Мачшакъ
Земля . . .	Нуна	Нуна . . .	Нуна . . .	Нуна . . .	Нуна . . .
Вода . . .	Мокъ, эмакъ	. . .	Ганакъ, шангакъ	Ммакъ . . .	Иммекъ . . .	Иммекъ . . .
Ночь . . .	Уннюкъ	Унукъ . . .	Унукъ . . .	Уннуакъ . . .	Уннуакъ . . .
Одинъ . . .	Апашекъ . . .	Адауджекъ . . .	Апшучикъ . . .	Апшучикъ . . .	Апшаусекъ . . .	Апшаусекъ . . .
Два . . .	Малгокъ . . .	Эба . . .	Маллокъ, алха	Аплха . . .	Маррукъ . . .	Марлукъ . . .
Три . . .	Пингаю . . .	Пингэшукъ . . .	Пингаинъ, пинга	Пингайюа . . .	Пингасупъ . . .	Пингасупъ . . .
Четыре . . .	Ишшамашъ . . .	Шешэмикъ . . .	Шшамю . . .	Чашаами . . .	Ситшамашъ . . .	Сиссамашъ . . .
Пять . . .	Ташлишашъ . . .	Деллэмикъ . . .	Тадлимю . . .	Таллими . . .	Теллишашъ . . .	Теллишашъ . . .
Десять . . .	Кулле	Коллинъ . . .	Колнъ	Коллишъ . . .

нарѣчіяхъ *Коложей* и *Кенайцовъ*. Мы помѣщаемъ здѣсь сравнительную таблицу нѣкоторыхъ словъ на шести вышеупомянутыхъ нарѣчіяхъ, составленную по большей части изъ подобной сравнительной таблицы, находящейся въ сочиненіи: *Mithridates oder allgemeine Sprachkunde von J. C. Adelung, fortgesetzt von Dr. J. S. Vater IV Theil pag. 251 Berlin 1817*, а отъ части также изъ Кукова путешествія (*Troisième voyage de Cook traduit de l'anglais par M. D *** Tome 8. на концѣ*), изъ коего взято нарѣчіе жителей *Нортоновой* губы, и изъ краткаго словаря двѣнадцати нарѣчій въ путешествіи *Биллингса*.

ЧУГАЧИ И КЕНАЙЦЫ.

Чугачи, по описанію Кука, роста средняго, но есть многіе изъ нихъ и роста малаго, плечисты и съ широкою грудью; шеи у нихъ короткія и толстыя, лица широкія и плоскія, головы большія въ отношенію къ шуловищу; глаза малые по ихъ лицу, носы вверхъ задартые, зубы бѣлые широкіе; волосы черные, толстыя, лоснящіеся. Мущины имѣютъ мало волосовъ на бородахъ, или вовсе нѣтъ; выключая стариковъ, у коихъ бороды большія и густыя, но гладкія. Въ ихъ чертахъ примѣтно много различій, но мало есть пріятныхъ, выключая не многія женскія лица; впрочемъ черты ихъ лица обыкновенно обѣщаютъ много искренности, добродушія и живости. Цвѣтъ тѣла ихъ смуглый; хотя есть немногія женщины и дѣти бѣлыя, но онѣ не имѣютъ румянца въ щекахъ. Мущины подрѣ-

зываютъ волосы кругомъ, женщины же связываютъ ихъ съзади въ пучокъ. Оба пола носятъ украшенія въ носовой мякоти подъ хрящомъ, подъ нижней губою и въ ушахъ, подобнымъ образомъ, какъ сіе прежде у Коняговъ было въ общемъ употребленіи; мужчины испещряютъ часто лице красками, красною и черною, а иногда синею или сѣрою; а женщины, подражая имъ, мараютъ нѣкоторымъ чернымъ веществомъ бороду, протягивая сіе украшеніе по обѣимъ сторонамъ до щекъ.

Одежда мужеская не различается отъ женской; она состоитъ такъ какъ у Коняговъ и Алеутовъ изъ парокъ и камлеекъ, которыя украшаются подобнымъ же образомъ. На рукахъ носятъ Чугачи рукавицы изъ медвѣжьихъ лапъ, но на ногахъ обыкновенно не бываетъ у нихъ никакой обуви; нѣкоторые носятъ родъ чулокъ изъ кожъ, которыя покрываютъ ноги до половины ладвей; шляпы ихъ соломенные или деревянные имѣютъ видъ усѣченнаго конуса. Оружіе ихъ и орудія для промысловъ такія же, какія у Эскимовъ и Гренландцевъ; они имѣютъ также родъ панцырей изъ легкихъ дощечекъ, связанныхъ вмѣстѣ звѣриными жилами, коими покрываютъ грудь и брюхо. Большія ихъ открытыя шлюпки, обшитыя кожами морскихъ звѣрей, походять на шѣ, кои употребляются женщинами въ Гренландіи; а байдары двоелучныя нѣсколько пошире ихъ, кои въ употребленіи у Эскимовъ.

Упражненія Чугачей состоятъ, подобно какъ у сосѣдственныхъ имъ приморскихъ народовъ, въ про-

мысль рыбы, морских и земных звѣрей, отъ ко- его получаютъ одежду и пищу. Изъ инструментовъ для механическихъ работъ, видѣлъ *Кукъ* у Чугачей каменной топоръ, такого почти вида, какого бывають оныя на всѣхъ островахъ Южнаго Океана, а именно на островѣ *отанги*; кромѣ сего было у нихъ уже тогда много желѣзныхъ ножей, изъ коихъ иные были загнуты; особенный родъ большихъ ножей, длиною до двухъ футовъ, похожихъ на кинжалы, носили они въ кожаныхъ ножнахъ, привѣшенныхъ къ шеѣ на ремнѣ.

Кенайцы, также по описанію Кука, похожи во всѣхъ отношеніяхъ на Чугачей, и одежда ихъ такая же какъ и у тѣхъ, только въ нѣкоторыхъ частяхъ болѣе украшена бѣлымъ и краснымъ шитьемъ. Впрочемъ языкъ сего народа различенъ отъ Чугацкаго, хотя *Кукъ* полагаетъ сему противное; образъ же жизни и обычаи не столь отличны. Въ путешествіи Хвостова и Давыдова упоминается, что *Кенайцы* презирають птичьи парки, и подобно *Коложамъ* носятъ табарганьи накидки, имѣющія видъ четверугольнаго одѣяла, которыя накидываются на плеча, въ видѣ плаща, и завязываются на шеѣ. Они не имѣютъ теплыхъ жилищъ, но сидятъ зимою въ большихъ шалашахъ, у разведеннаго всегда по срединѣ огня; сіи шалаши перестраиваютъ они ежегодно, и перемѣняютъ часто и самыя мѣста жилищъ.

Бракъ заключается у нихъ подобно какъ у *Коняговъ*. Похороны же отличны тѣмъ, что у нихъ,

такъ какъ у Тунгусовъ, кладутъ тѣла мертвыхъ на поставленную на чепырехъ столбахъ крышку, гдѣ оныя согниваютъ, тѣла же богатыхъ сожигаютъ съ частію плашья; при чемъ поютъ сочиненныя въ похвалу покойника пѣсни и пляшутъ. О богѣ не имѣютъ никакого понятія, но боятся злыхъ духовъ; по ихъ сужденію, души утопшихъ, и умершихъ своею смертію, живутъ подъ землею, убитыхъ же на небѣ; но они не полагаютъ въ будущей жизни ни награжденія добрымъ, ни наказанія злымъ. Нынѣ однако начинаютъ воспринимать православную Грекоросійскую Вѣру. Кенайцы занимаются болѣе промысломъ земныхъ звѣрей, ибо къ морю не очень способны. Луки у нихъ такіе же, какъ у Аляксинцовъ, стрѣлы съ различными остріями, изъ оленьяго рогу, мѣдныя, желѣзныя или каменные. Они отправляются ежегодно въ Іюнь мѣсяцѣ внутрь Американскаго материка дней на 14 или 15 ходу, для ловли табаргановъ; тамъ встрѣчаются съ приходящими туда жителями Мѣдной рѣки, и производятъ съ ними торгъ, вымѣнивая у нихъ самородную мѣдь, и другіе товары.

КОЛЮЖЫ И УГАЛАХМЮТЫ.

Жители Сѣверо-западнаго Америкайскаго берега, отъ Якутатской губы до 57° сѣверныя широты, именуются *Коложами* или *Колешами*. Они говорятъ однимъ языкомъ, но раздѣляются на разныя поколѣнія, изъ коихъ главныя суть: медвѣжье, орлиное,

воронье, касашкино и волчье или Коквоншанское; послѣднее имѣетъ разныя преимущества передъ прочими, и почиается самымъ храбрымъ и искуснымъ въ военномъ дѣлѣ.

По описанію флота Капитана Ю. Ф. *Ансянскаго* и Академика *Лангсдорфа*, *Коллжы* росту средняго и крѣпкаго сложенія, проворны и остроумны, но на взглядъ кажутся маловажны. Лице ихъ круглое съ широкими скулами, глаза по большей части великія и живыя, носъ малый плоскій широкій, губы нѣсколько толстоваты; волосы черные, жесткіе и прямые; на бородѣ у мужчинъ ихъ вовсе нѣтъ или очень мало, ибо вырываютъ ихъ съ корнями; шѣло смуглое, но многіе, особенно женщины, не уступаютъ цвѣшомъ лица и самымъ Европейскимъ. Мужчины во время посѣщеній украшаютъ свое лице, дѣлая многія правильныя фигуры уголемъ, мѣломъ, киноварью и охрами; а въ волосы насыпаютъ орлиаго пуху. Женщины же вообще безобразятъ себя самымъ страннымъ образомъ: какъ скоро начнушя у нихъ мѣсячныя очищенія, то прорѣзывается подъ самою нижнею губою, въ срединѣ малое отверстіе, въ которое вставляются съ начала толстая проволока, а послѣ деревянной цилиндръ, коего концы толще. Сіе отверстіе со временемъ дѣлается отъ сего больше, такъ что послѣ вставляется туда овальная дощечка, которая нижнюю губу опшягиваетъ въ передъ, и даетъ ей видъ вросшей суповой лошки; поспешенно дѣлаются вставляемые дощечки больше, такъ

что нѣкоторыя женщины носятъ оныя въ нижней губѣ, величиною до пяти дюймовъ длины и до трехъ дюймовъ ширины, а въ половину дюйма толщины. Какъ сіе украшеніе находится въ большемъ уваженіи у всѣхъ приморскихъ народовъ Сѣверо-западной Америки, отъ 50° до 60° широты, по значныя женщины стараются имѣть нижнюю губу сколько возможно болѣе и длиннѣе. Впрочемъ оное, Европецамъ весьма опивратительное украшеніе, мѣшаетъ также симъ женщинамъ употреблять пищу.

Одежда сихъ народовъ весьма проста; мужская состоитъ, у достапочныхъ только изъ четверугольныхъ бѣлыхъ одѣялъ, дѣлаемыхъ изъ шерсти дикихъ барановъ; оныя обыкновенно вышиты четырехугольными фигурами съ кистями вокругъ, чернаго и желтаго цвѣта; внутренняя часть бываетъ иногда украшена бобровымъ пухомъ. Иныя носятъ ковры или мѣховыя одѣяла, до пяти футъ ширины имѣющія, и двумя концами около шеи обвязываемыя. Прежде привозимы имъ были изъ Американскихъ Союзныхъ Штатовъ байковыя или фризовыя шенели и сертукки, изъ коихъ цвѣтомъ красныя и синія у нихъ предпочитались. Впрочемъ одежда употребляется только для наряда, или отъ большаго холода; а обыкновенно ходятъ нагіе. Женщины одѣваются также весьма просто, прикрывая все плѣчо и груди; многія носятъ длинныя рубахи. Оныя любятъ также украшать уши и шею бисеромъ и раковинами; и носятъ много колець стальныхъ на рукахъ около суставовъ. Къ оде-

ждѣ дѣтской пришиваютъ разныя побрякушки, Кишайскія мѣдныя деньги, а паче всего наперстки. Жилища ихъ обширны четверуголькы, строятся изъ колошыхъ досокъ; крыши изъ досокъ же или коры, имѣютъ продолговатое отверстіе, фута на два шириною, для выходу дыма. Въ сихъ жилищахъ оконъ никакихъ нѣтъ, а двери низменны, въ которыя только нагнувшись пролѣзть можно; въ срединѣ раскладывается огонь въ выкопанной четверугольной ямѣ. По сторонамъ около сей ямы мѣсто для жилья, надъ которымъ не высокія нарѣ или широкія полки, для поклажи разныхъ вещей. Внутри жилищъ большая неопрятность; дымъ и вонь отъ рыбы и жира; видѣ же вымаранныхъ красками лицъ и безобразныхъ большихъ нижнихъ губъ, производитъ отвращеніе.

Оружіе ихъ состояло прежде сего въ лукахъ со стрѣлами и въ копьяхъ; но нынѣ имѣютъ уже много ружей и пороха, и даже небольшія пушки, которыя вымѣнили отъ Американцевъ Союзныхъ Штатовъ на мѣха морскихъ бобровъ и другія. Они имѣютъ также *Кучки* или полукафшанья съ желѣзными полосами, пришитыми одна подлѣ другой поперекъ груди; оныя привозились имъ также на судахъ Американскихъ Союзныхъ Штатовъ.

Пища Колюжей состоитъ лѣтомъ въ свѣжей рыбѣ, морскихъ звѣряхъ и ягодахъ разнаго рода; а зимою въ вяленой рыбѣ, въ икрѣ особенно изъ сельдей, заготовляемой въ большемъ количествѣ, въ жирѣ звѣрей морскихъ, въ морскихъ растеніяхъ и въ ков-

рижкахъ чепыреугольныхъ , толщиною около дюйма, приготавливаемыхъ изъ листовичной перепонки, покрывающей дерево подъ корою. Киповый жиръ и мясо вовсе не употребляютъ. Пищу варятъ въ Европейскихъ котлахъ ; у жилищныхъ есть также много Европейской посуды, прочіе же довольствуются своими деревянными чашами или корытцами, и большими лошками, дѣлаемыми изъ дерева или рога дикихъ барановъ.

Главнымъ упражненіемъ Колюжей есть промыселъ рыбы , морскихъ и отъ части земныхъ звѣрей; но они въ промыслѣ морскихъ звѣрей не столь искусны какъ выше упомянутые народы; ибо бьютъ ихъ изъ ружей по большей части сонныхъ. Лодки свои дѣлаютъ изъ легкаго дерева , называемаго Чагою. Оныя бываютъ однодеревки , и разной величины ; самыя большія длиною до 45 футовъ , вмѣщаютъ до 60 человекъ, и служатъ для переезда семействъ, или во время войны; самыя меньшія употребляются для промысловъ ; весла же у нихъ невелики. Другія ихъ упражненія состоятъ, между прочимъ , въ дѣланіи удъ и деревянной посуды, въ плетеніи корзинокъ и веревокъ для уденія рыбы , и въ разной рѣзной работѣ , въ которой оказываютъ довольно искусство; разныя шкапулки и сундуки выкладываютъ зубами морскихъ бобровъ и малыми кусками раковинъ.

Обыкновенія Колюжей сходствуютъ во многомъ съ Конягскими; большая разность примѣчается однако при похоронахъ : ибо они шѣла мертвыхъ

сожигаютъ, и оставшіяся кости и пепелъ кладутъ въ ящики, которые ставятъ обыкновенно у берега на столбахъ, украшиваемыхъ разными рѣзными фигурами. Тѣла же шамановъ почитаются незгораемыми, и потому онѣ предаются погребенію цѣлыя. Убіенымъ на войнѣ отрѣзываютъ головы, и хранятъ оныя въ коробкахъ, а пѣла превращаютъ въ пепелъ. Говорятъ, что по смерти богатыхъ, сожигаютъ вмѣстѣ съ покойникомъ одного изъ его слугъ; при постройкѣ дома для знаменитой какой либо между ими особы, умерщвляютъ также слугъ, но зарываютъ ихъ просто въ землю.

Колюжи имѣютъ только по одной женѣ, исключая нѣкоторыхъ богатыхъ, у коихъ есть по двѣ жены, одна старая, а другая молодая. Женскій ихъ полъ весьма отличается отъ прочихъ выше упомянутыхъ съверябе живущихъ народовъ, какъ цѣломудріемъ и стыдливостію, такъ и супружескою вѣрностію. Обрядовъ богослуженія у Колюжей нѣтъ никакихъ; однако признаютъ они на небѣ или другомъ свѣтѣ существо, создавшее все; у нихъ есть также шаманы, посредствомъ которыхъ, по ихъ мнѣнію, дьяволъ на землѣ дѣлаетъ разныя пакости. Наслѣдство переходитъ у нихъ отъ дяди къ племяннику.

Выше сказано, что Колюжи раздѣляются на разныя поколѣнія; здѣсь замѣтитъ однако должно, что оныя поколѣнія отъ части смѣшаны въ селеніяхъ, но живутъ въ особенныхъ домахъ, надъ которыми вмѣсто герба вырѣзано фамильное животное, какъ то медвѣдь, волкъ и прочая. Начальники ихъ имѣютъ

власть ограниченную, и ихъ бываетъ иногда до пяти въ одномъ селеніи. Достоинство же сіе переходитъ къ сильнѣйшему, или къ имѣющему болѣе родственныхниковъ. Впрочемъ они очень привязаны къ своимъ начальникамъ, ибо отбиваютъ оныхъ изъ плѣна силою, или въ случаѣ неудачи, выкупаютъ ихъ не щадя своего имѣнія: чему примѣръ былъ въ 1801 году въ окрестностяхъ нынѣшней *Новоархангельской* крѣпости, когда взятъ былъ въ плѣнъ одинъ ихъ начальникъ Американцами Союзныхъ Штатовъ. Колюжи хотя храбры, но подобно прочимъ дикимъ народамъ, не сражаются открыто, а стараются больше напасть на непріятеля въ разлохъ. Они весьма хитры, и поступаютъ съ плѣнниками, особенно съ Европейцами жестоко, подвергая ихъ самой мучительной смерти; въ коемъ безчеловѣчномъ дѣлѣ участвуютъ самые престарѣлые люди и дѣти. Шаманы обрѣзываютъ вокругъ черепа кожу у сихъ жертвъ, и взявъ за волосы, сдергиваютъ оную; сіи волосы служатъ послѣ украшеніемъ на игрищахъ.

Угалахлоты, (на ихъ языкъ означаетъ сіе названіе восточное селеніе) живутъ между *Мѣдною* рѣкою и *Якутатскою* губою; о семъ народѣ еще несообщено путешественниками никакого описанія, хотя оный находится въ вѣдомствѣ Россійской Американской Компаніи. В.

КОНЕЦЪ ЧАСТИ ТРЕТЬЕЙ.

ОПИСАНИЕ КАМЧАТКИ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

О ПОКОРЕНИИ КАМЧАТКИ, О БЫВШИХЪ ВЪ РАЗ-
НЫЯ ВРЕМЕНА БУНТАХЪ И ИЗМЪНАХЪ, И О
НЫНѢШНЕМЪ СОСТОЯНІИ РОССІЙСКИХЪ
ОСТРГОВЪ.

ГЛАВА I.

*О первомъ извѣстїи про Камчатку, о
походахъ Камчатскихъ, и о заведенїи
въ той странѣ Россійскаго поселенія.*

По распространенїи Россійскаго владѣнїя
въ сѣверѣ, и по заведенїи селенїя по зна-
нѣйшимъ рѣкамъ впадающимъ въ Ледовитое
море, отъ Лены рѣки къ востоку до Ана-
дырска, часъ отъ часу болѣе старанїя было
прилагаемо, чшобъ отъ Анадырска далѣе про-
вѣдывать земли, и живущихъ тамъ иновѣр-
цовъ приводить въ подданство; чего ради
всякому прикащику накрѣпко было подтвер-
ждаемо, чшобъ всѣми мѣрами домогаться

получить извѣстіе, гдѣ какой народъ живѣтъ, сколь многолюденъ, какое имѣетъ оружіе, какое богатство и прочая. Такимъ образомъ не могла Камчатка не быть извѣстна еще въ то время, когда нѣсколько Коряковъ Пенжинскаго и Олюторскаго морей изъ Анадырска были объясачены, ибо имъ какъ сосѣдямъ Камчатскимъ, а паче Оленнымъ Корякамъ, которые часто кочуютъ внутри самой Камчатки, тамошній народъ довольно былъ знаемъ. Но кто первый изъ Россійскихъ людей былъ на Камчаткѣ, о томъ не имѣю достовѣрнаго свидѣтельства; а по словеснымъ извѣстіямъ приписывается сіе нѣкакому торговому человѣку Ѳедоту Алексѣеву, по котораго имени впадающая въ Камчатку Никулъ рѣчка Ѳедотовщиною называется: будто онъ пошелъ изъ устья рѣки Ковымы Ледовинымъ моремъ въ семи кочахъ; будто погодою опнесенъ отъ другихъ кочей и занесенъ на Камчатку, гдѣ онъ и зимовалъ со своимъ кочемъ; а на другое лѣто общедъ Курильскую Лопатку дошелъ Пенжинскимъ моремъ до рѣки Тигиля, и отъ тамошнихъ Коряковъ убитъ зимою со всѣми поварищи; къ которому убійству аки бы они причину сами подали, когда одинъ изъ нихъ другаго зарѣзалъ; ибо Коряки, которые по огненному ихъ оружію выше смертныхъ почитали,

видя, что и они умирашь могутъ, не пожелали имѣть у себя гостей шоль страшныхъ. Извѣстіе въ разсужденіи морскаго его пупи съ Ковымы рѣки подтверждается опискою служиваго Семена Дежнева; ибо Дежневъ объявляетъ, что морское ихъ путешествіе было неблагополучно; торговаго человека Ѳедота Алексѣева разнесло съ нимъ погодою безъ вѣсти; его носило по морю долгое время, а на послѣдокъ выбросило на берегъ въ передній конецъ за Анадырь рѣку. Но въ разсужденіи бытности его на Камчаткѣ, и что Никулъ рѣчка Ѳедотовщиною по имени его называется, нѣсколько сумнительно: ибо въ той же его опискѣ показано, что въ 7162 (1654) году ходилъ онъ Дежневъ возлѣ моря въ походъ, и отбилъ у Коряковъ Якутскую бабу помянутаго Алексѣева, которая ему сказывала, что Ѳедотъ съ однимъ служивымъ цынгою умерли, а иные поварищи ихъ побиты, и остались не великіе люди, и побѣжали въ лодкахъ одною душою, а куды, невѣдомо. Чтожъ касается до построенныхъ на рѣкѣ Никулъ зимовей, то и отъ самихъ Камчадаловъ подтверждается, что оныя Россійскими людьми поставлены, а развалины ихъ до нашихъ временъ были видимы.

Но сія разность въ извѣстіяхъ кажется отвращена бышь можетъ, ежели поло-

жипь, что вѣдомъ съ товарищи не на Тигиль погибъ, но между Анадыремъ и Олюторскимъ; ибо такимъ образомъ не противно будетъ извѣстіямъ, когда представимъ себѣ, что онъ и на Камчаткѣ зимовалъ съ кочемъ своимъ, и вокругъ Лопатки доходилъ до рѣки Тигиля, что опшуда обратно слѣдовалъ къ Анадырску или моремъ, или сухимъ путемъ по Олюторскому берегу, и на пути умеръ, а прочіе его товарищи или побиты, или безвѣстно пропали, хотя отъ убійства избавишься. Но какъ бы то ни было, однако сей походъ и не великой былъ, и не великой важности; для того что не послѣдовало отъ него никакой пользы, не токмо въ разсужденіи Государственнаго интереса, но ниже въ разсужденіи надежнѣйшаго извѣстія о землѣ Камчаткѣ; ибо, какъ выше показано, никого изъ объявленнаго похода не явилось выходцовъ; чего ради первымъ походомъ на Камчатку можно почестъ походъ козачья пятидесятника Володимира Апласова.

Оный Апласовъ въ 7203 (1605) году присланъ былъ изъ Якутска прикащикомъ въ Анадырской оспроу, и велѣно ему было, такъ какъ прочимъ прикащикамъ, якакъ сбираться съ присудныхъ къ Анадырску Коряковъ и Юкагирей, и стараться о приискѣ вновь людей, и о приведеніи ихъ подъ самодержавную Го-

судареву власть. Въ 720⁴ году посыланъ онъ него былъ къ Апутскимъ Корякамъ Лука Морозко въ 16 человекъ за ясачнымъ сборомъ, который по возвращеніи своемъ объявилъ, что онъ не только былъ у оныхъ Коряковъ, но и до Камчатки не доходилъ токмо за 4 дни, и въ томъ походѣ взялъ онъ Камчатской острожекъ, а на погромѣ получилъ не вѣдомо какія письма, которыя объявилъ Атласову (1).

По сему извѣстію Атласовъ, взявъ съ собою 60 человекъ служивыхъ, да такоежъ число Юкагирей, а въ Анадырскомъ оставя 33 человекъ служивыхъ, отправился въ 720⁵ году послѣ ясачнаго сбора на Камчатку, и въ томъ походѣ склонилъ онъ ласкою къ ясачному платежу Акланской, Каменной и усть-Таловской острожки, да одинъ боемъ взялъ (2). Послѣ того, какъ сказываютъ, раздѣлилъ онъ партію свою на двое; поло-

(1) Сіи письма были Японскія, дошедшія на Камчатку по случаю разбитія Японской бусы у береговъ Камчатскихъ. В

(2) Атласовъ въ отпискѣ своей въ Якутскѣ о раздѣленіи партіи не упоминаетъ, но пишетъ, что по погромленіи острога пошелъ онъ въ Олюторскую землю Февраля 1 дня; однако словесное извѣстіе, что не самъ онъ туда ходилъ, но партія, отъ достоверныхъ людей подтверждается.

вину послалъ на Восточное море подъ командою Луки Морозки, а съ другою самъ по Пенжинскому морю слѣдовалъ. На Паланѣ измѣнили ему союзники его Юкагиры, 3 человекъ служивыхъ убили, да 15 человекъ и его Апласова ранили, однакожъ намеренія своего, чтобъ всѣхъ побить, не исполнили; ибо козаки справясь отбили прочь оныхъ злодѣевъ, и не взирая на то, что лишились ихъ помощи, предпріятія своего не оставили; но продолжали походъ свой къ югу. На Тигилѣ рѣкѣ соединились паки обѣ партіи, и собрали ясакъ съ иноземцовъ живущихъ по Напанѣ, Кигилю, Ичѣ, Сіупчѣ и Харъузовой рѣкахъ, а до (1) Ка-

(1) Понсже нынѣ никакой рѣки на Камчаткѣ Каланкою не называютъ, чего ради заподлинно знать невозможно, до кошорыхъ мѣстъ доходилъ Апласовъ; а по словеснымъ извѣстіямъ Камчатскихъ старожилловъ, доходилъ онъ до рѣки Нынгычу, что нынѣ Голыгиною называется, по имени козака Голыгина, которой въ ономъ Апласова походъ пропалъ безъвѣстно; чего ради думать должно, что Апласовъ подъ именемъ Каланской рѣки разумѣетъ Игдыгъ или Озерную, на которую съ Голыгиной переѣзжаютъ въ третій день; а Каланскою назвалъ ее, можетъ быть, по бобрамъ морскимъ, которые тамъ промышляются, и прежде сею назывались Каланами.

ланской рѣки не дошли они токмо за три дни. Будучи же на Ичѣ взялъ онъ у Камчадаловъ полоненика Узакинскаго (Японскаго) Государства.

Опшуда возвратился онъ назадъ, и шелъ тоюже дорогою до рѣки Ичи, а съ Ичи перешелъ на Камчатку рѣку, построилъ верхній Камчатской острогъ, и оставя въ немъ служиваго Потапа Серюкова въ 15 чело-вѣкахъ, выѣхалъ въ Якутскъ 7208 году Юля 2 дня, и вывезъ съ собою Японскаго плѣнника и ясачную Камчатскую казну, которая состояла въ 80 сорокахъ соболей, въ со-больей паркѣ, въ 10 бобрахъ морскихъ, въ 7 лоскупахъ бобровыхъ, въ 4 выдрахъ, въ 10 лисицахъ сиводущепыхъ, въ 191 лисицѣ крас-ныхъ; да у него было собспивенныхъ соболей на повары, какъ пишетъ, вымѣненныхъ, 11 сороковъ. А изъ Якутска онъ отправленъ съ тою казною къ Москвѣ, гдѣ за помяну-тую свою службу пожалованъ козачьимъ головою по городу Якутску, и велѣно ему паки на Камчатку слѣдовать, набравъ 100 чело-вѣкъ въ Тобольскѣ, въ Енисейскѣ и въ Якутскѣ изъ тамошнихъ козачьихъ дѣтей въ козачью службу, и для того походу ука-зано было снабдить его какъ въ Москвѣ, такъ и въ Тобольскѣ небольшими пушками, пищалями, свинцомъ и порохомъ, и при томъ

дашь ему изъ Тобольска полковое знамя, барабанщика и сиповщика. Но Апласовъ на Камчатку не отправленъ по 1706 годъ за бывшимъ надъ нимъ слѣдствиемъ: ибо онъ будучи изъ Тобольска судами въ 1701 году, разбилъ на рѣкѣ Тунгускѣ дощаникъ съ Кипайскими товарами гостя Логина Добрынина, въ чемъ на него прикащикъ того гостя въ Якутскѣ билчеломъ, и по тому челобитью онъ Апласовъ съ главными заводчики въ 10 человекъ посаженъ въ тюрьму, а на мѣсто его 1702 году отправленъ на Камчатку по выбору служивой Михайло Зиновьевъ, которой бывалъ на Камчаткѣ, какъ въ опискѣ изъ Якутска объявлено, еще прежде Апласова, можетъ быть съ Морозкою.

Между пѣмъ оставленной на Камчаткѣ служивой Пошапъ Серюковъ жилъ въ верхнемъ Камчатскомъ острогѣ три года безъ всякаго успѣшенія опѣ Камчадаловъ; ибо онъ за малолюдствомъ ясаку собирашь не отважился, но подъ видомъ купца торговалъ съ ними. Наконецъ и топѣ въ Анадырскѣ поѣхалъ, однакожъ Коряки не допустя его до Анадырска со всѣми поварищами убили. А выѣздъ его по видимому учинился, какъ сынъ боярской Тимоѳей Кобелевъ на Камчатку приѣхалъ, который почитается первымъ прикащикомъ оныхъ остроговъ.

Въ бытность свою перенесъ онъ жилище верхняго Камчатскаго острога на рѣку Кали-кыгъ, которая отъ прежняго острожнаго мѣста въ полуверстѣ, да вновь построилъ зимовье на рѣкѣ Еловкѣ; а ясакъ, какъ по рѣкѣ Камчаткѣ, такъ по Пенжинскому и Бобровому морю, собиралъ онъ повольной, и съ ясачною казною выѣхалъ въ Якутскъ въ 1704 году благополучно. Въ тожъ время паршія Анадырскихъ служивыхъ людей, подъ командою служиваго Андрея Купьина, построила шесть зимовей на впадающей въ Восточное море Укѣ рѣкѣ, и начала собирать ясакъ съ тамошнихъ Коряковъ.

Кобелева смѣнилъ вышеписанной Михайло Зиновьевъ, которой отправленъ изъ Якутска вмѣсто Володимира Апласова, а правилъ онъ Камчатскими острогами до прибытія козачья пятидесятника Василья Колесова съ 1703 по 1704 годъ. Во время бытности своей первый онъ завелъ ясачныя книги, въ которыя Камчадаловъ поименно началъ вписывать. Нижнія Камчатскія зимовья за неспособностію мѣста перенесъ на ключи, и на Большой рѣкѣ острогъ построилъ. Онъ же перевелъ изъ Укинскихъ зимовей на Камчатку Анадырскихъ служивыхъ людей по прозвѣ ихъ. Такимъ образомъ приведши Камчатскія дѣла въ нѣкоторой порядокъ, щасли-

ливо въ Якутскѣ возвратился съ ясачною казною.

Въ 1704 году подъ осень прибѣхалъ изъ Якутска на мѣсто Михайла Зиновьева козацкій пятидесятникъ Василей Колесовъ, коптой сидѣлъ на приказѣ по Апрѣль мѣсяцѣ 1706 году, для того что отправленные на смѣну ему Якутской сынъ боярской Василій Пропоповъ въ 1704, да служивой Василій Шелковниковъ въ 1705 году убиты на дорогѣ отъ Олюторовъ, а съ ними по десяти человекъ служивыхъ. Во время его правленія былъ первой походъ въ Курильскую землю, и человекъ съ 20 Курильцовъ объясачено, а прочіе Курильцы, которыхъ было немалое число, врознь разбѣжались.

И сей прикащикъ съ ясачною казною въ Якутскѣ прибѣхалъ благополучно, хопя на него, Августа въ послѣднихъ числахъ помянутаго году, около Пенжины рѣки и было умышленіе отъ немирныхъ Сидячихъ Коряковъ Косухина острожка, который соспонтъ на успѣ-Таловкѣ; ибо онъ будучи о томъ увѣдомленъ заблаговременно отъ Сидячихъ же Коряковъ Акланскаго острожка, который отъ Косухина верстахъ въ 15, слѣдовалъ съ надлежащею осторожностію.

Въ Акланскомъ жилъ онъ 15 недѣль, ожидая пуши зимняго, въ которое время Коря-

ки Косухина острожка, и нѣкоторые другіе покушались паки убить его со служивыми, токмо не допущены отъ Акланскихъ жишелей. Колесовъ въ помянутомъ острогѣ засталъ семь человекъ служивыхъ оставшихся послѣ Шелковникова съ подарочною и пороховою казною, посланною въ Камчатскіе остроги, которыхъ онъ, вѣдая на Камчаткѣ скудость въ свинцѣ и порохѣ, отправилъ съ двадцатью однимъ человекомъ своей команды, а команду поручилъ надъ ними выборному служивому Семену Ломаеву, которому и ясакъ приказалъ собирать во всѣхъ трехъ Камчатскихъ острогахъ.

По отбѣздѣ Василья Колесова съ Камчатки не бывало у ясачныхъ иноземцовъ значной измѣны, а послѣ его въ бытность закащиками въ Верхнемъ острогѣ Ѳедора Анкудинова, въ Нижнемъ Ѳедора Ярыгина, а въ Большерѣцкѣ Дмитрія Ярыгина, взбунтовали Большерѣцкіе Камчадалы; Большерѣцкой Россійской острогѣ сожгли, и бывшихъ въ немъ служивыхъ безъ остатку побили. Въ то же время и на Бобровомъ морѣ убить ясачной зборщикъ въ 5 человекъ. Причина бунту ихъ была можетъ быть та, что имъ ясачной зборъ, которой уже былъ и съ принужденіемъ, показался тягостенъ, тѣмъ наипаче, что у нихъ тогда прежняя воль-

ность изъ памяти еще не вышла, которую они надѣялись возвратити въ убійствомъ Россійскихъ людей; ибо по объявленію тамошнихъ старожилловъ Камчадалы думали, что Россійскіе козаки какіе нибудь бѣглецы; для того что всегда почти одни къ нимъ приходили, а вновь не прибывало; чего ради не сумнѣвались они всѣхъ ихъ перевести безъ остатку, а въ непропускъ вновь изъ Анадырска надѣялись на Коряковъ и Олюторовъ, будучи извѣстны, что они двухъ прикащиковъ Пропопова и Шелковникова съ командами на дорогѣ побили. Однако они въ томъ весьма обманулись: ибо вмѣсто пріобрѣтенія прежней вольности многіе потеряли животовъ свой, отъ чего и число ихъ уменьлось прошивъ прежняго, какъ ниже сего пространнѣе будетъ объявлено.

Козаки за малолѣдствомъ своимъ принуждены тогда были жить съ крайнею осторожностію, оставя до времени измѣнниковъ въ покоѣ. Между тѣмъ въ помянутомъ же 1706 году Атласовъ свободенъ изъ подъ караула, и отправленъ изъ Якутска на Камчатку прикащикомъ съ тѣми же преимуществами, которыя даны ему были въ 1701 году, чтобъ имѣть ему полную власть надъ служивыми, и винныхъ смотря по дѣлу бабогами и кнутомъ наказывать; а велѣно

ему прежнюю свою вину, что учинилъ разбой, заслужить, и въ приискиваніи вновь земель и неясачныхъ людей оказавъ крайнюю ревность; обидъ и налоговъ никому не чинить, и пропивъ иноземцевъ не употреблять строгости, когда можно будетъ обойтися ласкою, въ пропивномъ случаѣ и смертная казнь ему предписана. Но Апласовъ отправившись изъ Якутска съ немалымъ числомъ служивыхъ людей, и съ военными припасами, между которыми были и двѣ небольшія мѣдныя пушки, вскорѣ возвратился на прежнее; ибо не доѣхавъ еще до Анадырска безвинными побоями и другими предосудительными поступками привелъ служивыхъ въ такое огорченіе, что всѣ почти послали на него въ Якутскъ челобитныя. За всѣмъ однакожъ тѣмъ приѣхавъ онъ на Камчатку щасливо въ 1707 году въ Іюль мѣсяцъ, и принявъ въ команду Верхній и Нижній Камчатскіе остроги у прежнихъ закащиковъ, купно съ собранною на томъ годъ ясачною казною.

Въ Августъ мѣсяцъ тогожъ года отправилъ онъ въ походъ на Бобровое море для усмиренія измѣнниковъ, которые ясачныхъ сборщиковъ побили, служиваго Ивана Тарашина человекъ въ 70, которые были на службѣ Ноября по 27 число тогоже года. Помянутые походчики отъ самаго Верхняго

оспрога до Авачи не имѣли никакого сопротивленія; но какъ они близъ Авачинской губы, что нынѣ гавань Петра и Павла, ночевать спали, то служивые Камчадаловъ, и Камчадалы служивыхъ усмопрѣли. А понеже измѣнниковъ было въ собраніи сошъ съ восемь, то уговорились они, чтобъ служивыхъ не бить, но по рукамъ разбирашь и вязать; чего ради и каждой измѣнникъ по ремню при себѣ имѣлъ; такая была у нихъ надежда на великое свое множество.

Слѣдующаго дня Тарапинъ пошелъ къ Авачинской губѣ, гдѣ измѣнничьи лодки и байдары стояли. Измѣнники между шѣмъ, скрывшись въ лѣсу по обѣ стороны дороги, ожидали его прибытія; и пропуспя нѣскольکو переднихъ, на самую средину напали, и бились съ служивыми такъ долго, пока большая ихъ часть легла на мѣстѣ, а прочіе принуждены были спастись бѣгствомъ. Служивыхъ при томъ убито 6 человекъ, да нѣскольکو ранено. Камчадаловъ взяло въ полонъ токмо при человекѣ изъ лучшихъ людей, изъ за которыхъ собрано съ оставшихъ измѣнниковъ ясаку не болѣе какъ 10 соболей, 4 лисицы красныхъ, да 19 бобровъ морскихъ. Однако шѣмъ зная страна совершенно не покорена; ибо до самаго главнаго Камчатскаго бушта, который учинился

въ 1731 году, тамошніе жители почти всегда въ измѣнѣ были. Опшуда походчики возвратились въ Верхній острогъ съ ясачною казною и съ помянутыми аманашами. Ноября 27 дня 1707 году, какъ выше показано. До сего времени правленіе въ Камчатскихъ острогахъ нѣсколько было порядочно, для того что подчиненные команди-ровъ своихъ такъ, какъ надлежало, почитали, и повиновались имъ безъ всякаго сопротивленія; а потомъ начали у нихъ отби-мать команды, обирать пожизки, сажать въ шюрмы и убивать до смерти, какъ въ слѣдующей главѣ пространнѣе будетъ объявлено.

Г Л А В А II.

О бунтѣ Камчатскихъ козаковъ, о убійствѣ трехъ прикащиковъ, о бывшемъ по тому дѣлу слѣдствіи, и объ отправленіи служивыхъ для провѣдыванія острововъ и Ялоускаго Государства, для заслуженія вины своихъ.

Кoимъ образомъ служивые люди огорчены были на дорогѣ отъ Апласова, въ прежней главѣ упомянуто. Оное огорченіе, шакже нападки его, и собственное служивыхъ людей своевольство побудило ихъ къ умышленію, чтобъ Апласова лишитъ команды; что они въ декабрѣ мѣсяцѣ того же 1707 года и учинили. А въ оправданіе свое писали въ Якутскѣ, будто Апласовъ не давалъ имъ сѣбѣспныхъ припасовъ, копорые съ Камчадаловъ собираются; будто самъ пользовался оными, а они прогулявъ рыбную пору перпѣвали голодъ; будто изъ корысти своей выпустилъ аманатовъ, и отъ того во всѣхъ ясачныхъ иноземцахъ учинилась такая шатосшь, что ясачные сборщики, посланные на Пенжинское море, едва спаслися бѣгствомъ;

будто кололъ онъ на смерть служиваго Данила Ббляева, и когда ему отъ служивыхъ представлено было, чшобъ онъ безвинно палашемъ не кололъ, но наказывалъ бы ихъ за вины батогами или кнупомъ, какъ Государевы указы повелѣвають; а онъ на то въ отвѣтъ сказалъ, что Государь ему въ вину не поставитъ, хотя онъ ихъ и всѣхъ прирубитъ; будто онъ, желая мспитъ козакамъ за мнимыя грубыя ихъ рѣчи, призвалъ къ себѣ лучшаго Камчадала, и говорилъ ему, аки бы кололъ помянутаго служиваго за то, что служивые хотятъ всѣхъ Камчадаловъ прибить, а женъ ихъ, дѣшей и кормы по себѣ раздѣлить; будто по той вѣдомости Камчадалы жилища свои оставили, и соединясь въ шѣсномъ мѣстѣ убили трехъ человекъ служивыхъ, и многихъ переранили; будто онъ посланную изъ Якутска подарочную казну почти всю употребилъ въ собственную пользу, такъ что на Камчаткѣ въ привозѣ явилось у него бисеру, а по тамошнему одекую, и олова небольше полупуда, а мѣдь всю передѣлалъ онъ въ винокуренную посуду; и будто у новокрещеннаго Камчадала вымучилъ онъ нападками лисицу черную, которая въ казну была пригшповлена.

Сіе оправданіе ясно показываетъ преж-

нюю злобу служивыхъ людей на Апласова, хотя не можно сказать, чтобъ не больше правды писано на него было: ибо Апласовъ могъ не давать имъ сѣбспныхъ припасовъ казенныхъ, могъ заложниковъ изъ корысти выпустить, могъ съ палашемъ мепаться пьяной и корысшоваться ясачною казною, какъ чловѣкъ лакомой, которое лакомство видимо будетъ изъ обранныхъ его пожешковъ, въ краткое время приобретенныхъ; но кто пому повѣритъ, чтобъ онъ желалъ возбудить иноземцовъ къ бунту, вѣдая что по убіеніи козаковъ и самому отъ смерти не избавишься? Чпожъ Камчадалы на Пенжинскомъ морѣ ясачныхъ зборщиковъ едва живопа не лишили, что въ другомъ мѣстѣ прехъ чловѣкъ убили, а иныхъ переранили, оно могло учинишься и безъ Апласова возмущенія, шѣмъ наиначе, что козаки, можетъ быть, чемъ огорчили ясачныхъ людей; ибо и на Пенжинскомъ морѣ ясачнаго зборщика хотѣли убить Камчадалы за то, что онъ вмѣсто одного соболя, требовалъ ясаку по два и по три съ чловѣка. Что до чернубурой лисицы касается, то при обыскѣ не явилось ее у Апласова.

По сверженіи Апласова съ приказу, выбрали служивые командиромъ Верхняго оспрога прикащика Семена Ломаева, которому

по памяти бывшего прикащика Колесова велѣно было бысть при зборѣ ясака во всѣхъ острогахъ. Апласова посадили въ тюрьму, по ихъ въ казенку, а пожилки его въ казну обрали, которыя кромѣ множесннза мѣховъ собольихъ и лисьихъ, состояли въ 30 сорокахъ въ 34 соболяхъ, въ 400 лисицахъ красныхъ, въ 14 сиводущепыхъ, въ 75 бобрахъ морскихъ.

Но Апласовъ невѣдомо какимъ образомъ изъ тюрьмы ушелъ, и сбѣжалъ въ Нижній Камчатской острогъ, хоня тамъ принять команду; однако бывшій тогда въ помянутомъ острогѣ закащикомъ Федоръ Ярыгинъ команды ему не отдалъ; чего ради Апласовъ принужденъ былъ жить праздно до прибытія нижеписаннаго прикащика.

Между тѣмъ дошли въ Якутскъ посланныя на него опѣ служивыхъ людей съ дороги челобитныя, изъ которыхъ Якутская канцелярія тогда еще предвидѣла, что на Камчаткѣ между служивыми и Апласовымъ послѣдуемъ вѣщшее несогласіе; чего ради онасясь вреда въ разсужденіи Государственной пользы, писала о всемъ въ Москву съ обстоятельствомъ, и въ 1707 году оправила на его мѣсто прикащикомъ сына боярскаго Петра Чирикова съ 1 пятидесятиникомъ, съ чепырма десятиниками, съ плъню-

десять человеками рядовыхъ. А военного снаряду дано ему двѣ пушки мѣдныя, 100 ядеѣвъ, пять пудѣвъ свинѣу, восемь пудѣвъ пушечнаго пороху. Но какѣ въ 1709 году въ Январѣ мѣсяцѣ получены съ Камчатки вѣдомости о худыхъ поступкахъ Апласова, и объ опнышѣи у него команды; то Якутская канцелярѣя отправила въ слѣдѣ за Чириковымъ указную память, чтобъ ему по дѣлу Апласову учинить слѣдствие, и оное дѣло прислать на разсмотрѣніе въ Якутскую Воеводскую канцелярѣю съ выборнымъ прикащикомъ Семеномъ Ломаевымъ, также сборную ясачную казну на 1707, 1708 и 1709 годы. Однако оная указная память Чирикова не зашла въ Анадырскѣ, и на Камчатку не отправлена за малолѣтствомъ служивыхъ людей въ Анадырскомъ острогѣ; ибо малочисленныхъ людей посылать въ столь путь было опасно, для того что по Слюторскому и по Пенжинскому морю дорога отъ многихъ измѣнниковъ занята была, такъ что они въ 1709 году Юля 27 числа не взирая на знатную Чирикову команду, днемъ напали на него отважились; бывшего при казнѣ сына боярскаго Ивана Панюпина съ товарищи въ 10 человекъ убили, казну и военную аммуницію разграбили, а остальныхъ служивыхъ принудили сидѣть въ осадѣ на пустомъ мѣ-

ствѣ, откуда они 24 числа тогожѣ мѣсяца учиня выласку и Олюторовѣ щастливо отбивѣ свободились, потерявши двухѣ человекѣ на сраженіи. Чего ради Чириковѣ прибывѣ на Камчатку не производилѣ слѣдствія, довольствуясь одною командою.

Вѣ бытность его учинились два обстоятельства достойныя примѣчанія: 1) несчастливой походѣ на Большую рѣку козачья пятидесятника Ивана Харитонова, который посланѣ былѣ для усмиренія тамошнихѣ измѣнниковѣ въ 40 человекѣхѣ; ибо измѣнники собравшись во многочислѣ 8 человекѣхѣ убили, а большую часть переранили; чего ради оставшіе принуждены были сидѣть въ осадѣ недѣли съ 4, и едва спаслися бѣгствомѣ; 2) разбиеніе на Бобровомѣ морѣ Японской бусы, къ которой Чириковѣ въ 50 человекѣхѣ самѣ ходилѣ. И понеже Японцы полонены были немирными Камчадалами, которые близъ оной бусы жили, то Чириковѣ имѣлѣ случай четырёхѣ бывшихѣ у нихѣ Японцевѣ выручить; ибо измѣнники увидѣвъ служивыхѣ, въ бой съ ними вступить не отважились; но остающіе Японцевѣ разбѣжались по лѣсу. Въ томѣ же своемѣ походѣ усмирилѣ онѣ измѣнниковѣ окрѣ Жупановой до самой Островной рѣки, и привелѣ въ ясачной платежѣ по прежнему.

Между тѣмъ какъ Чириковъ изъ походу своего въ Верхній Камчатской острогъ возвратился, прибжалъ въ Августъ мѣсяцъ погожь года на смѣну къ нему козачій пятидесятникъ Осипъ Мироновъ, который отправленъ изъ Якутска по выбору 1709 года въ 40 человекъ. Такимъ образомъ собрались на Камчатку три прикащика, Апласовъ, Чириковъ и помянутый Мироновъ, онъ же и Липинъ.

Чириковъ здавъ Миронову острогъ, и все, что надлежало, въ Октябрѣ мѣсяцѣ поплылъ въ Нижній Камчатской острогъ батами со служивыми и съ казною своего сбора, чтобъ тамъ перезимовавъ, слѣдующаго году итти съ казною Пенжинскимъ моремъ. А Осипъ Мироновъ пробывъ въ Верхнемъ до зимы, Декабря 6 числа въ Нижній же острогъ отправился, для разряду служивыхъ людей къ судовому строенію и къ перевозу ясачной казны, оставя за кащикомъ въ томъ острогѣ Алексѣя Александровыхъ. Но какъ онъ исправя дѣла свои въ Нижнемъ, ѣхалъ обратно въ Верхній острогъ съ прежнимъ прикащикомъ Чириковымъ, но 20 человекъ служивыхъ, которые давно уже были въ злоумышленіи на прикащиковъ, не допусая до острога, зарѣзали его на дорогѣ. А происходило оное убійство 1711 года Января 23

числа. Послѣ того удумали они и Чирикова живота лишить; однакожъ по прозьбѣ его дали ему время къ покаянію. Между тѣмъ сами въ 31 человекѣ побѣжали въ Нижній Камчатской острогъ, чтобъ убить Апласова, и не добравъ за полверсты до онаго острога спали они въ прикрытѣ, а въ острогъ послали трехъ человекъ, и дали имъ составное письмо къ Апласову съ такимъ приказаніемъ, чтобъ убить его въ шупору, когда онъ письмо читаетъ имѣетъ; но посланные вечеромъ застали его спящаго и зарѣзали. Тогда вся парсія ихъ въ острогъ вступила, и спали десятками своими на при двора съ ружьями и съ копьями, а главные изъ нихъ были Данило Анцыфоровъ, да Иванъ Козыревской. Живучи въ острогѣ дѣлили они пожитки убитыхъ прикащиковъ, заводили козачьи круги, выносили знамя, призывали къ себѣ въ сообщеніе другихъ людей, и такимъ образомъ умножили до 75 человекъ свою парсію. Данила Анцыфорова назвали Ашаманомъ, Козыревскаго ясауломъ, иныхъ верстали въ ясаулыжъ и десятники, и многія другія наглоспи дѣлали; перевезли съ Тигиля пожитки Апласова, копорья отправилъ было онъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ вестъ ему Пенжинскимъ моремъ; пограбили съѣстные припасы слу-

живыхъ людей , которые на морской путь были заготовлены; расхищили парусы и снасти , которыя оставлены были отъ прикащика Осипа Миронова, для отправления Чирикова съ казною тѣмъже Пенжинскимъ моремъ ; а потомъ въ Верхній острогъ уѣхали , и Марта 20 числа Чирикова оковавъ въ воду бросили.

Того же 1711 года Апрѣля 17 дня подали они въ Верхнемъ острогѣ для отсылки въ Якутскъ повинную челобитную , въ которой объявляютъ причины , за что они побили двухъ прикащиковъ, Петра Чирикова и Миронова , а объ Апласовѣ не упоминаютъ. Вся важность челобитья ихъ состоитъ въ лакомствѣ прикащиковъ, коимъ образомъ користовались они Государевою казною, покупая на оную товары , и имѣмъ получая себѣ непомѣрную прибыль , какъ ушѣсняли служивыхъ и ясачныхъ людей , и вымучивали изъ за побоевъ и приспраспїя пожизпки ихъ, какъ жалованье денежное за себя переводили , а имъ неволею давали товары по тамошней Камчатской цѣнѣ : за полной пѣшій козачій окладъ , за 9 рублей за 25 копѣекъ, по 12 аршинъ холстины, или табаку Китайскаго по 6 золотниковъ ; да сверхъ того съ каждаго оклада брали себѣ скупу по два рубли , а они служивые въ расход-

ныхъ книгахъ расписывались не въ това-рахъ, но въ деньгахъ, и прочее тому подобное. А такое дерзновеніе учинили они для того, что жалоба ихъ на прикащиковъ не дойдетъ за дальнимъ разстояніемъ, особливо же что прикащики челобитчиковъ до Якутска не допустилибъ. При томъ сообщили они и опись пограбленнымъ пожиткамъ Чирикова и Миронова, а по описи ихъ досталось имъ на артель: пожитковъ Петра Чирикова 15 сороковъ соболей, 500 лисицъ красныхъ, 20 бобровъ морскихъ; Осипа Миронова 20 сороковъ соболей, 400 лисицъ красныхъ, да 30 бобровъ морскихъ.

Изъ Верхняго острога пошли они весною того же года въ помянутомъ числѣ 75 человекъ на Большую рѣку, чшобъ тамошнихъ измѣнниковъ усмирить, Большерѣцкой острогъ построить, и шѣмъ заслужить вины свои. Въ первыхъ числахъ Апрѣля разбили они Камчатской острожекъ между впадающими въ Большую рѣку съ правой стороны Быспрою и Гольцовкою рѣками, гдѣ нынѣ Россійской Большерѣцкой острогъ; въ которомъ они засѣли, и жили по Май мѣсяцъ безъ всякаго нападенія отъ Камчадаловъ. А Маія 22 числа приплыло къ ихъ острожку, съ верху и съ низу Большой рѣки, великое множество Камчадаловъ и Курильцовъ,

для взяпья онаго острожка , и испребленія служивыхъ людей; кои обступя оной всякимъ образомъ осажденныхъ спрашили , и похвалялись шапками ихъ замешать безъ оружія.

Маія 23 дня козаки отслужи молебень , ибо взяпъ ими былъ въ объявленной походъ Архимандритъ Мартіанъ , который отъ Филофея Митрополита Тобольскаго и Сибирскаго въ 1705 году на Камчатку отправленъ для проповѣди слова Божія , выслали половину парпії своей на вылазку , которые выпала нѣсколько разъ по Камчадалахъ изъ винтовокъ , бились съ ними на копьяхъ до самаго вечера ; наконецъ одержали побѣду. На сраженіи побито и перешонуло измѣнниковъ такое великое множество , что шрупами ихъ Большая рѣка запрудилась; а съ Россійской стороны при человѣка убито , да нѣсколько ранено. Сія побѣда тѣмъ наипаче важна была , что всѣ Большерѣцкіе острожки безъ бою покорились , и спали ясакъ давать по прежнему. Ходили же бунтовщики и въ Курильскую землю , были за проливомъ на перьвомъ Курильскомъ островѣ , и жишелей тамошнихъ въ ясакъ обложили ; а до того времени никто не бывалъ на островѣ Курильскомъ.

Между тѣмъ въ 1711 году приѣхалъ на смѣну Осипу Миронову козацій десятникъ

Василій Свясильяновъ, онъ же и Щепеткой, не вѣдая о убійствѣ вѣрехъ прикащиковъ, ибо описки не дошли еще до Якутска при его опправленіи; и собиралъ ясакъ въ Верхнемъ и въ Нижнемъ острогахъ, а въ Больше-рѣцкомъ главной буншовой Анцыфоровъ; который по дѣлу видомъ должности своей самъ приѣхалъ въ Нижній острогъ съ Больше-рѣцкою ясачною казною, однако въ такомъ числѣ своей паріи, что могъ быть безопасенъ отъ шорьмы и отъ слѣдствія; чего ради и опущенъ отъ Щепеткаго на Большую рѣку паки зборщикомъ. На обратномъ пути по Пенжинскому морю привелъ онъ въ ясачной плашежъ Конпаковой и Воровской рѣки измѣнниковъ, которые опложились было за нѣсколько времени; но въ 1712 году въ Февраль мѣсяцъ и самъ убилъ отъ Авачинскихъ измѣнниковъ обманомъ; ибо какъ онъ въ 25 человекъ на Авачу поѣхалъ, а иноземцы о томъ свѣдали, то сдѣлали они крѣпкой и пространной балаганъ съ пошайными подъемными дверьми для его принятія. Съ приѣзду приняли его честно, опвели въ помянутой балаганъ, дарили щедрою рукою, довольствовались, богатой ясакъ платишь обѣщались безъ прекословія, и дали нѣсколько человекъ въ аманаты изъ людей лучшихъ; но слѣдующей ночи сожгли ихъ

въ помянутомъ балаганѣ купно съ своими аманатами. Злобу, каковую имѣли Камчадалы на служивыхъ людей, можно видѣть по рѣчамъ помянутыхъ аманатовъ ихъ; ибо сѣазывающъ, что при зажженіи балагана Камчадалы кричали имъ поднимая двери, чтобъ они, какъ можно, вонъ выбросились; но аманаты отвѣтствовали, что они скованы, и приказывали жечь балаганъ не щадя себя, токмо бы служивые сгорѣли. Такимъ образомъ бунтовщицъ Атаманъ Анцыфоровъ съ нѣкоторыми смертоубійцами предупредилъ казнь свою, доказавъ смертію своею истину пословицы, которую бунтовщики обыкновенно употребляли: *что на Камчаткѣ можно прожить семь лѣтъ, что ни сдѣлаешь, а семь де лѣтъ прожить, кому Богъ велитъ*. И правда что до провѣданія пупи Пенжинскимъ моремъ, за дальнимъ разстояніемъ, и труднымъ проѣздомъ чрезъ землю немирныхъ Коряковъ, въ пересылкѣ рапортовъ въ Якутскъ, и въ полученіи указовъ, проходило много времени; что бездѣльникамъ онымъ подавало немалой поводъ къ наглостямъ.

По смерти Данилы Анцыфорова, не такая уже, какъ видно, опасность была прикащикамъ отъ бунтовщиковъ; ибо Цепеткой нарочныхъ посылалъ въ Верхній острогъ,

чтобъ ловить убійцовъ, гдѣ попадутся, при которомъ случаѣ одинъ и поиманъ, и въ Нижнемъ острогѣ розыскиванъ, и во многихъ злоумышленіяхъ кромѣ убійства прехъ прикащиковъ винился, а именно: что намбрены они были разбить Верхній и Нижній Камчатскіе остроги, прикащика Щепеткова убить, ясачную казну и многихъ жилищныхъ служивыхъ людей пограбить, а потомъ уйти на острова и поселиться; чего ради и Анцыфоровъ прибжалъ къ Щепеткову не столько для отдачи ясачной казны, какъ для похищенія собранной, и для его убійства; однако за многочисленіемъ служивыхъ противной стороны предпріятія своего въ дѣйство произвести не отважились.

Щепеткой оставя въ Верхнемъ прикащика Константина Козырева, а въ Нижнемъ Федора Ярыгина, отправился съ Камчатки въ 1712 году Іюня въ 8 день, и шелъ съ Камчатскою казною по Олюторскому морю до Олюторской рѣки, и вверхъ оной рѣки 4 дни, и не доходя за 2 днища до Глопова жилья остановился; для того что выше того, за мѣлю рѣки и за быстрою, судами ийти не можно было. Для защищенія казны отъ Олюторовъ, огородился онъ за оскуднѣніемъ лѣса вмѣсто острога земляны-

ми юртами, ибо Олюторы на дорогѣ съ ними бой имѣли, а тогда по всякой день приступѣ чинили. Въ оспрогѣ сидѣлъ онѣ съ 84 человекѣми команды своей Генваря до 9 числа 1713 года. Между тѣмѣ послалѣ онѣ нарочныхѣ въ Анадырскѣ съ прѣбываніемѣ помощи и подводѣ для перевоза ясачной казны, которая помощь въ 60 человекѣхѣ состоящая, и довольное число оленей подѣ казну ему и прислано. Такимѣ образомѣ ясачная казна едва спаслася отѣ немирныхѣ Коряковѣ; въ Якутскѣ дошла она въ Генварѣ мѣсяцѣ 1714 года, а въ вывозѣ не было ея, за объявленными бунтами и замѣшательствами, и за труднымѣ отѣ Коряковѣ проѣздомѣ съ 1707 году по самое объявленное время; было же ея всякихѣ зборовѣ прежнихѣ прикащиковѣ 332 сорока соболей, 3289 лисицѣ красныхѣ, въ томѣ числѣ семь бурыхѣ, сорокѣ одна сиводущетыхѣ, да морскихѣ бобровѣ 259.

По выѣздѣ съ Камчатки Василья Щепешкова взбунтовалѣ Верхняго Камчатскаго острога закащикѣ Кыргызовѣ, и собравшись со служивыми людьми того острога, приплылѣ бапами въ Нижній Камчатскій острогѣ, мучилѣ тамошняго закащика Ярыгина свинцовыми киспенями, и клячемѣ вертѣлъ ему голову, пожипки его разграбилѣ, и раздѣлилѣ

съ своими служивыми. Такоежъ несчастіе претерпѣлъ тамошній священникъ и нѣсколько козаковъ Нижношантальскихъ, которыхъ они били, и подвѣсывали на дыбу; чего ради Ярыгинъ принужденъ былъ команду оставить, и въ монахи поспричься, а острогъ здавъ служивому Богдану Канашеву, который правилъ онымъ до вѣпоричнаго прибытія Василья Колесова, что прежде былъ козачьимъ пятидесятиникомъ, но тогда уже былъ пожалованъ дворяниномъ по Московскому списку. А Кыргызовъ, подговоря къ себѣ въ злоумышленіе 18 человекъ Нижношантальцовъ, возвратился въ Верхній Камчатской острогъ, и былъ спрашенъ Нижнему острогу долгое время, не токмо до приѣзда прикащика Колесова, но и въ бытность онаго.

Помянутый Колесовъ отправленъ изъ Якутска на смѣну Василью Севаспьянову въ 1711 году, а въ Нижній Камчатской острогъ приѣхалъ Сентября 10 числа 1712 года, получа на дорогѣ указъ о розыскѣ бунтовщиковъ, кои убили трехъ прикащиковъ; по которому указу два человека смертію казнены, инымъ вставливаны клейма. Ясаулъ ихъ Иванъ Козыревской, который по смерти Апамана Данила Анцыфорова былъ въ Больше-рѣцкѣ прикащикомъ, съ большею частію еди-

номышленниковъ штрафованы. Но послѣдняго бунта начальникъ Кыргызовъ, не токмо не пошелъ подъ судъ къ Колесову, но и острога ему не отдалъ, а при томъ угрожалъ быть въ Нижній острогъ, и взявъ пушки збилъ дворъ его; по которому общанію и прибжалъ въ 30 человекъ своей партіи, въ то самое время, какъ Большерѣцкіе козаки прибжали къ слѣдствію; однако не могъ совершенно исполнить своего предпріятія.

Колесовъ опасаясь обѣихъ партій, не приказалъ было вѣбжжать имъ въ острогъ многолюдствомъ; но Кыргызовъ не смотря на то спалъ на кварширу, и содержалъ у себя денно и ночью караулъ крѣпкой. Между тѣмъ подзывалъ Нижношанпальскихъ козаковъ въ сообщеніе, и съ угрозами пребывалъ отъ прикащика указу, чтобъ ѣхать ему для провѣдыванія морскаго Карагинскаго острова. Однако и козаки къ нему не пристали, и указу не дано; чего ради возвратился онъ въ Верхній острогъ безъ всякаго успѣха, и вскорѣ по томъ отъ своихъ сообщниковъ лишенъ команды, и посаженъ въ казенку; ибо оные видя постоянство Нижношанпальскихъ служивыхъ, и не имѣя никакой надежды, чтобъ сдѣлавъ суда, мимо Нижняго острога проплыть въ море, раздѣ-

лились на двѣ паршии, изъ копорыхъ одна держала Колесову спорону, а другая стояла за Кыргызова; но первая верхъ одержала. По сей причинѣ Колесовъ принялъ Верхній Камчатской острогъ въ команду уже въ 1713 году; бунповщиковъ, кого надлежало, штрафовалъ; Кыргызова съ главнымъ его сообщникомъ казнилъ смертію; и такимъ образомъ бунты и розбискъ окончаны. Служивые, копорые къ прежнимъ бунповщикамъ не пристали, всѣ пожалованы въ конные козаки, а бывшіе тогда въ Верхнемъ и въ Нижнемъ острогахъ закащиками, въ дѣти Боярскіе.

Послѣ того въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1713 году отправилъ Колесовъ бывшего ясаула Козыревскаго съ 55 человекъ служивыхъ и промысленыхъ, да съ 11 человекъ Камчадаловъ на Большую рѣку, давъ имъ двѣ пушки и нѣсколько военного снаряда, и приказалъ на Большой рѣкѣ небольшія суда построить, и заслуживать вины свои въ приискваніи морскихъ острововъ и провѣданіи Японскаго Царства. Однако изъ онаго отправленія дальной пользы не учинилось, помянуто покорено и объясачено нѣсколько жилищей Курильской Лопатки, и Курильцовъ перваго и втораго острововъ; да получены нѣкопорыя извѣстія о дальнихъ островахъ

Курильскихъ, что приѣзжаютъ какъ на дальніе оныя, такъ на второй и первой острова изъ города Магсмая съ торгомъ, и продаютъ имъ желѣзные и чугунные котлы, всякую лаковую деревянную посуду, сабли, также бумажныя и шелковыя матеріи, которыхъ товаровъ Козыревской нѣсколько привезъ съ собою.

ГЛАВА III.

О прикащикахъ, бывшихъ послѣ Василья Колесова до главнаго Камчатскаго бунта ; то при которомъ достойнаго примѣтанія сдѣлалось ; о приключеніяхъ при вывозѣ ясачной казны съ Камчатки, и о провѣданіи пути изъ Охотска на Камчатку чрезъ Пенжинское море.

Въ 1713 году въ Августѣ мѣсяцѣ прибжалъ на смѣну Колесову дворянинъ Иванъ Енисейской , который въ бытность свою , кромѣ правленія всякихъ дѣлъ и ясачнаго сбора , заложилъ на ключахъ церковь , съ пѣмъ намѣреніемъ , чтобъ со временемъ Нижнему Камчатскому острогу быть на ономъ мѣстѣ , что и воспослѣдовало ; ибо козаки не въ долгомъ времени переселились на новое , а прежнее мѣсто неспособно было къ спроенію пошому , что около онаго болота , и что оно водою понимается . И стоялъ Нижній Камчатской острогъ на томъ мѣстѣ до главнаго , въ 1731 году учинившагося Камчатскаго бунта ; а во время бунта сожженъ

купно съ церковью и со всемъ строеніемъ , какъ въ первой части сего описанія упомянуто.

При его же бытности былъ походъ на Авачинскихъ измѣнниковъ , которые Данила Анцыфорова въ 25 человекъ убили ; а было въ томъ походѣ служивыхъ 120, да Камчадаловъ 150 человекъ. Измѣнники сидѣли въ осадѣ въ такомъ крѣпкомъ острогѣ, что козаки не дѣли съ двѣ стоятъ подъ нимъ принуждены были, и два раза приступали безъ всякаго успѣху ; наконецъ огнемъ сожгли, и всѣхъ Камчадаловъ , которые выбѣгали во время пожара, побили, оставя только тѣхъ , которые до зажженія къ нимъ вышли, и яскъ пляшеть общались. Тоже учинили они и съ жителями Парашуна острожка , который приступомъ взяли. Съ того времени Авачинскіе Камчадалы начали яскъ пляшеть погодно , а прежде служивые довольны бывали имъ , что Камчадалы имъ давали , и то не повсягодно ; ибо они по большей части бывали въ измѣнѣ.

Енисейской собравъ яскъ на 1714 годъ, весною того же года на судахъ по Олюторскому морю отправился , купно съ прежде бывшимъ прикащикомъ Васильемъ Колесовымъ, который въ 1713 году со зборомъ своимъ въ Якутскъ не побжалъ за малолюд-

спвомѣ, опасаясь Коряковѣ немирныхѣ. И по-
гожѣ 1714 года Августа въ послѣднихѣ чис-
лахѣ дошли они благополучно до рѣки Олю-
торской, и заспали тамѣ дворянина Аѳа-
нася Пепрова, который погромя Олюторовѣ
и раззоря главной острогѣ ихѣ, Большой
посадѣ называемый, строилѣ Олюторской
Россійской острогѣ съ немалымѣ числомѣ
Анадырскихѣ козаковѣ и Юкагирей. Въ ономѣ
острогѣ жили они съ ясачною казною до
зимнаго пупи; а казны у обоихѣ прикащи-
ковѣ было 141 сорокѣ и одинѣ соболь, 751
лисица красныхѣ, 10 сиводущешыхѣ, 137
бобровѣ морскихѣ, 11 пластинѣ лисьихѣ, 2
выдры, 22 золотишка золопа въ кускахѣ и
въ плиткахѣ съ Японскою надписью, копо-
рыя взяты прежде сего на разбитыхѣ Япон-
скихѣ бусахѣ, да денегѣ сорокѣ рублей.

Какѣ зимній пупь насталѣ, то всѣ
шрое дворяне со служивыми и ясачною каз-
ною побѣхали въ Анадырскѣ. Въ Олюторскѣ
оставлено служивыхѣ 55 человекѣ; а съ ни-
ми было козачьихѣ сотниковѣ 4, рядовыхѣ
человекѣ около пятидесяти, да два свя-
щенника.

Декабря 2 дня 1714 года, бывшіе съ
Аѳанасьемѣ Пепровымѣ Юкагиры, не доходя
до Акланскаго острожка, на Таловской вер-
шинѣ убили его Пепрова со служивыми, и

Камчатскую казну разграбили; а Камчатскіе прикащики Колесовъ и Енисейской въ 16) человекѣхъ ушли въ Акланской острогъ, но и тѣмъ отъ смерти не избавились: ибо Юкагиры обступя помянутой острогъ, склонили тамошнихъ Коряковъ угрозами къ измѣнѣ и убійству Камчатскихъ прикащиковъ. А учинилась помянутая измѣна, какъ послѣ сами Юкагиры и нѣкоторые козаки показывали, отъ несносныхъ обидъ и налоговъ Аванасья Пепрова; особливо же, что онъ будучи при осадѣ Олюторска, не отпускалъ ихъ по указу изъ Анадырска на промыслы, но взялъ подъ Камчатскую казну въ подводы, чего ему по тому указу дѣлать не надлежало, а должно было вестъ на Коряцкихъ подводахъ, которые были дѣйствительно уже сбираны.

Вышеписанная казна отъискивана была съ крайнимъ стараніемъ, однако она такъ была разсѣяна, что въ сыскѣ происходили крайнія затрудненія; много ея досталось не токмо Корякамъ, но и Камчадаламъ, и Анадырскимъ служивымъ, бывшимъ въ новостроенномъ Олюторскомъ острогѣ; ибо Юкагиры пришедъ послѣ измѣны подъ оный острогъ торговали со служивыми; однако такъ, что другъ къ другу не подходили на лучной выстрѣлъ: мѣняли тѣ соболи и ли-

сицы на табакъ Китайской, и отдавали соболя по три и по четыре прубки табаку, а прубокъ ихъ изъ одного золошника по малой мѣрѣ 50 будешъ. Такимъ образомъ одинъ пятидесятникъ Алексѣй Пеприловской, который вскорѣ послѣ побѣхалъ на Камчатку прикащикомъ, намѣнялъ, кромѣ другой мягкой рухляди, соболей дваццать сороковъ, которые однакожъ послѣ на немъ въ казну доправлены. Нѣсколько соболей и лисицъ сами измѣнники приносили, иное отдавали посыланнымъ для уговору ихъ служивымъ людямъ; а сколько той казны сыскано и утратилось, того заподлинно мнѣ неизвѣстно. Впрочемъ Юкагиры и Коряки были въ измѣнѣ немалое время, какъ видно изъ Анадырскихъ описковъ въ Якутскѣ, по которымъ явствуетъ, что Коряки Пенжинскаго моря въ 1720 году уговорены, и въ ясакъ приведены по прежнему Якутскимъ дворяниномъ Степаномъ Трифоновымъ, который съ значнымъ числомъ служивыхъ нарочно для того присланъ былъ; а до того времени, особливо же въ первыхъ годахъ по убіеніи прикащиковъ, угрожали они нападеніемъ на Анадырской острогъ, и намѣрены были призвать къ себѣ на помощь Чукчей.

Послѣ объявленнаго убійства прикащиковъ, Камчатской казны чрезъ Анадырскѣ

больше уже не высылали; ибо между тѣмъ провѣданъ изъ Охотска на Камчатку морской путь, который по близости, способности и безопасности несравненное имѣетъ преимущество пропавъ прежняго; чего ради и путь изъ Якутска чрезъ Анадырскъ, кромѣ нужныхъ посылокъ съ письмами, почти со всемъ оставленъ. А погибло по той дорогѣ съ 1703 года до провѣданія морскаго пути человекъ съ 200; который уронъ по дальности мѣста, и по малолюдству козачковъ, можно почитать за весьма чувствительный. Объявленный морской путь провѣданъ въ 1715 году команды, отправленнаго для сысканія острововъ морскихъ, Полковника Якова Елчина, Якутскимъ служивымъ Козьмою Соколовымъ, въ бытность Камчатскимъ прикащикомъ козачья пятидесятника Алексѣя Пеприловскаго (1).

(1) Въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ на 1758 годъ часть I стран. 318 упоминается: что оный путь открытъ въ 1716 году козакомъ *Козмою Соколовымъ*, который, въ слѣдствіе предписанія отъ Якутскаго Воеводы *Елчина*, отправился въ морской путь изъ Охотска въ Іюль мѣсяцъ съ 20 ю козаками, и сталъ сперва на якоръ у *Тигля рѣки*, а послѣ вошелъ судномъ въ устье рѣки *Комлаковой*; гдѣ перезимовавъ, отправился въ обратный путь въ началѣ Маія 1717 года. В.

При семъ прикащикъ паки начались между козаками возмущенія; ибо, козаки по согласію съ Соколовымъ смѣнили его съ приказа, и посадили подъ караулъ, а пожипки его въ казну обрали. Причиною тому былъ самъ Пеприловской, который по ненасытному своему лакомству не имѣлъ уже мѣры въ грабленіи, хищеніи и мучительствѣ; рѣдкій заживочный человекъ могъ избѣжать раззоренія по какимъ нибудь его нападкамъ, а одинъ служивой бѣдственнымъ образомъ въ вилахъ скончалъ и животъ свой. Такимъ образомъ наградилъ онъ въ короткое время такое богатство, которое превозходило похищенную двугодовую ясачную казну со всей Камчатки, сбора убитыхъ двухъ прикащиковъ; ибо взято у него, кромѣ многога числа собольихъ и лисьихъ шубъ, одной мягкой рухляди болѣе 140 сороковъ соболей, около 2000 лисицъ, 207 бобровъ, да 169 выдеръ.

Что касается до тамошнихъ народовъ, то отъ нихъ не было большаго возмущенія, кромѣ что на Камчатской Лопаткѣ между самими Күрильцами учинилось несогласіе, по причинѣ котораго одинъ родъ Курильцовъ, который былъ начинателемъ несогласія и раззоренія многимъ ясачнымъ иноземцамъ, не похотѣлъ ясаку плашить, и не

опдался на договоръ служивымъ , опасаясь достойнаго наказанія; да на Харіузовой рѣкѣ убиты 4 человекъ служивыхъ , которые посланы были съ казною къ морскому судну ; однако всѣ помянутые мяшежники вскорѣ принуждены были покориться по прежнему. Впрочемъ поступки нѣкоторыхъ прикащиковъ и служивыхъ людей еще въ то время были столь предосудительны, что безъ сумнѣнія надлежало опасаться худыхъ слѣдствій отъ Камчадаловъ , копорые тѣми ихъ поступками весьма недовольны были.

Послѣ Пеприловскаго былъ прикащикомъ Козьма Вѣжливцовъ ; послѣ Вѣжливцова присланной изъ Анадырска служивый Григорей Камкинъ ; а въ 1718 году прислано изъ Якутска уже при прикащика изъ дѣпей боярскихъ : Иванъ Уваровъ жой въ Нижній Камчатской острогъ , Иванъ Порошовъ въ Верхній , а въ Большерѣцкой Василій Кочановъ , котораго однакожъ козаки скоро команды лишили , и въ шюрьму посадили по обыкновенію , гдѣ онъ болѣе полугода былъ мученъ , а наконецъ избавился бѣгствомъ. Но Кочановъ видно безъ довольной причины съ приказу сверженъ ; ибо мяшежники взяты были въ Тобольскъ , и наказаны за своевольство. Между такими замѣшательствами сдѣлалась измѣна на Воровской рѣкѣ ,

побишны ясачные сборщики, и ясачная казна разграблена; но оные изменники погожѣ года усмирены военною рукою.

1719 года присланъ былъ на смѣну пѣмѣ прикащикамъ дворянинъ Иванъ Харитоновъ, который ходилъ въ походъ пропивъ немирныхъ сидячихъ Коряковъ на Паланъ рѣку, и въ ономъ походѣ убитъ обманомъ; ибо Коряки сперва приняли его честно, дали ясакъ и аманатовъ; и такимъ образомъ исплоша, за ужиномъ съ нѣсколькими людьми закололи; однако пошѣ подлогѣ не со всѣмъ имъ удался: ибо большая часть козаковъ справясь, имѣли щастіе изъ юрты выпши, и изменниковъ сожечь безъ остатку въ острогѣ.

Въ слѣдующіе годы до самаго главнаго Камчатскаго бунта, въ разсужденіи прикащиковъ и Камчатскихъ народовъ, ничего особливаго не происходило, кромѣ нѣкоторыхъ мѣлкихъ возмущеній въ Курилахъ и на Авачѣ; ибо прикащики ежегодно перемѣнялись по прежнему, и на другой годъ выѣзжали съ собранною казною, а Камчадалы временемъ били по два и по три человека сборщиковъ; но въ разсужденіи экспедиціи достопамятны 1720, 1728 и 1729 годы. Въ 1720 году по именному указу бзили для провѣданія и описанія Курильскихъ острововъ Навигаторы, Иванъ Евреиновъ, да

Федоръ Лузинъ, которые съ нарочитымъ плодомъ назадъ возвратились въ Якутскъ 1721 года; ибо они первые доѣхжали почти до Матсмая (1). Въ 1728 году первая Камчатская Экспедиція ходила въ море для провѣдыванія и описанія сѣверныхъ береговъ до 67° и 17' сѣверной широты, слѣдующаго года возвратилась въ Охотскъ, а 1730 года въ Санкт-петербургъ (2). Въ 1729 году прибыла въ тамошнія мѣста такъ называемая Партія, подъ командою Капитана Дмитрія Павлуцкаго, да Якутскаго козачья головы Аѳанасья Шестакова, которой велѣно было всѣ берега сѣверные и южные описать по всѣмъ обстоятельствамъ, всѣхъ тамошнихъ Коряковъ и Чукочъ, кои въ ясаки не положены, привести въ подданство ласкою или оружіемъ, въ пристойныхъ мѣстахъ остроги построить, провѣдывать вновь земли, и стараться о заведеніи съ окрестными торговли. Однакожь сего предпріятія не могла партія про-

() По другимъ же извѣстіямъ (въ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ 1758 года часть I стран. 324) доѣхжали они только до пятого или шестаго Курильскаго острова. В.

(2) Какъ о сей, такъ и о послѣдовавшихъ другихъ морскихъ Экспедиціяхъ упомянуто будетъ на концѣ сего тома. В.

известъ въ дѣйство, такъ какъ надлежало, кромѣ того что нѣкоторыя остроги построила, нѣсколько немирныхъ Коряковъ покорила, описала берега къ Китайскому владѣнію до рѣки Уди, и нѣсколько ходила въ Курильскую сторону; ибо Шестаковъ убишъ отъ Чукочъ въ 1730 году, которые приходили громашъ во многолюдствѣ ясачныхъ Оленныхъ Коряковъ; а Капитанъ Павлуцкой, что послѣ Маіоромъ былъ, опредѣленъ къ слѣдствію Камчатскаго бунта къ Подполковнику Мерлину въ поварищи; въ томъ только онъ щасливѣе былъ Шестакова, что на многихъ сраженіяхъ перевелъ великое мужество упорнаго Чукоцкаго народа, и на нѣсколько времени учинилъ безопасными Коряцкихъ и Анадырскихъ жителей.

Въ томъ же 1729 году лѣпнымъ временемъ принесло къ Камчатскимъ берегамъ между Курильскою Лопаткою и Авачею Японскую бусу (1), на которой было 17 чело-вѣкъ и нѣсколько товаровъ; но оныя нещасные люди побиты отъ случившагося

(1) Оное судно по Японски называлось *фаянк.паръ*, было изъ города Сацмы, отправлено съ сорочинскимъ пшеномъ, съ камками, полотномъ, пищею бумагою, и другими вещами въ городъ Азаку; и слѣдуя къ оному Океаномъ сперва бѣжали бывшіе на ономъ

въ тѣхъ мѣстахъ пятидесятника Шпинникова, кромѣ двухъ человѣкъ, которые въ

суднѣ благополучнымъ въпромѣ, потомъ претерпѣли они противную жестокою погоду восемь дней, кою рою отнесло ихъ въ открытое море, гдѣ уже пути своего не узнали. Въ морѣ носило ихъ такъ какъ вѣяли вѣтры, шесть мѣсяцовъ и 8 дней, считая Ноября отъ 8 Юня по 7 число. Между тѣмъ принуждены они были выметать всѣ свои товары, снасти, якоря и срубить мачту, а руль отбило погодою, вмѣсто котораго употребляли они долги бревна привязавъ ихъ за корму. Въ полъ бѣдственныхъ обстоятельствъ не оставили они просить помощи у боговъ своихъ, а особливо у морскаго, котораго называютъ *финдажа*, однако не много успѣли своею молитвою. Наконецъ принесло ихъ къ Камчатскимъ берегамъ близъ Курильской Лопатки, гдѣ они отъ берегу версахъ въ 5 брося остальные свои якоря, оспановились, и начали свозить нужныя вещи на берегъ. Потомъ и всѣ сѣхали на землю, а число было ихъ 17 человѣкъ; и поставя шатеръ 23 дни покой имѣли, не выдавъ никого изъ Камчатскихъ обывателей, а между тѣмъ большее ихъ судно унесло погодою.

Послѣ того нашелъ на нихъ Козачій пятидесятникъ Андрей Шпинниковъ съ Камчадалами. Японцы обрадовались людямъ, хотя языка ихъ не разумѣли. Начали имъ оказывать всякую склонность и привѣство, дарить плащемъ, и что у нихъ бы-

Санктпетербургъ высланы, и имѣли безъ сумнѣнія случай къ удовольствію своему слы-

ло; напротивъ чего и съ другой стороны пріятствовали, токмо подъ видомъ, и Шпинниковъ стоялъ въ 10 саженьхъ отъ стану цѣлые два дни; наконецъ онъ съ Камчадалами скрылся отъ Японцовъ въ ночное время къ немалому ихъ сожалѣнію. Слѣдующаго дня собрались Японцы въ малое свое судно, погребли близъ берега съ тѣмъ чтобъ сыскасть какое либо жилье, и отъѣхавъ верстъ съ 30, нашли на берегу большее свое судно, которое Шпинниковъ ломалъ съ Камчадалами и обиралъ желѣзные припасы. Японцы не смотря на гибель своего судна, продолжали далѣе путь свой стороною; но какъ завидѣлъ ихъ Шпинниковъ, тотчасъ приказалъ Камчадаламъ перенять и побить ихъ. Японцы видя легкое судно за ними гонящее, и предвидя свою гибель, въ началъ спали ублажать и умилоствлять поклонами, но какъ вмѣсто склонности увидѣли пускаемая стрѣлы, то иные помешалиса въ воду, а остальные отчасти копьями переколоты, отчасти собственными своими саблями, которыя подарили Шпинникову въ знакъ своей покорности, перерублены и въ море помешаны; токмо въ живѣ оставлены двое, одинъ малолѣтней и лѣтъ отъ роду, именемъ *Гонза*, которой былъ при отцѣ своемъ Штурманѣ, для обученія мореплаванію, но и тотъ въ руку рапеной; а другой старой, именемъ *Соза*, который взятъ былъ отъ купечества

шать о казни сего злодѣя за невинное убіеніе земляковъ ихъ.

для провожанія помянутаго судна, и который было бросился въ море.

Шпинниковъ получа малое ихъ судно, все что на ономъ ни было себѣ взялъ, большее судно для желѣза сжегъ, Японцовъ захолопилъ, со всею тою корыстью въ Верхній острогъ поѣхалъ, надѣясь пользоваться варварствомъ пріобрѣтенною добычею, которою и пользовался до прибытія изъ Якутска прикащика, ибо отъ закащика откупался онъ Японскими вещами. Но прикащикъ, какъ скоро услышалъ о помянутомъ приключеніи, приказалъ взять у Шпинникова Японцовъ; закащика, который бралъ подарки, предъ ними наказывалъ жестоко, Шпинникова посадилъ въ шюрьму, и писалъ о немъ въ вышнюю команду, а Японцевъ содержалъ до указа на казенномъ коштѣ.

По смѣнѣ съ приказу отвезъ онъ Японцевъ въ Нижній Камчатской острогъ, и отдалъ на руки Штурману Якову Генсу, а самъ поѣхалъ въ Анадырскъ, и донесъ о всемъ бывшему въ Анадырскѣ тогдашнему главному командиру партіи господину Маіору Павлуцкому, отъ котораго къ Генсу немедленно присланъ былъ приказъ, чтобъ Японцевъ въ Якутскъ отправить, куда они 1-зі года и отправлены. Въ Якутскѣ жили они недѣль съ пять на казенномъ же коштѣ, а потомъ отправлены въ Тобольскъ по указу присланному за рукою Губернато-

Въ 1730 году собиралъ Ясакъ на Камчаткѣ служивой Иванъ Новгородовъ, а на

ра Алексѣя Львовича Плещеева. Въ Тоболькѣ содержаны они были во всякомъ удовольствіи, а по прошествіи четырехъ недѣль посланы въ Москву съ нарочными провожаемыми, которые ихъ въ Сибирскомъ приказѣ представили; а Сибирскій приказъ съ тѣми же провожаемыми отправилъ ихъ въ Санктпетербургъ въ Правительствующій Сенатъ, который немедленно донесъ объ нихъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, и ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО указавъ представилъ ихъ въ Лѣтнемъ домѣ, САМА изволила спрашивать о ихъ приключеніяхъ, ибо младшій изъ нихъ не худо уже говорилъ по Россійски; и тогда же повелѣла Своему Генералу Адъютанту Андрею Ивановичу Ушакову объявить въ Сенатѣ указъ Свой, чтобъ ихъ деньгами и платьемъ довольствовать.

Въ 1734 году по указу ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА отданы они въ Кадетской Корпусъ Иеромонахамъ, для обученія Христіанскому закону, а потомъ сподоблены святаго крещенія Октября 20 дня объявленнаго года, въ церкви Воскресенія Господня, что въ Кадетскомъ Корпусѣ; и Соза нарѣченъ Козьмою, а Гонза Даміаномъ. Въ 1735 году Даміанъ отданъ въ Александровскую Семинарію для обученія Россійской грамотѣ, а вскорѣ потомъ оба присланы по указу въ Академію Наукъ для ученія по разсмотрѣнію Академіи. Въ 1736 году по-

1731 годѣ Козачій пятидесятникѣ Михайло Шехурдинѣ, о которыхъ надлежитъ упомянуть для того, что они за главную причину Камчатскаго бунта почитаются, который вскорѣ по выѣздѣ Шехурдина и послѣдовалъ.

слѣдовалъ указѣ, чтобъ Японцы не токмо Россійскому языку обучались, но и своего бы не забывали, и для того бы обучали своему языку малолѣтнихъ изъ Россійскаго народа, которыхъ къ нимъ опредѣлишь велѣно. По которому указу помянутое учение до кончины ихъ и происходило; а скончался Козма Сентября 18 дня 1736 года на 43 году отъ рожденія, а Даміанѣ въ 1739 году Декабря 15 дня, и погребены первый у церкви Вознесенія Господня, что на Адмиралшейской сторонѣ, а другой въ Калинкиной. Для памяти сего случая, что изъ столь отдаленнаго мѣста были люди въ Россіи, приказала Академія срисовать ихъ, и снять съ лицъ алебастровыя формы, которыя въ Императорской кунсткамерѣ понынѣ находятся.

ГЛАВА IV.

*О измѣнѣ Камтадаловъ, о сожженіи
Нижняго Камчатскаго острога, о по-
кореніи ихъ, и о бывшемъ по тому
дѣлу слѣдствіи и розыскѣ.*

Хотя тамошніе народы давно намѣреніе имѣли искоренить всѣхъ Россійскихъ жителей на Камчаткѣ, чтобъ получить прежнюю вольность; однако за многолюдствомъ ихъ, а особливо что по сысканіи морскаго пути чрезъ Пенжинское море, ежегодно суда приходили со служивыми, и что послѣдовали Экспедиціи, одна за другою въ скорости, не оказывали злобы своей до способнаго времени. Но какъ Капитанъ господинъ Берингъ и вся Камчатская Экспедиція отбыла въ Охотскъ, а паршіи, которая жила на Камчаткѣ въ немаломъ числѣ, вѣрно слѣдовать на ботѣ Гаврилѣ къ Анадырю, чтобъ соединиться съ Капитаномъ Павлуцкимъ, который главную команду имѣлъ надъ паршіею, и ипши бы съ нимъ вмѣстѣ прошивъ немирныхъ Чукочъ, то Камчадалы согласились произвести умышленіе свое въ дѣйство въ

по самое время, когда партія изъ успья Камчатскаго на суднѣ выдепѣ; и сіе пѣмѣ болѣе не сумнѣвались исполнить, что на Камчаткѣ оставалось Козаковѣ весьма малолюдно. Чего ради Нижношанпальскіе, Ключевскіе и Еловскіе Камчадалы во всю зиму разбѣжжали, подѣ видомѣ гощенія, по всей Камчаткѣ; дѣлали совѣты между собою, уговаривали нежелавшихъ ипши кѣ нимѣ вѣ согласіе, и угрожали погубленіемѣ всего ихѣ рода. Такимѣ образомѣ привели они всю Камчатку вѣ возмущеніе, а между пѣмѣ вѣдая, что Шестаковѣ убитѣ отѣ Чукочѣ, пуспили слухѣ, аки бы Чукчи на Камчатку войною идупѣ: можетѣ быть для того чпобѣ вѣ случаѣ неудачи вѣ ихѣ предпріятіи козаки не подумали, что они пому злу начальники, или что бы козаковѣ привестѣ вѣ такую робость, чпобѣ они ихѣ измѣнниковѣ содержали при себѣ, какѣ надежную помощь.

Правда, что изъ пѣхѣ козаковѣ, копорые оставались на Камчаткѣ, не осталось бы ни одного человекѣ, но всѣ бы побиты были, или поморены голодомѣ, еспѣ ли бы не поспѣшествовало особенное кѣ народу нашему Божіе милосердіе; да и партіи бы надобно было много шрудиться и много потерять людей, чпобѣ вновь покорить такой отдаленный народѣ, пѣмѣ наипаче, что

они вѣдая свое злодѣяніе могли жить всегда въ осторожности, при томъ умѣли изъ ружья стрѣлять, имѣли винповокъ и пороху довольно, а многіе знали всѣ Россійскія тамошнія ополченія, и коимъ образомъ защищать себя, и по тому имѣли не варварскія уже предпріятія и совѣщанія, по подлинно хитрыя; ибо хотѣли они стараться всѣми мѣрами, чтобъ не пропустишь вѣдомости до Анадырска; у морскихъ гаваней намѣрены были содержать многочисленныя караулы, и съ приходящихъ судовъ принимавъ служивыхъ раболѣпно, подъ видомъ перевоза въ остроги, а на дорогѣ побивавъ порознь всѣхъ безъ остатка; а главные того бунта начальники были Еловскій Тоіонъ Ѳедька Харчинъ, который часто при ясачныхъ зборахъ полмачемъ бывалъ, да дядя его Голгочъ, Ключевскій Тоіонъ.

Между тѣмъ послѣдній прикащикъ Шехурдинъ выѣхалъ съ Камчатскою казною благополучно; парсія вся съѣхала на устье Камчатки для походу къ Анадырю, со всѣмъ сгрузились на судно, и вышли въ море; однако близь самаго устья на якорь спали, за нечаянно учинившимся прошивнымъ вѣтромъ. А Камчадалы, которые у нихъ въ подводахъ были, и которыми велѣно было объ отбытіи парсіи дать вѣдомость бун-

повщичьимъ Тоюнамъ, которые на ключахъ ожидали оной въ собраніи и во всякой готовности къ нападенію на Нижній Камчатской острогъ; не дождавшись совершеннаго ихъ отбытія, и не чая ихъ возвращенія, Юля 20 дня 1731 года успремилась въ батахъ своихъ вверхъ по Камчаткѣ, начали Козаковъ бить, кого ни встрѣпятъ, начали плѣнить и жечь ихъ лѣповья, женъ и дѣтей брать въ холопство и въ наложницы, а съ вѣдомостью объ отбытіи судна, къ главнымъ своимъ опправили наскоръ, которые погожъ вечера въ острогъ и приплыли, зажгли поповъ дворъ съ пѣмъ намбреніемъ, чпобъ козаковъ, какъ охотниковъ ходить на пожары, способнѣе побить и безопаснѣе; въ чемъ имъ такъ пощаспвилось, что они безъ всякаго сопротивленія почти всѣхъ бывшихъ въ острогъ побили, не щадя и малыхъ дѣтей и женскаго пола, надъ которыми чинили до убійства всякія наругашельства, и дворы всѣ пожгли кромѣ церькви и крѣпости, въ которой все имѣніе жишелей лежало въ сохраненіи. Немногимъ удалось избавиться и приѣхать на усшье съ извѣспіемъ. Такимъ образомъ морской путь къ Анадырю остановился; ибо сперва надлежало свое удержать, нежели вновь покорять немирныхъ.

Между пѣмъ знапный измѣнникъ Ключ-

чевскій Есаулъ Чегечъ, который оставался у моря, слыша что Нижній Камчатской острогъ взятъ, побѣжалъ къ объявленному острогу, плѣня все что отъ переднихъ осталось, и побивая всѣхъ, которые попадались на встрѣчу. Наконецъ соединился съ Харчинымъ, и объявилъ, что партія на суднѣ стоитъ еще при устьѣ Камчатки. Чего ради измѣнники предостерегая себя отъ одной, засѣли въ Нижнемъ Камчатскомъ острогѣ, вокругъ котораго изъ церковной прапезы здѣлали другую стѣну, а въ верхъ по Камчаткѣ послали ко всѣмъ Камчадаламъ вѣдомость о взятіи острога съ такимъ приказомъ, чтобъ всѣ сбѣжались въ завоенной острогъ Россійской.

На другой день разграбили они всѣ пожитки козачьи, нарядились въ самое ихъ лучшее платье, въ томъ числѣ иные въ женское, а иные въ священническія ризы; отправляли великое торжество по обыкновенію въ объядѣніи, пляскѣ и шаманствѣ; а Федька Харчинъ, какъ новокрещеной, призвавъ новокрещенагожъ умбющаго грамотѣ, приказалъ ему пѣть молебнѣ въ священномъ одѣяніи, и за томъ молебнѣ велѣлъ выдать ему 30 лисицъ, записавъ въ книгу такимъ образомъ: По приказу Комисара Федора Харчина выдано за молебнѣ Савину, ибо такъ

оной новокрещеной назывался, 30 лисицъ красныхъ; чего ради послѣ до самаго выѣзда моего называли его попомъ поганымъ.

На другой день по взятіи острога, по естѣ Іюня 21 числа Командиръ партіи, штурманъ Яковъ Генсѣ отправилъ для опнятія у Камчадаловъ острога партію, въ бо человекѣхъ состоящую, которые пришедъ подъ острогъ уговаривали ихъ всѣми мѣрами, чтобъ они покорились, и обнадеживали ихъ Императорскою милостію и прощеніемъ; но они не хотѣли того и слышать; напропивъ того ругали ихъ, и укоряли, а особливо Харчинъ, который насмѣхаясь имъ со стѣны кричалъ: *за темъ вы пришли? развѣ не вѣдаете, что я Комисаромъ Камчатскимъ? я буду самъ ясакъ збирать, а вы козаки здѣсь въ землѣ не надобны.* Чего ради козаки принуждены были съ судна пребывать пушекъ, по полученіи копорыхъ Іюля 26 дня тогожъ мѣсяца по острогу спрѣлять начали, и пробили великіе проломы, такъ что плѣнныя женщины при робости осажденныхъ могли выбѣгать изъ острога.

Харчинъ видя, что ему въ острогѣ не защититься, одѣвшись въ женское платье ушелъ изъ острога, и хопя за нимъ была погоня, однако не могли догнать; ибо онъ такъ рѣзво бѣжалъ, что могъ наспигать

дикихъ оленей, какъ о томъ сказывають многіе козаки и братъ его, котораго я засталъ въ живъ. Послѣ того человекъ Зо осажденныхъ здалися, прочіе въ острогѣ перестрѣлены. Одинъ Ключевскій Есаулъ Чегечъ съ малымъ числомъ подчиненныхъ даже до смерти оборонялся; при которомъ случаѣ отъ стрѣльбы загорѣлась пороховая казна, и крѣпость со всемъ бывшимъ въ ней богатствомъ обратилась въ пепелъ; одна уцѣлѣла церковь, но и та сожжена отъ Камчадаловъ по оплывтіи козаковъ къ морю. На приступѣ козаковъ убито четыре человека, но много переранено; а сколько погибло Камчадаловъ, про то не извѣстно, для того что трупы ихъ погорѣли въ острогѣ. Не спаслись же и тѣ, которые здалися во время приступа; ибо козаки будучи огорчены насиліемъ женъ своихъ, и тратою имѣнія, перекололи ихъ безъ остатка.

Къ поль скорому разбитію бунтовщиковъ много способствовалъ неукоснительное опправление партіи, которая не допустила имъ въ острогѣ умножиться; ибо въ противномъ случаѣ соединились бы съ ними Камакова острога Камчадалы, которыхъ считалось человекъ до ста или болѣе, а малолюдные бы остроги и по неволѣ поспѣши-

ли вѣ сообщеніе, опасаясь бѣдствія; но тогда видя опправленіе парші, принуждены были ждасть окончанія дѣла подѣ видомѣ людей безпристрастныхѣ и вѣрныхѣ Россіи. За всѣмѣ шѣмѣ походомѣ дѣло не приведено къ совершенству; ибо Харчинѣ собравшись съ другими Тоіонами во многолюдствѣ, намѣренѣ былѣ плыть къ морю, и дасть бой со служивыми; токмо встрѣченѣ отѣ парші при самомѣ опправленіи вѣ путь свой, и по маломѣ сраженіи принужденѣ былѣ отступитѣ на опѣемное высокое мѣсто, и укрѣплятьсѣ по лѣвую сторону Ключевки рѣчки, гдѣ сраженіе происходило, а козаки спали по другую сторону той рѣчки.

И хопя Харчинѣ всякіе способы употреблялѣ, какѣ бы успрашитѣ козаковѣ, и принудишь возвратитѣся къ морю; однако они вмѣсто робости не преснавали совѣтовать ему и сообщникамѣ, что бы здалися; и наконецѣ убѣдили, что Харчинѣ съ другимѣ Тоіономѣ и съ братомѣ своимѣ на переговоры вышелѣ, и стоя при рѣчкѣ показывалѣ свою охоту, что онѣ желаетѣ быль вѣ стану козачьемѣ, токмо пребовалѣ за себя аманатомѣ одного служиваго; что съ козачей стороны учинено безпрекословно. А Харчинѣ будучи вѣ стану ихѣ пребовалѣ, чтобѣ они Камчадаловѣ не раззоряли, для

того, что онъ болѣе воевать не хочетъ, и побѣдѣ уговаривать сродниковъ своихъ и подчиненныхъ; но будучи назадъ опущенъ прислалъ отвѣтъ, что сродники его къ миру не склоняются, а братъ его и Тоіонъ Тавачъ, которые приходили вмѣстѣ съ Харчинымъ, къ своимъ возвратиться не желали.

На другой день Харчинъ пришедъ на берегъ съ другими Тоіонами пребовавъ, чтобъ его козаки къ себѣ перевезли, а въ аманашы бы за него дали двухъ человекъ, въ чемъ ему козаки и впорично не отказали, однако умышленно; ибо какъ онъ къ нимъ переѣхалъ, то они взяли его подъ караулъ, а своимъ закричали, чтобъ въ рѣку бросались; для предосторожности же, чтобъ оставшіе на берегу ихъ не закололи, приложились на нихъ ружьями, чего Камчадалы испрашась разбѣжались. Такимъ образомъ главный измѣнникъ пойманъ, даванные въ аманашы спаслись, а остальные Тоіоны съ своими подчиненными по двоекрапномъ выстрѣлѣ изъ пушекъ разогнаны. Верхоеловскій Тоіонъ Тигиль со своимъ родомъ побѣжалъ въ Еловскія вершины, Ключевской Тоіонъ Голгочъ вверхъ по Камчаткѣ, а другіе по другимъ мѣстамъ, однако вскорѣ всѣ погибли; ибо козаки многими парціями

устремились въ слѣдъ за бѣгущими, и были, кого ни постигали. То онъ Тигиль по долговременномъ сопротивленіи переколовъ женъ и дѣтей своихъ самъ себя живопашилъ. А Голгочъ по погромленіи Камчатскихъ острожковъ на рѣкѣ Козыревской и на Шапиной за то, что жители не хотѣли итти къ нему въ сообщеніе, убилъ отъ нихъ при своемъ опшуда возвращеніи.

Между тѣмъ какъ слухъ прошелъ о раззореніи Нижняго Камчатскаго острога, то Камчадалы по большей части взбунтовали, всѣхъ, кто въ ихъ острожкахъ изъ козаковъ ни прилучился, убили, размуча пирански; начали соединяться вмѣстѣ, чтобъ итти подъ оставшіе остроги подъ Верхній и Большерецкій, начали призывать къ себѣ въ сообщеніе всѣхъ своихъ сосѣдей угрозами и ласкою, при чемъ много изъ тѣхъ, которые къ нимъ не приспали, и побито. А козаки принуждены были жить въ великомъ страхѣ, пока не получили помощи изъ Нижняго; однако партіи изъ обоихъ остроговъ ходили въ походъ по Пенжинскому морю, и громили всѣхъ безъ пощады и милости. А когда прибыла команда изъ Нижняго, тогда они соединенными силами пошли на Авачинскихъ измѣнниковъ, которыхъ было болѣе 300, брали приступомъ крѣпкіе и на-

рочно сдѣланные оспрожки ихъ, побивали измѣнниковъ купно и съ невинными, женъ ихъ и дѣшей въ холопство брали, и такимъ образомъ погубя ихъ множество и успокоя, паки на Камчатку возвратились по своимъ мѣстамъ съ великою прибылью. И съ того времени не бывало уже убійства на Камчаткѣ по 1740 годъ, въ которомъ по разнымъ мѣстамъ человекъ съ семь отъ Коряковъ переколошы, въ томъ числѣ одинъ матрозъ команды покойнаго Капитана Командора господина Беринга.

Послѣ того вскорѣ прибылъ на Камчатку для розыску Якутскаго полка Маіоръ, что попомъ былъ Подполковникъ, Василій Мерлинъ съ однимъ Офицеромъ, съ капральствомъ солдатъ и съ малымъ числомъ Иркутскихъ служивыхъ, а по немъ въ поварищи ему Маіоръ Павлуцкій; копорымъ велѣно было изслѣдовать о причинѣ бунта, о убійствѣ Японцевъ, и о другихъ тамошнихъ непорядкахъ; а изслѣдовавъ оное дѣло прислалъ съ подписаніемъ своего мнѣнія въ Иркутскъ для конфирмаціи, и при томъ новой острогъ построить; копорые и жили тамъ по Августѣ мѣсяцѣ 1739 года. Въ бытность свою построили они Нижній Камчатскій острогъ не много ниже устья Рапуги рѣчки, изслѣдовали о помянутомъ бун-

тѣ , и по полученіи конфирмаціи на слѣдственное дѣло казнены смертію шрое изъ Россійскихъ , а именно: Комисаръ Иванъ Новгородовъ , пятидесятникъ Андрей Ііпинниковъ , который убилъ Японцевъ , и Михайло Сапожниковъ , въ каждомъ оспрогѣ по человѣку , да съ ними человѣка по два Камчадаловъ изъ главныхъ бунтовщиковъ , въ томъ числѣ и Ѳедоръ Харчинъ ; прочіе козаки по состоянію винъ шпрафованы. Служители ихъ Камчадальскаго народа , которыхъ они боемъ , куплею и за долги получали , и владѣли какъ крѣпостными , опущены на волю , и впредь кабалишь ихъ запрещено накрѣпко. Безспрашіе , съ какимъ тамошній народъ къ смерти ходитъ , можно всякому разсудитъ по одному примѣру , что при помянутой казни одинъ смѣючись жаловался на свое нещасіе , что ему на висѣлицѣ послѣднему бытъ надлежало. Подобно безспрашію жестокосердіе ихъ въ терпѣніи тѣлеснаго наказанія. Какъ ихъ ни мучь , болѣе не услышишь какъ , *ни ни* , и то опѣ перваго удара , а потомъ какъ безчувственные молчатъ закуся языкъ , и болѣе того допытаться у нихъ приспособѣ не можно , какъ токмо что въ допросѣ добровольно сказали.

Съ того времени миръ , покой и пиши-

шина въ Камчаткѣ, да и впредь опасаться нѣчего; ибо по высокомаатернему Всемило-спивѣйшія Государыни нашея Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ о подданныхъ Своихъ попеченію сдѣланы такія учрежденія, что тамошнимъ жителямъ лучшаго удовольствія желать не возможно. Ясаку они плащящъ токмо по одному звѣрю съ чело-вѣка, какой гдѣ промышляется, то естъ по лисицѣ, бобру или соболю, а другихъ они сборовъ уже не знаютъ. Судъ и расправа, кромѣ уголовныхъ дѣлъ поручены Тоіонамъ ихъ, а Комисарскому суду они не подвержены. Старыхъ долговъ, копорые козаки на нихъ почитали, править на нихъ подъ жестокимъ наказаніемъ не велѣно; а что всего паче, всѣ почти они приведены въ Христіанскую вѣру чрезъ проповѣдь слова Божія, къ чему способствовали ошмѣнныя щедроты и милосердія Всеавгустѣйшія Монархини нашея, что новокрещенымъ дана отъ ясаку на 10 лѣтъ свобода. Для умноженія же ихъ въ Православіи опредѣлены училищели, и во всѣхъ почти острогахъ заведены школы, въ которыхъ невозбранно обучаются какъ дѣтямъ козачьимъ, такъ и Камчадальскимъ безъ всякой плашы; и нынѣ Христіанская вѣра въ тамошней споронѣ къ сѣверу до Коряковъ, а къ Югу до

трешьяго Курильскаго острова распространилась; но можно твердо надѣяться, что вскорѣ и Коряки просвѣщены будутъ Святымъ крещеніемъ, тѣмъ наипаче, что многіе изъ нихъ приняли Христіанскую вѣру. Сіе же между славными и великими дѣлами Всепресвѣплѣйшія Самодержицы нашея почитать должно, что звѣрской оной народъ, изъ котораго до временъ щасливаго владѣнія Ея ни ста человекъ крещеныхъ не было, въ краткое время познавъ истинну оставилъ свое заблужденіе такъ, что каждой нынѣ съ сожалѣніемъ и съ смѣхомъ воспоминаетъ прежнее житіе свое.

Примѣчаніе. Здѣсь оканчивается Историческое повѣствованіе Крашенинникова относительно къ Камчаткѣ; мы присовокупляемъ къ оному слѣдующее краткое примѣчаніе, извлеченное изъ нѣкоторыхъ достоверныхъ рукописей. „Послѣ усмиренія бунта Камчатскихъ жителей, произшедшаго отъ злоупотребленія власти и насилія управлявшихъ Камчаткою прикащиковъ, посылаемы были туда съ 1738 года начальники изъ чиновниковъ, которые управляли Камчаткою спокойно 50 лѣтъ. Камчатскіе жители довольны были симъ Правленіемъ, исключая безпокойныхъ Коряковъ, для содержанія коихъ въ повиновеніи, построена Тигильская крѣпость при рѣкѣ Тигиль. Однако народонаселеніе Камчатки

весьма уменьшилось въ 1767 году, по причинѣ принесенной изъ Охотска оспы, отъ которой опустошенъ весь восточный Камчатскій берегъ. По открытіи же Иркутскаго намѣстничества въ 1783 году, учрежденъ въ Нижне - Камчатскомъ острогѣ городъ и уѣздное правленіе, и симъ раздѣлена власть между чиновниками; отъ чего произошли между ними несогласія, возмущавшія спокойствіе Камчатки. Какъ Иркутское Правительство, по отдаленности того края, тщетно предпринимало разныя средства къ прекращенію оныхъ несогласій, то наконецъ въ 1803 году учреждено въ Нижне - Камчатскѣ Обласное правленіе, и для защиты того края, расположенъ въ гарнизонахъ одинъ баталіонъ войскъ. Но какъ Обласное правленіе, и споль великій гарнизонъ, сдѣлались тамошнему малолюдному краю тягостны, то для облегченія участи Камчатскихъ жителей, послѣдовало въ 1812 году преобразование воинской и гражданской части; по которому Обласное правленіе уничтожено, и баталіонъ Камчатскій разформированъ. На мѣсто же оныхъ образовано новое Правленіе, состоящее только изъ одного Начальника и его Помощника. Начальникъ Камчатки избирается изъ морскихъ чиновниковъ; ему велѣно быть также и Начальникомъ портовъ, и ротнымъ Командиромъ флотскаго экипажа въ Петропавловской гавани. Весь гражданской штатъ Камчатки состоитъ нынѣ только: изъ Начальника, его Помощника, Секретаря, объѣзднаго Комисара, трехъ писарей, двухъ лѣкарей и трехъ учениковъ; а главное

пребываніе онаго въ Петропавловской гавани. Какъ нынѣ Камчатской народъ, чрезъ долговременное обращеніе съ Рускими, сдѣлался совершенно тихъ и миролюбивъ, то въ облегченіе сего края уменьшенъ также значительно и гарнизонъ; оный состоитъ нынѣ изъ флотской роты 122 человекъ, изъ конной козачей команды 56 человекъ, и изъ нѣкотораго числа пѣшихъ козаковъ, для исправленія полицейской должности.

ГЛАВА V.

О нынѣшнемъ состояніи Камчатскихъ остроговъ, о ихъ преимуществѣ и недостаткахъ въ сравненіи между собою.

Россійскихъ остроговъ на Камчаткѣ пять, какъ уже выше сказано: 1) Большерѣцкой, 2) Верхній Камчатской, 3) Нижне-Шанпальской, 4) при гавани Петропавловской, а 5) при рѣкѣ Тигидѣ.

Большерѣцкой острогъ стоитъ на сѣверномъ берегу Большой рѣки, между впадающими въ оную посторонними рѣками Быспрою и Гольцовкою въ 33 верстахъ отъ Пенжинскаго моря (1). Крепость въ ономъ острогѣ четвероугольная, во всѣ стороны

(1) Сей острогъ стоитъ на ровномъ низменномъ мѣстѣ, окруженномъ оповсюду протоками. Онъ былъ прежде знаменитъ какъ пребываніемъ въ немъ Воеводской Канцеляріи и Управляющаго всею Камчаткою, такъ и главнымъ собраніемъ торгующихъ; но послѣ открытія въ 1783 году въ Нижне-Камчатскѣ города пришелъ въ упадокъ, а при новомъ преобразованіи на Камчаткѣ Гражданской и Военской части въ 1812 году и вовсе уничтоженъ, подобно какъ и ниже сего описываемые остроги

по 10 сажень, съ востока и съвера огорожена палисадникомъ. Южную и западную стѣну составляетъ строеніе, а именно: ясачная изба, аманатская казенка, между копсрыми сдѣланъ анбаръ для содержанія аманатской юколы, да двоежилей анбаръ, въ которомъ ясачная казна хранится. Еходъ въ острогъ съ западной стороны небольшими воротцами. За острогомъ строенія: часовня, что нынѣ уже церковь, во имя Николая Чудотворца, съ колокольнею на столбахъ, а при ней церьковной анбаръ; обывательскихъ домовъ по разнымъ островамъ придцать, кабакъ съ винокурнею, служивыхъ 45 человекъ, да козачьихъ дѣшей положенныхъ въ подушной окладъ, которые однакожъ служатъ въ рядъ съ козаками, 14 человекъ.

Въ разсужденіи крѣпости сей острогъ всѣхъ хуже, но и нужды нѣтъ въ укрѣпленіи, по тому что подвластные сему острогу Камчадалы издавна надежны и вѣрны. Въ разсужденіи же мѣстоположенія имѣетъ оный передъ другими великую выгоду: 1) что морскіе суда приспаютъ на Большой рѣкѣ, чего ради жилили всегда

Верхне и Нижне - Камчатской, и крѣпость Тигильская. В.

получаютъ привозные повары изъ первыхъ рукъ; 2) что жители содержатъ у себя приѣзжихъ на квартирахъ, и довольствуютъ столомъ изъ плавы, отъ чего получаютъ немалую прибыль; 3) что кладь опшуда въ другіе остроги подвимаютъ на своихъ собакахъ, а за перевозъ берутъ немалыя деньги; 4) что морскихъ бобровъ, которые нынѣ за главной Камчатскій поваръ почитаются, получаютъ они больше нежели жители другихъ остроговъ; 5) что въ лучшее время имѣютъ они рыбы со излишествомъ, и ловятъ съ малымъ трудомъ и изживеніемъ, ибо по состоянію рѣки не употребляютъ они сѣтей больше 20 сажень; чего ради и главной командиръ Камчатскихъ остроговъ по большей части живетъ въ Большерѣдкомъ, а въ другіе остроги посылаетъ отъ себя закащиковъ. Тамъ токмо сей острогъ недоспапочевъ, что въ лучшее время, когда рыба изъ моря идетъ, и оною запасается въ зиму, всегда бываетъ морская погода, отъ чего происходитъ въ приготовленіи кормовъ великое затрудненіе: ибо при несказанномъ множествѣ рыбы съ нуждою запасается столько, чтобъ на зиму спало, а по большей части къ веснѣ бываетъ великая дороговизна собственныхъ припасовъ и голодъ. Если бы лѣсомъ сія рѣка была довольна,

то бы сей недостапокъ опираишь можно было копченіемъ и сушеніемъ рыбы въ шалашахъ по примѣру Охотскихъ жишелей; но такой шалашъ здѣлать не мало денегъ надобно, ибо лѣсъ къ строенію годной издалека плавится съ великимъ трудомъ и опасностію. Къ каждой лодкѣ привязывается не болѣе десяти бревенъ, да и такимъ образомъ на быспрыхъ мѣскахъ часто разбиваются ихъ. Для большаго изясненія трудности въ плавленіи лѣсу довольно только то объявишь, что отъ моря не по лѣсу годной, но по сухіе дрова, копорыя употребляютъ на вареніе соли и жиру, ѣдятъ по трои и по чепыре супки, а привозятъ только, что не сварить и пуда; отъ чего шамъ и соли не споль довольно, какъ въ Нижнемъ Камчатскомъ острогѣ или на Авачѣ. У котораго козака одна лодка, шопъ мѣсяцъ и балаганъ строитъ у моря, къ котораго строенію токмо колье, правда да 9 подставокъ пошребны.

Верхній Камчатской острогъ, копорый прежде всѣхъ построень, и былъ нѣскольکو лѣтъ главнымъ острогомъ, для того что Комисары въ немъ жили, а въ другіе остроги посылали закащиковъ, споятъ на лѣвомъ берегу рѣки Камчатки при устьѣ рѣчки Кали, отъ Камчатской вершины въ 69 вер-

спахъ, отъ Большерѣцка по прямой дорогѣ въ 242, а по дорогѣ чрезъ Оглукоминской хребетъ въ 436 версахъ въ 50 саженьхъ. Крѣпость въ немъ четвероугодная съ палисадникомъ во всѣ стороны по 17 сажень. Ворота съ рѣчной стороны сѣбны, а надъ ворошами анбаръ, въ которомъ хранится ясачная казна. Внутри крѣпости строенія: ясачная изба съ каморкою, въ которой аманаты содержатся, два анбара двоежилые, въ которыхъ кладется жиръ на свѣтѣ и аманатская юкола. За крѣпостью часовня, что нынѣ церковь, во имя Николая чудотворца, Государевъ домъ съ принадлежащимъ строеніемъ, кабакъ съ винокурнею, обывательскихъ домовъ 22, а служивыхъ и козачьихъ дѣшей 56 человекъ.

Сей острогъ въ разсужденіи погоды и лѣсу великое имѣетъ предъ Большерѣцкимъ преимущество, ибо тамъ всегда бываетъ изрядная погода, а лѣсъ хотя пополовой, однако толстой, и съ малымъ трудомъ получить можно, чего ради и хоромное строеніе въ ономъ острогѣ гораздо лучше Большерѣцкаго. Имѣетъ же помянутой острогъ и въ томъ преимущество, что земля тамъ способна къ плодородію, и пахатныхъ мѣстъ больше и лучше тѣхъ нигдѣ не находится. Но въ разсужденіи рыбныхъ промысловъ бѣ-

день, для того что рыбы по дальности расстоянія его отъ моря, и не много шуда доходятъ и весьма поздно, такъ что Нижношанпальскіе жители тогда кормомъ со всѣмъ исправляются, когда въ Верхнемъ начинается промыселъ. Чего ради жители по всякую почти весну прешерпѣваютъ голодъ, и принуждены бываютъ весною закупать рыбу по Пенжинскому и Бобровому морю. Соль и жиръ они покупаютъ въ Нижнемъ Камчатскомъ острогѣ, или сами на успѣе Камчатки для варенія ея ѣдятъ, не взирая на великое расстояние, ибо отъ Верхняго Камчатскаго острога до успья Камчатки болѣе 400 верстъ. Прежде сего помянутые недостатки награждаемы бывали морскими бобрами съ Боброваго моря, которыхъ козаки получали довольно; но нынѣ и та ихъ польза миновала, для того что на Бобровомъ морѣ мало приваловъ бываетъ, при которомъ случаѣ самой лучшей того звѣря промыселъ (1). Есльи же у помянутаго острога Бобровое море приписано по близости къ Авачинскому острогу, то жителямъ сего острога вся надежда на земледѣліе останется, чѣмъ они, ежели не полѣнятся, бо-

(1) Нынѣ уже не водятся морскіе бобры около Камчатки. В.

лѣе прибыли получаютъ будущъ нежели отъ торгу съ Камчадалами (1); въ прошивномъ случаѣ и жить имъ шамъ почти не у чего будетъ.

Нижній Камчатской или Нижношанпальской острогъ отъ Верхняго Камчатскаго острога въ 397 верстахъ, стоить на томъ же берегу рѣки Камчатки, не добъжая за 30 верстъ до ея устья. Крѣпость въ немъ четвероугольная, огорожена палисадникомъ длиною 42, а шириною 40 сажень съ продолженною рубленою башнею, которая здѣлана посреди стѣны западной. Внутри крѣпости строенія: церковь во имя Успенія Пресвятыя Богородицы съ предѣломъ Николая Чудотворца, ясачная изба съ сѣнями и амункою, домъ Государевъ, въ которомъ живутъ прикащики, два анбара кладовые, въ которыхъ содержится ясачная казна и

(1) Отъ Верхне-Камчатска къ Сѣверу въ 6 верстахъ, на ровномъ мѣстѣ на берегу протока *Барлатанскаго*, заложена новая солдатская слобода; далѣе въ 3-хъ верстахъ слѣдуетъ заимка *Шигатикъ*, гдѣ пасся казенной скотъ, а отсюда въ 3-хъ же верстахъ деревня *Милкова*, въ коей живетъ 25 чело-вѣкъ пашенныхъ Рускихъ крестьянъ. Отъ самой *Барлатанки* до сей деревни поля воздѣлывающа, и хлѣбъ рождается съ избыткомъ. В.

военные припасы. Все строение въ разсужденіи другихъ остроговъ изрядное и прочное, для того что все изъ лиственничнаго дерева. За крѣпостью строенія: обывательскихъ домовъ 39, да кабакъ съ винокурнею. Жителей всякаго чина 92 человекъ.

Сей острогъ въ разсужденіи вещей по потребныхъ къ человѣческому содержанію по тамошнему обстоятельству, можно почесть преизобильнымъ и преспособнымъ мѣстомъ: 1) что тамъ довольно преизрядной рыбы, которой жители и солятъ и сушатъ со излишествомъ; 2) что въ лѣсѣ не токмо къ хорошему, но и къ судовому строенію годномъ изобиліе; 3) что въ разсужденіи состоянія рѣки плавить его можно безъ всякой опасности; чего ради жиру и соли варится тамъ столь много, что и другіе остроги оною снабждаются; 4) что около рѣкъ мѣстъ множество дичи промышляется, которой жители получаютъ отъ Камчадаловъ такъ много, что нѣтъ такого бѣднаго козака, который бы нарядной обѣдъ здѣлалъ безъ лебедя, а о гусяхъ, уткахъ и упоминаеть нѣчего; 5) что они получаютъ завсегда свѣжую рыбу, которая на ключахъ и зимою ловится; 6) что родится тамъ много ягодъ морошки, брусницы и голубицы, которыхъ прожиточные люди запасаютъ въ зиму ве-

ликія кади, а сіе составляетъ по рыбѣ главную часть свѣстныхъ припасовъ; 7) что могутъ они, сколько надобно, достать всякой домовой посуды, при томъ дешевою цѣною, которую въ Большерѣцкѣ едва можно получить за великія деньги; 8) что имъ достаются самые лучшіе Камчатскіе соболи съ рѣки Тигиля; 9) что Коряцкіе товары, оленье плашье, камасы, постели, пыжики, ровдуги и самыхъ оленей на пищу, безъ которыхъ имъ меньше нежели безъ Россійскихъ и Китайскихъ обойтись можно, получаютъ они дешевле другихъ и способнѣе; 10) что тамъ въ близости есть и мѣста плодородныя, гдѣ всякой хлѣбъ и овощи родятся. Одинъ недостатокъ состоитъ въ томъ, что Россійскіе и Китайскіе товары дороже у нихъ продаются нежели въ другихъ острогахъ, для того что купцы должны провозъ на товары накладывать, котораго отъ Большерѣцка до сего острога не меньше чепырехъ рублей на пудъ приходитъ.

Чепвертой острогъ заведенъ при Авачинской губѣ въ 1740 году, а жилища переведены туда изъ Нижняго и Верхняго Камчатскимъ остроговъ. Тамъ построены преизрядные дома, особливо же великолѣпно по тамошнему состоянію строеніе Камчатской Экспедиціи, которое стоитъ около

Петропавловской гавани. Вящее еще украшеніе придаетъ ему церковь съ пристойнымъ зданіемъ, что на изрядномъ мѣстѣ воздвигнута (1).

Преимущества и недостатки сего мѣста почти тѣже что и Большерѣцкаго острога; въ томъ токмо есть нѣкоторая опмѣна, что на Авачѣ бобровые промыслы передъ руками, на проливѣ того вода не столь хороша и здорова, какъ въ Большой рѣкѣ. Многіе отъ ней хворали одышкою, чего ради знатнѣйшіе изъ Камчатской Экспедиціи не рѣдко за водою посылашь принуждены бывали на рѣку Авачу, которая въ Авачинскую губу впадаетъ.

Въ какомъ состояніи пятой острогъ, что при рѣкѣ Тигилѣ, про то объявить не

(1) Петропавловская гавань можетъ почитаться самою превосходнѣйшею, отъ природы произведенною, въ свѣтѣ гаванью; она одна только и есть по всемъ берегамъ Камчатскимъ и Охотскимъ, удобная и безопасная для всякаго рода судамъ пристань. По сему ея преимуществу и другимъ выгодамъ, положено, при новомъ преобразованіи Камчатскаго Правительства въ 1812 году: быть въ сей гавани главному пребыванію Начальника Камчатки, и устройть тамъ всѣ нужныя казенныя заведенія, для помѣщенія гарнизона и флотскаго экипажа. В.

лзя ; ибо оной зачали строитъ уже по вы-
ѣздѣ моемъ съ Камчатки ; шокмо то извѣ-
стно, что отправлено въ оной 37 человекъ
на поселеніе (1). Господинъ Стеллеръ пишетъ,
что помянутой острогъ заблаго разсуждено
строить для трехъ причинъ: 1) чтобъ бун-
тующихъ сидячихъ Коряковъ содержать въ
послушаніи ; 2) чтобъ опшуда проложитъ
дорогу вокругъ Пенжинскаго моря до Охотска ;
3) чтобъ защищать въ нужномъ случаѣ
Оленныхъ Коряковъ отъ Чукочъ, которые ихъ
всегда раззоряютъ. Жители сего острога
могутъ много пользы опнять у Нижношан-
тальцовъ : 1) что имъ не столь способно
будетъ получать соболей Тигильскихъ ; 2)
что Коряцкіе товары прежде Тигильцамъ
доставаться имѣютъ ; 3) что ясачные Ко-
ряки Пенжинскаго моря, которые были подъ
Нижнимъ, чайпельно къ Тигильскому ост-
рогу какъ къ ближайшему приписаны бу-
дутъ.

(1) Тигильская крѣпость построена на правомъ
берегу рѣки Тигиля въ 35 верстахъ отъ устья ; она
нынѣ уничтожена потому что Коряки спали обхо-
дительнѣе и послушнѣе, и что Чукчи также жи-
вуть мирнѣе. В.

Г Л А В А VI.

О житіи тамошнихъ козаковъ , о изобрѣтеніи травянаго и ягоднаго вина , о куреніи , о прежней винной продажѣ , и о доходахъ козатыхъ .

Козачье житье на Камчаткѣ не разнствуетъ почти отъ Камчадалскаго ; ибо какъ тамъ , такъ и другіе питаются кореньемъ и рыбою , и въ тѣхъ же трудахъ упражняются : лѣтомъ промысляютъ рыбу и запасаютъ въ зиму , осенью копаютъ коренье , дерутъ кропиву , а зимою вяжутъ изъ оной сѣби . Вся разность состоитъ въ томъ : 1) что козаки живутъ въ избахъ , а Камчадалы по большей части въ земляныхъ юртахъ ; 2) что козаки ѣдятъ больше вареную нежели сухую рыбу , а Камчадалы больше сухую ; 3) что козаки изъ рыбы дѣлаютъ различныя кушанья , какъ на примѣръ : пельныя , пироги , блины , оладьи , и прочее , чего Камчадалы до Россійскихъ людей не знали . Но понеже въ такомъ житіи безъ женскаго пола обойтись никакъ не возможно , для того что большая часть помянутыхъ прудовъ лежитъ на ономъ , какъ на примѣръ : чищеніе рыбы , ко-

паніе коренья, порпная и сапожничья работа, сученіе пряжи и прочая, а козаки поселились на Камчаткѣ безъ женскаго пола для того, что по трудности пути и одни проходили съ нуждою; того ради сообщу я средства, которыя они употребляли.

Что козакамъ новое оное мѣсто не всегда ласкою, но иногда и силою покоряшь надлежало, о томъ всякому довольно разсудить можно. Изъ оспрожковъ покоренныхъ силою брали они довольно число въ полонъ женскаго пола и малолѣтнихъ, которыхъ раздѣляя по себѣ владѣли ими какъ холопами. Оные холопы должны были стараться о всемъ попребномъ къ содержанию, а они какъ господа довольствовались гоповымъ ни за какіе труды не принимаясь. Для присмотра за холопами употребляли они наложницъ своихъ изъ числа же холопей, на которыхъ они по прижитіи дѣтей по большой части и женивались. А копорые желали чрезъ супружество свойство имѣть съ вольными Камчадалами, тѣ давали имъ на себя записи, что они по прибытіи священника дочерей ихъ за себя возмущъ. Такимъ образомъ случалось, что у козака крестины невѣсты, свадьба, молишва и крестины дѣтей оправлялись вмѣстѣ; ибо во всѣхъ оспрогахъ одинъ былъ священникъ, который жилъ въ

Нижнемъ острогѣ, а въ другіе приѣзжалъ чрезъ годъ или чрезъ два года; между тѣмъ многіе женившись по вышеписанному обыкновению, давъ на себя запись дѣтей рождали, которыхъ дѣчку должно было крестить, а священнику приѣхавъ и родителей вѣнчать и совершать тайну крещенія.

Камчатское житіе козакамъ, какъ такимъ людямъ, которые не видали лучше, не непріятно казалось, тѣмъ наипаче, что жили они какъ дворяне за холопами. Соболей и другой мягкой рухляди получали довольно. Въ карты, которая ихъ вящшая была забава, имѣли что проигрывать. Одно ихъ мучило, что вина достать имъ было не гдѣ, однако и тотъ недостатокъ отъ охотниковъ награжденъ вскорѣ, какъ ниже сего объявлено будетъ; а здѣсь надобно упомянуть о карточномъ ихъ увеселеніи, какое они получали удовольствіе и прибыль. Прежде сего лучшее сходбище у нихъ было въ ясачной избѣ; тамъ были суды, совѣты, споры и зерновое мѣсто, а когда завелись кабаки, тогда все помянутое въ нихъ производить начало. Игроки приходили туда съ соболями или лисицами, а когда того не доставало, приводили холопей. Лучшее у нихъ мѣсто на палаткахъ: игравали въ великую сумму по тѣхъ поръ, пока оба оставались наги, ибо соболи и ли-

сицы разходились на вино, на каршяное и на свѣтовое; а кто въ выигрышѣ оставался, тотъ доволенъ бывалъ мнимою прибылью, что биралъ письмо въ долгу, которое они кабалой называли. Почти повѣришь тому не лъзя, какое при томъ бѣдныя ихъ холопи терпѣли мученіе; часто случалось, что въ одинъ день доставалось имъ имѣть по двадцати хозяевъ, о чемъ и понынѣ многіе съ горестію воспоминаютъ.

Что касается до изобрѣтенія вина, то оно нашли козаки Большерѣцкіе такимъ образомъ: обычай у нихъ естъ всякія ягоды заготовлять въ зиму, какъ уже выше объявлено. Нѣкогда случилось, что ягоды къ веснѣ окисли, и ни въ какую попребу кромѣ квасу не были годны; между тѣмъ нѣкопорые пьючи окислой цѣльной розсолъ почувствовали хмель въ себѣ, чего ради приготовя кошелъ перегонили оныя съ желаемымъ успѣхомъ къ великой радости всѣхъ жителей. Съ тѣхъ поръ на Камчаткѣ безъ вина уже не было, а особливо когда провѣдано, что и изъ сладкой правы вино рождается. Когда у нихъ недоставало на вино ягодъ, тогда мочили они сладкую праву въ водѣ, и положи въ сусло полченныхъ кедровыхъ орѣховъ, и сквася пили вмѣсто меду. Но какъ и отъ того почувствовали шумъ

въ головѣ, потчасѣ устремились на опыты. Въ началѣ квасили сладкую праву къ кипрейномѣ суслѣ, и то сусло перегоняли, но безѣ успѣха; по томѣ начали и самую праву въ кошлы класать; тогда получили, чего искали. Но понеже сладкую праву въ кипрейномѣ суслѣ мочить убыточно было, то отвѣдывали они гнашь вино и изѣ одной сладкой правы, въ чемѣ неменьшій успѣхѣ имѣли. И сей способѣ какѣ непропорной понынѣ въ употребленіи.

Какимѣ образомѣ сладкая права заготовляется, о томѣ во второй части сего описанія упомянуто, а здѣсь осталось объявить, какѣ изѣ заготовленной правы вино выгоняютѣ.

Сухую праву пластинами мочатѣ они въ теплой водѣ, наливѣ воды въ небольшое судно сшолько, чшобѣ права могла погрузиться; и положиа въ оную жимолосшныхѣ ягодѣ или пьяницы, замазываютѣ крѣпко, и спавятѣ въ теплое мѣсшю. И сіе называютѣ они приголовкомѣ, который кичнетѣ сѣ превеликимѣ шумомѣ. Знакѣ его совершенства: какѣ перестаетѣ гремѣть; тогда мочатѣ они сладкой правы въ большихѣ кадяхѣ шуда по два и по шри, и квасятѣ объявленнымѣ приголовкомѣ, и при всемѣ поступаютѣ, какѣ выше показано, а сіе называ-

юшѣ они брагою. Когда брага гремѣтъ переспаенѣ, тогда кладутѣ оную въ чугунные или мѣдные кошлы, накрываюшѣ деревянною крышкою, въ которой вмѣсто трубы обыкновенно вмазывается ружейной сволѣ, и гоняшѣ раку по шѣхѣ порѣ, пока въ ней естѣ остроша. Сія рака крѣпостію подобна хорошему вину, чего ради и пьюшѣ оную за вино, не переганивая въ другой разѣ. Дѣлаюшѣ же брагу и безѣ приголовка заквася водою, въ которой мочена негодная права, что по выгнаніи вина въ кошлахѣ остаешся. Изѣ трехѣ пудѣ или и изѣ двухѣ съ половиною выходитѣ раки печашное ведро, которое изѣ казны по 20 рублей продавалось.

Естѣли кому неизвѣстны тамошніа обстоятельство, тошѣ въ разсужденіи поманутаго пространнаго козачья жипья безѣ сумнѣніа пожелаетѣ вѣдать, откуда получаюшѣ поль великіе доходы; чего ради сообщу я здѣсь для такихѣ любопытныхѣ крапкое о прибышкакѣ ихѣ извѣстіе. Съ начала завоеванія Камчатки имѣли они довольной случай богашиться: 1) отѣ частыхѣ находѣ на немирныхѣ Камчадаловѣ, которыхѣ они покоряли военною рукою; 2) отѣ ясачнаго збора, при которомѣ каждому рядовому козаку по нѣскольку мягкой рухляди до-

спавалось на пай; ибо каждый Камчадалъ кромѣ ясаку долженъ былъ дать имѣ чешыре лисицы или соболя, одного звѣря зборщику, другаго подьячему, прешьяго полмачу, чешвертаго на рядовыхъ козаковъ: а такіе излишніе поборы назывались у нихъ *тащинами*, а въ Якутскѣ *бѣлякѣмъ*; 3) отъ торгу съ Камчадалами, копорымъ они при зборѣ всякіе мѣлочныя товары продавали, или въ долѣ отдавали дорогою цѣною. И хоптя по бывшемъ слѣдствіи оныя излишніе зборы отвращены, однако торгъ съ Камчадалами повольной состоипѣ за козаками. Они снимаютъ товары у купцовъ, и развозя по Камчадаламъ продаютъ имѣ двойною цѣною и свыше, но не всѣ на мягкую ружлядь; ибо берутъ они по цѣнѣ и по потребное къ своему содержанію, какъ на примѣрѣ, лодки, сѣши, сѣбспныя припасы и прочая. И сіе есть одно средство, что козаки въ безхлѣбныхъ оныхъ и всѣмъ скудныхъ мѣстахъ могутъ содержать себя жалованьемъ пѣшихъ козаковъ, котораго денежной окладъ 5 рублей, да за хлѣбъ денегъ по Якутской цѣнѣ; а каждому исправному козаку кромѣ нужнаго къ пропитанію на одно платье лѣтнее и зимнее, на собакъ и на военные припасы надобно не меньше 40 рублей на годъ: ибо пара куклянокъ продается по 6, по 7 и

по 8 рублей, штаны теплые рубли по 2 и по 3, на торбасы зимние и лѣтніе, на шапку и рукавицы не меньше четырехъ рублей положишь должно, на чулки шерстяные рубль, на двѣ рубахи песпрединныя или холстинныя 4 рубли; ибо шамъ песпреди и холста по 4 аршина на рубль продается, на лѣтніе ровдужные штаны 2 рубли; нарту самыхъ плохихъ собакъ съ приборомъ ниже десяти рублей достать не можно; винповка по тамошнему мѣспу не малой цѣны спойшь, а пороху и свинцу и за великія деньги достать не безъ прудности.

Г Л А В А, VII.

О подчиненныхъ каждому Россійскому острогу Камчатскихъ и Коряцкихъ острожкахъ, о посылаемыхъ къ нимъ зборщикахъ, и о другихъ казенныхъ Камчатскихъ доходахъ.

Понеже выше сего показано, что Россійскихъ остроговъ на Камчаткѣ нынѣ пять, а естъ ли къ нимъ приписные Камчатскіе и Коряцкіе острожки или нѣтъ, про то неизвѣстно; того ради сообщу я здѣсь извѣстіе, какіе иноземческіе острожки въ бытность мою къ премѣ стариннымъ острогамъ къ Большерѣцкому, Верхнему и Нижношанпальскому принадлежали; кто именно въ нихъ Тоіоны были, и сколько имѣли подчиненныхъ, и какихъ окладовъ; а наконецъ по скольку зборщиковъ изъ каждаго Россійскаго острога, и въ которыхъ именно мѣста опправлялись.

Большерѣцкой присудъ, какъ выше сего писано, по берегу Пенжинскаго моря отъ устья Большой рѣки къ югу до рѣки Опалы, къ сѣверу до Воровской, по берегу Восточнаго мора отъ Авачи до Налачевой рѣ-

ки простирается, а всѣхъ оспрожковъ въ тѣхъ мѣстахъ по переписнымъ книгамъ считается осмнадцать, а именно:

На Большой рѣкѣ:	Соболь- ники	Лисич- ники	Число людей
1) Кученичевъ острогъ; въ немъ Тоіонъ Кученичъ, ясачныхъ	8	17	25
2) Сикушкинъ, Тоіонъ Курух- пачъ, ясачныхъ - - -	12	15	27
3) Апачинъ, Тоіонъ Апача, ясачныхъ - - - - -	4	10	14
4) Начикинъ, Тоіонъ Начика, ясачныхъ - - - - -	6	3	9
	30	45	75
По рѣкѣ Быстрой:			
5) Карымаевъ, Тоіонъ Кары- май, ясачныхъ - - -	7	9	16
По Пенжинскому морю отъ рѣки Опалы до Во- ровской:			
6) На рѣкѣ Опалѣ Тоіонъ Хан- тай, ясачныхъ - - -	5	9	14
7) На Ушкѣ рѣкѣ, Тоіонъ Ке- люга, ясачныхъ - - -	4	10	14
8) На рѣкѣ Кыкчикѣ у Тоіона Шемкочя - - - - -	13	29	42
9) На тойже рѣкѣ у подчи- неннаго Тоіона Тавача - -	10	20	30
10) На рѣкѣ Немтикѣ у Тоіо- на Налача - - - - -	5	5	10

	Соболя- ники	Лисиц- ники	Число людей
11) На рѣкѣ Корѣ у Тоіона Савачилки - - - -	8	12	20
12) На Воровской рѣкѣ у То- іона Тонача - - - -	27	53	80
По рѣкѣ Авачѣ и Авачин- ской губѣ, и опшуда на сѣверѣ дорѣвки Налачевой:			
13) На Авачѣ у Тоіона Пинича	2	7	9
14) Въ Паралунѣ острожкѣ у Тоіона Карымчи, въ помѣ числѣ одинѣ кошлока пла- шпѣ - - - -	6	19	25
15) Въ Купкиномѣ острожкѣ у Тоіона Тарей, да сверѣхъ то- го одинѣ плашпѣ бобра, дру- гой кошлока, и того - -	17	37	56
16) Въ острожкѣ у Тоіона Ні- аки, двое плашпѣ по кошлоку	6	12	20
17) Въ Колахтыряхъ у Тоіона Апауля, одинѣ плашпѣ бобра	3	8	12
18) На Налачевой у Тоіона Мгата трое плашпѣ по бобру, двое по кошлоку - - - -	8	14	27
Да въ 1738 году по разнымъ рѣкамъ вновь объясачено, одинѣ въ соболиной, 45 че- ловѣкъ въ лисичной, да 1 въ окладѣ лисицы сиводуща- шой. - - - -			47

	Собо- ль- ник- овъ	Лиси- ч- ник- овъ	число людей
И много Большерѣцкаго вѣденія въ 17 острожкахъ боброваго окладу - - 5			
кошлоговаго - 6			
собольниковъ 151			
лисичниковъ 288			
А всего съ новообъясаченными 47 человѣками - - - -			497

За зборомъ въ помянутыя мѣста при-
сылается нынѣ изъ Охотска ежегодно Ко-
мисаръ изъ тамошнихъ служивыхъ людей,
который на Авачу и по Пенжинскому морю
самъ ѣздитъ, а съ Опалы и изъ другихъ по-
стороннихъ острожковъ сами Камчадалы
въ острогъ приѣзжаютъ. Сколько же ясаку
Комисару добрасть не случится, то по воз-
вращеніи въ острогъ посылаетъ онъ отъ
себя служивыхъ за недоборомъ, одного по
Пенжинскому морю, другаго на Авачу, третья-
го на Опалу, а иныхъ къ шѣмъ Камчадаламъ,
которые оставя прежнія жилища посели-
лись въ вѣденіи другихъ Россійскихъ остро-
говъ.

Прежде сего и Курильцы состояли подъ
Большерѣцкимъ острогомъ, и туда посы-
лался изъ Большерѣцка зборщикъ, но нынѣ
изъ Охотска нарочной присылается. При

каждомъ зборщикъ бываетъ пищикъ, толмачъ, цѣловальникъ, да нѣсколько человекъ служивыхъ людей, копорымъ казну караулить должно. Ясакъ принимаетъ Комисаръ при всѣхъ объявленныхъ людяхъ съ совѣту ихъ, копорый годенъ или негоденъ, при чемъ толмачъ переводитъ что надобно, пищикъ вписываетъ въ шнуровыя книги, и даетъ описи. Ясакъ отдается на руки цѣловальнику, а хранился за егожъ и за Комисарскою печатьми. И сіе о всѣхъ Комисарахъ разумѣть должно.

Къ Верхнему Камчатскому острогу, копорого вѣдомство отъ вершины Камчатки до Вышылгиной рѣчки, по берегу Пенжинскаго моря отъ Компаковой на сѣверъ до рѣчки Коврана, а по берегу Восточнаго моря отъ Кроноцкаго носа на югъ до Шипунскаго острожка простирается, принадлежатъ слѣдующіе острожки:

По рѣкѣ Камчаткѣ отъ вершины до Вышылгиной рѣчки:	Соболев-никовъ	Лисич-никовъ	Число людей
1) Чаничевъ острогъ, Тоіонъ въ немъ Ганала, ясачныхъ	37	57	94
2) Ирюминъ, Тоіонъ Шипкамъ, ясачныхъ - - -	19	24	43

	Собо- ль- никовъ	Лисич- никовъ	Число людей
3) Машуринъ , Тоіонъ Начка Машуринъ - - - -	84	70	153
4) Шалинъ или Шепенъ луч- шій мужикъ Начка, людей	8	5	13
6) Тулуачъ Тоіонъ Каначъ Ку- кинъ, ясачныхъ - - -	3	9	12
6) Козыревской, Тоіонъ Накла, ясачныхъ - - - -	5	9	14
7) Ытылгинской, лучшей му- жикъ Быргачъ, ясачныхъ -	4	2	6
<p>По Пенжинскому морю отъ Компаковой рѣки до Коврана</p>			
8) Компаковской, Тоіонъ Акешъ, ясачныхъ - - - -	11	42	53
9) Крутогоровской, Тоіонъ но- вокрещенъ Иванъ Павлупской-	11	30	41
10) Оглукоминской , Тоіонъ но- вокрещенъ Иванъ Апласовъ , ясачныхъ - - - -	15	34	49
11) Ичинской , въ немъ Тоіонъ Тышешка, ясачныхъ - -	23	61	84
12) Солошной , Тоіонъ Тбначъ , ясачныхъ - - - -	14	36	50
13) Морошечной, Тоіонъ Вайхо, ясачныхъ - - - -	5	10	13

	Бобров- шки	Сокол- шки	Лисич- ники	Число людей
14) Б'блоголовой, Тоі- онъ Таря, ясачныхъ		11	33	44
15) Быстрой р'вки ос- прожекъ, Тоіонъ Хо- млитъ, ясачныхъ -		10	26	36
16) Харіузовской, Тоі- онъ Брюмча, яса- чныхъ - - -		16	34	50
17) Ковранской, Тоіонъ Игниякъ, ясачныхъ		6	20	26
По берегу Бобро- ваго моря,				
18) Кроноцкаго острож- ка, что въ губ'ь, Тоі- онъ Гашальча, ясач- ныхъ - - - -	6	8	30	44
19) Усть - Кроноцкаго острожка Тоіонъ Брючь, ясачныхъ -	1	2	6	9
20) Кемшча острожка у Тоіона Ижуры -	5		15	20
21) Шемячинскаго ос- трожка у Тоіона Те- нивы - - - -	1	1	12	14
22) Березовскаго ос- трожка у Тоіона Ту кача - - - -	1	1	12	14
23) Жувановскаго				

	Бобров- пинки.	Соболь- пинки	Лиси- нки	число людей
острожка у Тоюна Пинкаля - - -	2	4	12	18
24) Калигарскаго ос- трожка у Тоюна Ку- жаки - - -	1	2	8	11
25) Островной рѣки у Вахля въ острож- кѣ - - -		9		9
26) Той же Островной рѣки на морскомъ острову у Тоюна Апа- чи - - -	9	1	35	45
27) Шипунскаго ос- трожка у Тоюна Ку- шуги - - -	1		10	11
Да сверхъ того ясачныхъ Коряковъ, которые живуть на Авачѣ		3	9	12
И того въ 27 острож- кахъ, подсудныхъ Верхнему Камчат- скому острогу -	27	302	651	982

За ясакомъ въ помянутые острожки обыкновенно посылавались по три зборщика, одинъ на Бобровое, другой на Пенжинское море, а третій по рѣкѣ Камчаткѣ; но нынѣ присылаемые изъ Охотска зборщики иногда по всѣмъ мѣстамъ сами ясакъ збирають, а отъ себя уже посылають шокмо за недоборомъ.

Къ Нижношанпальскому острогу принадлежатъ слѣдующіе иноземческіе острожки :

По рѣкѣ Камчаткѣ.	Соболев- никовъ	Лисин- ники	Число людей
1) Усть - Камчатской, Тоіонъ Тавачъ, ясачныхъ - - -	15	77	92
2) На озерѣ Колко-кро, Тоі- онъ Намахаручъ, ясачныхъ -	2	12	14
3) Шанпальской, Тоіонъ Ту- мучъ, ясачныхъ - - -	5	26	31
4) Хапичинской, Тоіонъ Лем- шинга, ясачныхъ - - -	9	23	32
5) Пеучевъ или Шваноломъ, Тоіонъ Камакъ, ясачныхъ -	17	85	102
6) Щеткинъ, Тоіонъ щечка, ясачныхъ - - - - -	9	15	24
7) Каменной, Тоіонъ новокре- щенной Иванъ Карбагановъ, ясачныхъ - - - - -	6	63	69
8) Ключевской, Тоіонъ Ликочъ, ясачныхъ - - - - -	11	34	45
9) Каначевъ, Тоіонъ Налачь, ясачныхъ - - - - -	12	39	51
10) Ишателевъ, Тоіонъ Ишатель, ясачныхъ - - - - -	17	27	44
По рѣкѣ Еловкѣ.			
11) Усть - Еловской или Коан- нымъ, Тоіонъ Степаиъ Хар- чинъ - - - - -	4	11	15

	Соболе- ники	Лисич- ники	Число людей
12) Верхо-Еловскій, Тоіонъ Та- вачь Тенивинъ, ясачныхъ -	40	77	77
По берегу Восточнаго моря.			
13) Столбовской, Тоіонъ Чегага, ясачныхъ . - - - -	4	19	23
14) Укинской, Тоіонъ Кориць, ясачныхъ - - - - -	9	15	24
15) Пильченгыльшъ, онъ же и Маимлянской, Тоіонъ Начика, ясачныхъ . - - - -	8	24	32
16) Уакамелянъ, онъ же и Ках- танской, Тоіонъ Холюли, ясачныхъ Коряковъ - -	4	5	9
17) Русаковъ, Тоіонъ Куму -	2	21	23
18) Острожекъ на усть-губъ, Тоіонъ Камакъ, ясачныхъ -	2	28	30
19) Юмгинъ, Тоіонъ Умьсучкинъ, ясачныхъ - - - - -		25	25
20) Карагинской, Тоіонъ Кумлю, ясачныхъ - - - - -		20	20
21) На Карагинскомъ морскомъ острову, Тоіонъ Тапа, ясач- ныхъ - - - - -		30	30
И шого	176	636	812
По берегу Пенжинскаго моря.			
22) Тигильской, Тоіонъ Пейвевъ, ясачныхъ - - - - -	31	61	92

	Собо- ль- ники	Лисич- ники	Число людей
23) Напанской, Тоюнь Хотка- макъ, ясачныхъ - - -	8	26	34
24) Аманинской, Тоюнь Ляля, ясачныхъ - - -	1	18	19
25) Утколопской, Тоюнь Ляля Камаковъ, ясачныхъ	5	22	27
26) Ваемпальской, Тоюнь Уне- лоха, ясачныхъ - - -	21	59	80
27) Кахтанской, Тоюнь Кулу Нимгыишь, ясачныхъ - -	4	30	34
28) Верхній Палланской, Тоюнь Амгаль, ясачныхъ - - -	1	16	17
29) Средній Палланской, Тоюнь Амриль, ясачныхъ - - -	7	15	22
30) Нижній Палланской, Тоюнь Камакъ, ясачныхъ - - -	4	30	34
31) Лъсной, Тоюнь Келляхъ, ясачныхъ - - -	1	37	38
32) Подкагирной, Тоюнь Том- гиргишь, ясачныхъ - - -	2	33	35
Всего Нижняго Камчатскаго ос- прога въ 32 подсудныхъ ос- прожкахъ - - -	254	983	1237

За ясакомъ въ помянутые оспрожки посылаются по трое зборщиковъ, одинъ на Тигиль, другой на Уку, прешій на Карагинской оспровъ: а живущіе по рѣкѣ Камчашкѣ, яко подгородные, сами съ ясакомъ въ

острогъ приѣзжаютъ, который отъ Комисара принимается.

Всѣхъ Камчатскихъ остроговъ ясачной зборъ съ 2716 душъ соспоитъ изъ 34 бобровъ и кошлоковъ, изъ 17 сороковъ 26 соболей, и изъ 1962 лисицъ; къ копорому надлежитъ еще присовокупить до 100 напримѣръ бобровъ съ островныхъ и живущихъ на Лопаткѣ Курильцовъ, котораго збору по тамошней цѣнѣ можно положить на 10000 рублей, тѣмъ наипаче, что иногда вмѣстѣ красныхъ лисицъ приносятся въ ясакъ соболи, сиводушки, чернобурья, крестовки; а гдѣ бобры ловятся, тамъ и бобры или кошлоки; а по Иркутской цѣнѣ вдвое или выше.

По ясачномъ зборѣ главный казенный тамошній доходъ отъ винной продажи, котораго будетъ до трехъ или 4000. Подушнаго збору, съ козачьихъ дѣтей малое число, а другихъ казенныхъ доходовъ никакихъ при мнѣ не было, ибо съ купечества десятая выдѣляется въ Охотскомъ острогѣ. Но можетъ быть нынѣ казенные оные доходы умножились отдачею на откупъ Берингова и другихъ острововъ, гдѣ бобры промышляются.

Г Л А В А VІІІ.

О купечествѣ.

Каково было на Камчаткѣ купечество (1) съ начала ея покоренія, коимъ образомъ оно состояло за одними прикащиками и за служивыми, которые изъ Якутска присылались за ясачнымъ зборомъ, и какъ у служивыхъ

(1) Нѣкоторые объявляютъ, яко бы торговля была и у Камчадаловъ съ Японцами еще ста за полтора лѣтъ, и будто Японцы мѣняли имъ на мягкую ружлядь всякіе желѣзные и мѣдные инструменты, особливо ножи и иглы. Но хотя бы то была и правда, однако сіе торговлею почестъ не можно: ибо при томъ сказываютъ, что Японцы токмо тогда съ ними торговали, когда ихъ заносило къ шѣмъ мѣстамъ погодою. Напрошивъ того иные объявляютъ, якобы Японскія бусы два раза приходили съ торгомъ въ Большерѣцкое устье, однако все сіе требуетъ подтвержденія. Сіе можно сказать за истину, что у Камчадаловъ ни между собою, ни съ сосѣдями торгу не было. Чтожъ до Японцовъ касается, то оные приѣзживали на острова Курильскіе, и на разныя вещи вымѣнивали у нихъ мягкую ружлядь, и орлиное перье, какъ выше о Курилахъ показано.

торгъ бывалъ съ Камчадалами, оное уже изъ вышеписаннаго явствуетъ, а здѣсь должно объявить особливо о томъ, съ котораго времени начали прибѣжжать купцы настоящіе, какіе повары въ тѣхъ мѣстахъ поужи, и какова прибыль отъ тамошняго торгова.

Хотя мѣлочники бѣжали на Камчатку при зборщикахъ и съ самаго покоренія Камчатки, однако ихъ за купцовъ почитать не лзя, для того что они не столько пеклись о купечествѣ, сколько о службѣ, которую и на ряду съ Козаками исправляли, а часто и команду получали надъ ними отъ прикащиковъ; особливо же что никто почти изъ нихъ не желалъ козакомъ не быть, которое однакожъ щастіе случалось не всякому; ибо большая часть, не взирая на военную службу, оспались подъ именемъ посадскихъ, и при первой ревизіи въ подушной окладъ положены, какъ тамошніе настоящіе жители. Уповательно, что тогда изъ столь отдаленнаго, новаго и малолюднаго мѣста, никого вывозить не велѣно было.

Настоящихъ купцовъ прикащики съ довольномъ числомъ поваровъ начали прибѣжжать сперва въ Охоцкъ, а по томъ и на Камчатку, въ то время, какъ вторая Камчатская Экспедиція въ оныя мѣста перѣѣхала, при которой, въ разсужденіи много-

людства, былъ великой расходъ товарамъ, и споль съ великою ихъ прибылью, что нѣкоторые мѣлочники, которые изъ Россіи пришли на судахъ въ работъ, въ шесть или семь лѣтъ здѣлались такими купцами, у которыхъ торгу до 15000 и болѣе. Напропивъ того нѣкоторые отъ чрезвычайной оной прибыли и свое потеряли, не хопя скоро выѣхать, и желая больше обогатиться. Между тѣмъ вдавшись въ роскоши, и не смѣя своимъ хозяевамъ явиться, тамъ было и поселились, уповая что и ихъ, такъ какъ вышепоказанныхъ защититъ отъ вывоза въ свои мѣста дальнее распояніе и малолюдство Камчатскихъ обывателей; однако въ томъ ошиблись къ немалой пользѣ купцовъ, которые посылаютъ въ шѣ мѣста прикащиковъ.

Но съ Камчатскою Экспедиціею былъ у купечества весьма другой торгъ въ разсужденіи Камчатскаго: ибо всѣ бывшіе при оной, жалованные люди, покупали товары на наличныя деньги, а Камчатскимъ обывателямъ принуждены они все отдавать въ долгъ, и ждать, пока они зимою изъ Орды возвращаются. Тогда берутъ у нихъ за товары свои мягкою рухлядью по тамошней цѣнѣ съ преизрядною прибылью, такъ что хопя почти всѣ купцы выѣзжаютъ изъ Кам-

чашки, оставя по нѣскольку сотѣ долгу безнадежнаго, однако барыша вывозятѣ по самой малой мѣрѣ вѣ двое или вѣ шрое. Ежели же взять вѣ разсужденіе мѣну Камчатскихѣ товаровѣ на Китайскіе, то за всѣми проторями, копорымѣ по дальности разстоянія, по трудности проѣздовѣ, по дороговизнѣ найма подводѣ и своего содержания весьма значнымѣ бытъ должно, безѣ ошибки можно положить по чепыре тысячи на тысячу, какѣ изѣ нижеписаннаго можно будетѣ яснѣе видѣть. Но такую прибыль по большой части получаютѣ купцы, которые не свыше года живутѣ вѣ Камчаткѣ; вѣ прошивномѣ случаѣ не малой ущербѣ претерпѣваютѣ. Причина тому: 1) что они съ приѣзду распродаютѣ, какѣ можно, всѣ свои товары и вещи, не жалѣя и плашья, льспясь на дороговизну; а сами остаются ни съ чемѣ, уповая на скорой выѣздѣ. А когда остаются за какимѣ препятствіемѣ вѣ другой годѣ, тогда нужные себѣ товары принуждены перекупать между собою двойною цѣною; 2) что мягкая рухлядь чѣмѣ болѣе лежитѣ, тѣмѣ болѣе оцвѣтаетѣ, а слѣдовательно теряютѣ свою доброту и цѣну; 3) что лежачіе товары никакой имѣ не приносятѣ прибыли; а о суккѣ не привычному кѣ тамошнимѣ мѣстамѣ, о бѣдномѣ, но доро-

гомъ пропитаніи, о наймѣ кварширѣ и кладовыхъ анбаровъ, и о другихъ тому подобныхъ обстоятельствахъ и упоминаеть нѣчего; что все въ случаѣ скорого выѣзда избѣгаешся.

Похожіе на Камчаткѣ повары опчасти Россійскіе или вообще Европейскіе, опчасти Сибирскіе, Бухарскіе и Калмыцкіе, а опчасти Коряцкіе изъ Анадырска. Изъ Европы идуть туда сукна цвѣтныя недорогой цѣны, холстѣ, песпредѣ, спамедѣ, Усольскіе ножи, всякая обувь, которая въ Казанѣ или въ Тобольскѣ закупаешся, плапки шелковые и бумажные, вино красное, шокмо помалу, сахарѣ леденецѣ и бѣлой, табакѣ листовою, всякія серебряныя мѣлочи и нѣсколько позументу, также зеркала, гребни, прониски и бисерѣ. Изъ Сибири желѣзная и мѣдная посуда, желѣзо полосное и дѣланное въ разные инструменты, какѣ напримѣрѣ: ножи, попоры, клепешные зубки и огнива. Опшудажѣ возяпѣ воскѣ, соль, пеньку и пряжу на сѣпи, прияпнѣйшіе шамошніе повары; а сверхъ того лосину дѣланую, хряцѣ и сермяжныя сукна. Изъ Бухаріи и Калмыцкой земли выбойки, чалдары, зедени и другіе Еркецкіе повары. Изъ Кишая голи, полуголи и другія симѣ подобныя матеріи, фанзы, лензы, кишайка, шелкѣ, Кишайской табакѣ, Кишай-

скіе корольки, иглы, которыя Россійскимъ предпочитаются, и другія мѣлочи. Изъ Коряцкой земли гарно, по есть всякія дѣланыя и недѣланыя оленьи кожи, которыя лучшей тамошній поваръ соспавляютъ, и которымъ много расходу; ибо другихъ поваровъ надобно привозить смотря по тамошнему мѣсту умѣренно, ежели кто ихъ желаетъ продать хорошею цѣною. Въ пропивномъ случаѣ не смотря на дешевизну поваровъ залежаться могутъ, для того что купить будетъ нѣкому; ибо тамошніе посадскіе о торгѣ не стараются, и при отъѣздахъ купцовъ остальныхъ поваровъ не скупаютъ, чтобъ со временемъ съ барышомъ продать, хотя могли бы отъ того получать и не мало прибыли. Для того что Камчатскіе жигели, будтобы послѣдую Камчадаламъ, по большой часпи такъ поступаютъ, что ничего себѣ не покупаютъ, въ чемъ не имѣютъ нужды, какою бы дешевою цѣною поваръ отдаванъ ни былъ; а буде потѣже поваръ понадобится послѣ, то у своей братьи или покупаютъ, или вымѣниваютъ четверною или пятерною цѣною.

По какой цѣнѣ привозные товары продаются, онаго для вышепоказанной причины почно объявить не лзя. Токмо можно вообще сказать, что поваръ осенью всякой, когда купцы приближаются, и когда бываетъ

какъ бы ярмонка, продается дешевле; а къ веснѣ, когда повары разходящяся, дороже. Но чтобъ прибыль, которую купцы получаютъ, изъяснить нѣкоторымъ образомъ, то сообщу я здѣсь роспись нѣкоторымъ поварамъ по цѣнѣ посредственной, какъ по купной, такъ и продажной:

	Цѣна покупная		Цѣна продажная на Камчаткѣ	
	рубли	коп.	рубли	коп.
Заморскаго полотна аршинъ - - -	1	—	2-3	—
Сермяжнаго сукна аршинъ	—	12	—	50-60
Чулки шерстяные синіе	—	25	1	—
— — — бѣлые	—	20	1	—
Рускаго холста аршинъ	—	4-5	—	25-30
Китайки конецъ - -	—	40-50	1½-2	—
Голи косякъ - -	10	—	20-25	—
Полуголи - - -	5	—	10-12	—
Семиланной камки -	3	—	5-6	—
Шелку гинь - -	3-4	—	10-12	—
Стамеду Китайскаго конца - - -	—	50	2	—
Фанзы конецъ - -	3-4	—	8	—
Сапоги - - -	—	60-80	3-4	—
Бухарской выбойки конецъ	3	—	7-8	—
Калмыцкой выбойки -	—	40	1-1½	—
Олова въ дѣль фунтъ -	—	25	1	80
Мѣдь въ коплахъ -	—	35	1	20
Желѣзная сковорода -	—	15	1	—
Топоръ - - -	—	15-20	1	—

	Цѣна покуп- ная		Цѣна про- дажная	
	рубли	коп.	рубли	коп.
Усольской пожь - - -	—	12-15	1	—
Иркутской пожь - - -	—	5	—	20-30
Огниво - - -	—	5	—	25
Мѣлкаго бисеру на - - -	—	15	1	—
Корольковъ сто - - -	—	25	1	—
Табаку Черкаскаго фунтъ	—	10	1-	80
Муки ржаной пудъ - - -	—	25	4-8	—
Сала топленого пудъ - - -	1	80	4-5	—
Масла коровья пудъ - - -	1	20	6-8	—
Воску пудъ - - -	—	—	20-60	—
Ровдуги у Коряковъ - - -	—	50	1-1½	50
Пыжики - - -	1	—	2	—

Всякаго повару расходится на Камчаткѣ по привозной цѣнѣ тысячѣ на десять, по продажной тысячѣ на тридцать или на сорок; а на Кяхтѣ получается по малой мѣрѣ двойная прибыль. И ежели которому купцу случится въ годѣ на Камчаткѣ и на Кяхтѣ, когда позволяется, или въ Иркутскѣ испорговаться, то сей торгъ не можно почестъ неприбыточнымъ.

Вывозные съ Камчатки повары состоятъ въ одной мягкой рухляди, а именно: въ морскихъ бобрахъ, соболяхъ, лисицахъ и маломъ числѣ выдръ. И понеже прежде сего денегъ на Камчаткѣ не бывало, но все покупали на мягкую рухлядь, а деньги всступили не весьма давно; того ради тамошніе

жишели обыкновенно торгуютъ товары на лисицы, копорыя у нихъ за рубль принимались; однако отдаютъ деньгами или и лисицами, токмо уже не по рублю лисицу, но по чему тогда цѣна состоитъ. Съ вывозныхъ товаровъ въ Охотскѣ берется десятая пошлина, да за провозъ по одному соболу съ сорока, и того по пяти звѣрей съ сорока.

ГЛАВА IX.

О разныхъ дорогахъ, которыми изъ Якутска на Камчатку ѣздятъ.

Хотя о разныхъ дорогахъ на Камчатку писать и нѣтъ нужды, для того что инныя нынѣ почти во все оставлены, но довольно объявить о пробжжихъ дорогахъ, которыми обыкновенно ѣздятъ; однако любопытный читатель и того не посчитѣ за излишество, когда о всѣхъ порознь объявлено будетъ, шѣмъ наипаче, что такое описаніе имѣетъ служить къ изъясненію, какія въ шѣхъ мѣстахъ Россійскія поселенія, сколько къ которому зимовью или острогу приписано ясачныхъ, и какого народа, сколько съ нихъ ясаку и аманатовъ биралось, и по скольку человекъ посылалось изъ Якутска служивыхъ; особливо же съ какою трудностію, и съ какимъ продолженіемъ времени ясачнымъ зборщикамъ на Камчатку ходить должно было, хотя бы и отъ непріятельскихъ людей не было имъ тогда въ дорогѣ опасности: ибо они и безъ того неизбѣжныхъ имѣли непріятелей голодъ и холодъ, которые ихъ часто губили. А что сіе прав-

да, оное всякому легко разсудить можно, что козаки хаживали шѣмъ путемъ шокмо въ зимнее время. Скарбѣ, аммуницію и пошребное къ пропитанію хаживали на нарпахъ чрезъ знашное разстояніе, самими дикими, пустыми и многимъ ужаснымъ выюгамъ подверженными мѣстами, отъ которыхъ по нѣскольку времени обыкновенно стояшъ на одномъ мѣстѣ; въ такомъ случаѣ не можно не изойти сѣбѣстнымъ припасамъ прежде времени. Тогда сыромятнымъ сумамъ, ремнямъ, обуви, особливо же подошвамъ разходъ бываетъ, копорыя они пожара на огнѣ употребляюшъ въ пищу. Повѣришь почти не можно, чшобъ человекъ дорожной могъ снести голодъ чрезъ 10 или 11 дней; однако въ шѣхъ мѣстахъ никто пому не удивляется, ибо рѣдкой бывалой въ шой спюронѣ, путь свой безъ оной нужды оканчивалъ.

Изъ Якутска на Камчатку ѣхжали: 1) по рѣкѣ Ленѣ внизъ до ея устья, гдѣ она пала въ Ледовишное море; отъ устья по Ледовишному морю до устья Индигирки и Колымы рѣки, съ Колымы сухимъ путемъ чрезъ Анадырскѣ до Пенжинскаго или до Олюторскаго моря, а отшуда или байдарами по онымъ морямъ, или и сухимъ же путемъ. Токмо сія дорога была весьма продолжительна: ибо

въ благополучную погоду, когда на морѣ льдовъ не бывало, и при способныхъ въпрахъ требовалось цѣлое лѣто; въ противномъ случаѣ кочи, на которыхъ они плавали, часто разбивало, и отъ того бывали они въ пути года по два и по три. Расстоянія отъ Якутска до Усть-Яны 1960 верстъ, а именно отъ Якутска до Усть-Вилчуйскаго зимовья 351, отътуда до Жиганскаго 465, отъ Жиганскаго до Сиктанскаго 224, отъ Сиктанскаго зимовья до устья Лены рѣки 500, отъ устья Лены до Устьянскаго зимовья 419 верстъ. Симъ путемъ отправлялись прежде сего изъ Якутска ясачные зборщики въ три зимовья Индигирскія, въ Алазейское и въ три зимовья Колымскія; токмо сей путь нынѣ вовсе оставленъ; а сколько съ Колымы рѣки до Камчатки расстоянія, сколько въ помянутыя зимовья посылалось служивыхъ, сколько къ нимъ ясачныхъ людей приписано было, о томъ ниже сего будетъ объявлено.

Другая дорога все сухимъ путемъ: отъ Якутска ѣздятъ на Алданскую заставу, съ Алданской заставы на Верхоянское зимовье, отътуда чрезъ Зашиверское, Уяндинское, Алазейское, Среднее и Нижнее Колымскія зимовья до Анадырскаго острога, изъ Анадырска въ Нижній Камчатской, а изъ Ниж-

няго Камчатскаго чрезъ Верхній въ Больше-рѣцкой острогѣ.

Верхоянское зимовье отъ города Якутска въ 554 верстахъ, стоитъ надъ рѣкою Яною впадающею въ Ледовитое море, отъ устья въ 3:0 верстахъ, а конной ѣзды до оной со вьюками пять недѣль. Въ сіе зимовье отправлялось изъ Якутска по 6 человекъ служивыхъ. Ясачныхъ приписныхъ къ зимовью Якутовъ 195 человекъ, а ясаку съ нихъ збиралось по 10 сороковъ и по 22 соболя, да по 50 лисицъ красныхъ.

Зашиверское зимовье отъ Верхоянскаго въ 360 верстахъ, стоитъ по правую сторону рѣки Индигирки, которая впадаетъ въ Ледовитое море; а конной ѣзды отъ Верхоянска до сего зимовья скорою ѣздою двѣ, а тихою чепыре недѣли. Юкагирей приписано къ нему 8 человекъ, а ясаку збиралось по 11 сороковъ соболей и по соболю.

Подшиверное или Среднее Индигирское зимовье, которое въ описаніи геодезистовъ не упоминается, стоитъ надъ Индигиркою же рѣкою, въ двухъ дняхъ нарпянаго ходу отъ Зашиверска. Ясачныхъ Юкагирей приписано къ нему 32 человека, а ясаку збиралось по шести сороковъ по 34 соболя.

Уядинское или Нижнее Индигирское зимовье стоитъ на устьѣ впадающей въ рѣ-

ку Индигирку съ лѣвой стороны Уяндины рѣки, отъ Зашиверска въ 220 верстахъ; а нартыаго до него ходу пять дней. Ясачныхъ Юкагирей приписано къ нему 57 человекъ, а ясаку збирается 8 сороковъ 28 соболей.

Во всѣ помянутыя при зимовья посылался изъ Якутска одинъ прикащикъ съ 15 человеками служивыхъ, которые должны были хранишь до нихъ Аманатовъ человекъ съ сорокъ.

Алазейское зимовье спойшъ при впадающей въ Ледовишое море рѣкѣ Алазеѣ, въ значномъ отъ устья разстояніи. Мѣрныхъ до онаго верстъ отъ Уяндинска 509, а нартыаго ходу три недѣли. Ясаку собиралось шамъ съ Юкагирей по 8 сороковъ и по 1 соболю, да по 20 пластинъ соболийхъ. Аманатовъ брано съ нихъ по 6 человекъ, а служивыхъ присылалось по 10 человекъ за зборомъ.

Среднее Колымское зимовье, спойшъ по лѣвую сторону Колымы рѣки, которая впадаетъ въ Ледовишоежъ море. Мѣрныхъ верстъ отъ Алазейска до сего зимовья 103 версты, а ясаку шамъ збиралось съ 25 человекъ Юкагирей пять сороковъ и чешыре соболя.

Нижнее Колымское зимовье спойшъ по

правую сторону пойже рѣки, въ 442 верстахъ отъ Средняго, а нартами доходящъ до него въ три недѣли. Ясаку збиралось тамъ съ 32 человекъ Юкагирей по 8 сороковъ по 17 соболей.

Есть еще и Верхнее Колымское зимовье, токмо въ сторонѣ отъ Камчатской дороги. Оно стоишъ выше Средняго зимовья въ 4 недѣляхъ нартыааго ходу, а ясаку въ немъ сбиралось съ 43 человекъ Юкагирей по 5 сороковъ по 38 соболей.

Во всѣ помянутыя при зимовья посылался изъ Якутска одинъ прикащикъ въ 20 человекъ служивыхъ, копорые должны были содержать подъ охраненіемъ 25 человекъ аманатовъ.

Анадырской острогъ стоишъ по лѣвую сторону рѣки Анадыря, въ 963 верстахъ отъ Нижняго Колымскаго зимовья, а нартами доходящъ въ шесть недѣль. Ясаку збиралось тамъ съ 31 человека Юкагирей 78 соболей, да 19 пластинъ соболихъ. А сколько Коряковъ оленныхъ и сидячихъ ему подсудно, про то извѣстія получить не могъ, токмо можно думать, что число немалое. Ибо плащяшъ въ оной не токмо Якутскіе и Капырскіе Коряки, но и живущіе по Олюторскому и Пенжинскому морю до самаго Охотскаго уѣзда.

Отъ Анадырскаго острога до Нижняго Камчатскаго 1144 версты, а Ъзды на оленяхъ съ кладью, до Пенжины недѣли съ двѣ, а ошшуда по берегу Пенжинскаго моря, и отъ Тигиля черезъ хребетъ на Еловку, и по Еловкѣ до Нижняго Камчатскаго острога недѣли съ двѣ же, или не много больше.

Сею дорогою и понынѣ Ъздытѣ во всѣ объявленные остроги и зимовья до Анадырска, выключая Камчатку, куда оною, кромѣ курьеровъ съ нужными и время неперпящими дѣлами, никого не посылаютъ.

Третья дорога по большей части водянымъ путемъ. Отъ Якутска внизъ по Ленѣ до устья рѣки Алдана, которая впадаетъ въ Лену съ правой стороны по теченію. Алданомъ вверхъ до устья текущей въ оной съ правой же стороны рѣки Май; Маею вверхъ же до впадающей въ оную съ той же стороны рѣки Юдомы; Юдомою вверхъ же до такъ называемаго Юдомскаго креста; отъ креста сухимъ путемъ до Охотска, или токмо до Урацкаго плотбища, а съ плотбища внизъ по Ураку до Охотскаго моря, моремъ до Охотскаго порта. Изъ Охотска на морскихъ судахъ моремъ до Большой рѣки, или сухимъ путемъ вокругъ губы Пенжинской; которая однако дорога недавно проложена, и ради немирныхъ Коряковъ опасна, какъ

уже въ первой части упомянуто. Но отъ Якутска до Юдомскаго креста, и по Ураку водою не ѣздятъ тамошніе обыватели, для того что путь оной труденъ и весьма продолжителенъ. За щастіе почитается, если суда однимъ лѣтомъ до Креста дойдутъ: и для того упомянутыми рѣками, почти одна только Камчатская Экспедиція перевозила на судахъ провіантъ и тяжести. А по Ураку никтожъ судами не плавалъ кромѣ объявленной Экспедиціи, для великихъ можетъ быть и опасныхъ пороговъ.

Четвертая, и какъ бы пробѣгая дорога, которою въ лѣтнее время всякъ ѣздитъ, лежитъ чрезъ горы; и понеже мнѣ самому оною ѣхать случилось, то я сообщу описание моего пути, которое, въ разсужденіи пополненія нашихъ ландкартъ не бесполезно бытъ имѣетъ, тѣмъ наипаче, что въ нашихъ картахъ не токмо малыя рѣчки, но почти всѣ значныя рѣки по той дорогѣ опущены, каковы на примѣръ Амга, Бѣлая, Юна, Юнаканъ и прочая.

Отъ города Якутска плаваютъ судами до урочища называемаго Ярмонка, которое отъ города въ 10 верстахъ, противъ лежащаго на Ленѣ острова Медвѣжья, а по Якутски Еселяла. Ярмонкою она можетъ быть для того называется, что лѣтнимъ време-

немъ случается тамъ не мало людей отпра-вляющихся въ Охотскъ, которые тамъ сто-яли по нѣскольку днй и въ дорогу отпра-вляюпся, то есть вывязываютъ лошадей, то повязывъ вьюки, и разравниваютъ побочни, чтобъ каждой былъ въ полпретья пуда: ибо вьючная лошадь болѣе пяти пудъ глухой кла-ди рѣдко возитъ, выключая, что наверхъ нѣсколько запасу или другой мѣлочи кладет-ся, что называется *прикладкою*. Впрочемъ помянутая Ярмонка пустое мѣсто.

Отъ Ярмонки первое значное урочище Кумахпай Хорпыга, то есть Песчаной взвозъ или взвемъ, на верху котораго по де-ревьямъ навѣшено отъ Якуповъ множество волосовъ лошадиныхъ въ подарокъ мѣсту оному, чтобъ имъ и подвигаться и опу-скапся безопасно было; а разстоянiя отъ Ярманки до сего мѣста версты съ при. Между взвемомъ и Ярмонкою по лѣвую сто-рону дороги, есть озеро по Якупски Нам-тага, которое въ округъ версты на двѣ.

По томъ слѣдуетъ Булгунняхпакъ при-горокъ, Олионгъ озерко, Букулугъ, Есѣ Ел-бiотъ, Усунъ-Ерга и Сибпюръ; длина пу-споши, между оными урочищами, не боль-ше какъ по верстѣ разстоянiя. На послѣд-ней пустоши имѣли мы первой своей ноч-легъ побхавъ отъ Ярмонки.

Слѣдующаго дня переѣзжали рѣку Солу, которая въ верстѣ была отъ нашего стану. Вершины ея верстахъ во 100 изъ хребта, а устье, гдѣ пала въ Лену, верстахъ въ 6 отъ переѣзда. Лошадей кормили при Купчугуй Тылгыяхтакъ озеркѣ, между которыми и рѣчкою Солою нижеслѣдующія урочища: Купердякъ и Урасагагъ пустоши, Олбунъ озеро, Мюгурте пустошь, Кайгарамаръ и Улаханъ Тылгыяхтакъ озера. Всѣ помянутыя урочища почти въ равномъ между собою разстояніи, а всего отъ Соли до кормовища верстѣ съ 11.

Тогоже дня проѣхали мы Барыніактакъ, Сыгыннахъ, Коромокъ и Конмороръ пустоши, а ночевали при озерѣ Урюнъ - хамусъ (бѣлой камышъ) называемомъ, которое отъ кормовища верстахъ въ 13. Близъ помянутаго озера по лѣвую сторону дороги живутъ Якушы, которые поселены тамъ въ 1735 году для содержанія ямской станціи.

На другой день проѣхавъ Хашыли и Чупчулагъ озера кормили лошадей при Арылакъ (оспировиспомъ) озерѣ, которое въ длину отъ запада къ востоку версты на три простирается, а въ ширину отъ одной версты до полуторы; а преній ночлегъ имѣли при озеркѣ Талба, гдѣ Якушы содержатъ станцію. Между кормовищемъ и ночлегомъ были

урочища Кордюгенъ и Купчугуй Наарыганъ озера, первое по правую, а другое по лѣвую сторону дороги, одно противъ другаго; потомъ Улаханъ Носраганъ немалое озеро, въ которомъ верхній конецъ пала рѣчка Тангага текущая изъ хребта верстъ за 40. Мы вверхъ по сей рѣчкѣ слѣдуя переѣзжали рѣчку Кулуджѹ, которая впала съ сѣверной стороны въ Тангагу близъ переѣзда, отъ устья ея въ 4 верстахъ, да проѣхали Кыптагай, Сынгасалакъ и Бишпагай озера, изъ которыхъ первое отъ рѣчки Кулуджѹ верстахъ въ 4, второе отъ перваго въ 5, а третье отъ втораго верстахъ въ 4. За версту до Бишпагай озера переѣхали мы на другую сторону Тангагѹ рѣчки, а Талба озерко, гдѣ ночевали, отъ переѣзда въ полуторѣ, а отъ Бишпагай озера въ одной верстѣ. Всего объявленнаго дня переѣхали мы верстъ съ 30.

Отъ озерка Талбы слѣдуютъ озеркижъ Кыль - Сарыннакъ въ 7 верстахъ, Кучугуй Бахалджима въ 3, Улаханъ Бахалджима въ 2 верстахъ, и всѣ оспаются вправѣ. Отъ послѣдняго озерка верстѣ въ полуторѣ поднимаются на хребетъ, а по другую его сторону проѣзжаютъ пустоши Кубалагъ, Кейнду, Намчаганъ, Курдюгенъ, да Сапай озерко, при которомъ лошадей кормятъ. Всего

отъ озера Талбы до Сапагая верстѣ съ 20. По полудни пробѣхали мы Чабыичай, при Бысыктака, Хаңчалу и Ала-атбага (пѣрой лошади голова) озера, изъ которыхъ надѣ послѣднимъ учрежденъ ямской станокъ, который Якуты содержатъ. Тутъ мы ночлеги имѣли. Всѣ помянутыя озера были по правую сторону дороги, а разстоянїя отъ кормовища до сего станка съ 13 верстѣ.

Отъ Ала-атбаги верстахъ въ 2 слѣдуютъ два озера Буердасы, одно близь другаго, отъ нихъ въ верстѣ Егдегасъ озеро, а верстѣ въ полшорѣ Кокора рѣчка, которая отъ того мѣста, гдѣ мы къ ней приближали, въ 22 верстахъ въ рѣчку Ташпу впадала по печенію съ лѣвой стороны. Мы въ низѣ по ней ѣхали до ея успѣя, а на ономъ разстоянїи нижеслѣдующія урочища: Огусъ баса (бычья голова озеро) Кыбычма пустошь, Купчугуй и Улаханъ Кылагы озера, Улусъ Исы и Куранакъ-аласъ пустоши, Депчимей, Лампарыкы; Урасалакъ, Куагалы и Чиранчи озера. За версту не доѣзжая до послѣдняго озера при помянутой Кокорѣ рѣчкѣ есть Ташская станція, гдѣ обыкновенно лошадей берутъ, и отправляютъ на Бѣловскую переправу для перемѣны тѣхъ, которые везли отъ Якутска, да покупаютъ скотъ на пропитаніе въ пустыхъ мѣстахъ, который съ

собою гоняютъ, и когда нужда потребуетъ, то убиваютъ оной поочередно, дѣлятъ на всѣхъ дорожныхъ по равнымъ частямъ, и запекши довольствуются, пока изойдетъ. Впрочемъ стараются, чтобъ скотъ былъ небольшой, чтобъ мяса доставалось не по многу на человека; въ противномъ случаѣ и на жареное нападаютъ черви. На помянутую станцію посылается изъ Якутска служивой, а разстояніемъ она отъ того мѣста, гдѣ мы къ Кóкорѣ прибѣхали, верстахъ въ 15.

Переночевавъ на объявленной станціи, пославъ въ передъ подводы на перемѣну Якутскимъ къ рѣкѣ Алдану, и исправя все потребное, отправились мы въ путь нашъ, и ѣхали мимо озеръ Имиптѣ и Талбакана, отъ котораго успѣе рѣчки Кокоры, гдѣ въ Ташпу пала, было въ виду, на примѣрѣ верстѣ въ полупреть по правую сторону дороги: мимо озера Менга-аласа и чрезъ пустоши Каракакъ, Типикпакъ, Туара-сысы Булгуннякпакъ, до пустоши Типпяка, на которой при озеркѣ и ночевали, всего разстоянія переѣхали того дня съ 15 верстѣ, а дорога отъ самаго Талбакана озера была въ низѣ по рѣкѣ Таштѣ не подалеку отъ оной.

За Типпякомъ слѣдуютъ Чоарайтша,

Меннè, Куротшòкь, Табалàкь и Сусу̀нъ-сысы̀ пустоши, по помь Тоуля рьчка, которая верстахъ вь 4 оть переьзда вь Ташпу пала, а разстоянїя оть ночлега до переьзда сей рьчки съ 12 версть.

Вь 13 верстахъ оть Тіоули впала вь Ташпу съ львой же стороны, по теченїю оть переьзда верстахъ вь 5, Намгара рьчка, которая вершинами вышла изь горь верстахъ вь 60 оть устья; между помянутыми рьчками знапныя урочища Кунгай озеро, да три пустоши, изь копорыхъ первая Саадахтàкь, а двь ближайшія къ Намгарь однимь именемь Бишигиптè называются.

Оть Намгары сльдують Ниргà озерко да пустоши Тююлюгуптè Каялаху̀, Булгуннякшàкь и Таалджирань, при которой не добжжая до рьки Ташпы за двь версты есть Джоксогонская станція, на копорую служивые изь Якушка присылаются; помянутая станція оть Намгары верстахъ вь 14. Здьсь мы ночевали; а лошадей вь полдни кормили на Кунгай озерь, которое оть Тіоули верстахъ вь 4½.

Отььхавь оть станціи вышеписанное разстоянїе, переправлялись мы за рьчку Ташпу, копорой устье, гдь вь рьку Алдань пала, по обьявленїю тамошнихъ обыващелей, около 160, а вершина около 150 версть

отъ переправы. Близъ переправы есть два озерка называемыя Куллу́, одно по правую, а другое по лѣвую сторону дороги.

Верстахъ въ 4 отъ переправы переѣзжали мы Леебаганю́ рѣчку, которая пала въ Та́шпу съ правой стороны отъ переѣзда около 4 же верстъ; не доѣзжая до ней за версту есть Еліегніокъ озерко по правую сторону дороги.

Въ полуверстѣ отъ переѣзда Леебаганю переѣзжали мы Бесъ Уря́къ (Сосновку рѣчку) которая впала въ оную съ правой стороны не подалеку отъ переѣзда, а верстахъ въ 5 отъ Сосновки Бадаранна́къ, который близъ переѣзда палъ съ правой же стороны въ Сосновку рѣчку; отѣѣхавъ отъ него версты съ 2 приѣхали къ вершинѣ Бесъ Уря́ка, отшуда переправясь за хребетъ на вершину рѣчки Тюгупше́, которая отшуда верстахъ въ 30 пала въ Амгу рѣчку по теченію съ лѣвой стороны; а хребтомъ ѣзды было версты съ 3.

Слѣдуя внизъ по рѣчкѣ Тюгупше по лѣвому ея берегу проѣхали въ началѣ озерко Упя́, по томъ переѣзжали впадающія въ Тюгупше рѣчки Кырта́къ, которая отъ вершины Тюгупше верстахъ въ 8, и Быелпыны, до которой отъ Кыртака съ полпретью версты. Ночевали у озерка Бысытшаки въ

3 верстахъ отъ Быелшылы рѣчки; а лошадей въ полдни кормили при озеркѣ Умя, которое между вершиною Тюгупше и Кыршакомъ рѣчкою на половинѣ.

Отъ Бысыпшаку въ двухъ верстахъ переѣзжали мы небольшую рѣчку Бесъ Урякъ, которая пала въ Тюгупше съ лѣвой стороны, а въ двухъ же верстахъ отъ Бесъ Уряку проѣхали Майчарылакъ озерко, отъ котораго верстахъ въ 5 переѣхавъ рѣчку Тюгупше въ сторону отъ ней поворошили.

Отъ повороша въ верстѣ слѣдуетъ немалое озеро Тегупше, потомъ Тарага, Маралакъ, Тыгышты, другой Маралакъ и Мелкей, изъ которыхъ Тыгышты въ длину отъ S. къ N. верстѣ на 5, а шириною мѣстами на полторы версты, а прочія озерка меньшія. Въ полуверстѣ отъ Мелкея слѣдуетъ переправа Амгинская; а всего разстоянія отъ Бысыпшаку до Амгинской переправы съ 18 верстѣ; въ прочемъ Тыгышты озеро отъ рѣчки Амги не больше версты разстояніемъ, ибо мы отъ него до переправы вверхъ по Амгѣ ѣхали версты съ чепыре.

Амга рѣка шириною отъ 40 до 50 сажень, пала въ Алданъ верстахъ во снѣ отъ переправы. Между устьемъ ея и вышесписанной Тапы рѣки считаютъ тамошніе Якуты верстѣ со' сто, а по журналу морскихъ

служителей, которые по Алдану на судахъ ходили, 119 верстъ. Сія рѣка особливаго примѣчанія достойна потому, что около ея мѣстъ издавна поселены пашенные крестьяне; токмо о успѣхѣ пахатнаго дѣла ничего нынѣ не извѣстно, для того что потомки поселенныхъ крестьянъ не токмо пашню, но и Россійской языкъ позабыли, а на противъ того и обычай и языкъ отъ Якушовъ приняли, такъ что ихъ отъ Якушовъ ни почему распознать не лзя, кромѣ того, что они Христиане. Здѣсь мы за проводниками и за переправою ночевать принуждены были.

Переправясь за Амгу Ъхали вверхъ по ней версты съ двѣ до впадающей въ оную меньшей рѣчки Оулбу́та, въ которую верспахъ въ двухъ же отъ устья пала съ правой стороны Аиспы́тъ рѣчка. Оулбутомъ Ъхали мы вверхъ до самой ея вершины, а съ вершины выѣхали на вершиныжъ Чіопчуню́ рѣчки, и слѣдовали внизъ по ней до рѣчки Ноху, въ которую она устьемъ впадаетъ съ лѣвой стороны; разстоянія отъ устья Оулбу́та до вершины верстъ съ 10, отъ вершины ея до вершиныжъ Чіопчуню́ верста, а отъ вершины Чіопчуню́ до устья, гдѣ въ рѣчку Ноху печетъ верстъ съ 15.

По рѣчкѣ Чіопчуню́ слѣдующія знашныя

урочища: Даркы́ озерко, сквозь которое она течетъ, Ожнѣ́ озерко по лѣвую ея сторону, Хапѣ́ рѣчка текущая въ нее съ лѣвой же стороны, Табхала́кѣ и Купала́кѣ озерка. Хапѣ́ рѣчка пала въ Чіопчуню́ версты за три до ея устья.

Ноху́ рѣчка вышла изъ хребта, и пала въ Алданѣ́ рѣку. До вершины ея со 120, а до устья верстѣ́ съ 40 полагается.

Отѣ́ Ноху́ дорога лежитѣ́ чрезъ хребетѣ́ на 12 верстѣ́ до рѣчки Соарданѣ́ка (вороньей), которая течетѣ́ въ Ноху́ съ правой стороны, а устье ея ниже переѣзда чрезъ Ноху́ въ 8 верстахъ́.

Верстахъ́ въ 2 отѣ́ Соарданѣ́ка течетѣ́ рѣчка Елгей, которая верстахъ́ въ 10 отѣ́ переѣзда въ упомянутуюжѣ́ рѣчку Ноху́ впадаетѣ́, а до вершины ея считается 20 верстѣ́. Здѣ́сь мы ночлеги́ имѣли, а лошадей кормили у вышесписаннаго Даркы́ озерка, сквозь которое рѣчка Чіопчуню́ течетѣ́.

Въ верстѣ́ отѣ́ ночлега пала въ Елгей съ правой стороны Акпахачи́ рѣчка, по которой мы верстѣ́ съ 8 вверхъ́ ѣхали; послѣ́ повороти́ли къ рѣчкѣ́ Чипандѣ́, которая верстахъ́ въ 4 отѣ́ поворота; Чипандою́ ѣхали до рѣчки Алдана, въ которой она устьемѣ́ впадаетѣ́ съ лѣвой стороны по теченію́, а ѣзды́ Чипандою́ до Алдана было 16

версиѣ , на которомѣ разстояніи при озе-
ра Билірѣ, Дрюкѣ и Чипанда по тому зна-
тны, что сквозь нихѣ печетѣ Чипанда рѣчка.

Алданѣ великая и судовая рѣка пала въ
Лену съ правой стороны отѣ Бѣльской пе-
реправы верстахѣ въ 800 , а ниже города
Якутска верстахѣ въ 200 или болѣе.

Перевозятся за Алданѣ рѣку судами , и
переправа она называеися Бѣльскою, по по-
му что въ 24 верстахѣ выше мѣста пала
въ Алданѣ съ правой стороны рѣка Бѣлая ,
а устье помянутой Чипанды рѣчки ниже
переправы въ 8 верстахѣ ; ибо дорога отѣ
ея устья до переправы лежитѣ вверхѣ по
Алдану на объявленное разстояніе.

Отѣ Ярмонки до Бѣльской переправы
ѣхали мы больше лѣсами , а лѣсъ листвякѣ
и березникѣ ; соснякѣ рѣдко попадаешся по
Бесѣ Уряку и Амгѣ рѣкѣ , а осинникѣ при-
мѣченѣ токмо по рѣчкѣ Елгею.

Переправясь за Алданѣ и слѣдуя къ рѣ-
кѣ Бѣлой, проѣхали слѣдующія урочища: Чи-
чимыкѣ озеро длиною версты на двѣ а ши-
риною на версту, Керѣатмѣ рѣчку, которая
пала близъ переѣзда въ протокѣ рѣки Алда-
на , Оулбушѣ рѣчку , которая въ потѣ же
протокѣ Алдана пала, которою ѣхали вверхѣ
мимо Тубуляги озерка до ея вершины, а отѣ
вершины выѣхали на Бѣлую рѣку , кото-

рая по Якутски Тайдаг^а называется. Она печеп^ь из^ь хребта, в^ь Алдан^ь пала от^ь того м^ьста, гд^ь мы к^ь ней при^ьхали, верстах^ь в^ь 20. От^ь переправы до сего м^ьста всего разстоян^я верст^ь с^ь 30: а порознь от^ь переправы до Чичимыка озера 15, от^ь озера до р^ьчки Кер^е-апм^ь 5, от^ь Кер^е-апма до Оулбуша 1, Оулбушом^ь вверх^ь до Тюбыляги озера 4, от^ь озера до вершины Оулбуша верста, а от^ь вершины чрез^ь хребеп^ь до р^ьчки Б^ьлой дв^ь версты. Зд^ьсь ночевали, а лошадей кормили у Чичимыка озера.

От^ь ночлега путь наш^ь был^ь вверх^ь по р^ьк^ь Б^ьлой, чрез^ь впадающ^я в^ь оную с^ь правой стороны по печен^ю Сасыль, Улак^ь и Лебин^ь р^ьчки, у которой мы и ночевали, а лошадей кормили не доб^ьжая версты за 3 до р^ьчки Улака. Разстоян^я от^ь ночлега до р^ьчки Сасыла 6, от^ь Сасыла до Улака 17, а от^ь Улака до Лебини 3 версты.

Сл^ьдующаго дня пере^ьхали мы впадающую в^ь Б^ьлую с^ь тойже стороны Аргаджик^ь р^ьчку, которая от^ь Лебини около 7 верст^ь, а лошадей кормили у горы Тылл^ай хая, то есть в^ьпреной камень, который так^ь назван^ь от^ь безпрестанно в^ьющаго вокруг^ь его в^ьпра; а разстоян^я до него от^ь Аргаджики верст^ь с^ь девять.

Верстахъ въ 5 отъ вѣтренаго камня начинается Черной лѣсѣ, который верстѣ на 10 простирается. Пробывъ имъ версты съ три ночевали.

На другой день избѣжавъ помянутой лѣсѣ ночевали, для того что за сильнымъ дождемъ до 4 часовъ по полудни съ ночлега ѣхать не можно было.

Хаджала рѣчка отъ конца Чернаго лѣса верстахъ въ 5, пала въ Бѣлую по теченію съ лѣвой стороны.

Въ 20 верстахъ отъ Хаджалы течетъ въ Бѣлую съ тойже стороны Чагдала рѣчка, по которой мы въ сторону отъ Бѣлой побѣжали.

Бдучи вверхъ по Бѣлой переѣзжали ее три раза: въ первой между рѣчками Улакомъ и Лебини, въ другой не доѣхавъ за двѣ версты до Аргаджики рѣчки, а въ третій близъ вѣтренаго камня. И понеже тогда лѣто было не весьма дождливое, то переѣзды были благополучны, для того что вода токмо по черево была лошади; въ противномъ случаѣ по нѣскольку дней бываетъ тамъ простою, ибо за чрезмѣрною быстриною рѣчки въ малолюдствѣ и на плоскѣхъ перебирается опасно, для того что стремленіемъ воды нѣскольکو верстѣ на низъ плоскы уноситъ. Между тѣмъ можетъ посадить

плоты на каржу, или на камень, гдѣ и плотѣ разнесетѣ, и люди попонутѣ, какія несчастія и при переборѣ на лошадахъ не однократно случались.

По Бѣлой рѣкѣ лѣсу весьма довольно, а лѣсѣ еловой, сосновой, липовенной и березовой. Много же по ней ерники, пальнику и смородины, а мѣстами и можжевельнику, особливо ревеня черенковаго такое изобиліе, будто бы оный нарочно былъ сѣянъ.

Слѣдуя вверхъ по Чагдалѣ 23 версты на 16 верстахъ надлежало намъ переправляться чрезъ рѣку семь разъ, и для того онаго дня ночевали мы у четвертаго переѣзда въ 8½ верстахъ отъ устья Чагдалы рѣчки, а лошадей въ полдни кормили не доѣхавъ за 5 верстъ до Чагдалы рѣчки.

Отъ седьмаго переѣзда въ 15 верстахъ печетѣ Юнаканѣ рѣка, которая шириною около 30 сажень, а устьемъ пала въ Алданѣ рѣку. По сей рѣкѣ ѣхали мы до самой вершины.

Въ 10 верстахъ отъ того мѣста, гдѣ мы къ рѣкѣ Юнакану приѣхали, печетѣ въ оную съ лѣвой стороны небольшая рѣчка, которой Якушы имени не знали; а по ней въ полуверстѣ отъ устья есть Накипной ледъ Бусь кіоль (льдяное озеро) называемый, ко-

торый ни въ какіе лѣтніе жары не таетъ. Оный ледъ находится между высокими каменными горами, которыя по тамошнему Аранцы называются: въ длину простирается оный сажень на полпораста, въ ширину на 80, толщиною четверти на три, а видомъ совсѣмъ походитъ на вешней ледъ, таковъ же синь, таковъ на поверхности шероховатъ, и таковъ пропореховатъ отъ солнечнаго зною. Въ проѣздѣ мимо устья объявленной рѣчки въ самые жары бываетъ холодъ.

На объявленныхъ десяти верстахъ надлежитъ переѣзжать чрезъ Юнаканъ рѣку 8 разъ. Выше послѣдняго переѣзда въ верстѣ раздѣлилась она на двѣ росошины, изъ которыхъ одна съ южно-восточной стороны въ сѣверо-западную, а другая съ востока на западъ простирается. У соединенія росошинъ перебравшись за Юнаканъ въ девятой разѣ поѣхали мы по росошинѣ, которая къ западу имѣетъ теченіе, а до вершины ея только было восемь верстѣ, однако и на ономъ разстояніи надлежало переѣзжать чрезъ нее три раза.

Между устьями сей рѣчки и Бѣлой, гдѣ онѣ въ Алданъ впадаютъ, по описанію морской команды, токмо придесть одна верста разстоянія.

На вершинахъ объявленной рѣки накормя лошадей, и ѣхавъ чрезъ горы верстѣ съ 20 увидѣли паки вышеписанную рѣку Бѣлую, чрезъ которую въ верстѣ отъ приѣзда и переправлялись; а по переправѣ доѣхавъ до рѣчки Букакана, которая отъ переправы въ 3 верстахъ печетъ въ Бѣлую съ правой стороны, ночевали.

Слѣдующаго дня отъѣхавъ по Букакану верстѣ съ 6, въ сторону отъ ней повернули, и выѣхали на вершину Акыру рѣчки, которая устьемъ впадаетъ въ Юну верстахъ въ 15, а отъ Букакану до вершины ея верстѣ съ 8. Отъѣхавши внизъ по ней верстѣ съ 7 поѣхали въ сторону, и въ 3 верстахъ лошадей кормили; по томъ слѣдуя вверхъ по Юнѣ не въ дальнемъ отъ нея разстояніи къ переправѣ приѣхали, и спояли тамъ для отдыху лошадей цѣлыя супки, а переправа чрезъ Юну въ 18 верстахъ отъ Акыры. Устьемъ она пала въ Алданъ рѣку.

Тумусакпакъ кіоль (мысовое озеро) по правую сторону дороги отъ Юнской переправы въ 3, а отъ берегу ея верстѣ въ полторѣ. По томъ слѣдуетъ рѣка Анча, почти не меньше Юны, однако въ Юну впадаетъ; отъ того мѣста, гдѣ мы къ ней приѣхали верстахъ въ 5, а отъ Тумусакпакъ-кіоль 7 верстѣ до ней положить можно.

Отбѣжавши вверхъ по ней верстѣ съ 8 ночевали. А на другой день, въ 13 верстахъ отъ спану, перебравъ Анчуръ противъ устья впадающей въ оную съ лѣвой стороны рѣчки Темень Юльбюнія (верблюжье падалище) называемой, слѣдовали вверхъ по Верблюжей рѣчкѣ, и отбѣжавъ верстѣ 10 ло гадей кормили; а ночевали на Кучугуй Тарынѣ, по естѣ малой наледи, которая поперекъ пади сажень на 200, а въ доль сажень на 50 проспирается; толщина льда въ поларшина, видѣ таковъ же какъ у Бусь Кіоля, а разстоянія до ней отъ рѣчки Верблюжей верстѣ съ 10.

Въ 5 верстахъ отъ Кучугуй Тарына по тойже Верблюжей рѣчкѣ естѣ другая наледь длиною 7, шириною прехъ сажень, а въ 10 верстахъ отъ оной прешья наледь по тойже рѣчкѣ, отъ которой въ 5 верстахъ находятся вершины впадающей въ Юдому рѣчки Акачана.

Въ 18 верстахъ отъ вершины рѣчки Акачана по лѣвую ея сторону естѣ наледь, Капитанѣ Тарынѣ называемая, которая въ длину версты на три, а въ ширину на версту проспирается. Здѣсь мы спояли цѣлыя сучки.

Отъ Капитанѣ Тарына въ 50 верстахъ слѣдуетъ наледь же Кемь Тарынѣ, которая

и въ длину и въ ширину по одной верстѣ. Не добжжая за 20 верстѣ до сей наледи ночевали, а на другой день при наледи лошадей кормили, ночевали же верспахѣ въ 8 отѣ оной при озерѣ.

По помѣ слѣдующѣ такѣ называемыя большія и малыя Гари, а по Якуски Кемѣ-ортѣ, и Купчугуй-ортѣ. Большія Гари продолжаются верстѣ на 5, а малыя верстѣ чрезѣ 15; разстоянія отѣ озера до начала большихъ Гарей 12 верстѣ, а малыя по окончаніи большихъ начинающся. Между Гарями лошадей кормили, а ночевали избѣхавѣ малыя Гари.

Вѣ 15 верспахѣ отѣ малыхъ Гарей печетѣ рѣка Юдома, кошорая успьемѣ въ Маю рѣку впадаетѣ. У переправы чрезѣ оную рѣку поставленѣ крестѣ, по кошорому мѣсто сіе подѣ именемѣ Юдомскаго Креста извѣстно. Спроенія по лѣвую сторону рѣки Юдомы: двѣ горницы, въ кошорыхъ живали морскіе Офицеры, для приему и отправленія привозимаго изѣ Якуска провіанта и для караулу, двѣ юрты и одна казарма для служителей, 5 анбаровѣ, въ кошорыхъ провіантѣ Экспедиціи складывался; да въ верстѣ ниже Креста одна горница, зимовье, да одинѣ анбарѣ для поклажи провіанта Охотской команды.

Выше Юдомскаго Креста въ полуверстѣ печепѣ въ Юдому съ лѣвой стороны Ала-агусѣ рѣчка, по которой мы верстѣ съ 40 отѣхавъ ночевали, а у Юдомскаго Креста въ близости корму лошадямъ не было.

Слѣдующаго дня поднялись со стану послѣ полудни, и проѣхавъ озеро Сасѣ, которое отъ стану было верстахъ въ 10, оставили Ала-агусѣ рѣчку и верстахъ въ 3 отъ Сасѣ озера при маленькомъ озеркѣ ночевали.

На другой день приѣхали мы къ знаменной рѣкѣ Ураку, которая устьемъ пала въ Охотское море, въ 20 верстахъ отъ устья Охопы, какъ въ первой части объявлено, и слѣдовали внизъ по ней; а ѣзды до ней отъ стану было съ 22 версты.

Въ 5 верстахъ отъ приѣзда къ Ураку пала въ оную съ лѣвой стороны Коршуновка рѣчка, прошивъ устья которой учреждена отъ Охотска застава, гдѣ осматриваютъ всѣхъ въ Охотскѣ и изъ Охотска проѣзжающихъ. Здѣсь ночевали.

Отъ заставы въ 16 верстахъ на лѣвой сторонѣ Урака есть урочище, Шангина Гарь называемое, и зимовье тогожъ имени; откуда въ 14 верстахъ Урацкое плотбище, гдѣ живали морскіе служители для строенія судовъ плоскодонныхъ, на которыхъ по рѣкѣ Ураку

сплавливають провіант Экспедиціи до Охотска. Того дня пробхавъ плотбище ночевали мы на Урочищѣ, Коновъ столбъ именуемомъ, отъ плотбища въ 5 верстахъ, а лошадей кормили въ 4 верстахъ отъ Шангиной Гари.

По помѣ слѣдуетъ Таланкино зимовье, которое стоить на лѣвомъ берегу Урака, и Поперечная рѣчка, которая пала въ Уракъ съ лѣвой же стороны; а разстоянія отъ Конова столба до зимовья 23, а отъ зимовья до Поперечной рѣчки 16 верстѣ. Здѣсь мы ночевали.

Въ 3 верстахъ ниже Поперечной есть на рѣкѣ Уракъ порогъ, а въ 2 верстахъ ниже порога поворачиваютъ отъ рѣки Урака въ сторону.

Бдучи по сей рѣкѣ, пять разъ чрезъ оную переѣзжали. Первой бродъ у самага приѣзда къ ней, другой верстахъ въ 6 ниже Коршуновской засавы, третій въ 4 верстахъ ниже Шангиной Гари, четвертой не доѣзжая версты за три до Таланкина зимовья, а пятой въ верстѣ ниже порога.

Отѣхавши горами отъ Урака рѣки верстѣ съ 13, приѣхали къ рѣкѣ Блудной, которая верстахъ въ 30 отъ того мѣста въ Уракъ пала, по теченію съ правой стороны. Здѣсь ночевали.

Лукшурѣ рѣчка отъ спану верстахъ въ 16 пала въ Блудную, близъ переѣзда съ правой стороны по теченію.

Боброво поле отъ рѣчки Лукшура верстахъ въ 9, а отъ устья Блудной рѣчки, гдѣ въ Уракѣ пала, верстахъ въ 2, длиною версты на двѣ, которое пробѣжавъ паки прибыли къ рѣкѣ Ураку, и въ пятой разѣ чрезъ оную перебирались, отъ Боброва поля въ 5 верстахъ; наконецъ въ 3 верстахъ отъ броду прочь отъ ней поворошили, и на поворошѣ ночлеги имѣли.

Въ 12 верстахъ отъ повороша слѣдуетъ рѣчка Поперечная, которая верстахъ въ 30 отъ переѣзда въ Джолоконѣ пала.

Ночевавъ на Поперечной слѣдующаго дня переѣзжали рѣчку Мешу, которая близъ переѣзда въ рѣку Охоту пала, по теченію съ правой стороны. Оттуда ѣхали мы внизъ по Охотѣ до стараго Охотскаго острога, чрезъ Джолоконѣ и Амунку рѣчку. Ночевали въ старомъ острогѣ, а лошадей кормили близъ рѣчки Мешы. Разстоянія отъ Поперечной до Мешы 10, отъ Мешы до Джолокону 15, отъ Джолокону до Амунки столько же, а отъ Амунки до Стараго острога одна верста.

Въ Старомъ острогѣ было въ то время строенія только три избы, а стоялъ

онѣ надѣ пропокомѣ Амунки рѣчки, чрезъ копорой шамѣ слѣдуя къ порту и перебираясь надобно, а оный пропокѣ верспахѣ въ 3 ниже оспрога впадаетѣ въ рѣку Охопу.

На другой день приѣхали мы въ Охопской портѣ по упру рано, ибо оный опѣ спараго оспрога не болѣе какѣ въ 6 верспахѣ. Строе-нїя тогда въ немѣ было, часовня во имя Спаса Всемилостпиваго, канцелярїя, управителевѣ домѣ, и 5 избѣ тамошнихѣ обывателей; да морской команды спроенїя, чепыре дома, 6 избѣ и двѣ казармы. Впрочемѣ много спроенїя вновь заводилось.

Отѣ Ярмонки поѣхали мы 9 числа Юля 1737 года, а въ Охопскѣ приѣхали Августа 19. Простою на дорогѣ было у насѣ на Бѣльской переправѣ три дни, на урочищѣ Хорамасѣ день, на Капитанѣ Тарынѣ два дни, да на малыхѣ Гаряхѣ день; всего простою было 7, а ѣзды 34 дня.

Вообще о сей дорогѣ обѣявить можно, что она отѣ Якутска до Бѣльской переправы гораздо сносна, а оптуда до Охопска споль безпокойна, что труднѣе пробжжей дороги представить не лзя: ибо она лежитѣ или по берегамѣ рѣкѣ, или по горамѣ лѣсиспымѣ. Берега обломками камней или круглымѣ сѣровикомѣ такѣ усыпаны, что тамошнимѣ

лошадямъ довольно надивиться не лзя, какъ онѣ съ камня на камень лбляшся. Впрочемъ однакожѣ ни одна съ цблыми копытами не приходитъ до мбста. Горы чбмѣ выше, тбмѣ грязнѣе: на самыхъ верхахъ ужасныя болота и зыбуны, вѣ копорья ежели выючая лошадь проломилъся, то свободитъ ее нбтъ никакой надежды. Съ превеликимъ страхомъ смопрѣтъ должно, коимъ образомъ земля вѣпереди сажень за 10 валами колеблешся.

Лучшая бзда онымъ путемъ изѣ Якутска съ весны до Юля мбсяца; а ежели поднаться вѣ Августѣ, то надлежитъ опасаться, чшобѣ снѣги не захватили, копорые весьма рано на горахъ выпадають.

Вѣ Охотскѣ жили мы Октября по 4 число погожѣ 1737 года, пока прибывшее съ Камчатки Августа 23 числа перевозное судно Фортуна сгружена, и починкою была исправлена.

Около Охотска живеть пбшихъ Ламутовѣ, копорые вѣ оный острогѣ ясакѣ платятъ, пять родовъ: Ивьянской, Адганской, Шолганской, Уяирской и Ньюичинской.

Вѣ Ивьянскомъ родѣ Князецѣ Чалыкѣ, ясачныхъ Ламутовѣ 4 человекъ. Вѣ Адгинскомъ Князецѣ Унды Дедяновичѣ, ясачныхъ у него 12 человекѣ.

Въ Шолганскомъ Князецѣ Курукѣ, ясачныхъ 4 человека; въ Уяирскомъ Князецѣ Шарыганѣ, ясачныхъ три человека.

Въ Нюньчинскомъ Князецѣ Джолдоикурѣ Буйнаковѣ, ясачныхъ девять человекъ.

Всѣ помянутые роды живутъ не подалеку отъ Охотска, по рѣкамъ Охотѣ, Кухшюю и подлѣ моря; питаются рыбою, а ясаку плащящъ по соболу и по лисицѣ съ человека.

Оленныхъ Ламушовъ, которые съ яскомъ въ Охотскѣ прибѣжжаютъ, семь родовъ, Уяганской, Горбиканской, Келарской, Еджганской, Долганской и Кукуирской; а кто именно въ тѣхъ родахъ Князцы, и сколько въ каждомъ родѣ ясачныхъ, о томъ узнать было не чрезъ кого, потому что оленныхъ Ламушовъ близъ Охотска не было.

Какъ судно перевозное со всѣмъ было исправлено, то Сентября 30 дня отъ Охотскаго командира отданъ приказъ, чтобъ грузиться на судно, а Октября 4 числа послѣдовало и отправленіе онаго.

Изъ успья рѣки Охоты вышли мы часу во второмъ по полудни благополучно, и къ вечеру изъ виду отъ береговъ отбѣжали. А въ 11 часу оказалась въ нашемъ суднѣ такая печь, что люди въ инпрюмѣ по колѣно въ водѣ ходили. И хотя въ двѣ помпы, въ кошлы, и что кому попало, вода выливана

была, однако не убывала. Судно наше такъ уже грузло, что вода заливалась въ Шпигаты. Другаго спасенія не было, какъ облегчишь его изверженіемъ клади: ибо тогда случилась на море совершенная тишина, (что не мало къ спасенію нашему способствовало), а въ Охотскѣ воропиться не можно было. Чего ради все что на верху ни лежало, и что около судна навѣшено ни было, побросано въ море, но какъ и отъ того не послѣдовало пользы, то изъ внутрь судна до четырехъ сотъ пудовъ выброшено въ море безъ всякаго разбора. Несчастливы были, которыхъ кладъ на верху лежала. Наконецъ вода начала убавляться, а послѣ и вся вылипа, однако помпы изъ рукъ выпускать не можно было, ибо въ полуминутную спклянку по два дюйма воды прибывало въ суднѣ. Всѣ бывшіе на суднѣ, выключая больныхъ должны были смѣняться одинъ за другимъ, и качать сто разъ насосомъ.

Такимъ образомъ бѣжали мы до 14 числа Октября, пререпивая сверхъ объявленнаго неспокойства спужу и слякоть ежедневную; а помянутаго числа около 9 часу по утру пришли къ Большерѣцкому устью, и пустились въ оное. Но и входъ нашъ неблагополучиѣ былъ пупи нашего. Мореходцы не узнали, убываетъ ли вода или прибываетъ: че-

го ради почитая опливѣ за приливѣ едва только вбѣжали вѣ бѣлые валы, которые вѣ началѣ прилива и оплива и вѣ самую пихую погоду на уснѣ ходяшѣ, а тогда онѣ великаго Сѣвернаго вѣпра были вѣсьма велики, шопчасѣ пришли вѣ опчаянїе, ибо валы ходили чрезѣ судно. Уплое судно вездѣ прещало; и никакой надежды не оставалось войти судномѣ вѣ уснѣе, опчаспи для боковаго вѣпра, а опчаспи для спремленїя оплива. Многіе совѣщовали опойти вѣ море и ожидать прилива, и ежели бы по сему было поступлено, то бы судно наше совершенно погибло: для того что Сѣверной прещестокой вѣпрѣ продолжался больше недѣли, копорымѣ бы насѣ опнесло вѣ опкрытое море, а чрезѣ такое время не спасись бы было опѣ разбишїя нашему судну. Однако другимѣ безопаснѣе показалось пуспшпѣ судно на берегѣ, что и воспослѣдовало, и судно наше выкинуло саженьхѣ вѣ 100 кѣ Югу опѣ уснѣя Большой рѣки, которое шопѣ же часѣ и на сушѣ стало, ибо опливѣ еще продолжался.

Кѣ вечеру вѣ слѣдующїй приливѣ выставило изѣ него мачпу, а на другой день находили мы шокмо обломки нашего судна, а прочее все унесло вѣ море; шогда могли мы видѣшѣ, сколь форпуна наша была не-

надежна, ибо доски внутри были всѣ черны и гнилы, и можно было ихъ ломать руками безъ трудности.

У моря жили мы по 21 число того мѣсяца, ожидая лодокъ изъ оспрога въ балаганахъ и барабарахъ, а въ то время производило безпрестанное почти земли трясеніе; но понеже оно шамъ легко было, то мы шатаясь въ ходу, причипали трясеніе нашей слабости, что опъ морскаго качанія ходитъ не можемъ; однако вскорѣ узнали, что мы ошибались въ мнѣніи: ибо прибывшіе изъ Курилъ, которые застали насъ у моря, сказали, коимъ образомъ было въ шѣхъ мѣстахъ и ужасное трясеніе и странное наводненіе, о чемъ сообщено во второй части сего описанія.

Опъ моря поднялись мы Октября 21 числа, а въ Большерѣцкой оспрогъ прибхали на другой день подъ вечеръ.

Сколь пруденъ и продолжителенъ путь опъ Якутска до Камчатки, столь напропивъ того способенъ и скоръ съ Камчатки обратно: 1) что судно всегда зимовало на Камчаткѣ, опшуда опправлялось въ Охотскъ въ такое время, въ которое больше пріятности, нежели опасности на морѣ; ибо тогда и дни ясные и погоды умѣренныя; одна скука, что часто не бываетъ вѣтра; 2)

что изъ Охотска можно плыть понизною водою до самой Бѣльской переправы, или и до Алдана, кто пожелаетъ, а опшуда до Якутска верхами; одна трудность переѣхать до Юдомскаго Креста.

Мы отъ Охотска къ помянутому Кресту прибѣхали въ седьмой день, по Юдомѣ съ простоемъ выплыли на Маю въ пятой день, а плыли днемъ; на успь Маю прибѣхали на другой день, въ Якутскѣ опшуда въ пятой, всего и съ простобемъ въ двадцатой деиь. А вверьхъ по объявленной Юдомѣ, которою мы плыли, не считая простобю, меньше трехъ дней. Судами ходятъ по пяпи и по шести недѣль, изъ котораго одного примѣра о быстринѣ тамошнихъ рѣкъ, и о трудности хода по нимъ разсуждать можно.

П Р И Б А В Л Е Н І Е.

Послѣ провѣданія и покоренія Камчатки оставалось еще узнать, сколь далеко простирается Азія на Востокъ, и соединяется ли она съ Америкою или нѣтъ? Хотя рѣшеніе сего вопроса на первой взглядѣ никакой не обѣщало для Россіи выгоды, однако оно было нѣкоторымъ образомъ причиною важныхъ открытій, учиненныхъ въ послѣдующія времена Россіянами въ Восточномъ Океанѣ, и заведенія въ Сѣверо-западной Америкѣ богатыхъ звѣриныхъ промысловъ. Генію Императора ПЕТРА ВЕЛИКАГО обязана Россія и симъ, однимъ изъ первыхъ подвиговъ Россійскаго флота, на поприщѣ морскихъ открытій. Монархъ сей предпринялъ рѣшить оный вопросъ, тогда весьма важный для Географіи, и начерталъ Своеручно инструкцію, для назначаемой Имъ по сему предмету Экспедиціи. Но сіе предначертаніе не могло быть исполнено еще въ Царствованіе сего Великаго Государя, по причинѣ скоро послѣдовавшей Его кончины; блаженной памяти Государынѣ Императрицѣ ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ предоставлено было судьбою, привести и сіе намѣреніе Ея Супруга въ дѣйство.

Однако здѣсь замѣтить должно, что оный вопросъ уже давно былъ рѣшенъ Россіянами; но о семъ тогда не было извѣстно ни Государю Императору, ни даже въ отдаленныхъ странахъ

* *

Сибири. Изъ Якутска предпринимаемы были уже съ 1636 года путешествія на судахъ въ Ледовитое море, и рѣки *Яна*, *Индигирка*, *Алазея* и *Колыма*, одна за другою были открыты. Послѣ дѣланы были съ 1646 года покушенія, для открытія и далѣе на Воспокъ лежащихъ рѣкъ, въ Ледовитое же море впадающихъ. Достопамятное отправленіе по сему предмету, воспослѣдовало Іюня 20 дня 1648 года изъ рѣки *Колымы*, на семи судахъ, *Кочами* называемыхъ; на прехъ изъ нихъ были начальниками козаковъ: *Семенъ Дежневъ*, да *Герасимъ Анкудиновъ*, а промышленниками начальствовалъ *Федотъ Алексѣевъ*; о прочихъ же четырехъ судахъ ничего не извѣстно. Изъ описки *Дежнева* въ Якутскъ о дѣлахъ его, отысканной Профессоромъ *Миллеромъ* въ Якутскомъ архивѣ въ 1736 году съ другими письменными извѣстіями, до открытій въ тамошнихъ спранахъ касающимся, явствуетъ, что оное отправленіе было весьма удачно, ибо не упоминается о препятствіяхъ отъ льду, который въ другіе годы обыкновенно морскому пути дѣлаетъ непреодолимое затрудненіе. Три коча, коихъ начальники выше сего упомянуты, дошли изъ *Колымы* до самаго *Сѣвернаго Чукоцкаго Носа*, или *Восточнаго мыса* благополучно; но у сего мыса разбился кочъ *Анкудинова*, а бывшіе на немъ люди перебрались на остальныя два коча. *Дежневъ* упоминаетъ, что прошивъ сего большаго Носа лежатъ два острова, на которыхъ живутъ люди Чукоцкаго народа, у коихъ губы прорѣзаны и продѣты чрезъ нихъ украшенія изъ моржовыхъ зубовъ; и что отъ помянута-

го Носа до рѣки *Анадыря*, можно поспѣть способнымъ вѣтромъ на кочѣ въ три супки, да и сухимъ путемъ припти можно въ сполько же супокъ потому, что рѣка *Анадырь* впала въ губу. Все сіе служитъ подтвержденіемъ, что *Дежневъ* дѣйствительно обошелъ изъ *Колымы* рѣки Сѣверный Чукоткѣй Носъ; ибо положеніе сего Носа относительно къ рѣкѣ *Анадырю*, и близь онаго лежащіе *Гвоздевы* острова, изображаются на новыхъ Картахъ нѣсколько сходно съ симъ показаніемъ *Дежнева*. После того разнесло погодою и кочи *Дежнева* и *Алексѣева*. Кочѣ перваго носило по морю до Октября мѣсяца, и выбросило на берегъ, отъ рѣки *Анадыря* въ немаломъ разстояніи на полдень, чаятельно около рѣки *Олоторы*. Извѣстія же касающіяся до *Бедота Алексѣева* помѣщены уже въ первой главѣ сей части. *Дежневъ* съ 25 человекъ пошелъ отсюда сухимъ путемъ на рѣку *Анадырь*, и зимовалъ въ недалнемъ разстояніи отъ ея устья; а въ слѣдующее лѣто отправился вверхъ по *Анадырю*, и основалъ *Анадырской* острогъ. И такъ изъ описки *Дежнева* уже явствовало, что Азія отдѣляется моремъ отъ Америки; но сіе для Географіи тогда важное извѣстіе оставалось слишкомъ го лѣтъ въ забвеніи; и открыто Профессоромъ *Миллеромъ* въ *Якутскѣ* тогда, когда сей предметъ уже изслѣдованъ былъ первою Камчатскою Экспедиціею, отправленною по выше сего упомянутому начертанію Императора ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Сія Экспедиція препоручена была Императрицею

ЕКАТЕРИНОЮ АЛЕКСѢЕВНОЮ флота Капитану Витесу Берингу, съ которымъ отправлены двое флота Лейтенантовъ Мартынъ Шлангберъ и Алексѣй Чириковъ. По построении въ Нижнемъ Камчатскѣ Бота Гавриила въ 1728 году, отправилась она въ море изъ устья рѣки Камчатки, Іюня 20 дня того же года; и держала курсъ свой на Сѣверовостокъ, слѣдуя опчасти въ виду Камчатскихъ береговъ, кои точно на картѣ означить старалась. Августа 10 дня, пройдя мимо большаго острова, назвала оный островомъ *Св. Лаврентія*; а 15 Августа находилась она подъ $67^{\circ} 18'$ Сѣверныя широты, гдѣ усмотрѣла, что берегъ Азіи вдругъ тамъ поворотился на Западъ. Какъ симъ подтвердилось нѣкоторымъ образомъ показаніе Чукчей, сдѣланное Капитану Берингу, по которому Сѣверный берегъ Азіи поворачивается со всемъ на Западъ, то Экспедиціи уже не оставалось сомнѣнія въ томъ, что Азія отдѣлена моремъ отъ Америки; и такъ она исполнивъ данную ей ВЫСОЧАЩУЮ инструкцію, предприняла обратный путь, и возвратилась къ рѣкѣ Камчаткѣ Сентября 20 дня, а зимовала въ Нижне Камчатскѣ. Капитанъ Берингъ слыша тамъ неоднократно отъ Камчатскихъ жителей, что примѣчаются въ морѣ противъ Камчатскаго Носа разные признаки о близости матерой земли, вознамѣрился на возвращномъ пути изъ Камчатки въ Охотскъ сдѣлать изслѣдованія по сему предмету. Экспедиція вышла во второй морской путь въ 1729 году Іюня 5 дня, но за жестокимъ Сѣверовосточнымъ вѣтромъ не могла удалиться отъ Камчат-

скихъ береговъ, какъ только на 200 верстъ; и какъ на семь разстоянїи не нашла никакой земли, то предприняла обратный путь въ устье рѣки *Большой*, а оттуда въ *Охотскъ*, куда прибыла Іюля 23 дня.

Изъ сдѣланнаго Капитаномъ *Берингомъ*, о успѣхѣ ввѣренной ему Экспедиціи, донесенїа, удостовѣрилось Россійское Правительство, что Азіа отдѣлена моремъ отъ Америки, и потому не почитало оно нужнымъ, дѣлать по сему предмету дальнихъ разбисканїй. Но какъ предстоялъ еще новый вопросъ, а именно: далеко ли Америка лежитъ отъ береговъ Камчатки на Востокъ? то для разрѣшенїа онаго, и для учиненїа прочихъ открытїй до наукъ касающихся, назначена такъ называемая *Вторая Камчатская Экспедиція*. Первый Высочайшїй Указъ, сошюлся по сему предмету въ Правительствующій Сенатъ 1732 года Апрѣля 17 дня; въ слѣдствїе котораго Правительствующій Сенатъ, Государственнаѧ Адмиралшейская Коллегїа и Императорская Академіа Наукъ, приняли въ учрежденїи сей Экспедиціи общее участїе. На требованїе Сената, внесена въ оный Академіею карта, по ея препорученїю Профессоромъ *Деллелемъ* сочиненная, на которой представлены всѣ до тогдашняго времени сдѣланныя открытїа въ Восточномъ Океанѣ. Въ послѣдствїе сего по требованїю же Сената назначила Академіа въ предпринимаемую сію Экспедицію Профессоровъ, Студентовъ, Землемѣровъ и другихъ чиновниковъ, кои упомянуты въ предисловіи къ сему Описанїю Камчатки.

Главное Начальство надъ второю морскою Экспедиціею препоручено было отъ Правительства бывшему Начальнику первой Экспедиціи, тогда уже Капитанъ-Командору, *вѣстцу Берингу*, которому приданы бывшіе съ нимъ въ оной Экспедиціи, флота Капитаны *Шлангбергъ* и *Чириковъ*, и сверхъ оныхъ восемь флота Лейтенантовъ, да одинъ Мичманъ. Естли сія Экспедиція важнѣе была первой по числу составлявшихъ ее чиновниковъ, поне менѣе важенъ былъ и ея предметъ; ибо ей препоручено было при отправленіи: не только отыскать ближайшій отъ Камчатки берегъ Америки, но также описать рѣки *Обь*, *Енисей* и *Лену* и берега *Ледовитаго* моря отъ *Оби* рѣки до *Чукотскаго Носа*, а отшуда пройти до Камчатки; описать также *Курильскіе* острова до Японіи, и берега *Охотскаго* моря. Описание же морскихъ береговъ отъ города *Архангельска* до *Оби* рѣки, предоставила Адмиралшеская Коллегія своему непосредственному вѣденію. Чиновники отъ Академіи въ оную Экспедицію назначенные, должны были заняться, еще до отправленія въ море, описаніемъ Сибирскихъ народовъ и древностей, сочиненіемъ Сибирской Исторіи, дѣланіемъ астрономическихъ наблюденій, для опредѣленія Географическаго положенія достопримѣчательнѣйшихъ мѣстъ Сибири, описаніемъ всѣхъ предметовъ по части Естественной Исторіи и Физики, и прочая. Мы обратимся къ морскимъ отправленіямъ учиненнымъ изъ Охотска, замѣтя прежде здѣсь: что описанія береговъ *Ледовитаго* моря отъ *Ленъ* рѣки до *Чукотскаго Носа* нельзя было тогда ис-

полнить за многими льдами, хотя дѣланы были по сему предмету три опыта въ разныя лѣта, флота Лейтенантами *Ласеніусомъ* и *Лалтевымъ*; по сему, уже во время сей Экспедиціи, не было возможно пройти изъ *Лены* рѣки мимо *Чукоцкаго Носа* въ Камчатское море, хотя по выше сего приведеннымъ Историческимъ извѣстіямъ, оный морской путь изъ *Колымы* рѣки совершенъ былъ Россіянами въ половинѣ седмагонадесять столѣтія. Путь въ Японію порученъ былъ Капитану *Шлангбергу*, который построивъ въ *Охотскѣ* два суда, отправился въ 1738 году съ оными и ботомъ *Гавріиломъ*, оставшимся отъ первой Камчатской Экспедиціи, въ назначенный ему путь, въ половинѣ Іюня. Курсъ свой держалъ онъ во первыхъ на Камчатку, для сдѣланія тамъ приуготовленій къ предбудущему своему зимованію, и воспріялъ путь въ Японію, слѣдуя подлѣ *Курильскихъ* острововъ, до 48° Сѣверныя широты, а опшуда возвратился зимовать въ Камчаткѣ, за позднимъ осеннимъ временемъ. На другое лѣто началъ путь изъ устья *Большой* рѣки уже 22 Маія, на чешырехъ судахъ, изъ коихъ одно гребное построено имъ въ *Большерѣцкѣ*. Жестокая буря съ густымъ туманомъ была причиною, что два суда, изъ коихъ на одномъ былъ Начальникомъ Лейтенантъ *Вальмонъ*, отдѣлились отъ прочихъ двухъ судовъ Капитана *Шлангберга*. По сему обстоятельству пристали *Шлангбергъ* и *Вальмонъ* къ Японскимъ берегамъ въ разныхъ мѣстахъ. Первой Іюня 18 дня пришелъ къ Японскимъ берегамъ подлѣ $38^{\circ} 41'$ широты, а послѣ

чрезъ два дни подъ $38^{\circ} 25'$; въ семъ послѣднемъ мѣстѣ прибѣжали Японцы на его суда, какъ для удовлетворенія своего любопытства, такъ и для мѣны товаровъ; сіе подало *Шлангбергу* случай учинить нѣкоторыя замѣчанія, относительно къ сему народу. Исполнивъ такимъ образомъ сдѣланное ему порученіе, касательно провѣданія положенія Японіи въ разсужденіи Камчатки, вступилъ онъ чрезъ нѣсколько дней въ обратный путь. Подъ $43^{\circ} 50'$ широты спалъ на якорѣ у большаго острова (*Матсмая*), гдѣ удостовѣрился, что жили онаго *Курильцы*; продолжалъ по томъ путь на Югозападъ подлѣ сего острова, и дойдя до $41^{\circ} 22'$ широты, предпринялъ путь въ Камчатку, куда прибылъ 15 Августа на устьѣ *Большой рѣки*, а опшуда къ *Охотскѣ* 29 дня. Лейтенантъ *Вильмонъ* увидѣлъ Японскіе берега Юня 16 дня подъ широтою $33^{\circ} 17'$ и слѣдовалъ далѣе на Югъ по большой части подлѣ береговъ до $33^{\circ} 48'$ широты. На семъ пути спановилъ онъ на якорѣ, и посылалъ команду на берегъ къ большому городу для провѣданія, которая была принята Японцами благосклонно; сіи посланки на берегъ дѣланы были и въ другихъ мѣстахъ, при чемъ учинены нѣкоторыя замѣчанія. Обратио пришелъ онъ на *Большую рѣку* 23 Юня, а въ *Охотскѣ* 21 Августа. *Шлангберъ* и *Вильмонъ* сочинили своему пути карты, которыя употреблены были при составленіи *Россійскаго Атласа*. О вѣдомъ отправленіи *Шлангберга* въ Японію, предпринятомъ въ 1741 и 1742 годахъ, упоминашь здѣсь не нужно, ибо оное было неудачно, по причинѣ

вѣпхости судовъ. Впрочемъ оное отправленіе происходило для того, чтобы удостовѣриться въ томъ, что *Шлансбергъ* былъ дѣйствительно въ Японіи; ибо полагаясь на нѣкопоруую Карту, думали, что онъ заходилъ въ Корею.

Между тѣмъ построены въ Охотскѣ два пакетбота *Святый Петръ* и *Святый Павелъ*, для Экспедиціи въ Америку, на которыхъ отправился Капитанъ Командоръ *Берингъ* 1740 года Сентября 4 дня въ Камчатку, гдѣ пришелъ къ устью *Большей* рѣки Сентября 20 дня, а отсюда въ *Аватинскую* губу Октября 6 дня; и зимовалъ въ тамошней гавани, которую назвалъ *Петрпавловскою*, по имени обоихъ пакетботовъ. На другой годъ Іюня 4 дня вышли оба пакетбота въ путь для открытія береговъ Америки, и держали курсъ на Юговостокъ къ Югу до 12 числа, гдѣ находясь подъ 46° Сѣверной широты, возвратились на Сѣверъ съ намѣреніемъ, чтобы слѣдовать отъ 50° широты далѣе на Востокъ. Во время густаго тумана и бури, оба пакетбота разлучились. Пакетботъ *Св. Петра*, коимъ командовалъ Капитанъ Командоръ *Берингъ*, и на коемъ былъ также посланной отъ Академіи Адъютантъ *стеллеръ*, часто упоминаемый *Крашенинниковымъ*, по трехдневному тщетному исканію другаго пакетбота, продолжалъ путь къ Востоку, и пришелъ Іюля 18 дня къ Американскому берегу подъ 58° 28' Сѣверныхъ широты, по извѣстіямъ Профессора *Миллера*. Въ путешествіи же флота Капитана (нынѣ Вице-Адмирала) *Г. А. Сарычева*, Томъ II. стран. 60 упоминается, что

Берингъ, по веѣмъ обстоятельству, приставалъ у острова *Каяка*, который подъ $59^{\circ} 49'$ широты. Юля 20 дня приблизился *Берингъ* къ большому острову, у котораго спалъ на якорѣ, и выслалъ шлюпку за водою, и для провѣданія. На сей шлюпкѣ отправился также *Адьюнкпъ Стеллеръ*, который найдя на острове погребъ съ разными Американскими припасами, учинилъ нѣкоторыя къ сему относящіяся замѣчанія, помѣщенныя Крашенинниковымъ въ главѣ XIII сего тома, и собралъ много травъ, кои употреблены Профессоромъ Гмелинымъ, при сочиненіи флоры сибирской. На другой день предпринятъ былъ обратный путь подлѣ береговъ Американскихъ, на которомъ присталъ *Берингъ* къ одному изъ *Щумагинскихъ* острововъ, для запаса воды. Здѣсь *Адьюнкпъ Стеллеръ* имѣлъ случай видѣть Американцевъ (вѣроятно *Аляксинцовъ*) и сдѣлалъ имъ описаніе, которое сообщено Крашенинниковымъ въ упомянутой выше сего главѣ. По весьма трудномъ мореплаваніи, за частыми и продолжительными бурями, совершеномъ подлѣ многихъ острововъ, нынѣ *Лислими*, *Андряновскими* и *Алеутскими* называемыхъ, пришелъ наконецъ *Берингъ* Ноября 4 дня къ землѣ, которую почиталъ Камчаткою; и какъ экипажъ и снасти находились въ самомъ худомъ положеніи, то оспался онъ тамъ зимовать. Сія земля была необитаемый островъ, послѣ того въ честь *Беринга*, названный *Беринговымъ*; на немъ скончался сей славный Россійскій мореплаватель съ большею частію экипажа, отъ цынготной болѣзни; и пакетботъ за-

несло на берегъ. Если съ одной стороны часть сей морской Экспедиціи, такимъ образомъ претерпѣла величайшее несчастіе, то съ другой стороны оно награждено тѣмъ, что подало поводъ къ значительному распространенію звѣриныхъ промысловъ; ибо на ономъ острову найдено множество морскихъ бобровъ, и не малое число песцовъ голубыхъ и бѣлыхъ, а послѣ появились весною морскіе коты, сивучи, морскіе коровы, и бѣлуги. Оставшіеся отъ Экспедиціи люди, построивъ изъ обломковъ пакетбота малое судно, возвратились на Камчатку въ Авачинскую губу на другой, то есть 1742 годъ, Августа 27 дня; а въ Охотскъ въ 1743 году. Они привезли съ собою до 900 морскихъ бобровъ, чѣмъ возродили въ купечествѣ вниманіе на Беринговъ островъ, на который начались въ скоромъ времени первыя отправленія промышленниковъ.

Возвратимся теперь къ другому пакетботу, *св. Павла*, на которомъ командовалъ флота Капитанъ *Чириковъ*. Послѣ разлуки съ *Берингомъ* продолжалъ *Чириковъ* путь къ Востоку отъ 48° широты, и пришелъ Іюля 15 къ берегу Американскому подъ 56° широты; гдѣ оставаясь въ нѣкоторомъ отъ онаго разстояніи, послалъ для провѣданія и запаса воды свѣжей, штурмана *Дементьева* съ 10 человекъ на большемъ ботѣ, который оттуда не возвратился, такъ какъ и посланной за нимъ въ 6 человекъ, ботсманъ *Савельевъ*, хотя пакетботъ ходилъ нѣсколько дней въ виду сего берега. По сему несчастному случаю предпринялъ *Чириковъ* обратный путь въ Камчатку Іюля 27 дня;

гдѣ, по претерпѣніи многихъ злоключеній, возвратился въ Пешропавловскую гавань, не прежде какъ 11 Октября. Симъ окончилась достопамятная *Вторая Камчатская Экспедиція*, и начались съ 1745 года дальнѣйшія разысканія острововъ, отъ купечества, ради промысла морскихъ бобровъ и другихъ звѣрей.

Оныя частныя отправленія распространились постепенно на всѣ острова, лежащіе между Сѣверо-западною Америкою и Сѣверовосточною Азіею. Сперва отысканы были ближніе Алеутскіе острова въ 1745 году *Михайломъ Негодиковымъ*; послѣ того въ 1762 году *Андреевскіе* острова, *Андреемъ Толстикомъ*, а *Лисьи* острова *Коровинымъ*. Но важнѣе было отправленіе *Степана Глотова*, который въ 1763 году простиралъ свои промыслы даже до острова *Кадьяка*. Со временемъ сдѣлались сіи ежегодныя отправленія многочисленны; на примѣръ въ 1787 году вышло съ Камчатки на промыселъ 25 судовъ съ 1000 промышленниками, Рускими и Камчадалами, кои снаряжались богатымъ купечествомъ Иркутскимъ, Тобольскимъ и другихъ Россійскихъ городовъ. Правительство съ своей стороны отправило также на *Лисьи* острова Экспедицію для описанія оныхъ, и покоренія жителей подъ Россійскую державу; она Экспедиція совершена въ 1768 и 1769 годахъ на двухъ судахъ, подъ начальствомъ Капитана *Креницына* и Лейтенанта *Левашева*, кои сочинили карту онымъ островамъ, и исполнили сдѣланное имъ препорученіе съ большимъ тщаніемъ. Нѣсколько прежде, а именно съ 1766 — 1769 годъ совершена также Эк-

спедиція Лейтенантомъ *Синдомъ* въ *Беринговъ* проливъ, гдѣ открытъ имъ ближайшій къ Чукотской землѣ берегъ Американскій. Знаменитый Англинскій мореплаватель *Кукъ*, во время своей третьей морской Экспедиціи, отъ Англинскаго Правительства снаряженной, изслѣдовалъ берега Сѣверозападной Америки, и заходилъ чрезъ *Беринговъ* проливъ въ Ледовитое море въ 1778 году; а въ 1779 году преемникъ его, повторилъ путешествіе въ Ледовитое море, въ намѣреніи обойти Америку по Сѣверную ея сторону, но былъ принужденъ возвратиться отсюда безъ успѣха, и заходилъ два раза въ Петропавловскую гавань.

Въ 1785 году отправлена по повелѣнію блаженныя памяти Государыни Императрицы **ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКІЯ**, достопамятная Экспедиція въ *Восточный Океанъ* и *Беринговъ* проливъ, подъ начальствомъ флота Капитана *Биллингса*, *Кукова* соуптника. Сія Экспедиція продолжалась по 1793 годъ, въ которое время предпринимаемо было плаваніе изъ устья *Колымы* рѣки, дабы отсюда пройти въ *Беринговъ* проливъ и Камчатское море, которое однако было безуспѣшно, по причинѣ многихъ льдовъ. Послѣ того на суднѣ *Слава Россіи* учинены разбисканія и описанія острововъ, между Сѣверозападною Америкою и Сѣверовосточною Азіею лежащихъ, также острова *Кадьяка* и дальнихъ береговъ Америки до острова *Каяка*; а на Сѣверѣ заходила сія Экспедиція въ *Нортоновъ* заливъ и въ *Беринговъ* проливъ. Гдѣ Капитанъ *Биллингсъ*, удостоившись въ невозможности обойти Чукотскую землю по Сѣверную ея сторону, совершилъ путеше-

ствіе сухимъ путемъ чрезъ оную землю, для сочиненія карты, и описанія сей земли и Чукоцкаго народа. Большая часть трудовъ и открытій сей Экспедиціи, принадлежитъ однако исключительно Вице-Адмиралу Г. А. *Сарычеву*, совершившему оную въ чинѣ флота Капитана. Какъ путешествіе и Атласъ сего знаменитаго Россійскаго мореплавателя довольно извѣстенъ читателямъ, то было бы излишне упоминашь здѣсь пространнѣе о сей Экспедиціи.

Выше сего упомянуто, что съ 1745 года производились отъ частныхъ лицъ многочисленныя отправленія на острова, отъ Сѣверовосточной Азіи до Сѣверозападной Америки простирающіеся, для звѣриныхъ промысловъ; здѣсь замѣтить должно, что такія же отправленія дѣлаемы были и на острова Курильскіе. Сіи острова начали быть извѣстными съ 1711 года, въ которомъ Камчатскіе козаки, учинившіе бунтъ, ходили на ближайшіе два Курильскіе острова для покоренія оныхъ, и для заслуженія тѣмъ прощенія винъ своихъ. Получены также нѣкоторыя извѣстія о сихъ островахъ и о Японіи отъ Японгъ въ, занесенныхъ съ судномъ бурей къ Камчат имъ берегамъ; а въ 1720 годѣ посылаемы были а Навигатора къ шестому Курильскому острову. Но карта симъ островамъ сочинена въ первый разъ Капитаномъ *Шлангбергомъ*, во время *Второй Камчатской Экспедиціи*. Достовернѣйшія же описанія сихъ острововъ, въ разсужденіи ихъ состоянія, получены чрезъ Сошника *Чернаго*, отправленнаго туда съ

Камчатки въ 1766 и 1767 годахъ, для собранія Ясаку; оный Сотникъ доходилъ до острова *Итурла*, а подштурманъ *Огередицъ* даже до *Матсмая*. Въ 1777 — 1779 годъ посылаемо было судно, с. *Наталія*, снаряженное *Ластогкинымъ* и *Шелеховымъ*, на 18 Курильской островъ; откуда ходила часть экипажа въ байдарахъ на островъ *Матсмай* въ портъ *Аткисъ*, для заведенія тамъ торговыхъ сношеній. Японцы хотя приняли оную благосклонно, однако въ торговля сношенія не вступили, утверждая, что у нихъ тогда не находилось товаровъ. А въ 1792 году снаряжена была въ Охотскъ отъ Правительства малая Экспедиція, подъ начальствомъ *Лейтенанта Лаксмана*, коея предметомъ было: Японскаго купца *Кодою*, занесеннаго погодою съ судномъ и людьми на островъ *Уналашки*, отвести въ его отечество. *Лаксманъ* зимовалъ въ Сѣверной части острова *Матсмая*, въ небольшой гавани *Немуро*, а въ слѣдующее лѣто перешелъ въ портъ *Хаходаде*, и ѣздилъ оттуда сухимъ путемъ въ городъ *Матсмай*. Тамъ имѣлъ онъ съ чиновниками, присланными изъ Японской столицы, переговоры, въ слѣдствіе которыхъ договоры касательно торговыхъ сношеній, ^{за}ключенствовались производиться въ портъ *Нагасаки*. ^и того ради данъ *Лаксману* письменный видъ, для ^{вѣ}ска одного Россійскаго корабля въ упомянутый портъ.

По 1785 годъ производились отправления на острова, отъ Камчатки до Сѣверозападной Америки простирающіеся, разными лицами изъ купечества, кои между собою не состояли въ связи, и не дѣлали

никакихъ общихъ распоряженій въ пользу шамошнихъ промысловъ; отъ сего приходили оныя промыслы въ упадокъ. Для избѣжанія совершеннаго ихъ истребленія, старался Россійскій купецъ *Григорій Шелеховъ* образовать торговое общество, которое при производствѣ промысловъ, дѣлало бы нужныя распоряженія, для сохраненія общихъ выгодъ торговли. Наконецъ склонилъ онъ братьевъ *Голиковыхъ* къ вступленію съ нимъ въ общество. По соединенію своихъ капиталовъ снарядили они вмѣстѣ нѣсколько судовъ, съ которыми отправился *Шелеховъ* на островъ *Кадьякъ*, и завелъ тамъ Россійское селеніе, въ гавани *Трехъ святителей*; откуда производилъ промыслы нѣсколько лѣтъ сряду, съ весьма значительною выгодною. Счастливое положеніе дѣлъ *Шелехова* и *Голиковыхъ* было причиною, что нѣкоторые купцы соединились съ симъ обществомъ, которое приняло названіе *Американской Сѣверовосточной, Сѣверной и Курильской Компаніи*, и было основаніемъ нынѣшней Россійской Американской Компаніи. Въ 1788 году отправленъ былъ, отъ повѣреннаго Американской Компаніи на *Кадьякъ*, *Деларова*, Галіотъ *Трехъ святителей*, подъ предводительствомъ двухъ штурмановъ *Измаилова* и *Богарова*, кои изслѣдовали берегъ Американскій отъ *Чугачкой* губы на Востокъ лежащій, и склонили нѣкоторыхъ *Чугачскихъ* и *Колгожскихъ* тоіоновъ къ добровольному покоренію подъ Россійскую Державу. Въ слѣдствіе сего распространены постепенно звѣриные промыслы до *Ситкинскихъ* острововъ. Англинское Правительство снарядило также въ 1790 году

морскую Экспедицію подъ Начальствомъ Капитана *Ванкувера*, во время которой по 1795 годъ, между прочимъ, описана тщательно часть Западнаго берега Американскаго, между губами, *Кенайскою* и *св. Франциска* лежащая.

Въ 1798 году соединилась *Иркутская Коммерческая* Компания съ *Американскою* Компаніею; послѣдняя приняла тогда названіе *Соединенной Американской* Компаніи, и состояла уже изъ двадцати членовъ. Главнымъ предметомъ сей Компаніи было распространеніе торговли на берегахъ Сѣверозападной Америки, на Алеутскихъ, Курильскихъ и другихъ островахъ, а со временемъ и до Японіи и Кантона; при томъ намѣревалась оная дѣлать открытія новыхъ острововъ въ Океанѣ, распространить Христіанскую Вѣру въ Америкѣ и на островахъ, завести тамъ селенія, хлебопашество и скотоводство, и усовершить строеніе судовъ въ *Охотскѣ*. Начальный капиталъ сей Компаніи состоялъ изъ 724000 рубли, раздѣленныхъ на 724 акцій, по одной тысячѣ рубли каждая; и находился на лицо частію въ наличныхъ деньгахъ, частію же въ векселяхъ, разныхъ заведеніяхъ въ Америкѣ и на островахъ, въ судахъ, матеріалахъ и въ товарахъ.

Сія Компания удостоилась **ВЫСОЧАЙШАГО** утвержденія. Императоръ **ПАВЕЛЬ ПЕРВЫЙ** Манифестомъ отъ 27 Генваря 1799 года принялъ оную подъ **Высокомонаршее** Покровительство, и даровалъ ей важныя права на двадцать лѣтъ, изъ коихъ главнѣйшія суть слѣдующія: Компаніи **ВЫСОЧАЙШЕ** повелѣ-

но принять названіе Россійской Американской Компаніи; ей позволено заводитъ разные промыслы на берегахъ Сѣверовосточной Америки (1) до 55° Сѣверныя широты, и на островахъ, простирающихся отъ Камчатки къ Сѣверу до Америки, а къ Югу до Японіи; дѣлать новыя открытія земель, не только выше 55° широты но и далѣе къ Югу, и принять оныя въ Россійское владѣніе, естли оныя не состоятъ уже во владѣніи другихъ Державъ; заводитъ тамъ селенія и укрѣпленія для защиты жителей, и отправляетъ суда корабли съ товарами и съ торгующими; имѣть торгъ со всѣми народами сосѣдственныхъ Державъ, съ ихъ согласія и за Высочайшимъ утвержденіемъ.

Съ того времени приняли дѣла Американской Компаніи ходъ благонадежный. Главная контора перенесена изъ Иркутска въ Санктпешербургъ; другія же конторы состоятъ въ *Иркутскѣ*, *Охотскѣ*, на *Уналашкѣ*, *Кадьякѣ* и на 18 Курильскомъ острову *Уруль*. Звѣриные промыслы разпространены значительнѣе заведеніемъ въ 1800 году перваго селенія въ *Ситкинскомъ* заливѣ; заведено также Россійское селеніе *Кирило - Россѣ*, на *Уруль*. Въ 1801 году къ 1 Января простирался собственный капиталъ Компаніи уже до 2, 747,004 рубли, слѣдственно въ три года увеличился въ $3\frac{1}{2}$ разъ, и каждая Акція, вмѣсто начальныхъ 1.000 рубли, имѣла уже цѣнности 3.727 рубли. По соизволенію Прави-

(1) Сѣверозападная Америка называется обыкновенно Сѣверо-восточною потому, что отъ Камчатки лежитъ къ Востоку.

тельства уменьшена погда цѣна Акціи до 500 рубли, и опредѣлено число оныхъ до 7350. Государь Императоръ **АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ**, по возшествіи на престолъ принялъ Американскую Компанію подъ Высочайшее Свое Покровительство, и соизволилъ взять 20 Акцій въ пользу бѣдныхъ.

Снабженіе заведенныхъ въ Америкѣ селеній жизненными припасами и другими нужными вещами, подвержено было великимъ затрудненіямъ, по причинѣ отдаленности оныхъ селеній, и неспособности дорогъ отъ Якутска до Охотска. Наконецъ Директоры Американской Компаніи рѣшились посылать корабли съ нужными припасами въ Американскія селенія, изъ Балтійскаго моря около мыса Горна или Доброй Надежды. Сіе новое предпріятіе удостоено Монаршаго одобренія, и по повелѣнію ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА отправлены подъ Начальствомъ извѣстнаго мореплавателя Капитана *И. Ф. Крузенштерна*, въ первый разъ кругомъ Свѣта два корабля, *Надежда* и *Нева*, первой въ Камчатку, а другой въ Америку. На *Надеждѣ* находился также дѣйствительный Штапскій Совѣтникъ *Резановъ*, которой назначенъ былъ отъ Правительства Посланикомъ въ Японію, для успановленія торговыхъ сношеній съ симъ богатымъ сосѣдственнымъ Государствомъ. Изъ путешествій Капитановъ *Крузенштерна*, *Лисянскаго* и Академика *Лангсдорфа* извѣстны чашателямъ плоды сей важной Экспедиціи, касательно наукъ и доставленныхъ Американскимъ селеніямъ выгодъ. Съ того времени уже Американская Компанія

продолжаетъ посылать корабли изъ Балтійскаго моря въ свои Американскія селенія, съ великою пользою. Въ 1805 году построена на островѣ *Барановъ*, крѣпость *Новоархангельская*, на мѣсто раззореннаго тамъ *Коложами* въ 1802 году прежняго селенія, и перенесена туда съ острова *Кадьяка* кантора главнаго управителя надъ селеніями Американской Компаніи, Коллежскаго Совѣтника *Баранова*. Чтобы отвратить также и недостатокъ въ собственныхъ припасахъ, заведено въ 1806 году въ портѣ *Бодего*, что въ *Новомъ Албіонѣ*, Россійское селеніе *Россъ*, въ которомъ можно надѣяться хорошихъ успѣховъ по части хлѣбопашества и скотоводства. Такимъ образомъ селенія Россійской Американской Компаніи приведены въ лучшее прежняго состояніе, и торговля приняла ходъ удобнѣйшій. В.

КОНЕЦЪ ТОМА ВТОРАГО.